

СОБРАНІЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

НА УЩЕРБЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

НА УЩЕРБЪ.

(РОМАНЪ.)

Часть первая.

I.

— Туда ли ты ѣдешь?

— Туды, господинъ, мы здѣшніе... Будьте покойны. Намъ ошибаться не слѣдъ.

Ямщикъ обернулся къ Ермилову. Сквозь сизыя, разрывчатые облака октябрьскаго неба просачивался двойственный свѣтъ. Баринъ—полный и рослый, въ клѣтчатомъ заграничномъ эльстерѣ, съ капюшономъ—переваливался съ-боку-на-бокъ въ тарантасикѣ на длинныхъ дорогахъ. Ноги его прикрыты одѣяломъ, на головѣ круглая сѣрая шляпа. Его везли парой, съ колокольчикомъ. Ямщикъ, въ мужицкомъ озямѣ, сидѣлъ бокомъ на козлахъ. Обернувшись къ барину, онъ повелъ кнутовищемъ по воздуху и прибавилъ:

— Вотъ лощинку минуемъ—заворотъ направо. Къ Евментью Филиппычу проселкомъ двѣ версты аккуратъ.

— Ты его и по батюшкѣ знаешь?

— Какъ не знать, сударь. Баринъ—рубашка!.. И овсеца когда купишь у нихъ... въ кредитецъ.

— Въ кредитецъ?—переспросилъ Ермиловъ и усмѣхнулся.

На его немного скуластомъ лицѣ лежалъ ровный цвѣтъ холевой, но уже не молодой кожи. Бородка съ просѣдью,

но модѣ остриженная, придавала ему моложавость. Большіе близорукіе глаза смотрѣли въ черепаховое *pinse-nez*.

Ермиловъ усмѣхнулся и попристальнѣе оглядѣлъ ямщика, потомъ дорогу, направо и налѣво отъ бѣлесоватаго шоссе, разрыхленного дождемъ.

Ямщикъ сидѣлъ все еще бокомъ. Изъ-подъ шапки висѣла рыжеватая прядь, прямо надъ самымъ носомъ. Онъ косилъ, и правый его глазъ былъ, кажется, съ бѣльмомъ. Ротъ растягивала ухмыляющаяся усмѣшка подмосковнаго плутоватаго мужика.

Дорога шла безъ жилья кругомъ, съ жидкимъ лѣскомъ съ одной стороны, скучная и бѣдная картина безъ рельефа, безъ малѣйшей неожиданности при легкихъ спускахъ и подъемахъ.

Въ головѣ Ермилова, раздраженной отъ тряски въ тарантасѣ, мелькали недавніе образы. Ласковое, праздничное солнце, бирюзовыя волны, толпа молодыхъ женщинъ въ купальныхъ костюмахъ. Прибой гудитъ и вспѣниваетъ валы. Тѣлу такъ отрадно въ тепловатой водѣ,жигающей васъ брызгами. Надъ вами синее, точно расплавленная лапись-лазурь, небо южной Франціи, на побережьѣ Атлантическаго океана. Ноги и руки, головы и мельканье бюстовъ, кругомъ, около него, среди пѣны и всплесковъ, голоса мужчинъ и женщинъ, картавые французскіе и шепелявые испанскіе, эта изящная смѣлость молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ—какъ все это замолѣживало его. Онъ любилъ тургеневское слово: „замолѣживать“—и повторилъ его мысленно. Сколько женщинъ! И почти съ каждой можно заговорить, взять ее за руку, предложить свои услуги, положить ее на руки, чтобы она „дѣлала доску“.

Да, онъ былъ—всего двѣ недѣли назадъ—въ своей стихіи.

— „*Odor di femmina!*“

Эти слова произносилъ особенно вкусно одинъ его пріятель, бокомъ поглядывая на него, бывало, когда они ходили по бульварамъ Парижа, и онъ, сжимая руку пріятеля своими бѣлыми гибкими въ суставахъ пальцами, подбадривалъ себя возгласомъ:

— Какая фамма!.. *Nom d'un petit bonhomme!*..

На подъемѣ тарантаса сырой вѣтерокъ забрался ему подъ заграничный эльстеръ.

Тутъ только попенялъ онъ на себя за то, что слишкомъ легко одѣлся. Такъ одѣться было бы впору тамъ, въ Біар-

рицѣ, на закатѣ солнца, а не здѣсь, подѣ Москвой, въ началѣ октября, въ тарантасѣ, безѣ верха, по шоссе и по проселочной дорогѣ.

— Лѣсомъ—проселокъ?—поторопился онѣ спросить у ямщика.

— Нештò!

„Нештò!“—повторилѣ мысленно Ермиловѣ и выбранилѣ себя. Какая глупость и чтò за ухарство! Ему пошелѣ сорокѣ пятый „годокъ“, а онѣ позволяетѣ себѣ такія „prouesses“, точно онѣ гимнастъ или наѣздникѣ въ циркѣ.

Развѣ онѣ не знакомѣ съ ревматизмами и невралгіями? Вотѣ еще одна подобная неосторожность—и ляжешь въ номерѣ гостиницы, съ болями въ ногѣ или лопаткѣ, и будешь валяться недѣли двѣ.

Пріятно!

Но у него съ собой нѣтъ теплаго платья, кромѣ этого эльстера, купленнаго въ Лондонѣ, въ прошломѣ году. Его шуба въ Петербургѣ, на храненіи у мѣховщика въ Караванной. Онѣ надѣялся почему-то на хорошую погоду. Ему вспомнились, когда онѣ разѣ ѣхалѣ изъ-за границы, превосходные осенніе дни въ октябрѣ.

Одинѣ такой день изъ того времени какѣ теперь стоитѣ передѣ нимѣ. Нескучный садѣ. Золотистая листва, кое-гдѣ сохранившаяся на липахѣ, длинная-длинная аллея—и они одни. Онѣ—студентѣ въ сюртукѣ съ голубымѣ воротникомѣ, даже безѣ пальто. Она—кордебалетная дѣвочка. И какіе поцѣлуи! Чтò за свѣжій пылъ среди осенняго ээира, полного запаха спѣлыхѣ яблоковѣ, откуда-то донесшагося до нихѣ!

Тогда и безѣ пальто было хорошо. Небо—безѣ облачка. Крестѣ храма Спаса вдали бросалѣ свои искры.

Какѣ жилось! И въ карманѣ было всего два рубля—последніе—отдать лихачу-извозчику, взятому у Страстного монастыря...

— Пошелѣ, братецѣ, скорѣе!—вдругѣ крикнулѣ Ермиловѣ.

Онѣ не на шутку испугался. Правда, у него подѣ рубашкой вязаная фуфайка—онѣ носитѣ фуфайки больше пятнадцати лѣтъ. Но фуфайка шелковая, она не грѣетѣ. Съ собой онѣ не захватилѣ фляжечки съ коньякомѣ; она осталась тоже въ номерѣ Лоскутной гостиницы. Надежда на одинѣ пледѣ, довольно теплый. Онѣ захватилѣ только сакѣ, лежавшій подѣ сидѣньемѣ ямщика,—съ туалетными

вещами и парой маншетъ, — переночевать, а завтра утромъ назадъ въ Москву.

„Авось, пронесетъ!“ — веселѣе воскликнулъ онъ про себя. Безпечность его натуры взяла верхъ — все то же жизненное свойство, которое онъ зналъ за собою съ дѣтства.

Развѣ человѣкъ мѣняется? Какой вздоръ!.. Вотъ онъ, Ермиловъ, не измѣнился даже въ мелочахъ привычекъ, тѣловъ, построеній языка, не говоря уже о преобладающихъ инстинктахъ. И другіе также...

Милѣйшій Кустаревъ, — къ кому онъ ѣхалъ на ночлегъ, — вылился въ то, что сидѣло въ немъ еще въ гимназіи, когда они ходили на Лубянку и передавали другъ другу учебники географіи и алгебры. По ученью они шли параллельно. Ихъ раздѣляли два класса. Кустареву теперь сорокъ два, ему — сорокъ четыре и девять мѣсяцевъ съ днями.

И тогда Кустаревъ былъ такой же — приземистый, съ удивленными добрыми глазами, вообще молчаливый; съ пріятелями теплый и словоохотливый; „нутрякъ“, какъ кто-то прозвалъ его, склонный къ мечтамъ о всемірномъ торжествѣ добра, любящій излить душу про „гадость“ порядковъ и дѣлъ, способный на порывъ, на выходку, за которую по головѣ не погладятъ. Тогда это было изъ-за товарищей, противъ учителей и начальства, позднѣе — изъ-за гражданскихъ идеаловъ въ аудиторіяхъ и на сходкахъ, еще позднѣе — на ученой службѣ вплоть до добровольнаго выхода въ отставку, послѣ одной исторіи, гдѣ онъ въ лицо всѣмъ сослуживцамъ сказалъ:

— Съ такими гадостями я, господа, мириться не могу!

Вышелъ изъ совѣта и подалъ прошеніе объ отставкѣ. И до сихъ поръ въ его душѣ сочится ранка не оттого, что онъ не у дѣлъ, отставной профессоръ, живущій на хуторкѣ, пописывающій въ газетахъ, а оттого, что люди, товарищи, единомышленники, выказали такую измѣну тому, что у нихъ было на губахъ еще утромъ, передъ засѣданіемъ.

Нѣтъ, никто не мѣняется, только старѣетъ и теряетъ аппетитъ, силу, умъ, талантъ, радость жизни, записываетъ себя — добровольно или нѣхотя — въ старики.

Онъ не можетъ и этого сказать про себя... Когда онъ съ-глазу-на-глазъ съ собой проникаетъ беспощаднымъ зондомъ въ свое „самочувствіе“, — ему не вѣрится, что онъ скоро перешагнетъ во вторую половину пятого десятка.

„Подъ пятьдесятъ!“ Да вѣдь это почти старость, особенно въ Россіи, гдѣ мужчина такъ скоро выходитъ въ отставку изъ жизни, опускается во всемъ: въ туалетѣ, въ тонѣ, въ манерахъ, въ желаніи нравиться женщинамъ.

А онъ еще чувствуетъ себя молодымъ. Въ чемъ же и молодость, какъ не въ обладаніи женщиной?

Ермиловъ щелкнулъ языкомъ и протеръ стекла *pinse-nez* цвѣтнымъ моднымъ фуляромъ.

Какой же онъ старикъ? А въ Біаррицѣ... та французка изъ города Байонны, съ золотыми глазами и сизо-черными прядями волосъ?..

Въ Парижѣ своимъ чередомъ, въ кружкѣ „*des Moissonneurs*“, въ томъ особомъ кабинетѣ ресторана, гдѣ собираются его пріятели-парижане, основавшіе этотъ „клубъ“... Тамъ его познакомили съ одной натурщицей-гречанкой.

Какой бюстъ! Что за божественная пластика! И еще не избалована въ плохихъ дѣлахъ.

Даже по дорогѣ въ Россію, на вѣнской „*Ringstrasse*“, въ *Café Frohner*, мороженое, предложенное имъ одной венгеркѣ, повело къ свиданію... въ *Stadtpark*’ѣ... Онъ вздохнулъ... Давно ли все это было?

А теперь эта тошная дорога, проселокъ, а потомъ Москва все съ тѣми же „хорошими людьми“, прѣсными разговорами „по душѣ“, съ грязными улицами безъ изящныхъ женщинъ, или съ женщинами въ глубокихъ калошахъ, въ толстыхъ безформенныхъ пальто, въ невозможныхъ башлыкахъ!..

— Боже мой!—вздохнулъ еще громче Ермиловъ.

Они вѣхали въ еловый лѣсъ, охватившій его теменью и запахомъ хвои. Дорога шла узкая, съ выбоинами и колеями.

— Долго еще этотъ лѣсъ?—спросилъ, наконецъ, Ермиловъ, и его толкнуло въ бокъ на колдобинѣ.—Тише, братецъ!

— Долго ли лѣсомъ?—переспросилъ ямщикъ.—Да аккуратъ до самаго хутора, баринъ.

— Удовольствіе!.. Тихо ли здѣсь насчетъ проѣзжающихъ?

— Чево?.. Тихо ли?.. Пошаливаютъ когда.

— Грабятъ, хочешь ты сказать, мой другъ?

— Нештò!

Это „нештò“ было сказано съ прелестнымъ хладнокровіемъ.

„Что за страна!“ — хотѣлъ возмутиться Ермиловъ, но у него это не вышло. Онъ кончилъ мысленно:

„Оригинальны мы — это точно. И никакое подражаніе Европѣ не выбьетъ изъ насъ нашего квіэтизма“.

— Однако, какъ же это, милый мой? — спросилъ онъ ямщика, нагнувшись къ нему всѣмъ своимъ жирноватымъ туловищемъ. — Этакъ насъ съ тобой и прирѣжутъ, какъ цыплятъ.

Онъ хотѣлъ сострить какъ слѣдуетъ, но колдобины и колеи рѣшительно не позволяли. Да и вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ опять въ Москвѣ, его привычка къ остро-тамъ и „mots“ что-то хирѣетъ.

— Богъ милостивъ! — откликнулся ямщикъ.

„Со мной ли револьверъ?“ — торопливо спросилъ себя Ермиловъ и ощупалъ всѣ карманы.

Револьвера не было.

Забывчивость онъ очень не любилъ. Это одинъ изъ признаковъ старчества... Самъ по себѣ онъ не разсѣянъ. Вышло это оттого, что онъ заторопился къ поѣзду и не захватилъ револьвера, который клалъ всегда въ ночной столикъ, гдѣ бы онъ ни ночевалъ, или въ карманъ, дорогой, въ общемъ ли русскомъ вагонѣ, въ sleeping car, или въ купѣ французскихъ и нѣмецкихъ дорогъ.

— Глупо, глупо! — почти вслухъ выбранилъ онъ себя и тутъ же досталъ изъ бокового кармана записную книжечку и, еле-еле разбирая написанное, черкнулъ карандашомъ:

„Не забыть револьвера“.

— Авось пронесетъ! — сказалъ онъ ямщику.

— Нештò!

Это трехкратное „нештò“ разувѣрило его и настроило игриво.

Онъ не безъ удовольствія началъ думать о Кустаревѣ, о его женѣ, о томъ, какъ онъ засядетъ у нихъ за чайный столъ и отвѣдаетъ „своихъ“ сливокъ, и поразить ихъ мотивомъ своего визита.

Вотъ ужъ не ожидаютъ!.. И обрадуются. Онъ въ этомъ не сомнѣвался.

Они должны тосковать, особенно же этотъ „комочекъ нервовъ“, Маргарита Сергѣевна — „Гаря“, какъ называетъ ее милѣйшій Евменій Филипповичъ.

„Должны быть рады“, — думалъ онъ, и сейчасъ же вспо-

мнилъ заглавіе французской пьесы, когда-то видѣнной имъ въ Михайловскомъ театрѣ: „La maison sans enfants“.

— „La maison sans enfants“, — протяжно и вслухъ выговаривалъ онъ.

А вдругъ ихъ дома нѣтъ?..

Онъ имъ депеши не посылалъ... Хуторъ не на линіи телеграфа... Съ депешей вышла бы возня, да и некогда было сегодня... Писалъ онъ Кустареву, съ дороги, изъ Варшавы, и дѣлалъ тамъ полутаинственный намекъ на свою „миссію“. Говорилъ, кажется, что будетъ между 5 и 10 октября на хуторѣ.

Чего же больше?

Въ такихъ дѣлахъ онъ былъ небреженъ... Часто способенъ былъ опоздать, не предупредить... Зато до педантизма аккуратенъ въ денежныхъ счетахъ. „Это — великая добродѣтель для русскаго“, — говаривалъ онъ пріятелямъ.

„Миссія“ совсѣмъ не тяготила его и не вызывала никакихъ укоровъ совѣсти, никакихъ упрековъ себѣ, счетовъ съ прошлымъ.

— Баринъ, а баринъ!

— Что? — немножко тревожно отозвался Ермиловъ.

— Выселки, значить... Кустаревка... Эхъ, вы, распрескаковыя!.. — ухнулъ ямщикъ, и Ермиловъ чуть не выскочилъ изъ тарантаса.

II.

Лохматый песъ могуче лаялъ, подпрыгивалъ на цѣпи и рвался къ лошадямъ.

На лай собаки выбѣжалъ изъ сарайчика — Ермиловъ уже плохо различалъ строенія на дворѣ — малый въ полушубкѣ, простоволосый, и сталъ высаживать гостя.

— Дома господа? — спросилъ Ермиловъ и, спросивъ, увидѣлъ свѣтъ въ двухъ окнахъ одноэтажнаго флигелька, съ крылечкомъ, въ русскомъ вкусѣ.

— Дома-съ, пожалуйста!

— Вотъ мѣшокъ возьмите, а вылѣзть я попробую самъ.

Ермиловъ всякой прислугѣ, даже половымъ въ московскихъ трактирахъ, говорилъ „вы“; исключеніе дѣлалъ для крестьянъ, ямщиковъ и городскихъ извозчиковъ.

— Батюшка! Егоръ Петровичъ!

Въ передней обнималъ его Кустаревъ. Они три раза поцѣловались.

Тутъ же стоялъ малый съ сакомъ Ермилова. Рослая горничная держала въ рукахъ свѣчку.

— Ждемъ, ждемъ!.. Снимайте свой заморскій капотикъ! Налегкѣ вы, голубчикъ... Думали мы съ Гарей, что вы утречкомъ пожалуете.

Кустаревъ помогъ ему стащить съ себя клѣтчатый эльстеръ и ввелъ въ небольшую зальцу, стоявшую еще въ деревѣ, безъ штукатурки, какъ и весь домикъ.

Ласково оглядывали большіе глаза Ермилова неизмѣннаго „благопріятеля“—такъ Кустаревъ самъ звалъ себя.

Постарѣлъ онъ физически за два послѣднихъ года: сталъ какъ-то ниже ростомъ, въ лицѣ худощавѣе, борода отросла и сильно засеребрилась; курчавые, длинные волосы также. Но все тотъ же бодрый и энергическій ротъ безъ двухъ верхнихъ зубовъ и взглядъ задумчивыхъ карихъ глазъ съ немного нависшими бровями, и бѣлый, уже морщинистый, болѣе продолговатый, чѣмъ широкій, лобъ.

Не удивился Егоръ Петровичъ и тому, что на Кустаревѣ была бѣлая рубаха съ косымъ воротомъ, расшитымъ цвѣтной бумагой, и въ накидку, не то поддѣвка, не то куртка, и большіе сапоги, отдававшіе ворвань. Онъ зналъ его народные вкусы и симпатіи.

Голосъ Кустарева сталъ поглуше. Онъ и прежде говорилъ съ легкой хрипотой, которую всѣ его пріятели очень любили; отъ нея голосъ его дѣлался задушевнѣе.

— Гаря! Вотъ и онъ, парижанинъ!.. Въ нашей берлогѣ... Иди сюда, Гаречка!

Выбѣжала жена Кустарева — „комочекъ нервовъ“, по выраженію Ермилова, маленькая, худая, моложавая и бѣлокурая женщина, съ плоской грудью, въ шерстяной полосатой кофточкѣ. Она и Ермиловъ оглянули себя быстро, пока жали другъ другу руку.

И она измѣнилась на его взглядъ: носикъ заострился, глаза воспаленные, вся ссохлась, и нѣтъ прежней живости въ движеніяхъ... Точно будто она была серьезно больна.

Ермилова она нашла мало измѣнившимся: только немного пополнѣлъ, да еще меньше волосъ стало на круглой, подстриженной головѣ яркаго блондина, съ бородкой цвѣтомъ потемнѣе. Она хорошо знакома была съ его головой и лицомъ чистокровнаго сангвиника: все тѣ же сѣрые, близорукіе и большіе глаза съ привѣтливымъ и

выжидающимъ выраженіемъ любителя женщинъ, и нервныя, глубоко вырѣзанныя ноздри породистаго хрящеваго носа, и ротъ вишней, не утратившій своей сочности, и бѣлая, круглая шея, виднѣвшаяся изъ-подъ подстриженной, по-модному, бородки.

Она все это знала и про себя чувствовала къ пріятелю мужа родъ снисходительной брезгливости, какъ женщина чистая въ самыхъ помыслахъ своихъ, не умѣющая понять, какъ могутъ мужчины быть такими „гадкими“.

— Маргарита Сергѣевна, ручку позвольте!

Ермиловъ низко нагнулся и продолжительно поцѣловалъ ея нервную, худенькую и красненькую руку. Лысина круглымъ пятномъ обозначилась на его маковкѣ. Отъ всего полнаго туловища, стянутаго узко-скроеннымъ дорожнымъ костюмомъ, пахло какими-то сильными духами, ей неизвѣстными.

Она находила всегда, что Ермиловъ держится съ нею, съ другими женщинами ихъ круга и съ мало-знакомыми мужчинами съ преувеличенной вѣжливостью въ тонѣ и манерѣ говорить, считала это барствомъ, желаньемъ показать, что его воспитывали гувернеры, и мать его была „по себѣ“ графиня. Мужъ ей не разъ говорилъ, что это у Ермилова „просто привычка“. И ее воспитывали гувернантки, и она говорила прежде только по-французски. Но у нея же нѣтъ этого тона...

Каждый разъ всѣ эти мысли и ощущенія проходили по душѣ маленькой женщины при новой встрѣчѣ съ пріателемъ ея мужа.

Но она ему все-таки искренно обрадовалась. Ермиловъ у нихъ всегда милъ, простъ, такъ же преданъ ея „Менѣ“ — она такъ звала мужа, — остеръ, неистощимъ въ разсказахъ, привозить съ собою совсѣмъ другой запахъ — взвинченной жизненности.

Онъ непременно оживить ея мужа... А у Маргариты Сергѣевны затаенная тревога въ сердцѣ: ея Меня „не у дѣлъ“, не нынче-завтра долженъ захандрить, какъ онъ себя ни подбадриваетъ. Такіе пріатели, какъ Егоръ Петровичъ — чистый кладъ: развлечетъ, наскажетъ цѣлую массу всякихъ веселыхъ интересныхъ вещей „изъ Европы“ — и про новыя книжки, и про политику, и про театръ, и про женщинъ, хотя Евменій Филипповичъ не большой охотникъ до такихъ сюжетовъ, да и она также.

— Чѣмъ васъ поить-кормить? — спросила она его своимъ

вздрагивающимъ, низковатымъ голоскомъ, съ легкой картавостью.

Этотъ голосъ у ней отдавался и въ горлѣ, и въ груди.
— Сейчасъ и кормить!.. О, Москва!.. О, моя свѣжесть! О, моя родина! О, Сивцевъ-Вражекъ!..

Всѣ расхохотались разомъ и перешли въ столовенькую, такую же миниатюрную, какъ и зальце.

— Чай!.. Чего же лучше! — вскрикнулъ Ермиловъ и пригласилъ хозяйку, комическимъ жестомъ, къ самовару. — Извольте священнодѣйствовать.

— А закусить? — спросилъ Кустаревъ. — Чѣмъ Богъ пошлетъ...

— Не откажусь!..

Маленькая женщина что-то шепнула горничной, сама сбѣгала въ другую комнату, вернулась съ большой банкой варенья — Ермиловъ — сластѣна! — стала безъ шума, ловко и быстро уставлять закуску и, не мѣшая разговору мужчинъ, успѣла получить отвѣты отъ гостя на всѣ свои гостепріимные вопросы.

Самоваръ шипитъ, запахъ чая пріятно щекочетъ нервы; сквозь паръ, на столъ, при свѣтѣ лампы, блестятъ тарелки, рюмки, ножи.

Все это чистенько и хозяйственно. Маленькая женщина умѣла угостить, и ее нельзя было застать врасплохъ; всегда у нея найдутся запасы и закуски изъ хорошихъ гастрономическихъ магазиновъ.

— Маргарита Сергѣевна! — окликнулъ Ермиловъ, — что это за рыбица? Прелестъ!

Онъ только что пропустилъ въ ротъ большой кусокъ рыбы въ маслѣ, доставъ ее изъ продолговатой красной жестянки.

— Это у меня Гаря мастерица, отыщеть на днѣ морскомъ, — отвѣтилъ за жену Кустаревъ и самъ полѣзъ вилкой въ жестянку.

— Макрель, — назвала отчетливо, какъ все, что она говорила, Маргарита Сергѣевна. — Изъ Балаклавы... крымская... русское произведеніе.

— Макрель!.. Вотъ это чудесно! Французская. — Ермиловъ повелъ носомъ. — Двусмысленность и такъ прекрасно обрусѣла. Гдѣ это продается, скажите?

— Она только и знаетъ, — продолжалъ возбужденно Кустаревъ. — Подъ самымъ историческимъ музеемъ, батюшка! Въ пеклѣ обрусѣнія!

Онъ разсмѣялся. Ему стало весело и молодо отъ близости этого „парижанина“, съ такимъ аппетитомъ жевавшаго закуску.

— А мнѣ не везетъ, — принялся рассказывать Ермиловъ, когда дожевалъ. — Прихожу къ „татарамъ“ позавтракать... Спрашиваю устриць. Засуетились, заставили ждать... И не оказалось. Зато, смотрю, по стѣнѣ ползетъ тараканъ.

Онъ вытянулъ лицо, поднялъ глаза кверху и договорилъ въ заключеніе:

— Устриць—нѣтъ! Тараканъ—есть!

Всѣ расхохотались разомъ: и онъ, довольный своей шуткой, которую помѣстилъ въ первый разъ, тутъ же „создалъ“; и они, поддаваясь обаянію этого живого сангвиника и умнаго, тонко понимающаго человѣка, который сразу стряхнулъ съ нихъ душевную пыль, на этомъ хуторѣ, въ домѣ „безъ дѣтей“, гдѣ ихъ подтачивало возрастающее чувство того, что дѣло жизни идетъ какъ будто подъ гору.

Ермиловъ, когда попадалъ къ своимъ московскимъ товарищамъ и вообще къ людямъ тамошнихъ кружковъ, испытывалъ совершенно особенное довольство. Онъ долженъ былъ сознаться, что ему, въ сущности, нигдѣ не бывало такъ ловко и хорошо, какъ съ ними—ни въ его миломъ Парижѣ, ни въ петербургскомъ свѣтѣ, ни на модныхъ водахъ и купаньяхъ. Тутъ только его цѣнили какъ надо, вполне смаковали его образованіе, начитанность, остроту ума, темпераментъ, гуманность, лежавшую въ основѣ его натуры.

Но онъ не могъ подолгу любить Москву какъ городъ. Къ ней онъ охладѣлъ давно, и хотя не особенно восхищался Петербургомъ, все же считалъ его единственнымъ русскимъ городомъ, гдѣ „можно жить“. Его пріѣзды въ Москву дѣлались все рѣже и рѣже.

Зато ощущеніе сердечности и умственного лада съ московскими пріятелями каждый разъ всплывало съ той же окраской. Ему все такъ же хорошо съ Кустаревымъ, какъ было и два года назадъ, и даже лучше; присутствіе его жены не даетъ уже ноты пытливо-чопорнаго разглядыванья, обращеннаго на его личность, сквозь ласковую заботу о немъ, какъ о гостѣ.

— Ха-ха-ха!—снова засмѣялся Кустаревъ и повторилъ, рѣдко разставляя слова: — устриць — нѣтъ, тараканъ —

есть... Знаете, дружище, вѣдь вы глубокую метафору изволили построить, быть-можетъ, и не подозрѣвая того...

Они были на „вы“, хотя и учились вмѣстѣ въ гимназїи и потомъ въ университетѣ. Такъ пошло еще съ тѣхъ поръ, какъ ихъ раздѣляли два класса.

Ермиловъ покосился на Кустарева и спросилъ съ интонаціей, извѣстной его прїятелю:

— Въ какихъ смыслахъ?

— Да въ такихъ, батенька, что времена настали подлѣйшія. Таракана этого развелось видимо-невидимо, а устриць нѣтъ.

Ермиловъ понялъ намекъ. Маленькая женщина кинула боковой взглядъ на мужа. Она слышала такіе звуки въ его голосѣ, которые ее все больше тревожили. Начнутся разговоры о „тяжелыхъ временахъ“... Ея Меня—неисправимый мечтатель, все еще внутренно надѣется на какой-то „подъемъ духа“. Она давно рѣшила, что „кружокъ“ распадался, что всѣ постарѣли и дотягиваютъ до пенсіи. Но она не любила, чтобы онъ самъ начиналъ говорить объ этомъ.

— Не въ авантажѣ обрѣтаемся?—спросилъ Ермиловъ, намазывая себѣ тартинку.

— Не въ авантажѣ,—повторилъ Кустаревъ и пододвинулъ гостю тарелку съ сыромъ. — Отвѣдайте, Егоръ Петровичъ, какъ на вашъ вкусъ? Это своего изготовленія... на манеръ невшательскаго.

Ермиловъ отрѣзалъ кусокъ, положилъ его на густой слой масла и сталъ медленно разжѣвывать, прищуривая глаза.

Сыръ былъ, дѣйствительно, „на манеръ“, и похвалить его Ермиловъ затруднился. Онъ сдержалъ гримасу: огорчить прїятеля ему не хотѣлось, да и воспитанность не позволяла.

— Сыръ—товѣ...—сказалъ онъ тономъ, какимъ обыкновенно дѣлалъ цитаты.

— Откуда это?—спросилъ Кустаревъ.

— Забыли?... Изъ „Игроковъ“ Гоголя.

— Да, да!.. Точно... Сыръ—товѣ.

Разговоръ повернулъ опять въ ту же сторону. Слишкомъ долго накапливалось въ Кустаревѣ чувство невеселыхъ итоговъ за послѣдніе два-три года. Онъ рѣдко высказывался дома и съ прїятелями, какихъ видѣлъ въ городѣ: что жъ перебирать вслухъ то, что каждый изъ нихъ

знаеть прекрасно про себя? Да и приходилось говорить слишкомъ горькія истины, жаловаться не на одно то, что „потянуло“ другимъ духомъ, а также и на вялость, если не на малодушіе близкихъ друзей, на отсутствіе стойкости и солидарности.

Ермиловъ явился свѣжимъ человѣкомъ. Съ нимъ можно многое перебрать заново.

Не горячась, безъ фразъ и восклицаній, своимъ нутрянымъ хриповатымъ голосомъ, съ паузами питья чая и закусыванья, Кустаревъ говорилъ больше о томъ, куда „все“ идетъ, чѣмъ о собственной жизни.

— Вотъ Гаря огорчается частенько тѣмъ, что я, видите ли, не у дѣлъ... Честолюбивы женщины, Богъ съ ними... А меня мой немудрый хуторокъ только и поддерживаетъ, душевно... Съ хлѣба на квасъ перебиваемся. Это ничего... Строчи я, каждый день, передовицы въ газету, было бы не въ примѣръ доходнѣе, да мнѣ и разъ-то въ недѣлю въ городѣ жутко бываетъ... все тамъ молчу или односложными звуками отдѣлываюсь.

— А вы тоже въ хозяйство ударились?—спросилъ Ермиловъ, и въ его вопросѣ Маргарита Сергѣевна почуяла тайный вопросъ: какъ-то она борется со своимъ материнскимъ горемъ—смертью двоихъ дѣтей, хорошенькихъ мальчиковъ, унесенныхъ дифтеритомъ года два передъ тѣмъ?

— Ну, насчетъ хуторского дѣла мы плохи,—отвѣтилъ за нее мужъ. — Вокругъ дома ничего... У нея все въ исправности... Особенно по части закусокъ и вареній...

Она неопредѣленно усмѣхнулась.

— Мужа занимаетъ хуторъ,—сказала она и начала перемывать чашки.

— Да и здѣсь мы подѣ сумнѣньемъ,—выговорилъ Кустаревъ и улыбнулся глазами изъ-подъ навислыхъ бровей. — Герой — Разуваевъ... Онъ царить и въ уѣздѣ... Я для него вредный человѣкъ, рабочихъ съ пути сбиваю, заработки поднялъ на цѣлую гривну серебромъ. Эхъ, Егоръ Петровичъ, посмотрю я на васъ—благую вы часть избрали: снимаете пѣнки со сливокъ Европы, сегодня тутъ, завтра тамъ, смòтрите на все, какъ древній эллинъ-эпикуреецъ!

— Да какъ же иначе? — вырвалось у Ермилова. — И вамъ всѣмъ, господа, пора бы убѣдиться вотъ въ чемъ: слѣдуетъ въ наши лѣта, людямъ знанія и таланта, глядѣть на то, что у насъ дѣлается, какъ Ливингстонъ или

Стэнли сморѣли на быть африканцевъ: ѣзди, наблюдай, пиши книги, обогащай науку, но души своей не отдавай на съѣденіе.

— Ха-ха!.. Идея хороша... Только не всѣмъ дано вмѣстить ее... Не такую закваску получили мы...

„Ну, не особенно занимательно это будетъ,—подумалъ про себя Ермиловъ. — Пойдетъ теперь долгій разговоръ въ „гражданскомъ“ направленіи, родъ безконечной пѣсни „на рѣкахъ вавилонскихъ“, все съ тѣмъ же отсутствіемъ вывода и новизны“...

Горничная показала въ дверяхъ столовой. Хозяйка взглянула на нее вопросительно.

— Ихъ ямщикъ расчету просить, спрашиваетъ: обратно поѣдутъ, или здѣсь ночевать останутся?

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ гость и шумно поднялся. — Я совсѣмъ забылъ объ этомъ „милостивомъ государѣ“.

— Какъ обратно? Егоръ Петровичъ? Ночевать извольте оставаться!—крикнулъ Кустаревъ.

На ночевку рассчитывалъ и Ермиловъ. Но надо было заплатить ямщику. Онъ засуетился, и всѣ трое перешли въ зальцу.

III.

— Друзья мои! — Ермиловъ сидѣлъ на диванѣ между обоими хозяевами,—теперь я приступлю къ предмету моей миссіи, о которой писалъ Евменію Филипповичу. Это дѣло тонкаго свойства.

— Вы точно Добчинскій у Хлестакова,—перебилъ Кустаревъ.

Жена его усмѣхнулась. Она уже сидѣла съ работой.

— Именно!.. Рѣчь идетъ о ребенкѣ, рожденномъ внѣ брака...

— Но совершенно такъ, какъ бы и въ бракѣ, — добавилъ Кустаревъ и громко разсмѣялся.

Его веселое возбужденіе все еще не проходило.

„Ахъ, этотъ Ермиловъ!—подумала Маргарита Сергѣевна и опустила голову надъ вышиваньемъ.—Не можетъ безъ скабрёзностей“.

— Такъ, какъ бы и въ бракѣ, — повторилъ Ермиловъ.

„Какъ это можно,—думала Кустарева,—въ водевильномъ тонѣ говорить о такихъ вещахъ!“

Она уже начала догадываться. Что-то такое она слы-

хала про связь Ермилова съ одной свѣтской женщиной-вдовой. Но когда и гдѣ—она не могла припомнить. Вѣроятно, и Меня знаетъ это. А можетъ-быть и совсѣмъ забылъ; у мужчинъ на такія дѣла память короткая, для нихъ связь съ порядочной женщиной, ребенокъ—все это пустяки, раздѣляйся за нихъ мать, какъ хочетъ, а они будутъ порхать около другого цвѣтка.

Маргарита Сергѣевна не сдержала брезгливаго движенія своихъ блѣдныхъ и характерно вырѣзанныхъ губъ.

— Слушаемъ васъ, дружище, слушаемъ.

— Я принимаю участіе, — началъ Ермиловъ, сохраняя смѣсь серьезности съ шутливымъ звукомъ голоса, — въ судьбѣ одного ребенка, дѣвочки. Мнѣ поручено теперь перемѣстить ее поближе къ Петербургу. Она временно у одного доктора, моего пріятеля, въ провинціи.

Онъ назвалъ губернскій городъ, верстъ за триста отъ Москвы.

Кустарева отняла голову отъ шитья и даже слегка покраснѣла.

Они обмѣнялись значительнымъ взглядомъ съ мужемъ.

— Вотъ оно что! — выговорилъ Кустаревъ и закурилъ новую папиросу.

Во взглядахъ мужа и жены было сочувственное любопытство и еще что-то. Они знали, что Ермиловъ весь свой вѣкъ увлекался женщинами и, кажется, не разъ попадалъ въ разныя, не совсѣмъ пріятныя, исторіи. Но его отличительной чертой была джентльменская скромность, даже съ мужчинами въ пріятельской бесѣдѣ. Никогда онъ не хвасталъ своими побѣдами, никогда не называлъ никакой женщины по имени. Очень рѣдко, если исторія была уже старая и онъ въ ней игралъ роль неудачника, онъ рассказывалъ ее пріятелямъ, да и то въ общихъ чертахъ и никого не называя.

Маргарита Сергѣевна прощала ему многое изъ-за этого свойства, очень рѣдкаго у мужчинъ, какъ выходило по ея наблюденіямъ.

— И вотъ, друзья мои,—продолжалъ уже искреннѣе и проще Ермиловъ,—я остановился на васъ.

— На насъ?—вмѣстѣ спросили Кустаревы.

Изъ рукъ Маргариты Сергѣевны вышиванье упало на колѣни.

— Да, на васъ. Лучшаго выбора я, согласитесь, сдѣлать не могъ, и мать ребенка будетъ вполне счастлива...

— Позвольте, — перебила Кустарева, быстро встала и заходила по комнатѣ, останавливаясь передъ диваномъ, — мать ребенка... не свободна, значить?

Даже такая деликатная женщина, какъ она, не нашла неловкимъ сдѣлать этотъ вопросъ. Женская натура, въ такихъ дѣлахъ, слишкомъ подчинена особаго рода нервности.

— Она не свободна, — выговорилъ Ермиловъ медленно и посмотрѣлъ на нихъ поверхъ своего черепаховаго *pinse-nez*.

— Замужемъ? — спросила Маргарита Сергѣевна.

— Гаречка!.. Да не все ли это равно? — перебилъ мужъ почти съ упрекомъ въ голосѣ.

— Совсѣмъ не все равно! — съ живостью возразила Кустарева. — Егоръ Петровичъ дѣлаетъ намъ серьезное, очень серьезное предложеніе. Если мы согласны, надо же намъ знать, съ кѣмъ мы будемъ имѣть дѣло, и для ребенка, и для насъ самихъ.

— Конечно!..

Ермиловъ сдѣлалъ успокоительный жестъ своей бѣлой и широкой ладонью.

— Mais... какъ говорится въ одной веселой пьесѣ, *pre-pons la chose spirituellement*...

— Вамъ все игрушки, Егоръ Петровичъ, а это страшная отвѣтственность.

Маленькая женщина приходила все въ бѣольшую нервность: щеки ея уже горѣли, воспаленные глазки заблестали и быстро мѣняли направленіе взгляда.

— Гаря! — остановилъ ее мужъ. — Что же тутъ такого ужаснаго?.. Ну, положимъ, мать не свободна... Она скрываетъ существованіе этого ребенка...

— До поры, до времени, — добавилъ Ермиловъ и откинулся на спинку дивана.

— Стало-быть, надо поддержать у себя ребенка годъ, много два. Который ей годъ?

— Около двухъ лѣтъ...

— Видишь?!.. — замѣтила Кустарева мужу. — Это уже начало сознательной жизни.

— Ахъ, матушка! — Кустаревъ тоже всталъ и заходилъ, — оставимъ мы эту педагогику!.. Мнѣ дѣло представляется гораздо проще: кормить мы ребенка будемъ не плохо, возьмемъ толковую няньку. На хуторѣ дѣвочка у насъ

раздобрѣть. А главная статья та — намъ съ ней будетъ веселѣе... Ты тоскуешь.

— Почему же? — слабо защищалась Маргарита Сергѣевна.

— Что жъ скрывать передъ благопріятелемъ! Понятно, тоскуешь.

— *La maison sans enfants!* — громко произнесъ Ермиловъ.

Онъ очень кстати вставилъ заглавіе, пришедшее ему на память въ тряскомъ тарантасѣ.

— Да, домъ безъ дѣтей, — повторилъ Кустаревъ и смолкъ.

— Прекрасно, прекрасно, — скороговоркой начала Маргарита Сергѣевна, — возьми дѣвочку, привяжешься къ ней, вдругъ явится мать и увезетъ...

— Это можетъ быть, — сказалъ совсѣмъ серьезно Ермиловъ.

— Что жъ изъ этого?.. — сказалъ Кустаревъ. — Съ тѣмъ ее и отдають... Такъ и мы на нее станемъ смотрѣть... А нельзя матери будетъ взять къ себѣ — тѣмъ лучше. Воспитаемъ, даже коли и свои еще пойдутъ, усыновимъ... Ахъ, Гаречка, Гаречка!.. Резонеръ ты у меня неизлѣчимый!..

Онъ взялъ жену за худенькую талію, повернулъ ее, привлекая къ себѣ и поцѣловалъ.

Маленькая женщина внезапно просіяла, подбѣжала къ Ермилову, взяла его за руку и начала трясти.

— Ну, если такъ, — спасибо, другъ, что вы къ намъ обратились... У насъ и дѣтская есть, — она подавила нахлынувшія слезы, — и все... Спасибо!

— Слава Тебѣ, Господи! — крикнулъ Кустаревъ. — Выпить, что ли, на радостяхъ... или кантату пропѣть... Гаря! Садись за піанино!

Въ углу зальцы притаилось незамѣтное, въ полутемнотѣ, низенькое піанино!

Кустарева подошла къ нему легкой походкой, какую она имѣла въ рѣдкіе дни молодой радости и надежды на то, что ихъ жизнь еще будетъ согрѣта дѣтской лаской.

— Позвольте! — остановилъ Ермиловъ пріятеля за бортъ его рубашки. — Вѣдь тутъ есть и финансовая сторона дѣла.

— Что еще?

— Безъ этого... ни мать, ни я... не можемъ...

— Да какіе же счеты!.. Въ нашей-то деревенской жизни, ну что можетъ стоить ребенокъ?

— Совершенно опредѣленную сумму: нянька, платье, бѣлье, лѣкарство, игрушки, непредвидѣнные расходы.

— И еще что? Ха-ха-ха!

Но Кустаревъ зналъ Ермилова по части денежныхъ расчетовъ.

„Онъ не уступитъ. Придется назначить цѣну“.

— Ну, ладно, только нельзя ли завтра утромъ объ этомъ переговорить... А теперь кахетинскаго выпьемъ, на сонъ грядущій, и отпразднуемъ это событіе... по-студенчески!..

Ермиловъ всталъ и крѣпко пожалъ руку хозяина.

— Маргарита Сергѣевна! — крикнулъ онъ. — Я вамъ привезъ изъ Парижа ноты пѣсенки „En revenant de la revue“, буланжистская! Вездѣ поютъ до оскомины...

— Вы нѣшто вѣрите въ этого честолобца? — остановилъ его Кустаревъ на пути къ кабинету, гдѣ лежалъ его мѣшокъ.

— По-моему, онъ тупица и комическій персонажъ!.. Въ родѣ французскаго „момента“.

— И я такъ думаю. А пѣсню давайте.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое были за піанино, гдѣ горѣли два огарка. Кустарева разбирала голосъ и аккомпанементъ съ суховатымъ, но пріятнымъ тушѣ; мужъ ея помурлыкивалъ, перепутывая ноты. Ермиловъ покрывалъ ихъ обоихъ, выговаривая слова съ умышленною картавостью и дѣлая жесты пѣвца Paulus, прославившаго пѣсенку.

— *Gais et contents!*—распѣвалъ Ермиловъ, покачиваясь всѣмъ своимъ широкимъ туловищемъ.—Сильнѣй, Маргарита Сергѣевна, сильнѣй,—другой темпъ, это *refrain!*..

— Дѣйствуй, Гаря, дѣйствуй! Слушайся его! Онъ поетъ по-кафе-шантанному!

— *Gais et contents!*—разливался Ермиловъ и даже не фальшивилъ, хотя музыки не зналъ, чѣмъ и огорчался иногда, называя это „пробѣломъ“ въ своемъ барскомъ воспитаніи.

Послѣ перваго чтенія — второй куплетъ пошелъ какъ по маслу.

— *Gais et contents!*—выговаривалъ и Кустаревъ, и трепалъ пріятеля по широкимъ плечамъ.

И дѣйствительно, оба они—и мужъ, и жена—были „веселы и довольны“; оба мечтали теперь, какъ на ихъ хуторкѣ опять раздастся дѣтскій лепетъ, и дѣвочка—на-

вѣрно хорошенькая, какъ всѣ почти дѣти любви—будетъ бѣгать по этимъ комнатамъ, смѣяться, ломать игрушки, болтать всякій малопонятный вздоръ...

— Выпить надо!—крикнулъ Кустаревъ, и сталъ разливать кахетинское.

Они перешли въ столовую, гдѣ стояла уже новая закуска, и просидѣли до поздняго часа.

Оба почувствовали себя студентами, и маленькая женщина вторила имъ, глазки ея искрились; она то и дѣло подливала имъ и радовалась всему: и молодой бесѣдѣ, и близкой минутѣ появленія у нихъ ребенка... хоть и чужого.

Товарищи перебирали годы, близкіе къ выходу изъ университета. Ермиловъ просидѣлъ, по лѣни, два года на одномъ курсѣ, и Кустаревъ почти нагналъ его. Онъ участвовалъ и въ выходной пирушкѣ того курса, съ которымъ кончилъ Ермиловъ. Парижанинъ и сластолюбецъ исчезъ, за этимъ столомъ, въ гостѣ Кустаревыхъ. Съ дѣтскою возбужденностью перебиралъ онъ разные эпизоды пирушки въ Сокольникахъ, около шестой просѣки, на травѣ. И тогда пили кахетинское, подешевле и покислѣе. Вспомнили они, какъ одинъ изъ новыхъ кандидатовъ, перешедшій изъ Казани, заставлялъ ихъ пѣть мѣстный куплетъ о какомъ-то студентѣ Новокщеновѣ, и всѣ они—ужъ совсѣмъ „готовые“—кричали хоромъ:

Новокщеновъ, Павелъ,
Жженку заварилъ,
Тѣмъ себя прославилъ,
Удовлетворилъ...

...Черезъ часъ на кушеткѣ кабинета Ермиловъ засыпалъ съ пылающими щеками... Сквозь стѣнку до него доходилъ шопотъ разговора Кустаревыхъ, быстрый и согласный.

IV.

— Тараканъ есть! — повторялъ Ермиловъ, черезъ два дня, осматривая близорукими глазами обои номера, отведеннаго ему въ почтовой гостиницѣ губернскаго города.

Онъ переодѣвался съ дороги и, ходя по просторной, неопрятно угрюмой комнатѣ, думалъ о томъ, какъ вся комбинація съ Лилей, съ дѣвочкой, за которой онъ пріѣхалъ сюда, хорошо уладилась.

Имя „Лилия“ не особенно трогало его. Въ немъ не про-

будился еще родительскій инстинктъ. Не то чтобы онъ бездушно смотрѣлъ на судьбу ребенка,—нѣтъ. Ему было даже непріятно, что мать не позволила ему матеріально заботиться о дѣвчкѣ, на чемъ онъ довольно долго и сильно настаивалъ... У матери есть свое состояніе... Она, въ самомъ дѣлѣ, богаче его: онъ живетъ не на ренту, а на заработокъ... Но все-таки ему это было непріятно.

Связь, въ видѣ этого ребенка, затянулась не къ особенной его радости; а между тѣмъ любви уже не было... Больше года прошло, какъ мать Лили снова замужемъ, и вышла она по страсти, что не очень лестно для него,—вышла вдовой слишкомъ тридцати лѣтъ за молодого „адвоката“ съ наружностью и головой артельщика. Она скрываетъ отъ него ребенка, въ надеждѣ сдѣлать признаніе въ удобный моментъ, и тогда—взять дочь къ себѣ и узаконить. Въ первые мѣсяцы дѣвочку держали у акушерки въ Москвѣ; потомъ Ермиловъ предложилъ отвезти ее къ доктору Невзорову, своему пріятелю, на большее приволье провинціи. Но онъ дѣлалъ все это какъ ея довѣренное лицо. Она знала, что онъ не злоупотребитъ ея довѣріемъ, не украдетъ у нея дочери, не скроетъ ее.

Ни на что подобное онъ неспособенъ; да и охоты у него нѣтъ.

Дѣвочка воспитается у хорошихъ людей, а потомъ перейдетъ къ родной матери. Можно было бы сдѣлать это и теперь; да матери мѣшаетъ ея сентиментальность. Она, видите ли, преклоняется передъ своимъ вторымъ супругомъ, „обсахариваетъ его“,—брезгливо досказалъ про себя Ермиловъ,—хочетъ еще порисоваться передъ нимъ, увѣряетъ, поди, что онъ одинъ вызвалъ въ ней „истинное чувство“.

„Всѣ на одну стать!“—подумалъ Егоръ Петровичъ, и отъ напѣванья чего-то перешелъ къ посвистыванью.

Но онъ не могъ язвить женщинъ подолгу. Онъ дѣлалъ это иногда изъ одной потребности обобщать и находить остроумныя опредѣленія. Женщина, какова бы она ни была, только не уродъ,—обезоруживала его. Гораздо лучше было бы совсѣмъ не думать объ этой, уже выдохшейся и фактически не существующей связи. И въ ту зиму, когда они сошлись, съ его стороны не было особеннаго увлеченія. Онъ не охотникъ до такихъ большихъ лирически-слащавыхъ въ любви женщинъ, у которыхъ нѣтъ

настоящаго темперамента, а только подобіе его. А потомъ начинаются допросы, сомнѣнья, да охи, да ахи...

Хорошо еще, что подвернулся „адвокатикъ“, вѣ-время разузнавшій, что у вдовы хорошее состояніе.

Строгаго же вопроса: почему онъ самъ не женился на ней, когда она готовилась быть матерью, Ермиловъ не задавалъ себѣ. Настаивай она—онъ, быть-можетъ, и женился бы. Но тогда вдова дорожила своей свободой и держалась очень даже смѣлыхъ взглядовъ на любовь и супружескій долгъ. Онъ зналъ, что у нея и при первомъ мужѣ были интриги,—разумѣется, зналъ не отъ нея самой,—а къ „адвокатику“ она „воспылала“. Ей тридцать шесть, ему на девять лѣтъ меньше; страсть женщины въ извѣстномъ періодѣ.

Все это не мѣшало Егору Петровичу оставаться съ ней въ милыхъ, товарищескихъ отношеніяхъ. Черезъ него происходили помѣщенія дѣвочки у „хорошихъ людей“; онъ возилъ мать къ дочери сюда, въ городъ; онъ же поможетъ ей теперь видаться со своимъ ребенкомъ чаще, ѣздить въ Москву подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ изъ Петербурга, гдѣ ея мужъ основался...

Коридорный отворилъ дверь и доложилъ Ермилову, что извозчикъ готовъ.

На дворѣ стоялъ октябрьскій, сухой и ясный день, съ легкимъ морозцемъ,—но снѣгу еще не было.

Ермиловъ вышелъ на крыльцо гостиницы съ навѣсомъ. Передъ нимъ тянулся городской садъ, съ запущеннымъ прудомъ; еще желтѣли остатки листьевъ. Въ воздухѣ пахло осенью, овощами, яблоками...

Извозчикъ въ коричневомъ кафтанѣ, съ толстымъ наваченнымъ сидѣньемъ, подѣхалъ на широкихъ пролеткахъ съ красной обивкой. Лошадь, толстозадая и грудастая, выкидывала красиво ноги.

— Доктора Невзорова знаешь домъ?

— Никифора Иваныча?.. Помилуйте.

Извозчикъ повелъ на особый ладъ головой въ картузѣ, слѣва вправо, и перебралъ голубыми новыми вожжами. Пролетка затрещала по булыжникамъ неровной мостовой.

Не впервые ѣхалъ Ермиловъ по этой самой дорогѣ отъ гостиницы, вдоль пруда, по Дворянской улицѣ, мимо гимназіи, все немного въ гору, по улицѣ, гдѣ стояли уѣздное училище и архіерейскій домъ, въ глубинѣ обширнаго

сада, за длиннымъ деревяннымъ заборомъ съ облѣзлой бурой окраской.

Ничего новаго не могъ онъ отмѣтить на этотъ разъ: все застыло на своихъ мѣстахъ: дома съ мезонинами, дома безъ мезониновъ, три-четыре вывѣски, керосиновые фонари съ обрывками афишъ, тротуары изъ кирпичей съ горбылями, лавочка на углу, съ кусками арбуза на лоткѣ и лукошкомъ съ лиловой и желтой рѣпой. Имъ не попалось ни одного экипажа. Посрединѣ улицы, гдѣ архіерейскій домъ, мужикъ-угольщикъ, весь черный, въ шапкѣ грешникомъ, кричалъ глухо и музыкально:

— Угòлья, угòлья, угòлья!

...И вотъ, этотъ умный, и даже тонко умный и развитой Невзоровъ мирится съ жизнью въ такой „дырѣ“, — даже въ Москву его не вытянешь. Въ пять лѣтъ пріѣзжалъ всего разъ, да и то потому, что не понадѣялся на собственную діагнозу, захотѣлъ взять консультацію одного тамошняго спеціалиста, когда у него показались признаки какой-то сложной болѣзни кровеносныхъ сосудовъ. Съ тѣхъ поръ онъ больше и не жалуется на нее.

„...И во что живетъ Невзоровъ? — спрашивалъ себя Егоръ Петровичъ, покачиваясь на пролеткѣ. — Въ деньги?.. Онъ не жаденъ. Любитъ недорогой комфортъ, построилъ себѣ домикъ, наполовину въ кредитъ, и теперь зарабатываетъ его... Въ науку? У него были стремленія къ профессурѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ старшій врачъ въ городской больницѣ и первый практикантъ въ городѣ, ему нечего о ней думать, а къ медицинѣ, къ терапіи онъ всегда относился скептически... Въ тщеславіе, въ играніе роли? Характеръ у него для этого совсѣмъ не подходящий, онъ не честолюбивъ, тяготится обществомъ дамъ и свѣтскихъ людей. Поѣсть любитъ, это вѣрно, даже катаръ развелъ въ себѣ, по вечерамъ немного почитаетъ — листокъ газеты, номеръ медицинскаго журнала, да и на боковую...“

„Провинція засосетъ и его“, — сказалъ про себя Ермиловъ, и тутъ только подумалъ о томъ, какъ сложилась семейная жизнь доктора: дѣтей у него нѣтъ, жена умная женщина изъ самоучекъ, съ ней онъ живетъ хорошо, но жизнь эта — строгая, молчаливая, съ очень рѣдкими проблесками задушевности. До сихъ поръ Ермиловъ не зналъ за нимъ никакой охоты до женщинъ, внѣ дома.

Онъ вспомнилъ, когда пролетка повернула въ боковую,

наполовину немощеную, улицу, какъ обрадовались Невзоровъ съ женой дѣвочкѣ, хотя она была еще грудная; стало, въ домѣ чувствовался пробѣлъ, какъ и у Кустаревыхъ. И онѣ, и она принялись отыскивать кормилицу, перепробовали съ дюжину, и отдали подѣ дѣтскую прекрасную, свѣтлую комнату, придумывали разныя гигиеническія приспособленія.

Это воспоминаніе проскользнуло въ головѣ Ермилова, но не смутило его. Онѣ только подумалъ:

„Какъ ни придирайся къ любезному отечеству, а добрыхъ людей водится во всѣхъ губерніяхъ“...

Извозчикъ остановилъ свою сѣрую въ яблокахъ лошадь около калитки заборчика въ русскомъ вкусѣ.

— Вонѣ и Никифоръ Иванычъ сами идутъ, — указалъ онѣ рукой.

— Никифоръ Иванычъ!

Ермиловъ устремился черезъ калитку по доскамъ и передъ высокимъ крыльцомъ сѣраго двухъэтажнаго дома обнялъ доктора.

Невзоровъ былъ почти на цѣлую голову выше его. Сильно сѣдѣющая длинная борода, вьющіеся бѣлокурые волосы изъ-подъ мягкой шляпы, лицо — умнаго старосты или сельскаго священника, обдали его опять чѣмъ-то серьезнымъ и самобытнымъ, передъ чѣмъ онѣ всегда чувствовалъ особаго рода почтеніе.

— Здорово, Егоръ Петровичъ, — вотъ это ловко!

У доктора были свои слова, и онѣ говорилъ маленькими фразами, низкимъ голосомъ.

Они обнялись тутъ же.

— Вы на практику? Идите.

— Подождутъ... Посижу.

Онѣ взбѣжалъ на четыре ступени крыльца безъ навѣса и сильно позвонилъ.

Домъ, съ своей окраской и узорчатыми обшивками оконъ, просторный дворъ, палисадникъ, чистыя службы, чудесный бѣлый песъ-овчарка, который узналъ Ермилова и ласкался къ нему, дышали правильною и здоровою жизнью. Отецъ Лили чувствовалъ, какъ дѣвочкѣ тутъ хорошо.

Отворила дверь Оеня, дѣвушка, взятая изъ деревни по сочувствію къ ея хворости, въ опрятномъ сарафанѣ, старательно причесанная, съ худощавымъ, пріятнымъ лицомъ.

— Ахъ, баринъ!—тихо вскрикнула она при видѣ гостя и покраснѣла.

— А Лиля? Здорова?—спросилъ Ермиловъ вполголоса, пока дѣвушка силилась стащить съ него пестрое лондонское пальто.

— Зубки дѣлала, — отвѣтилъ Невзоровъ. — Куксила... Теперь молодцомъ.

Въ передней было свѣтло и пахло прохладнымъ запахомъ мяты. Стѣны съ веселыми обоями, отдѣлка обширнаго кабинета съ дубовою мебелью, прямо широкая лѣстница наверхъ — показывали, съ какой заботой о гигиенѣ и умномъ удобствѣ строилъ докторъ свой домикъ, гдѣ внизу онъ принималъ, а наверху были жилыя комнаты, такія же просторныя, чистыя и удобно расположенныя.

— Она наверху?—спрашивалъ гость вполголоса, испытывая неожиданное волненіе.

Они поднимались по лѣстницѣ.

— Барышня въ дѣтской, — доложила горничная. — А Павла Петровна чай кушаютъ, въ столовой.

Прислуга догадывалась — чья дочь Лиля. Знали это и Невзоровы, но никогда не дѣлали никакихъ намековъ самому Ермилову. О дѣвочкѣ говорилось какъ о дочери какой-то барыни, поручившей Егору Петровичу позаботиться о ея судьбѣ. Такъ было удобно и для нихъ, и для Ермилова.

Волненіе его не унялось наверху, на площадкѣ, откуда одна дверь вела въ столовую, другая въ дѣтскую.

— Лиля, а Лиля!—протяжно окликнулъ Невзоровъ еще съ площадки.—Гляди, кто пришелъ! Узнай-ка!

Они оба разомъ вошли въ дѣтскую, продолговатую, въ три окна. Крашеный полъ былъ навощенъ и лоснился отъ свѣта, смягченнаго опущенными кисейными занавѣсками. Мебели было умышленно мало, и она стояла вдоль стѣнъ. Кроватка, металлическая, заграничная, изъ сѣтки, ютилась въ правомъ углу.

Посрединѣ комнаты, на коврикѣ, сидѣла дѣвочка, и надъ ней, на скамеечкѣ,—кормилица, еще сохранившая свой нарядъ.

Дѣвочка первая вскинула на вошедшаго гостя своими длинными рѣсницами. Глаза она наслѣдовала отъ матери,—Ермиловъ узнавалъ это сильнѣе прежняго, — круглые, съ широкимъ вырѣзомъ, синеватые, степенные и пристальные, очень красивые. Эти глаза и вызвали когда-то уси-

ленное ухаживаніе Ермилова за ея матерью. Пепельные волосики лежали на лбу густой, подстриженной чолкой и дѣлали ее похожей на мальчика. Тонкость линіи носа, овалъ лица, манера складывать губки обличали барское дитя. Отцу показалось, когда онъ нагнулся къ дѣвочкѣ, что ноздри у нея его, а также и очертаніе черепа у висковъ.

Это ударило его въ краску.

Про себя онъ успѣлъ выговорить по-французски: „Serais je un père de famille manqué?“

— Лиля!.. Дядю узнала, небось?—спросилъ Невзоровъ, наклоняя къ ней свое длинное туловище.

— Здоровы ли, батюшка? — выговорила на „онъ“ кормилка, немного рябоватая и кроткая баба.

По лицу ея прошла чуть уловимая усмѣшка, говорившая: „и я тоже смекаю, кто Лилечка“.

— Говорить?—спросилъ Ермиловъ.

— Все говорить.

— И какъ еще!.. — подхватилъ возбужденно Невзоровъ.—По цѣлымъ днямъ разливается, только при чужихъ мы дики.

Слово „чужой“, сорвавшееся у него съ губъ, задѣло Ермилова больнѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ.

Дѣвочка почти сурово оглядывала его и молчала. Она его не узнавала, и онъ ей не понравился; это поняли и кормилица, и Невзоровъ.

— Какъ меня зовутъ? — спросилъ Ермиловъ и почувствовалъ, что вопросъ его прозвучалъ глупо.

— Дядя!—подказала кормилка.

— Дядя!—повторилъ Невзоровъ. — Дики мы... на первыхъ порахъ!.. Дайте срокъ, за обѣдомъ какъ подружитесь.

„Онъ утѣшаетъ меня“,—подумалъ Ермиловъ, овладѣвъ собою, взялъ дѣвочку на руки, расцѣловалъ, потомъ пощекоталъ ее подъ пухленькимъ подбородкомъ и понесъ на рукахъ въ столовую.

Павла Петровна выбѣжала къ дверямъ, въ блузѣ, довольно нарядной, и крикнула:

— Егоръ Петровичъ! Вотъ сюрпризъ!

Она его немного стѣснялась, какъ „аристократа“ и „франта“, хотя Ермиловъ бывалъ съ ней ласково вѣжливъ, съ такимъ же оттѣнкомъ почтенія, какъ и къ ея мужу. Она похудѣла, зубы потемнѣли отъ куренья, лицо сохранило остатки красоты блондинки подъ-сорокъ.

Усадили его за чайный столъ, и начались угощеніе, разспросы—сдержанные, но искренніе; улыбка заиграла на лицахъ мужа и жены: и къ нимъ этотъ „парижанинъ“ привозилъ воздухъ Европы, шутку, блескъ, начитанность, неистощимую легкость жизни и милыхъ слабостей.

Покушать они оба любили—и на столъ сейчасъ же появилась разнообразная ѣда, начиная со свѣжей икры, на которую Ермиловъ напалъ съ особенной охотой.

Сценарій его визита выходилъ повтореніемъ того, что было на хуторѣ, у Кустаревыхъ: сначала веселая бесѣда за чаемъ, а потомъ выполненіе „миссіи“ въ гостиной. За чаемъ Егоръ Петровичъ сталъ разливаться въ разсказахъ и остротахъ, и не очень огорчился тѣмъ, что Лилия сползла съ его колѣнъ и убѣжала въ дѣтскую. Узналъ онъ и про то, какъ она лѣтомъ болѣла коклюшемъ; была рѣчь о томъ, что Невзоровъ пристрастился къ стуколку и ѣздилъ каждый вечеръ въ клубъ по маленькой; далъ онъ и обстоятельныя свѣдѣнія Павлѣ Петровнѣ о томъ, гдѣ покупалъ свои фуляровыя платки, когда она его объ этомъ спросила.

Будь онъ менѣе оживленъ болтовней съ этой четой „хорошихъ“ людей, онъ бы навѣрно замѣтилъ, какимъ тономъ говорятъ про его Лилию Невзоровы... Такой тонъ складывается только у отца съ матерью. Дѣвочка была ихъ „чадомъ“; съ нею они надѣялись скоротать свой вѣкъ.

Но Егоръ Петровичъ пропустилъ это мимо ушей и сидѣлъ безъ рінсе-пез: выраженіе ихъ лицъ также ускользало отъ него.

Въ гостиной или, лучше, въ кабинетѣ Павлы Петровны, такой же свѣтлой и опрятной, какъ и всѣ остальные комнаты, Ермиловъ сѣлъ на диванъ и точно такимъ голосомъ, какъ у Кустаревыхъ, началъ:

— А теперь, друзья мои, позвольте вамъ сообщить про мою миссію...

Когда онъ сказалъ, что пріѣхалъ за Лилей, Невзоровъ вскочилъ и весь выпрямился, а потомъ схватился за бороду. Павла Петровна позеленѣла, глаза замигали, и она неудержимо заплакала.

Вышла тяжелая пауза. Ермиловъ протиралъ рінсе-пез и опустил голову сидѣлъ, подавленный и изумленный.

— Егоръ Петровичъ... Это —товѣ!.. Ударъ!.. — выговорилъ первый Невзоровъ, и въ углахъ его крупнаго рта стало подергивать.

Онъ самъ еле-еле сдерживалъ слезы.

— Вы не сдѣлаете этого!.. Не сдѣлаете!.. — зашептала Павла Петровна, и въ сильномъ волненіи выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ минуту въ дѣтской раздались чуть не вопли. Плакала барыня, ревѣла кормилица, всхлипывала горничная, и всѣ три женщины окружили Лилю, сидѣвшую на диванчикѣ, цѣловали ей руки, голову, ноги и жались къ ней, какъ три испуганныхъ насѣдки.

„Вотъ оно что!“ — вскричалъ мысленно Ермиловъ и всталъ.

— Никифоръ Ивановичъ... Я не ожидалъ! Я вижу—это большое горе.

— Еще бы!

Больше докторъ ничего не сказалъ.

„Ну, пускай мать сама расхлебываетъ это, а я не могу и не хочу отнимать у нихъ ребенка“, — подумалъ онъ про себя.

— Павла Петровна! Павла Петровна! — крикнулъ онъ и побѣжалъ въ дѣтскую успокаивать женщинъ.

Оттуда все еще раздавались рыданья и всхлипыванья... Докторъ двинулся вслѣдъ за Ермиловымъ и на ходу успѣлъ повторить:

— Ну, вотъ славно!.. Ну, вотъ славно!

V.

По узенькой лѣстницѣ, спускавшейся съ потолка, точно въ трапъ, всходилъ съ трудомъ Ермиловъ раннимъ вечеромъ того же дня.

Онъ вспомнилъ, у себя въ гостиницѣ, что тутъ въ городѣ—родственникъ Кустарева, по матери, Семенъ Александровичъ Бахтуринъ, холостякъ лѣтъ подъ восемьдесятъ, изъ пострадавшихъ въ двадцать пятомъ году. Послѣ „неудачной миссіи“ въ домъ доктора, Ермиловъ захотѣлъ разсѣяться немного бесѣдой со старикомъ, „весьма занятымъ“, по опредѣленію Кустарева, который просилъ навѣстить его.

Ермилову свѣтилъ кто-то сверху, изъ мезонина, куда надо было проникать съ темной площадки заднихъ сѣней деревяннаго домика, стоявшаго почти на выѣздѣ, около какой-то „Звѣдиной Дамбы“.

— Осторожнѣе, осторожнѣе! Головой какъ бы не стукнуться.

Голосъ хозяина доносился книзу—высокій и мягкій, всѣмъ еще не старческій. Наверху, когда Ермиловъ ступилъ лѣвой ногой на полъ первой комнаты мезонина, передъ нимъ стоялъ человѣкъ небольшого роста, въ шелковомъ халатикѣ, съ свѣжимъ, круглымъ лицомъ, съдой какъ лунь, хорошо выбритый и съ ожерельемъ съдыхъ волосъ подъ подбородкомъ.

Бахтуринъ былъ предупрежденъ о его визитѣ и прислалъ ему сказать, что онъ просить къ себѣ, на чашку чаю, къ семи часамъ... Послѣ обѣда онъ спалъ.

— Добро пожаловать!.. А вотъ мы сейчасъ и запремъ западню, чтобы снизу намъ не мѣшали съ самоваромъ.

Старикъ поставилъ свѣчу на стулъ, и когда Ермиловъ посторонился, ловко и быстро спустилъ на отверстіе лѣстницы довольно большую квадратную крышку изъ нѣсколькихъ досокъ, какія въ старинныхъ домахъ употребляли для погребницъ.

Ермиловъ оглянулъ комнатку. Въ ней вездѣ лежали цѣлые тюки книгъ, стояли два-три старыхъ кресла николаевскихъ фасоновъ; въ углу блестѣла своей позолотой огромная расписная чашка крестьянской работы, съ анисовыми яблоками, наполнявшими весь мезонинъ пріятной прохладой.

— Милости прошу! Въ мою келью!

Старичокъ ввелъ его въ свой кабинетъ, служившій ему и спальней, — низкій и помѣстительный, въ два окна на улицу, въ одной половинѣ заставленный шкапомъ съ книгами и письменнымъ столомъ. Правый уголъ занимала узкая, вся бѣлая кровать и умывальный столикъ. По свободнымъ стѣнамъ, на пестрой изразцовой печкѣ, въ нишѣ, въ простѣнкѣ оконъ висѣли портреты, гравюры, статуэтки и нѣсколько образовъ безъ ризъ, новой иконописной работы съ золотымъ фономъ.

И въ этой комнатѣ пахло яблоками. Она мягко освѣщалась низенькой лампой съ зеленымъ стекляннымъ колпакомъ.

— Вотъ сюда!.. Въ креслице!.. Прощу покорно.

Давно Ермиловъ не слыхалъ этого стариковского учтивого тона. Онъ чрезвычайно цѣнилъ вѣжливость и ставилъ ее среди высшихъ добродѣтелей. Съ мало-знакомыми онъ самъ старался держаться того же оттѣнка въ обхожденіи, за что многіе и называли его „баричемъ“, или

„аристократомъ“, или „хлыщомъ“, смотря по тому, кто отдѣлывалъ его за глаза.

— Душевно радъ... Много наслышанъ и отъ Евменія, и вообще...

Бахтуринъ короткими шагами обогнулъ письменный столъ и, прежде чѣмъ сѣсть въ соломенное кресло, нагнулся къ Ермилову и тихо, почти шопотомъ, спросилъ:

— Имя, отчество?... На карточкѣ, безъ очковъ, не разобралъ.

— Егоръ Петровичъ.

— Не угодно ли курить, Егоръ Петровичъ? Самъ—изъ раскольниковъ.

— И я также, Семенъ Александровичъ.

— Вотъ это похвально, и рѣдкое исключеніе въ наше время.

Ничего смѣшного и старчески чуднаго не замѣтно было въ разговорѣ и манерахъ этого остатка исторической эпохи. Кустаревъ говорилъ ему не разъ про дядю своей матери, его умственную свѣжесть, начитанность, про то, что онъ двадцать лѣтъ пишетъ сочиненіе по философіи исторіи, или что-то въ этомъ родѣ, которое никому не читаетъ; что онъ собиратель рукописей, гравюръ, книгъ изъ первой четверти вѣка, и старинныхъ, и дорогихъ новыхъ переплетовъ... И самъ онъ, когда руки еще не ослабѣли, занимался переплетнымъ дѣломъ и многимъ дарилъ свои издѣлія.

Эта спеціальная охота старика заставила Ермилова отыскать его съ особеннымъ любопытствомъ: онъ самъ, съ нѣкоторыхъ лѣтъ, увлекался модой на художественные переплеты, въ старыхъ стиляхъ, собирался — когда удосужится — брать уроки у одного швейцарца, въ Моховой, перваго „gainier“, извѣстнаго въ кружкахъ охотниковъ до этого новѣйшаго спорта.

Съ коллекцій старика и повелъ Ермиловъ съ нимъ разговоръ. Бахтуринъ былъ тронутъ такимъ вниманіемъ и, безъ хвастливости, сталъ рассказывать гостю: что у него есть рѣдкаго и систематически собраннаго и за какіе года. Всего богаче былъ онъ документами всякаго рода за періодъ съ 1812 по 1825 годъ.

Ермиловъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, впалъ въ возбужденное состояніе европейца, парижанина, почуствовавъ себя не на „Звѣздиной Дамбѣ“, отъ которой пахло плѣсенью пруда, когда онъ подѣзжалъ къ дому Бахту-

рина, а гдѣ-нибудь въ антресоли антиквара или ученаго собирателя въ „rue des Martyrs“ или на набережной Сены.

Онъ закидывалъ Бахтурина вопросами. Старикъ былъ очень скромнѣе, говорилъ про свою библіотеку и коллекціи какъ о добрѣ, собранномъ на „мѣдныя деньги“, больше любовью къ дѣлу, чѣмъ ученостью или крупными издержками. Книги у него далеко не въ порядкѣ, не разобраны еще „по статьямъ“, внизу занимаютъ двѣ большіе „парадныхъ комнаты“; зимой онѣ заколочены и топятся только изъ другихъ комнатъ. Многое стоитъ и въ ящикахъ на сухомъ чердакѣ.

Наверху, гдѣ они посидѣли съ нимъ, Бахтуринъ показалъ гостю одинъ рѣдкій „эльзевиръ“, переплеты изъ телячьей кожи и изъ прекраснаго сафьяна, досталъ съ полки двѣ-три книги по масонству, въ томъ числѣ полный и въ отличномъ порядкѣ „Магазинъ свободныхъ каменщиковъ“ и рукописную книгу изъ сочиненій „Іоанна Массона“, переписанную рукой извѣстнаго московскаго ревнителя масонства, сенатора Лопухина. И знаковъ разныхъ ложъ нашлось у него достаточно. Нѣкоторые висѣли тутъ же на цвѣтныхъ картонахъ собственной работы.

— А что же значать эти образа?—спросилъ Ермиловъ, остановившись противъ одной небольшой иконы, совсѣмъ новой, съ изображеніемъ, на позолоченномъ фонѣ, византійскаго пошиба, русскаго угодника, въ ростъ, одного изъ великихъ князей суздальскихъ.

Онъ уже зналъ отъ Кустарева, что Бахтуринъ—свободомыслящій человѣкъ, и вопросъ былъ кстати.

— Да, полегоньку собираю... Видите, здѣсь давно водилось иконописанье, съ этой вотъ матовой позолотой. Изъ мужичковъ есть очень изрядные богомазы... Захотѣлось мнѣ составить небольшую коллекцію—по годамъ. Кому-нибудь пригодится... Угодникъ-то вышелъ, право, не плохо, въ хорошемъ стилѣ, и цѣна всего три рубля на заказъ.

Старичокъ рѣшительно плѣнялъ Ермилова своимъ отношеніемъ ко всѣмъ видамъ искусства и мастерства.

Въ старыхъ людяхъ было гораздо больше того, что онъ считалъ признакомъ высшаго развитія: изучать что-нибудь подробно, собирать, отыскивать тонкости, пристращаться къ деталямъ, къ рѣдкимъ остаткамъ эпохи—и такъ же обращаться съ писателями, чего онъ совсѣмъ не видѣлъ

въ литературныхъ кружкахъ столицъ, да очень мало и между учеными.

А вотъ этакій древній обломокъ двадцатыхъ годовъ, въ провинціальной глуши, изо-дня-въ-день собираетъ, изучаетъ, изошряетъ свой вкусъ и пониманіе.

И въ себѣ самомъ онъ чувствовалъ жилку собирателя и даже „эрудита“, но полосами, безъ выдержки, со скачками отъ одного вида охоты и забавы къ другому.

„Дилетантишка я!“ — выбранилъ себя Ермиловъ и забылъ, что очень часто, въ спорахъ, считалъ себя настоящимъ знатокомъ искусства и литературы, особенно нѣкоторыхъ авторовъ и эпохъ.

Бахтуринъ продолжалъ говорить ему про мѣстные задатки изящнаго мастерства въ народѣ. Деревянныя подѣлки интересовали его также. Онъ указалъ рукой гостю черезъ дверь на огромную чашку въ первой комнатѣ, расписанную и позолоченную, съ вычурнымъ рисункомъ и славянскою вязью на широкомъ ободкѣ.

— Признаюсь, до этого я не большой охотникъ, — выговорилъ мягко Ермиловъ, надѣвая *pinse-nez*. — Народничанью не подверженъ.

— Да и я не тѣхъ взглядовъ, что мой родственникъ Евменій Филипповичъ, — сказалъ Бахтуринъ съ тонкой усмѣшкой. — Это только курьезно. Когда-нибудь будутъ и по-другому работать. Даровитость есть.

Гостю ужасно хотѣлось справиться, который же годъ этому старцу, если онъ могъ „пострадать“ въ числѣ другихъ декабристовъ?

— Семень Александровичъ, — не выдержалъ онъ и наклонился черезъ столъ къ Бахтуру, — вы меня поражаете вашею необычайною свѣжестью. Какой же вамъ пошелъ годокъ? Извините за нескромность.

— Какая же нескромность, дорогой мой? Я не скрываю... Въ „Архивѣ“ и въ „Старинѣ“ просили меня опубликовать кое-какія воспоминанія... еще изъ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ.

Надо было признаться, что этихъ вещей гость не читалъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ прочту. Я все былъ въ разъѣздахъ, — оправдался Ермиловъ.

— Позвольте поднести вамъ оттиски, редакція прислала мнѣ недавно изъ Петербурга, да и тѣхъ, кажется, изъ „Архива“, осталось штукъ пять-шесть.

Онъ-было засуетился доставать оттиски; Ермиловъ упротилъ его оставить это до минуты прощанья.

— Вы, стало, были очень молоды, Семень Александровичъ, когда разразилась гроза?

— Мальчикъ совсѣмъ былъ... Тогда вѣдь мы рано жить начинали... Только что меня произвели въ первый чинъ... По семнадцатому году... Въ конно-егерскомъ полку я служилъ... И состоялъ по „южному“ обществу.

— Домашняго воспитанія?

— Домашняго... гувернеры... швейцарецъ, французъ-эмигрантъ... извѣстно, по тогдашнему обычаю... Читать-то начинали такія книжки, какъ „Кандидъ“ Вольтера, по десятому году, „Эмиля“ Руссо прочелъ я въ подлинникъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду...

Глазки старика, узкіе и слезливые, заискрились.

Гостю онъ все больше и больше нравился.

— И пострадали вы, Семень Александровичъ, по девятнадцатому году?

— Какъ разъ осьмнадцать лѣтъ мнѣ минуло, когда я былъ арестованъ... позднѣе, въ февралѣ двадцать шестого года. Полкъ нашъ стоялъ въ Сумахъ...

„А все-таки старецъ не говорить, сколько ему именно лѣтъ“, — шутливо подумалъ Ермиловъ, и самъ сообразилъ, что ему семьдесятъ восемь.

Возрастъ — возможный и считается очень большимъ только у русскихъ. Недавно, въ маѣ того же года, видалъ онъ каждый день императора Вильгельма въ Эмсѣ. Ему стукнуло уже восемьдесятъ восемь лѣтъ. А онъ ходилъ безъ палки, сидѣлъ въ театрѣ, слушалъ доклады, отправился потомъ въ Гаштейнъ.

Другой старикъ, разъ его вы поставили на зарубку воспоминаній, началъ бы безконечную болтовню, съ отступленіями и эпизодами; но Бахтуринъ не впалъ въ старческое словообиліе. Ермиловъ задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ по части его собранія рукописей, все изъ той же эпохи.

Въ полу, подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они сидѣли, постукали снизу.

— Сигналъ! — смѣшливо назвалъ Бахтуринъ. — Это насъ чай зовутъ пить... Ужъ извините... побезпокою васъ... Такая привычка у самовара чайничать, а сюда носить неудобно.

Онъ пригласилъ гостя къ трапу, заперъ за собою дверку на крючокъ и поднялъ крышку отверстія.

Во всѣхъ этихъ пріемахъ и въ самой этой лѣсенкѣ Ермиловъ распозналъ привычку — долгіе годы жить съ предосторожностями.

Старикъ посвѣтилъ ему, самъ спустился и ловко, еще сильной рукой, захлопнулъ за собою трапъ.

Внизу ихъ встрѣтилъ человѣкъ, сѣдой, бритый, опрятно одѣтый, сутуловатый, немногимъ моложе барина, инородецъ, пріѣхавшій съ нимъ изъ Сибири. Въ столовой, теплой комнатѣ съ бѣлыми обоями и висячей лампой, за самоваромъ сидѣлъ мальчикъ-подростокъ, брюнетъ, въ темной блузѣ гимназиста.

— Мой воспитанникъ, — представилъ его гостю Бахтуринъ.

Женскаго пола въ домѣ не было; старикъ не любилъ этого, и даже кухарка рѣдко показывалась на глаза барину: заказывалъ онъ кушанья черезъ лакея и всегда на цѣлую недѣлю, по бумажкѣ.

Чай былъ сервированъ опрятно, съ баранками и вареньями, очень крѣпкій, по вкусу хозяина. Стоялъ и пузатенькій, старинный графинчикъ съ ромомъ изъ граненаго хрусталя.

— Классикъ! Изнываетъ надъ греками и латынью!

Бахтуринъ прикоснулся рукой до плеча мальчика и поглядѣлъ на гостя.

— Вы развѣ противникъ? — спросилъ Ермиловъ, считавшій этотъ споръ ненужнымъ и стоявшій за общеевропейскую выучку.

— Надо и классиковъ знать, да только очень ужъ ихъ муштруютъ. Вотъ Павлушѣ моему семнадцатый пошелъ въ августъ, а вѣдь онъ у меня мальчуганъ... ничего не читалъ, потому что некогда; мы же въ его лѣта, сами изволите знать, не токмо что въ обществѣ молодыми людьми роль играли, да и дѣловъ какихъ надѣлали, хе-хе!..

— Этакъ безопаснѣе, Семенъ Александровичъ, — пошутилъ Ермиловъ.

— Не скажите, дорогой, не скажите! До аттестата зрѣлости сидитъ такой малый надъ зубристикой, а послѣ — глядишь — гдѣ очутился и на чтѣ пошелъ!

Онъ вздохнулъ и косвенно оглядѣлъ и гостя, и своего воспитанника.

Ермиловъ подумалъ:

„Три поколѣнія: декабристъ, человѣкъ шестидесятихъ годовъ и классикъ-гимназистъ восьмидесятихъ,—и прибавилъ:—не забыть — черкнуть въ записной книжечкѣ нѣсколько штриховъ“.

Отъ классицизма и юношества рѣчь перешла къ сверстникамъ и пріятелямъ Евменія Кустарева.

— Очутились они, — говорилъ старикъ и отхлебывалъ короткими глотками свой крѣпкій чай съ лимонной цедрой,—и Евменій, и его друзья—ни въ сихъ, ни въ оныхъ... Задній ходъ!—вотъ команда на теперешней вахтѣ...

— Прекрасное сравненіе!—вскричалъ Ермиловъ и даже беззвучно захлопалъ ладонями.

— Честный, отличный человѣкъ Евменій... А жаль мнѣ его: такъ и промается, ничего не добьется... Профессуру бросилъ.

— Не выдержалъ, Семень Александровичъ.

— Не резонъ, Егоръ Петровичъ, не резонъ! Надо сидѣть до самой послѣдней возможности. Пускай тебя протурятъ, но самъ не уходи. Расчетъ ясный—давать ходъ тѣмъ, кого считаешь вредными.

— Это точно!—согласился Ермиловъ.

— Потому-то,—продолжалъ старикъ, не горячася и смакуя чай,—потому-то все такъ рыхло, безъ контрабаса въ оркестрѣ, что хорошіе люди никакой цѣпкости не имѣютъ, горячатся безъ разума, уклоняются отъ дѣла, а плуты, невѣжды и гасильники подбираютъ все, что плохо лежитъ. Профессуру потерялъ Евменій, и на своемъ народолюбіи ничего не выиграетъ... До сихъ поръ ни онъ, ни другіе, подобные ему, не хотятъ понять, что простой народъ — противъ нихъ; а они-то его обсахариваютъ... Мы не такъ разсуждали и чувствовали. Ошиблись, сунулись рано, спору нѣтъ, но мы надѣялись на себя, мы почитали умъ, истину, ученость, талантливость, породу, и не ставили себя ниже черни, отъ себя самихъ не отрекались. Да и въ поступкахъ имѣли благородство... въ выборѣ средствъ. А нынче—ломомъ хватимъ — и никакихъ разговоровъ, изъ-за угла, или въ западнѣ... Ломъ!—повторилъ брезгливо старикъ.—Мы ломомъ-то руду ломали на каторгѣ, а не человѣческое тѣло, не людей, себѣ подобныхъ, хотя бы и лютыхъ враговъ нашихъ...

Гимназистъ оставилъ недопитымъ свое блюдечко и слушалъ съ полуоткрытымъ ртомъ. Самоваръ издавалъ тон-

кую поту... Въ комнатѣ пронеслось короткое и значительное молчаніе.

„Молодцы были!—подумалъ Ермиловъ,—богатыри. Это послѣ двадцатилѣтней-то работы въ цѣпяхъ!“

И какъ бы въ отвѣтъ на его одобреніе, которое старикъ вырвалъ у него, Бахтуринъ, не раздражаясь, продолжалъ немного потише, точно по секрету:

— Выдержки нѣтъ!.. У насъ бы спросили, что мы выдержали. А тутъ, чуть какая запинка или два-три товарища—дрянце, сейчасъ вонъ! Идемъ на добровольное бездѣйствіе. Каѳедру имѣть—это какая сила! Тутъ можно помириться и съ надзоромъ, и со всякимъ стѣсненіемъ,—конечно, безъ подлости... На десятки поколѣній дѣйствовать словомъ!.. Мы бы и рады были, да учили-то насъ не тому,—въ шаркуны готовили, и до всего мы собственной головой должны были доходить... Нѣтъ выдержки, нѣтъ! Такъ и слиняють, ни въ сихъ, ни въ оныхъ,—кончилъ старикъ и, подавая черезъ столъ свой стаканъ, сказалъ воспитаннику:—Полстаканчика, Павлуша, покрѣпче.

До одиннадцатаго часу просидѣлъ Ермиловъ у Бахтурина. Хозяинъ проводилъ его самъ до крыльца, вручилъ ему свертокъ оттисковъ съ надписями и нѣсколько разъ пожалъ ему руку.

— Хотѣлъ бы, дорогой, сказать вамъ: до свиданія, да въ мои лѣта этого не полагается...

Темная октябрьская ночь мигала на заѣзжаго „европейца“. Отъ „Звѣздной Дамбы“ до гостиницы оказалось всего на пять минутъ ѣзды.

Полный новыхъ и совсѣмъ не „губернскихъ“ мыслей, вошелъ Ермиловъ въ сѣни, гдѣ швейцаръ, изъ евреевъ, льстивый и нечистоплотный, на вопросъ его, кто такъ шумитъ наверху, въ буфетѣ,—доложилъ:

— Пароходчикъ Лапшинъ. Богатый... Загулялъ съ утра, ваше сіятельство!

И все лицо швейцара говорило: „Ужъ какъ вамъ угодно, а его нельзя заставить притихнуть; онъ будетъ бушевать, какъ ему тамъ вздумается, хоть всю ночь“.

VI.

Утро начиналось у Анны Гавриловны Вогулиной довольно поздно. Въ небольшомъ ея домѣ, на Патріаршихъ-Прудахъ, все еще было тихо въ девятомъ часу... Горничная Даша осторожно скользила въ туфляхъ изъ столовой

въ антресоль, гдѣ жила старушка-тетка Вогулиной, Марей Ивановна. Та уже давно встала, сходилa къ ранней обѣднѣ и допивала у себя въ комнатѣ „первый свой чаекъ“.

Барышня проснется къ девяти, выйдетъ пить чай въ десять; къ одиннадцати поѣдетъ на курсы къ Ильинскимъ воротамъ. Самоваръ уже шипитъ на кухнѣ, платье приготовлено, ботинки и ботки вычищены.

Анна Гавриловна проснулась и лежала въ полутемной спальнѣ, за перегородкой, куда свѣтъ еле заходилъ сквозь шторы оконъ.

Она любила лежать, закинувъ обнаженные руки за голову, на „думкѣ“ изъ цвѣтного канауса, щурилась и полудремала.

Надо вставать!..

Она позвонила... Одѣваться и даже обуваться одна Анна Гавриловна не привыкла или, лучше, отвыкла, съ той поры, какъ покойный отецъ взялъ ее изъ пансіона сестеръ Бокъ на Самотѣкѣ. Даша иногда натягиваетъ ей даже чулки и всегда надѣваетъ и застегиваетъ ботинки со множествомъ пуговокъ.

Свѣтъ еще болѣе проникалъ за перегородку изъ полосатаго репса въ портьеру, наполовину поднятую. Одна полоска его заиграла по головѣ и по лицу молодой дѣвушки, по ея бѣлымъ щекамъ съ румянцемъ крѣпкаго сна, по тонкому носу съ закругленнымъ кончикомъ и родинкой около праваго глаза, по ея маковкѣ съ золотистыми прядями русыхъ волосъ, по мочкѣ розоваго ушка и по шеѣ, породистой и крѣпкой, гдѣ волоски курчавились подъ затылкомъ.

Глаза свои Анна Гавриловна совсѣмъ не раскрывала. Она часто держала ихъ съ опущенными рѣсницами, потому что они казались ей недостаточно большими и выразительными; рѣсницы были пушистыя и немного заворачивались, что придавало взгляду особое выраженіе, дѣлало глаза съ поволокой.

Она позвонила. Явилась Даша и помогла ей встать. Умывалась она сама на мраморномъ умывальникѣ съ педалью.

Въ этой комнатѣ, гдѣ у нея и спальня, и будуаръ съ письменнымъ столомъ — все новое и нарядное. Полтора года тому назадъ отецъ отдѣлалъ все это заново для нея, самъ ушелъ спать въ мезонинъ, а черезъ три мѣсяца умеръ.

Его кабинетъ былъ рядомъ. Съ тѣхъ поръ онъ стоитъ пустой, въ такомъ видѣ, какъ былъ въ день смерти отца. Она не проходила имъ никогда, дѣлала обходы черезъ коридорчикъ и маленькую столовую. Покойниковъ она боялась и не могла отдѣлаться отъ этого чувства, чисто „московскаго“, какъ она сама называла. Отца она оплакивала горько, къ памяти его привязалась больше, чѣмъ можно было ожидать. При жизни она не особенно ласкалась къ нему ребенкомъ,—дѣвушкой съ семнадцатаго года ладила, хоть и не всегда, внутренно протестовала во многомъ и за многое. Но смерть его пришла внезапно, унесла его въ три-четыре дня и наполнила ея душу суетвѣрнымъ страхомъ.

Черезъ недѣлю послѣ его кончины она съ тетусшкой Марѳой Ивановной „поднимали Владычицу“ — посылали за иконой Иверской Божіей Матери, и молебенъ былъ отслуженъ въ кабинетѣ отца. Кабинетъ цѣлый мѣсяцъ хранилъ запахъ ладана. Весь домъ, до темныхъ закоулковъ антресолей, былъ окропленъ. И Анна Гавриловна по-дѣтски наклоняла голову подъ крошило, и не одинъ, а нѣсколько разъ.

Эти московскія повадки она скрывала отъ своихъ „интеллигентныхъ“ знакомыхъ, отъ слушательницъ курсовъ, куда она записалась еще при жизни отца, отъ молодыхъ людей, кандидатовъ, докторовъ, съ какими встрѣчалась у знакомыхъ, на публичныхъ лекціяхъ, въ актовомъ залѣ университета, въ Маломъ театрѣ. Но въ ней сидѣла Москва—она и не желала освободиться отъ этого бытового, сословнаго и народнаго закала. Одинъ изъ ея сверстниковъ, постарше ея лѣтами, дальній родственникъ—теперь на службѣ въ Сибири — прозвалъ ее „матушка-боярышня“,—и она этимъ не обижалась. Онъ говорилъ про нее, въ ея же присутствіи: „у Аночки въ крови быть домо-владѣлицей на Патріаршихъ-Прудахъ, жить въ теплыхъ комнатахъ, умереть въ нихъ же, и какіе бы перевороты ни потрясли Европу—она будетъ сидѣть на своихъ Прудахъ, въ особнякѣ, гдѣ на воротахъ стоитъ: домъ госпожи Вогулиной“.

Но Вогулина не скопидомка, — нѣтъ. Тетусшка Марѳа Ивановна находитъ даже, что—транжирка: деньги текутъ какъ сквозь рѣшето съ тѣхъ поръ, какъ она полная госпожа своего добра и состоянія; ей минулъ двадцать одинъ годъ—годъ полного совершеннолѣтія. Она не можетъ от-

казать никакой пріятельницѣ, помогаетъ бѣднымъ, къ ней ходятъ старушки-салоппицы и просто нищенки, и она имъ даетъ каждый мѣсяцъ по рублю, по три и по пяти, кормить на кухнѣ нищенокъ, особенно въ тѣ дни, когда служатся панихиды по отцѣ. Доходъ она весь проживаетъ, но капитала не трогаетъ. И тутъ Москва надѣлила ее инстинктомъ почтенья передъ капиталомъ... Безъ обезпеченія нельзя жить женщинѣ ни въ какомъ положеніи. Домъ-особнякъ доходу не даетъ, или почти не даетъ. Маленькій флигелекъ на задахъ приноситъ всего двѣсти рублей—на это не проживешь такъ, какъ она привыкла.

Отецъ оставилъ, кромѣ дома, до шестидесяти тысячъ процентными бумагами.

— Богатая ты невѣста по нонѣшнему времени,—говоритъ Марѳа Ивановна.

И въ самомъ дѣлѣ, капиталъ не малый, и такихъ приданницъ въ дворянскомъ среднемъ кругу немного; но что же онъ приноситъ? Всего три тысячи... Раздѣленный на мѣсяцы—доходъ этотъ уходитъ весь, безъ остатка... Одни городскіе сборы, мостовая, дворникъ, ремонтъ, водовозъ—весь доходъ флигелька идетъ на это...

За мраморнымъ умывальникомъ Анна Гавриловна оставалась долго, старательно чистила свои бѣлые зубы, довольно мелкіе, но блестящіе и крѣпкіе... Она хотѣла сохранить ихъ такими до старости и покупала всякіе заграничные порошки и эликсиры. Умываясь, она не могла съ нѣкоторыхъ поръ освободиться отъ особаго чувства, которое наполняло ее именно въ минуты заботъ о ея наружности, во время умыванья, чесанья головы, примѣриванья новыхъ туалетовъ.

Она чувствовала себя не дѣвочкой, не барышней, безъ всякой окраски и фізіономіи, а молодой женщиной, вышедшей изъ періода худобы, мигреней, неопредѣленныхъ вкусовъ и полудѣтскихъ забавъ... Ее всѣ мужчины считаютъ „очень хорошенькой“; дамы—замужнія—не долюбливаютъ и отказываютъ даже въ такой оцѣнкѣ. А оцѣнки этой ей мало. Она болѣе чѣмъ „хорошенькая“. Слово „миленькая“ совсѣмъ ужъ къ ней нейдетъ. У нея хорошій ростъ, молочныя, полныя руки, волосы почти до пятъ, лицо—молодой женщины, только что вышедшей замужъ, бюстъ ласкающихъ античныхъ линій, и она побаивается, какъ бы ей не начать толстѣть въ этой тихой, беззаботной и прохладной жизни барышни-сироты, хозяйки дома

и полной госпожи всѣхъ своихъ вкусовъ, привычекъ, занятій, удовольствій.

Женщина стучала къ ней во всѣ дверки ея существа, а внутри, тамъ—въ сердцѣ и въ головѣ—не было центра, притягательной точки... И когда она явится, эта точка?..

Послѣ умыванья Даша чесала Анну Гавриловну съ четверть часа—больше она не выносила: дѣлалась нервной отъ движеній гребня по ея густымъ волосамъ, полнымъ электричества.

Даша не старая еще дѣвушка, но вся высохшая отъ постоянныхъ „амуровъ“, въ которыхъ она признавалась барышнѣ, и Анна Гавриловна писала ей, по добротѣ, записки къ ея предметамъ, читала ихъ посланія и входила уже не разъ въ цѣлыя драмы ревности и любовныхъ обидъ. Горничная Даша была преловкая, но одѣвалась неряшливо и чесалась такъ же.

Къ чаю Анна Гавриловна вышла въ пеньюарѣ, недавно сшитомъ, изъ молочнаго цвѣта фланели съ кружевами. Она переходила полегоньку отъ траура къ цвѣтнымъ платьямъ... Въ столовой шицѣлъ самоваръ. Комната была слишкомъ большая для двухъ жилищъ дома-особняка, и въ ней молодой дѣвукѣ всегда дѣлалось немного жутко отъ памяти ея отца, отъ голыхъ стѣнъ со скучнымъ рисункомъ обоевъ, отъ недостатка уютности.

— Марѳу Ивановну звали?—спросила Анна Гавриловна и лѣниво сѣла къ самовару.

— Онѣ сейчасъ сойдутъ.

Разливанье чая и супа не наполняло дѣвучку довольствомъ. Она не считала себя хозяйкой, равнодушно относилась къ ѣдѣ и къ заказыванію кушаній. Въ ней барышня и домовладѣлица помѣщались особо отъ домостроительницы и экономки. Дома ей было удобно, но углубляться въ подробности хозяйства и домашнего комфорта она не любила.

Два окна столовой выходили въ палисадникъ, и черезъ рѣшетчатый заборъ виденъ былъ кусокъ Патріаршихъ-Прудовъ, деревья безъ листьевъ и дорожка аллеи, покрытая снѣжкомъ. Снѣгъ выпалъ въ ночь.

Снѣгу Анна Гавриловна обрадовалась. Сейчасъ все получаетъ свѣтлый и праздничный цвѣтъ, грязная или трескучая улица пріятно смолкаетъ и облекается въ блистающій покровъ.

Въ окно Анна Гавриловна поглядѣла на Пруды. Студентъ въ зимнемъ пальто и фуражкѣ съ голубымъ околышемъ торопливо прошелъ съ книгой подъ мышкой.

Какъ бы и ей не опоздать на лекціи. Она уже начинаетъ полегоньку „манкировать“, а давно ли она отличалась большимъ рвеніемъ, брала много книгъ изъ бібліотеки, дѣлала работы, участвовала въ „семинаріяхъ“, возражала и сама читала рефераты, даже заставила побаиваться своего бойкаго языка, своей діалектики.

Но сегодня лекція скучная; она не записываетъ, и не шьетъ, какъ начали дѣлать нѣкоторыя, и что ей совсѣмъ не правится.

Стоить ли ѣхать для одного часа? На первую она уже не попала...

— Тетушка, здравствуйте!

Онѣ поцѣловались со старушкой высокаго роста, худой, въ сѣромъ капотѣ съ пелеринкой и съ подвязанной щекой.

Марѳа Ивановна была молчаливая особа, такая тихая, что ее по цѣлымъ днямъ не слышно, богомольная, очень добрая и пугливая, хотя лицо у нея значительное и немного навислая, густыя, сѣдѣющія брови.

Разливала племянница. Тетка пила въ-прикуску, Анна Гавриловна — въ-накладку и всегда по-мужски, въ стаканѣ съ серебрянымъ подстаканникомъ.

Въ передней зазвонили.

Обѣ женщины переглянулись. Кромѣ почтальона, кому быть въ одиннадцатомъ часу.

Даша пробѣжала по столовой и на бѣгу спросила барышню:

— Если гость—прикажете принять?

— Какіе гости!—отвѣтила Вогулина и кинула взглядъ изъ-подъ своихъ густыхъ рѣсницъ на изящный пенъюаръ и свои полуобнаженные руки съ тонкими серебряными браслетами на каждой рукѣ.

VII.

Даша подала Аннѣ Гавриловнѣ карточку и стала въ дверяхъ.

„Юрій Петровичъ Ермиловъ“,—прочла Вогулина.

У Егора Петровича водилось два сорта карточекъ—для мужчинъ и для дамъ: на первыхъ напечатано было „Георгій“, на вторыхъ—болѣе модное „Юрій“.

— Они дожидаются въ передней, — тихонько доложила горничная.

Карандашомъ Ермиловъ написалъ:

„Простите за этотъ ранній часъ. Хотѣлъ, на пути въ Петербургъ, пожать вамъ руку и завезти давно обѣщанный томъ стиховъ моего пріятеля“.

Второй взглядъ на свой туалетъ побудилъ Анну Гавриловну принять гостя... Что жъ такое, что она въ пеньюарѣ, точно молодая дама! Въ одиннадцатомъ часу это совершенно естественно; а заставлятъ его ждать она тоже не хотѣла.

— Пришлите туда чай, — сказала она теткѣ, оправила рукой прическу и приказала горничной принять гостя.

Она была польщена вниманіемъ и любезностью этого „эстетика“, какъ она звала Ермилова.

Его репутація большого любителя женщинъ была ей извѣстна. Они познакомились прошлой зимой на вечеринкѣ у одного профессора, куда собиралось много молодежи. Онъ ее тогда увлекъ своимъ разговоромъ, и она мечтала о немъ съ недѣлю, даже поджидала къ себѣ. Онъ не пріѣхалъ почему-то, и это ее обидѣло. Потомъ они опять встрѣтились весной. Ермиловъ собирался за границу и много говорилъ ей о стихотвореніяхъ одного своего друга, заохочивалъ ее къ прочтенію ихъ, обѣщалъ привезти ей томикъ и самому переплестъ его.

Во второй разъ онъ ей менѣе понравился; она нашла его фатоватымъ, сладкимъ, почти на старинный манеръ, ей съ нимъ было не особенно ловко: онъ слишкомъ хорошо говорилъ по-французски и его начитанность отзывалась для нея педантизмомъ. Ермиловъ оспаривалъ ея вкусы, рисовался — какъ она находила — своимъ полнымъ равнодушіемъ къ „честному“ и „передовому“ въ литературѣ, восторгался только формой.

И все-таки она оживилась, когда шла въ гостиную, гдѣ Ермиловъ переминался съ одной ноги на другую и оглядывалъ суховатую и обыкновенную обстановку комнаты: піанино, обои съ золотыми цвѣтами, два узкихъ зеркала, угловой репсовый диванъ, нѣсколько растений въ горшкахъ у оконъ, ни одной картины по стѣнамъ, за что онъ былъ благодаренъ, потому что всюду встрѣчалъ олеографіи и приходилъ отъ нихъ въ содроганіе.

Короткій парижскій пиджакъ съ узкими рукавами представлялъ слишкомъ напоказъ его полную фигуру. Свѣтлый

галстукъ молодиль его; бородка была слегка подправлена книзу краской... Анна Гавриловна, войдя, нашла его „довольно интереснымъ“.

— Вотъ впору воскликнуть: „Чуть свѣтъ ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!“

Ермиловъ произнесъ стихъ громко и съ жестомъ, наклонился къ ней и поцѣловалъ ея руку, прежде чѣмъ она успѣла сказать ему что-нибудь.

— Не ждали? Конечно, нѣтъ?

Ермиловъ не выпускалъ ея руку изъ своей, велъ ее къ дивану и оглядывалъ искристыми сѣрыми глазами.

И онъ не ждалъ такого расцвѣта женственности въ той блѣдненькой „курсисточкѣ“ которую онъ экзаменовалъ по части либерализма на вечеринкѣ у профессора Симбирцева, своего товарища по гимназiи, какъ и Кустаревъ, одного съ нимъ выпуска.

„Да не вышла ли она замужъ?“ — спросилъ онъ себя, но не сдѣлалъ вслухъ этого вопроса.

— Примите, — сказалъ онъ ей съ шуткой въ голосѣ и поднесъ томикъ въ сафьянномъ переплетѣ, — полюбите моего поэта и почтите переплетчика.

И онъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ въ свою грудь.

Она разсмѣялась—два ряда бѣлыхъ зубовъ сверкнули. Съ ея щекъ еще не спалъ румянецъ крѣпкаго сна, волосы вились надъ шеей; къ маковкѣ зачесанъ былъ высокій бантъ изъ волосъ съ золотымъ отливомъ; двѣ черепаховыхъ гребеночки игриво держались въ воздухѣ.

„*Nom d'un petit bonhomme!*...—вскричалъ про себя Ермиловъ, опускаясь на кресло.—Какъ она развилась!“

„Курсисточка“ могла поспорить съ любой изъ иностранокъ его послѣдней поѣздки — и съ французенкой изъ Байонны, и даже съ натурщицей клуба „*des Moissonneurs*“, — только въ мѣстномъ, московскомъ вкусѣ. Въ ней чуялась порода... что-то немного какъ будто хищное и смѣлое и еще мало тронутое теперешними „глупостями“, какъ Егоръ Петровичъ называлъ многія новыя идеи и стремленія русскихъ дѣвушекъ...

Къ чему же искать за тридевять земель то, что водится тутъ, на Патріаршихъ-Прудахъ?

Да, но она дѣвица; онъ видѣлъ ея дѣвичье имя на дощечкѣ воротъ, и нѣтъ въ этомъ домикѣ никакого мужского духа. А дѣвицъ онъ не трогаетъ. Развѣ такъ, въ сентиментально-дружескомъ тонѣ... Дѣвушка, конечно,

предпочтительнѣе замужней женщины. Онъ идетъ на обманъ мужа только въ крайнемъ случаѣ... Вдовы—рѣдки и часто перерѣлы... Дѣвушка — свободна и свѣжа... Все это такъ; только есть отвѣтственность, вопросы моральныя; въ нихъ онъ щекотливъ и гораздо больше, чѣмъ думаютъ его пріатели и пріятельницы.

Жениться на такой пышной и, кажется, умненькой дѣвушкѣ возможно, если зарваться, но зарываться-то и не слѣдуетъ—ни въ какомъ случаѣ... Свобода—выше всего!..

Егоръ Петровичъ удивился даже тому, какъ быстро столько мыслей и ощущеній побывало въ немъ въ какихъ-нибудь двадцать секундъ.

Длинные глаза изъ-подъ пушистыхъ рѣсницъ ласково глядѣли на него.

— Проѣздомъ изъ-за границы попали? — спросила его Вогулина.

И голосъ у нея установился. Грудныя ноты вибрируютъ и пріятно отдаются въ просторной комнатѣ.

— И собрался сегодня же въ Петербургъ... Но, кажется, останусь.

Взглядомъ онъ не утерпѣлъ, — сказалъ ей:

„Для васъ готовъ остаться“.

— Оставайтесь... Мы поговоримъ еще... о вашемъ поэтѣ... Я его читала... лѣтомъ и, кажется, хорошо.

— Браво!..

Онъ уже рѣшилъ остаться, тѣмъ болѣе, что на будущей недѣлѣ, всего черезъ три дня, — даютъ дружескій обѣдъ профессору Симбирцеву въ „Эрмитажѣ“, по какому-то случаю. „Будетъ очень мило, — подумалъ онъ, — выказать солидарность съ „кружкомъ“.

Объ этомъ обѣдѣ онъ сейчасъ же и сказалъ ей:

— Кажется, и дамы будутъ—по-московски... Вотъ бы и вы...

Она уже слышала объ обѣдѣ Симбирцеву; но дамъ не будетъ, хотя въ это сдѣлать поскромнѣе, чловѣкъ на тридцать, чего-то опасаются...

Улыбка немного скосила ея ротъ.

Ермиловъ понялъ эту усмѣшку. Времена не тѣ: всѣ сжались, потеряли прежній розмахъ, воздерживаются устраивать обѣды и говорить речи съ „подбадривающими“ словами. И она на курсахъ чувствуетъ то же самое, почему ей и бываетъ тамъ скучненько.

— Все еще вѣрите въ вашихъ лекторовъ? — вдругъ

спросилъ ее Ермиловъ и прищурился сквозь стекла своего pince-nez.

— Какъ вы это сказали, Юрій Петровичъ! Точно я маленькая...

Она немного вспыхнула, и родинка у праваго глаза обозначилась особенно красиво... На щекахъ лежалъ прелестный тонъ отъ чуть замѣтнаго пушка.

„Какъ я глупъ!—остановилъ себя Ермиловъ.—Зачѣмъ я ее дразню, а не ухаживаю просто, напрямки?“

Она заговорила довольно горячо.

Въ ея произношеніи была какая-то особенность въ нѣкоторыхъ гласныхъ, что придавало манерѣ говорить большую своеобразность. Она переводила губами отчетливо и скоро, и весь складъ фразы отзывался Москвой, кореными оборотами русской рѣчи, немного посыпанными тѣми словами и терминами, которые пришли къ ней съ курсовъ и изъ „хорошихъ книжекъ“.

Ермиловъ совсѣмъ закрылъ глаза, слушалъ и смаковалъ.

„Барыня будетъ, московская барыня,—опредѣлилъ онъ,—и съ поготкомъ; мужа уберетъ подъ ланки—это навѣрно; да и друга, если современемъ заведетъ, будетъ держать въ большомъ подчиненіи“.

Она все еще оправдывалась въ видѣ критическихъ замѣчаній о своихъ преподавателяхъ.

— Да, нашъ милѣйшій Александръ Павловичъ,—говорила она, точно высыпая на поднось законченные звуки своего голоса, и при этомъ глаза ея искрились, — всѣхъ хочетъ обѣлить... Нѣтъ для него никакихъ слабостей и просто противныхъ сторонъ у тѣхъ, кто прославился... Вездѣ ищетъ искру Божью!

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся Ермиловъ и сталъ, въ знакъ одобренія, покачивать головой.

— Будь разбойникъ Картушъ — талантливъ, — продолжала Вогулина, польщенная успѣхомъ, — онъ и его обѣлилъ бы... какъ... кринъ сельный.

— Кринъ сельный!.. Прекрасно!.. Это изъ Евангелія, если не ошибаюсь?

— Кажется,—отвѣтила Вогулина и посмотрѣла въ сторону съ косымъ движеніемъ своихъ не очень красныхъ, но хорошенькихъ губъ.

— Ну да, ну да, — заговорилъ Ермиловъ, придя въ умственное возбужденіе и, придвинувшись къ ней, завер-

тѣлся въ креслѣ. — Милые идеалисты и педагоги, воздѣлывающіе искру Божью! По ихъ толкованію выходитъ, что какой-нибудь сенсуалистъ и даже циникъ семнадцатаго вѣка писалъ для васъ, для юношества обоего пола, защищалъ принципы, дорогіе передовымъ людямъ конца девятнадцатаго вѣка... А онъ просто дурачился или былъ даже ретроградъ и обскурантъ. А то такъ и порядочный донъ-Мерзавецъ!..

По блеску глазъ дѣвушки онъ сообразилъ, что она гораздо подготовленнѣе къ бесѣдамъ съ нимъ, чѣмъ годъ назадъ.

„Ты умненькая, — похвалилъ онъ мысленно, — тобой стоить заняться... Да еще и „распрехорошенькая“.

Онъ употребилъ терминъ одного своего петербургскаго пріятеля.

Одного лектора она похвалила и призналась, что только его лекціи и привлекаютъ ее „какъ надо“.

— Умница, ядовитый и безпощадный, — выговаривала она не торопясь, и когда искала словъ для выраженія своей мысли, глядѣла въ окно, на улицу, гдѣ деревья побѣлѣли отъ инея. — Какъ онъ освѣтилъ мнѣ весь прошлый вѣкъ... А въ томъ году — московскую Русь... Прелесть!..

— Не выѣзжаетъ ли онъ больше на своемъ остроуміи? — недовѣрчиво спросилъ Ермиловъ.

— Таланливъ, — сказала Анна Гавриловна, совсѣмъ по-московски, безъ буквы „т“, — очень таланливъ и совсѣмъ особенный!

„Не мѣшаетъ ее просвѣтить“, — рѣшилъ Ермиловъ, и безъ всякаго перехода спросилъ ее: читала ли она сонеты Жозе-Маріа Эредіа, и вообще знакома ли съ парижскими „декадентами“.

Она призналась, и чрезвычайно мило, что не слыхала даже имени этого Эредіа, а о „декадентахъ“ что-то вскользь прочла въ одной газетной корреспонденціи.

Ермиловъ сталъ восторгаться авторомъ сонетовъ, просилъ ее повѣрить ему на-слово, что Эредіа — первый въ Европѣ стихотворецъ по части сонетовъ, и тутъ же декламировалъ ей наизусть двѣ пьесы.

Слушала она внимательно, улыбалась и сказала потомъ:

— Звонко!.. Красиво!.. Но не захватываетъ что-то, Юрій Петровичъ.

— Сразу не вошли во вкусъ! Надо штудировать... Точно металлъ или золотыя буквы на каррарскомъ мраморѣ... А у насъ понятія не имѣютъ.

— Увы! и я въ томъ числѣ!

Въ ея взглядѣ была легкая иронія.

— Позвольте вамъ привезти томикъ. Если я только найду у Готье... Да врядъ ли! Здѣсь спросъ больше на романы господина Онэ!

Имя „Ohnet“ онъ произнесъ съ умышленнымъ растягиваніемъ перваго слога.

— Я читала!

— Horribile auditu!

— Это что такое? Я по-латыни не знаю.

— Поговорка, передѣланная мною. Пишутъ и говорятъ: horribile dictu, а я перемѣнилъ на auditu, т. е. ужасно слышать. Впрочемъ за свое не выдаю... можетъ, кто и до меня догадался.

Онъ такъ весело и молодо при этомъ мотнулъ головой, что Анна Гавриловна подумала: „Да онъ премилый“.

Ей было съ нимъ очень ловко, совсѣмъ не такъ, какъ прошлой зимой. Она болѣе понимала его, не считала уже фатомъ и „гнилымъ“ эстетикомъ.

„Поумнѣла я или поглупѣла?“—спросила она себя.

Этотъ „парижанинъ“ и вивёръ не смущалъ ее, а скорѣе привлекалъ. Отъ него шелъ какой-то умственный ароматъ, точно передъ нею разставили модныя, изящныя вещи на прилавкѣ, отчего явилось сейчасъ же чувство новизны и желаніе поскорѣе пріобрѣсти обновку, быть „въ курсѣ“—она употребила мысленно выраженіе, которое ей не нравилось, но другого она не прибрала. Ермиловъ вызвалъ въ ней душевную нарядность, заставилъ подтянуться, ей захотѣлось помѣряться съ нимъ, если не образованіемъ и новизной, то природнымъ умомъ, обаяніемъ женщины, всѣмъ тѣмъ, что въ ней сложилось своего, оригинальнаго, московскаго... Онъ рѣшительно интереснѣе не только ея сверстниковъ, но и молодыхъ людей, съ какими она встрѣчается въ кружкахъ.

Кстати, Ермиловъ, перейдя опять къ тому, что она читаетъ и съ кѣмъ проводитъ вечера, спросилъ ее:

— А изъ молодыхъ университетскихъ магистрантовъ, вообще чающихъ кафедры или просто просвѣщенныхъ москвичей, есть кто-нибудь подаровитѣе?

Она подумала и отвѣтила, какъ отвѣчаютъ дѣвушки.

когда имъ и хочется, и не хочется назвать имя, и заговорить о томъ, что начинаетъ немножко интересоваться... больше головой, чѣмъ сердцемъ.

— Мало... очень мало... — выговорила она серьезно, и на лбу показались чуть замѣтныя поперечныя складочки—привычка, отъ которой ни пансіонъ, ни тетушка Марѳа Ивановна, не отучили ее. — Одинъ есть... способный... Куликовъ...—осторожно произнесла она и провела по лицу Ермилова взглядомъ, полузакрытымъ рѣсницами.

— Который это?—началь вспоминать Ермиловъ и тоже наморщилъ переносицу.

— Вы видѣли его у Симбирцева.

— Маленькій, юрковатый, похожъ на конториста... А я принялъ его за нѣмца.

— Онъ настоящій москвичъ.

— Кажется, „болѣе ловкій, чѣмъ благоговѣйный“, какъ аттестовалъ одного священника архіерей.

— Пожалуй... такъ, — согласилась Вогулина, и ничего больше не добавила.

— Вы его одобряете? — спросилъ Ермиловъ, нагнувшись къ ней, тономъ друга, вызывающаго на откровенность.

— Я люблю съ нимъ разговаривать... Онъ разностороненъ... Много читаетъ и не по своей части.

— А онъ кто?

— Работаетъ по политической экономіи, по государственнымъ наукамъ и еще тамъ по какимъ-то. Но интересуется литературой.

— О сонетахъ великаго Эредіа тоже не слыхалъ?

— Спрошу.

Она хотѣла прибавить: „сегодня же вечеромъ“, но не сказала; скрыла и то, что Куликовъ бываетъ у нея два раза въ недѣлю въ роли не то руководителя ея занятій, не то добровольнаго лектора, произноситъ цѣлыя конференціи, заставляетъ ее читать, по его выбору, дѣлать выписки, докладывать о прочитанномъ.

„Еще подсмѣиваться будетъ!“ — подумала она про Ермилова.

— А отъ имени „декадентовъ“ приходитъ въ ужасъ?.. Ахъ, Боже мой!—спохватился вдругъ Ермиловъ, бросивъ взглядъ на пеньюаръ Вогулиной. — Я васъ навѣрное задержалъ. Вы вѣдь еще посѣщаете курсы?

— Должна была ѣхать къ милѣйшему Александру

Павловичу, да ужъ теперь поздно. Вамъ за это признательна, Юрій Петровичъ.

Онъ всталъ.

— Очень любезно!—вскричалъ онъ, и нагнулся, чтобы еще разъ поцѣловать ея руку. — Я заверну... и привезу вамъ Эредіа, а можетъ-быть и Верлена.

— Кого?—не разслышала она.

— Это поэтъ декадентовъ. Его надо читать медленно, знаете... въ родѣ того, какъ дѣлаютъ грамматическій анализъ, въ гимназіи, Тацита или греческаго классика.

— Какое мученье!

— Не скажите. Особый подборъ словъ. Мелодія... Да, вотъ, я вамъ скажу одно четверостишіе...

Онъ облокотился о піанино, держа шляпу въ рукѣ, и нараспѣвъ проговорилъ четыре коротенькихъ стиха, гдѣ Анна Гавриловна ничего не поняла: многія слова проскользнули по ней какъ звуки—и только.

— Не правда ли, оригинально?

— Да я ничего не понимаю, Юрій Петровичъ.

— Это не важно. Будете понимать! Увѣряю васъ. Цѣлая революція въ стихѣ и формѣ рѣчи...

Онъ заторопился уходить и въ дверяхъ не выдержалъ, еще разъ повторилъ послѣдній стихъ куплета:

Les pétales de remueement.

Хозяйка проводила его въ переднюю, пожуривъ за то, что онъ въ пальто, а на дворѣ лежитъ снѣгъ.

— Авось, не схвачу ничего! Я въ каретѣ.

Они условились видѣться черезъ два дня, наканунѣ обѣда Симбирцеву.

Карета отѣхала отъ крыльца. Въ окно ея Анна Гавриловна увидала голову гостя, въ высокомъ цилиндрѣ, и плотный станъ въ пестромъ пальто.

Она долго слѣдила глазами за экипажемъ.

„Почему онъ не такъ же молодъ, какъ Куликовъ?“—спросила она, и ей всѣ московскіе показались такими устарѣлыми, своего домашняго издѣлія, рядомъ съ этимъ „европейцемъ“, въ которомъ она почувала цѣнителя ея женскаго обаянія.

„Да, все это такъ,—подумала она, отходя отъ окна.—Но вѣдь у него ужасная репутація. Онъ опасенъ... И отъ него ничего хорошаго ждать нельзя“.

VIII.

Вечеръ подкрался скоро — дни стали короткіе. Анна Гавриловна не успѣла ничего порядкомъ сдѣлать — ни по-пасть на позднюю лекцію, замѣшкалась въ пассажѣ Солодовникова, гдѣ надо было купить какой-то пустякъ для тетушки, — ни подготовиться получше къ вечерней бесѣдѣ съ Куликовымъ; хотѣла оставить это до послѣобѣда; но отъ ходьбы пѣшкомъ она такъ разомлѣла, что прилегла, одѣтая, и, проспавъ почти до семи часовъ, разсердилась на себя за это.

А потомъ надо было нѣ-скоро поприодѣться и пригото-вить все для визита Виталія Орестовича.

Въ гостиной, на кругломъ столѣ, подъ лампой, она стала раскладывать книжки. Ей было все еще досадно, что она не подготовилась, не только ничего не записала, но даже не прочла и половины той книги, о которой они должны „бесѣдовать“ сегодня съ Куликовымъ.

Это — одна изъ монографій Морлея, въ русскомъ перево-дѣ. Книжка лежала тутъ и дразнила ее, точно школь-ницу. И туалетомъ своимъ Анна Гавриловна осталась не-довольна. Она надѣла темную шерстяную юбку и шелко-вый корсажъ.

„Къ чему этотъ шелкъ?.. Разрядилась по-купечески!“

Но шелкъ она очень любила чувствовать подъ рукой, поводить длинными и бѣлыми кистями рукъ по таліи, отъ спины кпереди и немного вверхъ, по груди.

И теперь она сдѣлала этотъ жестъ, подойдя къ окну и глядя на сосѣдній фонарь.

Она чувствовала, какъ у нея гибки талія и спина. Когда она училась въ пансіонѣ, начальница все сожалѣла, что у нея выгибъ спины слишкомъ великъ. Тамъ это счи-талось большимъ недостаткомъ. Отъ него старались из-бавиться, носили особеннаго рода корсеты. И по выходѣ изъ пансіона спина безпокоила Анну Гавриловну до тѣхъ поръ, пока она не попала въ Большой театръ, посмотрѣть Сару Бернаръ въ „Дамъ съ камеліями“. У знаменитой актрисы, поразившей Москву своимъ изяществомъ и не-виданными позами, спина была такъ же выгнута, какъ и у нея, и артистка не только не скрывала этого, а, на-противъ, пользовалась линіей спины, чтобы выставлать въ самомъ красивомъ ракурсѣ весь свой художавый

станъ, опираясь на одну ногу и откидывая голову немного назадъ.

Обезьянить — хотя бы и Сару Бернаръ — Анна Гавриловна не хотѣла, но перестала смущаться изгибомъ спины и начала даже заказывать себѣ низкіе и мягкіе корсеты, чтобы контуры бюста сохранялись волнистыми и гибкими.

Мигающій рожокъ фонаря навелъ на нее тревожное настроеніе другого рода: сегодняшній неожиданный визитъ Ермилова, его тонкая любезность, блескъ и темпераментъ человѣка, умѣющаго любить, даже то, что онъ считается большимъ грѣшникомъ въ томъ кружкѣ, гдѣ она встрѣчала его, — все это вызвало рядъ недовольныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ самой себѣ.

А развѣ она жила? Ей двадцать одинъ годъ. Многія ея подруги любили, вышли замужъ, имѣютъ дѣтей, нѣкоторыя испытали страданія любви, перенесли цѣлыя драмы. Она не знаетъ до сихъ поръ, что такое увлеченіе, хотя бы мимолетное, но сильное, такое, чтобы духъ захватывало. Годъ тому назадъ она, правда, увлекалась крайними идеями, сходилась съ молодежью, бывала на сходкахъ, чуть было даже не скомпрометировала себя письмомъ, въ сущности невиннымъ; но оно очутилось въ рукахъ прокурора послѣ ареста одной ея знакомой.

Она не испугалась этого, но увлеченіе быстро соскакивало съ нея... У нея нѣтъ уже вѣры въ то, что, одно время, казалось ей новымъ откровеніемъ правды и справедливости. Московская барышня всплыла и начала овладѣвать ею незамѣтно и прочно. Ея красивая голова, точно запутанный клубокъ нитокъ, разбирала противорѣчія, произволъ положеній и афоризмовъ, которые надо было признавать безусловно; работа головы пахнула холодкомъ и на личное отношеніе къ тѣмъ, кто ее затыгивалъ въ служеніе „дѣлу“. Она разглядѣла почти всѣхъ. Ни мужчины, ни женщины не выдержали ея анализа... Одинъ недостаточно уменъ, другой фанатикъ безъ познаній и даже безъ логики, третья рисуется своими крайними идеями, четвертая отталкивается грубостью, перьяшливостью и опять нетерпимостью... Съ ними невозможно и спорить. Они считаютъ всякое возраженіе измѣной, „гнуснымъ“ ретроградствомъ. Какъ разъ прослывешь и шпионкой.

И такъ протянулось четыре года дѣвической жизни, съ выхода изъ пансіона. Смерть отца внесла поту горечи, и

одинокство стало еще замѣтнѣе... Матери своей она не помнила. Тетка — только покладливая компаньонка, — не больше. Одинокство и охватившая ее сухость жизни, — быть вѣчно одной хозяйкой цѣлаго дома и госпожей своихъ поступковъ, — вѣроятно, и толкнули ее въ сторону „дѣла“. Тогда она стала дѣлаться равнодушнѣе и къ лекціямъ; перешла, однако, во второй курсъ; одно время неглижировала занятіями, а когда соскочило съ нея увлеченіе политикой, къ концу второго года, она и къ профессорамъ стала относиться критически; ея сегодняшній разговоръ съ Ермиловымъ показалъ ей, какъ она теперь далека отъ прежняго подчиненія авторитету лекторовъ...

Да и вообще нѣтъ чего-то, самаго главнаго, радостнаго и оживляющаго особымъ электричествомъ. Всѣ эти „хорошія книжки“, лекціи, вѣскіе разговоры съ „направленіемъ“, вечеринки, люди зрѣлыхъ лѣтъ, занимающіе кафедры, молодые люди, стремящіеся къ кафедрамъ, или просто молодые люди, помощники присяжныхъ повѣренныхъ, студенты, техники... Не умѣютъ они даже говорить такъ, чтобы чувствовался вкусъ къ жизни, чтобы что-то такое заиграло тамъ, внутри души, какъ веселый солнечный зайчикъ на стѣнѣ въ весенній день.

Никто не можетъ вызвать страсть или отвѣтить на нее красиво, обаятельно, ни въ комъ не чувствуешь мужчины, сильнаго и кроткаго, съ умной лаской или завлекательно нервнаго, смѣлаго въ порывахъ своихъ.

Вотъ и Виталій Орестовичъ, который началъ интересоваться ею... Развѣ между ними летятъ искры неудержимаго влеченья?.. Онъ хлопочетъ о ея развитіи и не замѣчаетъ, что ей отъ этого развиванія дѣлается скучно, — особой скукой, въ родѣ мелкаго дождя, — отъ разговоровъ на темы, гдѣ совсѣмъ не то говоришь, что бы въ ту минуту хотѣлось.

Ермиловъ тысячу разъ правъ! Всѣ эти „идеалисты“ ходятъ вокругъ да около настоящей жизни, искусства и литературы. Они не то любятъ, не тѣхъ поэтовъ, не тѣхъ романистовъ, не наслаждаются формой, не видятъ въ томъ, что красиво и ново, почти ничего, кромѣ предлога къ разсужденіямъ на общественные и моральные сюжеты... Всѣ книжки, какія онъ давалъ ей „штудировать“, такого же рода: умныя, полезныя, иногда новыя для нея, но совсѣмъ не такія, чтобы чтеніе ихъ вызывало между нею,

дѣвушкой двадцати одного года, и имъ, молодымъ мужчиной двадцати пяти—трепетныя минуты сочувствія, сердечныхъ неожиданностей, когда симпатія подкрадывается тайно и ждетъ только предлога, чтобы все освѣтить, все сдѣлать прекраснымъ, полнымъ очарованія...

Да и не могла бы она прильнуть къ нему душой, если бы и хотѣла, къ этому маленькому, аккуратному, отчетливо говорящему и „юркому“,—ей пришло на память это слово Ермилова,—кандидату правъ, Виталію Орестовичу Куликову.

Въ немъ она не видитъ даже искренней убѣжденности... Настоящая вѣра въ принципъ знакома ей была по кружку болѣе радикальной молодежи... Тамъ—фанатики, но ужъ вплотную, безъ всякихъ заднихъ мыслей...

А Куликовъ слишкомъ чистенькій и осторожный, черезчуръ похожъ на нѣмчика, съ своей курчавой черной головой, съ узкимъ черепомъ и манерами конториста отъ Юнкера на Кузнецкомъ. Онъ—либераль и сильно поддѣлывается теперь ко всѣмъ, кто даетъ тонъ въ обществѣ, гдѣ онъ дѣлаетъ свою карьеру.

„Онъ ее и сдѣлаетъ“,—подумала Анна Гавриловна, и даже представила себѣ, какъ онъ вѣжливо и основательно, съ улыбочкой и съ красивыми маленькими фразами, будетъ стоять на кафедрѣ, въ большой физической аудиторіи новаго университета, и защищать свою магистерскую диссертацию.

И слово „магистѣрская“ прошло у нея въ головѣ съ удареніемъ на третьемъ слогѣ, какъ дѣлаетъ Куликовъ, подражая нѣкоторымъ профессорамъ.

Нѣтъ, этотъ маленькій человѣкъ не заполонитъ ее, не дастъ ей ощущеній любви, не покажетъ ей и подобія страсти... или глубокаго, какъ морское дно, счастья двухъ существъ, отыскавшихъ другъ друга въ дремучемъ лѣсу житейскихъ встрѣчъ и случайностей.

Ей уже давно сдается, что ѣздитъ онъ къ ней не просто, самъ предложилъ ей эти бесѣды, которыя отнимаютъ у него время. Она намекнула уже ему, что готова платить ему гонораръ, хотя ей нѣтъ большой надобности въ такихъ „репетиціяхъ“... Онъ наотрѣзъ отказался.

Да, ѣздитъ не просто. Значитъ,—мѣтитъ въ женихи.

Это слово: „женихъ“ какъ будто не понравилось ей... Она брезгливо повела губами и переложила на столѣ книжки въ другомъ порядкѣ.

Неужели подползла уже и ей пора дѣлать выборъ, какъ и другимъ „барышнямъ“, дворянкамъ и купчихамъ, потому что „такъ надо“, лѣта просятъ этого... А то начнетъ засасывать боязнь остаться въ дѣвахъ...

Но она свободна, съ хорошимъ состояніемъ, не глупа, любить ширь... Нигдѣ, правда, еще не бывала дальше Химокъ или Кунцева... Но развѣ не можетъ она сдать свой домъ въ наемъ, взять тетушку или компаньонку и поѣхать на цѣлый годъ за границу, взглянуть на красоты южнаго неба и водоворотъ Парижа?.. Вотъ такой, какъ Юрій Петровичъ, былъ бы ей чудеснымъ товарищемъ. Мужа изъ него не выйдетъ... Идти на нѣжности съ нимъ она не желаетъ... Но поѣхаться съ нимъ по итальянскимъ озерамъ, провести мѣсяцъ въ Парижѣ... да это — восторгъ!..

Анна Гавриловна мечтала такимъ образомъ и не слышала, какъ Даша окликнула ее вторично:

— Барышня!

— Что тебѣ?

— Къ чаю прикажете поставить закуску?

— Конечно.

— Чего же изволите приказать?

— Я не знаю... Ахъ, Даша, какъ будто это въ первый разъ!..

— Ростбифа нѣтъ...

— Ну, чего-нибудь... Все равно...

Ей стало досадно на то, что Даша прервала ея мечты о Комскомъ озерѣ и парижскихъ бульварахъ... И стоитъ ли для Куликова дѣлать такія приготовленія?

— Тетушка еще почиваетъ?—спросила она, и немного какъ будто просвѣтлѣла.

Она не любила быть нервной даже съ прислугой.

— Встали... Онѣ приказали сказать, что чай будутъ кушать у себя.

— Хорошо... ступай.

Тетушка употребляла свой обычный маневръ не мѣшать ей быть одной съ Куликовымъ. Онъ ей понравился... Женихъ!.. И, вѣроятно, по ея соображеніямъ, пришла послѣдняя пора Аночкѣ „вынуть свой жребій“.

— Въ которомъ часу чай?

— Ахъ, Даша! Какъ вы сегодня пристаєте!.. Какъ всегда, къ девяти...

Позвонили. Даша устремилаь отворять... И она считала

Куликова женихомъ. По ея понятіямъ, иначе и не могло быть; барышня принимаетъ молодого барина по два раза въ недѣлю, и засиживаются они до полуночи съ-глазу-на-глазъ и все ведутъ разговоры, разумѣется, любовные; а книжки—только для отвода глазъ,—думалось Дашѣ.

IX.

По главной парадной лѣстницѣ ресторана „Эрмитажъ“ поднимался Ермиловъ въ началѣ шестого. Онъ пріѣхалъ на обѣдъ, по подпискѣ товарищей и пріятелей, Ивану Никитичу Симбирцеву, по случаю его академическаго повышения.

Ермиловъ довольно давно не попадалъ въ „Эрмитажъ“—въ это, какъ онъ выражался, „государственное учрежденіе“. Съ тѣхъ поръ, послѣ пожара, многое было тамъ передѣлано. Слышалъ онъ про новый совсѣмъ видъ залы ресторана, гдѣ играетъ оркестріонъ, про плафонъ, расписанный дорогимъ художникомъ, и разныя другія украшенія приподнятаго лѣпного потолка... Въ бѣлой же залѣ подъ мраморъ, гдѣ даются большіе обѣды, онъ уже бывалъ не разъ въ послѣдніе годы.

Окраска и убранство сѣней и лѣстницы—смѣсь чего-то античнаго съ новѣйшей бронзой парижскаго издѣлія—заставили его усмѣхнуться. „Эрмитажъ“ оставался вѣренъ своему типу: переваривались тутъ всякіе стили, какъ и въ ѣдѣ, изготовляемой на его громадной кухнѣ, гдѣ двадцать поваровъ и сорокъ поварятъ, подъ надзоромъ француза-шефа, съ одиннадцати утра до четырехъ ночи отпускаютъ безконечные ряды порцій.

На широкомъ окнѣ лѣстницы, откуда подъемы расходятся направо и налево, Ермиловъ увидалъ фотографію кухоннаго персонала, длинную и узкую, среди картонныхъ объявленій объ омарахъ, блинахъ, устрицахъ и морскихъ рыбахъ. На всѣ эти рекламы лился веселый свѣтъ изъ газовыхъ канделябръ въ рукахъ обнаженныхъ бронзовыхъ женщинъ съ египетскими головными уборами.

Запахъ обдалъ его, проникавшій сверху, давно, со студенческихъ лѣтъ знакомый ему, неразлагаемый запахъ хорошаго московскаго трактира. Все это „замолаживаетъ“ его, хотя къ бѣлымъ рубашкамъ половыхъ и ко всей этой „мѣшанинѣ“ Европы съ Азіей онъ имѣлъ мало склонности... Егоръ Петровичъ любилъ, чтобы изъ Европы переносили все „цѣликомъ, не умничая, не передѣлывая“, и

серьезно толковалъ о томъ, какъ важно было бы открывать настоящіе бульварные кафѣ, съ гарсонами въ длинныхъ фартукахъ и прохладительными по строго парижскому образцу.

Но воспоминанія, кровная связь съ Москвой — брали свое...

На верхней площадкѣ Ермиловъ искренно осклабилъ лицо свое, увидавъ француза контръ-мэтра, съ которымъ не разъ обсуждалъ меню ужиновъ въ отдѣльных кабинетахъ послѣ маскарадовъ.

— Monsieur Carolus! — окликнулъ онъ его и подалъ ему свою породистую, дворянскую руку.

Каролюсъ былъ все тотъ же и ободряюще дѣйствовалъ на всякаго неизмѣнностью своего вида.

Каждый входившій, въ томъ числѣ и Ермиловъ, могъ забывать свои годы, воображать себя, что и онъ все тотъ же, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, и болѣе...

Съ Каролюсомъ Ермиловъ поговорилъ, спросилъ его, гдѣ нынче „un diner de corps universitaire“, и узналъ, что обѣдъ въ красной комнатѣ новыхъ кабинетовъ и заказанъ на двадцать пять человѣкъ; услыхалъ онъ отъ француза и нѣкоторыя подробности о капитальныхъ переделкахъ; что стоилъ корпусъ новыхъ кабинетовъ съ бѣлой залой, и во что обошелся пожаръ съ теперешней залой ресторана. Потужили они о покойномъ патронѣ, основателѣ заведенія. Низковатая фигура его и хмурая голова блондина встали въ памяти Ермилова, какъ живыя, за конторкой буфета... Съ тѣхъ поръ хозяйничало паевое товарищество.

Каролюсъ спросилъ его, между прочимъ, на какую сумму, полагаетъ онъ, было въ прошломъ году побито посуды на счетъ ресторана?

Ермиловъ затруднился угадать.

— Pour dix mille roubles de casse, cher monsieur, rien que de la casse!..

И французъ даже прищелкнулъ языкомъ, провожая гостя къ одной изъ арокъ большого ресторана, гдѣ обѣденное время вступило въ полный разгаръ, а помѣщающійся на хорахъ оркестріонъ билъ въ уши грохотомъ и гудѣньемъ, выдѣлывая номера изъ „Цыганскаго барона“.

Ермиловъ всталъ у буфета и оглядывалъ въ рінсе-пез лѣпныя украшенія и расписной плафонъ. Съ середины по-

толка смотрѣла на него голая женщина, розовая и прикрашенная, въ условномъ декоративномъ вкусѣ.

— *Comment trouvez-vous la déesse?* — спросилъ его французъ.

— *Comme ça!* — отвѣтилъ Ермиловъ и присвистнулъ.

— *Dix mille roubles, cher monsieur!*

— *Comme la casse, alors?..*

Оба разсмѣялись шуткѣ.

Бѣлыя рубашки сновали между малиновыми диванами, грохотъ оркестріона сливался съ гуломъ голосовъ. Табачный дымъ уже застилалъ пламя свѣчъ на каждомъ столѣ. Зала съ своей сѣровато-зеленой лѣпной отдѣлкой потолка и стѣнъ и хрусталиками газовыхъ люстръ болѣе дразнила, чѣмъ удовлетворяла зрѣніе, и Ермилову хотѣлось сейчасъ бы все это передѣлать по-своему.

Онъ доволенъ былъ только тѣмъ, что въ ресторанѣ обѣдали и дамы... Одна высокая шляпка съ шесткомъ изъ нестрыхъ лентъ заставила его обернуться вправо...

— *Vous m'excuserez?* — шепнулъ ему торопливо французъ, котораго позвали въ кабинетъ.

— *Faites, faites!..* — отпустилъ его Ермиловъ и медленной, развалистой походкой прошелся вдоль буфета къ тому углу, гдѣ сидѣла шляпка.

Лицомъ онъ не остался доволенъ и разсудилъ, что пора и въ красную комнату... Надо было опять попасть на лѣстницу, подняться и спуститься и повернуть въ коридоръ новыхъ кабинетовъ, гдѣ группа бѣлыхъ рубашекъ ждала гостей...

— Егоръ Петровичъ! Батюшка! Пожалуйста... васъ ждемъ!

Къ нему навстрѣчу вышелъ въ коридоръ Кустаревъ, въ черномъ новомъ сюртукѣ, но въ рубашкѣ съ шитымъ воротомъ, возбужденный и немного покраснѣвшій.

— Всѣ въ сборѣ?..

— Одного не хватаетъ... Мы уже начали рушить закуску.

Съ Кустаревымъ Ермиловъ не видался съ его визита на хуторъ. Ему совѣстно было, что онъ взбудоражилъ тогда ихъ съ женой, увѣренный въ томъ, что все обойдется скоро и удобно. Лилю онъ долженъ былъ оставить у Невзоровыхъ, о чемъ и написалъ ей матери. Извинился онъ и передъ Кустаревыми въ очень веселенькой запискѣ, гдѣ описалъ съ юморомъ свое собственное „шенананство“. Евменій Филипповичъ, въ отвѣтномъ письмѣ,

не сталъ ему пенять, находилъ даже, что такъ лучше, потому что Гая могла бы очень привязаться къ ребенку—и тогда бѣда. Онъ былъ тронутъ тѣмъ, что Егоръ Петровичъ остался еще на нѣсколько дней отобѣдать въ честь Симбирцева, ихъ общаго товарища по гимназiи.

Сурово-добродушный видъ Кустарева сразу наполнилъ Ермилова молодымъ чувствомъ корпоративной связи... Нужды нѣтъ, что онъ частенько, про себя, подтрунивалъ надъ университетскими москвичами, ихъ слабостью къ застольнымъ спичамъ, длиннымъ и обильнымъ разными „хорошими словами“. Но ему было прiятно въ ихъ средѣ, именно въ этомъ „Эрмитажѣ“, въ той красной комнатѣ, гдѣ онъ столько разъ ѣлъ и пилъ, и самъ произносилъ спичи, и любезничалъ съ дамами кружка.

„Давно ли это было?—вспомнилъ онъ.—Давали небольшимъ обществомъ веселый обѣдъ русскому писателю, прiѣхавшему изъ Парижа зимой. Съ какимъ аппетитомъ закусывалъ онъ свѣжей икрой и какъ достолюбезно и тонко улыбался, сидя на почетномъ мѣстѣ, всѣмъ участвовавшимъ. И дамы говорили... Одна премиленькая курсистка составила весьма умненькій и литературно отдѣланный спичъ и вначалѣ отъ волненiя запнулась, но дошла до конца, при шумныхъ рукоплесканiяхъ...“

И давно ли это было? И писатель лежитъ на кладбищѣ, и та курсистка безслѣдно исчезла... И самъ Ермиловъ постарѣлъ на цѣлыхъ семь-восемь лѣтъ...

— Пожалуйста, пожалуйста, дружище!—подталкивалъ его Кустаревъ, пропуская впередъ.

Они остановились передъ крайней дверью налѣво. Половой взялся за ручку, чтобы растворить.

— Все свои?—шопотомъ спросилъ Ермиловъ.

— Да... только...

Кустаревъ поморщился.

— Есть какой-нибудь „милостивый государь“?

— Именно... Сохинъ... Помните?

— Что-то забылъ.

— Онъ съ Симбирцевымъ въ университетѣ водилъ хлѣбъ-соль. Ну, узналъ объ обѣдѣ и увязался...

— А изъ какихъ онъ?

Кустаревъ на ухо Ермилова отрѣзалъ:

— Ренегатишка!.. — и прибавилъ еще одно крѣпкое слово.

— Въ массѣ—сойдетъ...

— Онъ и теперь сидитъ какъ будто оплеваннымъ. Никто съ нимъ не говоритъ.

Они вошли въ красную комнату. Гулъ голосовъ переливался вдоль длиннаго стола съ закуской. Широкий обѣденный столъ занималъ средину, — весь въ свѣтѣ четырехъ массивныхъ канделябръ.

Точно вчера еще пировалъ тутъ Ермиловъ съ москвичами... И пианино на томъ же мѣстѣ, и мебель разставлена безъ малѣйшей перемѣны.

— Вотъ и парижанинъ! — провозгласилъ Кустаревъ и толкнулъ Ермилова къ густой кучкѣ, занимавшей ближайшій уголъ у закуски.

— А!.. А!.. Егоръ Петровичъ!.. Съ прїѣздомъ!.. Голубчикъ!..

Начались рукопожатія и даже поцѣлуи. Съ двумя-тремя участниками обѣда Ермиловъ былъ на „ты“ — въ томъ числѣ и съ Симбирцевымъ.

Симбирцевъ первымъ поцѣловался съ Ермиловымъ... Онъ совсѣмъ посѣдѣлъ и смотрѣлъ лѣтъ на семь, на восемь старше его, но полное и румяное лицо лоснилось отъ цвѣтущаго здоровья сангвиника, плотнаго, плечистаго, съ брюшкомъ... И небольшая лысина его сіяла, искрились сѣрые глазки; подстриженная четырехугольникомъ борода тоже какъ будто улыбалась.

Онъ не унывалъ и все съ тою же выносливостью тянулъ свою лямку хорошаго работника и отца съ полдюжины дѣтей, — уходилъ съ одинаковой душевной отрадой и въ свою семейную жизнь, и въ занятія „естественника“. Онъ держался положительныхъ идей и не долюбивалъ „метафизики“; не отказывался ни отъ какого обѣда или вечеринки, но въ карты не игралъ, зато балагурилъ и рассказывалъ веселыя вещи по цѣлымъ часамъ.

И въ туалетѣ Симбирцевъ былъ своеобразенъ: внѣ службы носилъ имъ самимъ сочиненный короткій „реденготъ“, застегнутый до верху, темно-оливковаго цвѣта, а часы помѣщалъ въ наружномъ боковомъ карманѣ...

— Наконецъ-то завернулъ и къ намъ... Великій шатунъ и сластолюбецъ!.. Пройдемся по горькошпанской!

Онъ пригласилъ Ермилова широкимъ жестомъ правой руки, указывая на рядъ бутылокъ со всевозможными водками и на вазочку съ свѣжей икрой.

— Икра!.. Это—важная статья!.. — отвѣтилъ въ тонъ Ермиловъ, и ему стало еще прїятнѣе среди этихъ бѣль-

шею частью плотныхъ и рослыхъ фигуръ и возбужденныхъ бородатыхъ лицъ.

— Вонъ онъ!—шепнулъ ему Кустаревъ, у котораго не проходило нервное возбужденіе.—На томъ углу, давится семгой.

Одинъ, на замѣтномъ разстояніи отъ остальныхъ, закусывалъ сухощавый блондинъ съ просѣдью, съ пробритой верхней губой и жидкой бородкой рыжеватаго оттѣнка, съ выдающимся подбородкомъ и толстой нижней губой. На щекахъ замѣтны были красноватые пятна. Глаза глядѣли вкось, и лицо все усмѣхалось нехорошей усмѣшкой.

— Хорошъ!..—отвѣтилъ Ермиловъ.—Какъ его фамилія?

— Да Сохинъ же!

Евменію Филипповичу невыносимо становилось присутствіе этого господина, и онъ радъ былъ бы хоть какой-нибудь тревогѣ, въ родѣ пожара, что ли, только бы не обѣдать съ этимъ Сохинымъ. Самому Симбирцеву онъ не выговаривалъ за то, что тотъ не устранилъ Сохина, явившагося прямо къ обѣду, безъ предварительнаго заявленія и не будучи приглашеннымъ распорядителями.

Распорядителей было двое: Кустаревъ и Куликовъ.

Только что Ермиловъ перекинулся словами, шопотомъ, насчетъ Сохина, какъ къ нему подошелъ маленькій брюнетикъ въ золотыхъ, очень блестящихъ очкахъ, чистенько одѣтый, курчавый, съ бородкой, подстриженной по модѣ очень низко.

— Имѣлъ удовольствіе встрѣчаться...—заговорилъ онъ отчетливо и быстро, тономъ благовоспитаннаго молодого чиновника.

— Monsieur Куликовъ?—освѣдомился Ермиловъ, и черезъ *pinse-nez* прищурилъ на него свои барскіе глаза.

— Виталій Орестовичъ Куликовъ... второй распорядитель,—чай, помнишь?—окликнулъ Симбирцевъ.—Онъ тебя усадить съ кѣмъ тебѣ хочется...

„Такъ это ты посягаешь на домовладѣлицу у Патріаршихъ-Прудовъ? — подумалъ Ермиловъ. — Не дуры у тебя губы“.

Онъ особенно учтиво, какъ отлично умѣлъ съ людьми ему еще неизвѣстными, подалъ руку брюнету и сказалъ:

— Весьма радъ!

— Анна Гавриловна просила поблагодарить васъ за книгу. Она надѣется, что вы заѣдете проститься.

— Непремѣнно.

Ермиловъ добавилъ про себя: „будто бы ужъ тебѣ наше знакомство доставляетъ такое удовольствіе?“

И онъ немножко разсердился на этого юркаго кандидата за его молодость, за то, что тотъ, быть-можетъ, сдѣлается законнымъ обладателемъ прелестнаго носика, пушистыхъ рѣсницъ, роскошныхъ волосъ и родинки на персиковой щекѣ „московской боярышни“.

Книга, за которую Вогулина прислала этого „жениха“ благодарить Ермилова, былъ именно томикъ сонетовъ Жозе-Маріа Эредіа. Онъ нашелся у Готье и былъ ей доставленъ прямо изъ магазина сегодня утромъ.

— Вы еще не выбрали мѣсто? — сладковато спросилъ Куликовъ. — Между кѣмъ и кѣмъ вамъ угодно сѣсть?

Ермиловъ указалъ на Кустарева и одного адвоката, державшагося пріятельски съ кружкомъ.

— Позвольте мнѣ вашу карточку... Я ее положу на бокалъ.

„Ты безъ мыльца влѣзешь“, — подумалъ Ермиловъ, и любезность Куликова стала ему довольно противна.

Онъ съ кѣмъ-то заговорилъ въ другой группѣ.

— За столъ, господа, за столъ! — раздалось приглашеніе Кустарева.

Половые уже суетились вокругъ суповыхъ чашекъ съ двумя сортами горячаго.

Комната наполнилась испареніями жирнаго раковаго супа.

Всѣ шумно стали разсаживаться, продолжая начатые разговоры.

Сохинъ втерся въ сосѣдство Симбирцева и Кустарева, на почетномъ углу стола.

Х.

Спичи начались со второго блюда — разварной рыбы.

Раздался стукъ ножа о стаканъ. Первымъ всталъ Кустаревъ. Онъ не отличался склонностью къ застольнымъ рѣчамъ, но тутъ случай былъ особенный: Симбирцева онъ любилъ и видѣлъ въ немъ рѣдкій, между русскими, примѣръ человека, нашедшаго свой устойчивый базисъ, уравновѣшеннаго по натурѣ, выносливаго въ работѣ, способнаго „переждать“ самыя крутыя времена, не смущеннаго тѣмъ, что уже нѣсколько лѣтъ вѣяло другимъ духомъ, философа на свой ладъ, безъ риска и безъ компромиссовъ.

Частенько Кустаревъ завидовалъ такому душевному складу Симбирцева, завидовалъ тому, что онъ, „естественникъ“, занимаетъ кафедру, не зависящую ни отъ какихъ переменъ вѣтра, имѣетъ дѣло съ вѣчными законами природы. Но, завидуя, онъ зналъ про себя, что онъ самъ и „естественникомъ“ не удержался бы и ушелъ бы со службы.

Кустаревъ говорилъ не цвѣтисто, своимъ хриплымъ, задушевымъ баскомъ. Видно было, что онъ задумалъ одинъ только остовъ спича. а потому мѣстами импровизировалъ, обращая часто къ Симбирцеву на „ты“ и вставлялъ два-три воспоминанія студенчества и первыхъ шаговъ на академическомъ поприщѣ.

Ему хотѣлось высказать то, что вотъ они опять вмѣстѣ и хотя имъ подчасъ и приходится „жутко“, но надо держаться и брать примѣръ съ Симбирцева. Если уже черезчуръ трудно сдѣлаться „кроткимъ какъ голубица“, то надо быть „мудрымъ какъ змѣй“ и не давать себя на съѣденіе зря,—припрятать юношескую пылкость для лучшихъ оказій.

Слушая пріятеля, Ермиловъ сидѣлъ съ полузакрытыми глазами.

При первыхъ словахъ Кустарева онъ нагнулъ голову и даже закрылъ совсѣмъ глаза. Ему дѣлалось почти подѣтски стыдно, когда кто-нибудь изъ близкихъ ему лицъ начиналъ произносить рѣчь. Онъ боялся и того, что Кустаревъ скажетъ что-нибудь слишкомъ рѣзкое, рискованное, отъ чего его попросятъ, пожалуй, переселиться и изъ подмосковнаго хуторка. Тутъ же еще этотъ Сохинъ, котораго самъ Кустаревъ обозвалъ „ренегатишкой“.

Но спичъ Евменія Филипповича начинался вовсе не такъ. Ермилову стало легче; потомъ онъ совсѣмъ раскрылъ глаза, вздѣлъ свое *rinse-nez* и началъ, прищуриваясь однимъ глазомъ, слѣдить за лицами обѣдавшихъ.

„Да вѣдь онъ себѣ самому нотаціи читаетъ, — думалъ Ермиловъ, и ему тотчасъ вспомнился разговоръ съ его родственникомъ, въ губернскомъ городѣ, за чаемъ. — Это тѣ же совѣты, только въ другой формѣ“.

„Въ добрый часъ, — одобрялъ онъ мысленно Евменія Филипповича, — такъ-то гораздо лучше! Хорохориться нечего! Надо выждать, какъ дѣлаетъ Симбирцевъ и всѣ истинно умные люди“...

Глаза Ермилова невольно повернулись въ ту сторону, гдѣ, поближе къ Симбирцеву, присосѣдился Сохинъ.

Его нижняя губа выпятилась, щеки—нечистой кожи и съ красными пятнами—перекосились въ усмѣшку, глаза были скошены, все выраженіе говорило о томъ, что его внутренно дергало въ ту минуту; ему было и неловко, и злился онъ на себя за эту неловкость, и хотѣлъ взять развязностью, но никто къ нему не обращался, и вотъ онъ съ усмѣшкою и увѣренностью человѣка, вступившаго на твердую почву, относился къ этому *profession de foi* Кустарева, готовый крикнуть ему: „что, пріятель, сбрендиль?“

Обо всемъ этомъ догадался Ермиловъ, и что-то ему подсказало, что присутствіе Сохина даромъ не пройдетъ.

Евменій Филипповичъ не могъ, однако, выдержать спича въ томъ же духѣ до конца. Онъ закончилъ, приподнявъ и тонъ рѣчи, и звукъ голоса, указаніемъ на то: какъ рѣдки теперь люди, оставшіеся вѣрными себѣ, какъ часты перебѣжчики...

Ему ужасно захотѣлось бросить взглядъ на Сохина, — тотъ сидѣлъ противъ него,—но онъ этого не сдѣлалъ.

Ермиловъ завожился на стулѣ, не выдержалъ и, обратившись къ своему сосѣду-адвокату, шепнулъ:

— Дѣло портится!

Тотъ кивнулъ ему головой.

Голосъ Кустарева задрожалъ, и нѣсколько фразъ было сказано такъ, что Ермиловъ опять закрылъ глаза.

Сильныя рукоплесканія раздались съ обоихъ концовъ стола, и къ Симбирцеву потянулись съ бокалами, жали руки, шли цѣловаться; благодарили и Кустарева, чокались съ нимъ всѣ. Сохинъ протянулъ свой бокалъ къ Симбирцеву и сказалъ ему голосомъ старой женщины — онъ былъ почти безъ зубовъ—и съ косою усмѣшкой:

— Ну, братъ,—разразись теперь и ты...

Никто больше съ Сохинымъ не чокался, что Ермиловъ подмѣтилъ.

Когда всѣ опять разсѣлись и принялись за куски филе съ шампиньонами, вышла маленькая пауза, чуть-чуть достаточная, чтобы хорошенько пережевать два-три куска.

Сосѣдъ Ермилова, адвокатъ, говорилъ безъ умолку, спрашивалъ его о „заграницѣ“, сожалѣлъ, что „каверзные дѣла“ не позволяютъ ему поѣхать „хоть на осень“ въ тотъ самый Біаррицъ, гдѣ „зимуютъ раки по части дамскаго пола“.

Онъ же называлъ ему и нѣсколько именъ участниковъ

обѣда, которыхъ Ермиловъ или совсѣмъ не зналъ, или немного позабылъ.

— А это кто? — спросилъ Ермиловъ сосѣда и указалъ ему головой въ уголъ стола.

Рядомъ съ знакомымъ ему фельетонистомъ — съ наружностью степного помѣщика — сидѣлъ, весь сгорбившись и уйдя головой въ широкій воротникъ рубашки, страннаго вида человѣкъ, неизвѣстно какихъ лѣтъ — отъ тридцати и до пятидесяти.

Голова съ приподнятымъ затылкомъ, узкая и длинная, плоскіе, темные, гладко причесанные за уши, довольно жидкіе, съ проборомъ посрединѣ, волосы, самъ бритый, бѣлолицый, съ тонкимъ длиннымъ носомъ и широкимъ ртомъ — нѣчто напоминающее католическаго патера или американскаго пастора. Глаза онъ подолгу держалъ опущенными и поднималъ ихъ быстро, мигалъ нѣсколько разъ и устремлялъ потомъ въ пространство продолжительный, затуманенный взглядъ своихъ темно-голубыхъ, красивыхъ глазъ.

— Вонъ тотъ?

— Да,

— Это — одинъ фификусъ... землевладѣлецъ, живетъ въ Москвѣ года съ два. Съ университетскими дружить. Говорятъ, десять лѣтъ какую-то книжку пишетъ о предѣлахъ и возможностяхъ счастья на землѣ.

— Вы это серьезно? — спросилъ сухо Ермиловъ, не любившій московскаго, дешеваго зубоскальства.

— Совершенно серьезно. Я самъ не читалъ, да онъ никому и не показываетъ, а ребята сказывали.

— И его фамилія?

— Гремущинъ, Павелъ Павловичъ. Если угодно, я васъ познакомлю послѣ обѣда. Это, — адвокатъ сталъ говорить на ухо Ермилову, — одинъ изъ Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ, до всего своимъ умомъ дошелъ, потому-молъ, что проглотилъ книгу „Іоанна Масона“. А впрочемъ, человѣкъ по-своему умный и много читалъ, хотя въ простотѣ словечка не скажетъ, все притчами...

Раздался вновь стукъ ножа о стаканъ. Ему вторилъ другой. Сосѣдъ Ермилова примолкъ, и они оба обернулись въ ту сторону, откуда исходилъ главный стукъ ножомъ.

Поднялся Куликовъ, съ улыбочкой поглядѣлъ сначала на всѣхъ вправо и влево, затѣмъ въ шампанское своего

бокала и заговорилъ дробью, отчетливо, съ переливами голоса бойкаго магистранта, отчеканивающего свою пробную лекцію „pro venia legendi“.

Мимо ушей Ермилова проскальзывали слова, давно ему извѣстныя: готовыя фразы о „солидарности“, „alma mater“, о томъ, что „много званыхъ и мало избранныхъ“ и еще о чемъ-то.

— Изъ молодыхъ, да ранній!—шепнулъ ему адвокатъ.

И тутъ онъ даже обрадовался прибауткѣ сосѣда—такъ Куликовъ былъ ему несимпатиченъ.

Не скоро кончилъ „развиватель“ прелестной Анны Гавриловны. Ермиловъ продолжалъ болтать съ сосѣдомъ, и на этотъ разъ—вопреки привычкамъ своей воспитанности—даже обернулся бокомъ къ оратору.

Изъ заключительной тирады долетѣли до него фразы, гдѣ было все: и „община“, и „самодѣтельность общества“, и „надежда лучшихъ людей“, и еще что-то...

— И все это онъ вретъ,—шепнулъ адвокатъ,—просто желаетъ поддѣлаться къ этимъ господамъ и поскорѣе выйти самому въ заправскіе ученые.

— Безъ всякаго сомнѣнія! — почти громко сказалъ Ермиловъ, хлопать не сталъ и не пошелъ чокаться съ Куликовымъ.

Но тотъ сидѣлъ противъ него, и очень ужъ неловко было не протянуть ему своего бокала черезъ столъ и чуть слышно не сказать:

— Ваше здоровье!

Пауза послѣдовала значительная. Всѣ занялись артишоками. Это была та минута, въ обѣдахъ съ рѣчами, когда у многихъ чешется языкъ, но разбираетъ робость, или не хочется выскочить прежде другихъ, или ждутъ, чтобы „виновникъ торжества“ сначала отвѣтилъ.

Этой именно минутой воспользовался Сохинъ.

Онъ всталъ безъ стука ножомъ, тихо и какъ-то бокомъ, съ бокаломъ въ рукахъ, и выговорилъ, шамкая немного:

— Прошу позволенія сказать нѣсколько словъ.

Всѣ подняли головы, не доѣвъ блюда, и съ дурно скрываемымъ недоумѣніемъ примолкли.

Говорить Сохинъ умѣлъ. Шамкая и растягивая слова, сдѣлалъ онъ обращеніе къ Симбирцеву, также на „ты“, какъ и Кустаревъ, но въ тонѣ старшаго товарища, который руководилъ имъ когда-то, почти какъ наставникъ, желающій прочесть легкое правоученіе.

Всѣ это такъ и поняли. Кустаревъ закусилъ губы, сталъ блѣднѣть и переглянулся съ Ермиловымъ.

„Будетъ буря“, — подумалъ тотъ.

А Сохинъ продолжалъ. Онъ припомнилъ вкратцѣ смыслъ рѣчи Кустарева и съ легкимъ подсмѣиваніемъ похвалилъ и его, и его „единовѣрцевъ“ — такъ онъ выразился — за то, что они „взялись за умъ“ и поняли, какъ смѣшно ставить свое высокоуміе и „политиканство“ выше „историческаго теченія событій“, выше того „уклада“, которому русское общество должно отнынѣ неустанно слѣдовать...

Но онъ этимъ не ограничился, а призвалъ всѣхъ этихъ „взявшихся за умъ“ очистить себя, искренно и всенародно прильнуть къ общему теченію, а не держать камня за пазухой, и быть „мудрымъ какъ змій“ вовсе не затѣмъ, чтобы жалить въ благопріятную минуту.

На этихъ словахъ онъ протянулъ свой бокалъ къ Симбирцеву и провозгласилъ тостъ за „истинную науку, посѣвающую единство, а не раздоръ и каверзу!“

Никто не издалъ ни одного рукоплесканья, и Сохинъ сѣлъ, красный, съ улыбающимся лицомъ, гдѣ было написано: „Я, молъ, свое сказалъ — и вы все это съѣли; мнѣ больше ничего и не надо“.

Къ Ермилову наклонился черезъ столъ совсѣмъ лысый человѣкъ, лѣтъ сорока, съ забавнымъ лицомъ юмориста, и тихо продекламировалъ:

— *Desinit in piscem mulier formosa superne!* Настоящая сирена!

— Именно! — подхватилъ адвокатъ, не забывшій школьную латынь.

Между тѣмъ раздраженіе начало разбирать всѣхъ. Симбирцевъ всталъ, порывисто, съ сіяющимъ лицомъ, и началъ благодарить друзей, по привычкѣ весело балагуря и остря.

— *Il sauve la situation!* — прошепталъ Ермиловъ на ухо адвокату.

Взрывы хохота прерывали импровизацію добраго и стойкаго весельчака.

— Мы хоть лыкомъ шиты, — закончилъ онъ, — а свою линію ведемъ. Въ „невѣсты“ мы, правда, не годимся, но я все-таки сравню насъ съ тѣми дѣвами, которыя свѣтильники свои не загасили.

За нимъ говорило еще нѣсколько человѣкъ; спичъ

Сохина былъ какъ будто забытъ; но впечатлѣніе осталось. Не одинъ Ермиловъ боялся, что Кустаревъ не выдержать.

Когда послѣ чая и кофе зашумѣли стульями, многіе подумали: „Ну, слава Богу, прошло безъ исторіи“.

Кустаревъ все время молчалъ; похлебывалъ только изъ своего стакана и по временамъ блѣднѣлъ. Его помощникъ, Куликовъ, черезъ столъ угощалъ всѣхъ сигарами.

Со стола прибрали. Всѣ усѣлись по группамъ.

XI.

Около піанино разсѣлся посрединѣ Симбирцевъ и около него, кружкомъ, Кустаревъ, тотъ классикъ съ забавнымъ лицомъ, сказавшій Ермилову латинскій стихъ, Куликовъ, фельетонистъ и еще какіе-то двое... Остальные разбрелись по разнымъ угламъ комнаты, сдѣлавшейся еще болѣе просторной, когда половые убрали закусочный столъ.

Адвокатъ свелъ Ермилова съ Гремущинымъ и оставилъ ихъ на диванѣ.

— Вы сравнительно недавній членъ кружка? — спросилъ Гремущина Ермиловъ любезнѣйшимъ тономъ перваго знакомства и глядя на него мягкими глазами.

Пріатели Егора Петровича называли эту манеру: „Ермиловъ нащупываетъ интереснаго человѣка“.

— Да развѣ это кружокъ? — спросилъ тотъ высокимъ теноромъ, подхлотившимъ къ его бритому лицу. — „Ein кружокъ in der Stadt Moskau“?!

Онъ разсмѣялся, немного всхлипывая.

Этотъ смѣхъ не понравился Ермилову.

— А какъ же? Есть еще ядро... Но противъ прежнихъ лѣтъ не тотъ уже подъемъ духа.

Бритый человѣкъ искоса взглянулъ на него. Лицо очень быстро послѣ смѣха приняло серьезное, почти грустное выраженіе. Медленнымъ, тягучимъ голосомъ онъ выговорилъ:

— Совершенно бесполезно повторять все тѣ же пріемы прекраснѣйшія... временъ Бѣлинскаго... Это только выказывать свою слабость...

Ермиловъ кивнулъ утвердительно головой.

Онъ далъ чудаку (такъ онъ опредѣлилъ уже Гремущина) высказаться и слушалъ его съ пріятнымъ и почти чутельнымъ наклономъ своей бѣлокурой, подстриженной головы.

Бритый человекъ началъ развивать свою мысль все тѣмъ же замедленнымъ темпомъ и высокимъ звукомъ голоса. Онъ сдѣлалъ намекъ на Сохина и его коварный и нахальный спичъ.

— *Il paraît d'audace*, — сказалъ Ермиловъ и прибавилъ: — онъ чувствуетъ, что сила — за нимъ.

— Конечно, — протянулъ Гремушинъ и продолжалъ логически выводить заключенія изъ своихъ предпосылокъ.

Въ немъ Ермиловъ тотчасъ же почувалъ человека дѣйствительно много думавшаго и начитаннаго, и притомъ „на свой салтыкъ“.

„Ты не университетскій, — опредѣлилъ онъ, — а самоучка, и былъ гдѣ-нибудь въ специальномъ заведеніи, а потомъ доучивался за границей“.

— Позвольте маленькій вопросъ. Вы долго жили на западѣ?

— Не очень долго; но порядочно... больше всего въ Парижѣ и во французской Швейцаріи.

Онъ сообщилъ, что даже привыкъ писать по-французски.

И не покидая нити своихъ обобщеній, новый знакомый Ермилова опять вернулся къ спичу „ренегатишки“ и сказалъ, немного понижая тонъ:

— Онъ не только сильнѣе ихъ... главное, новѣе. Съ такими отступниками трудно бороться всѣмъ тѣмъ, кто не идетъ дальше идей, раздѣляемыхъ „хорошими“ москвичами.

— Не хотите ли пройтись? — предложилъ Ермиловъ.

Они стали прохаживаться вдоль оконъ за обѣденнымъ столомъ.

У піанино разговоръ дѣлался оживленнѣе. Ермиловъ прежде всего слышалъ шамкающій голосъ Сохина.

Оба они въ разъ поглядѣли туда, и Гремушинъ тихо сказалъ:

— Какъ всѣ ренегаты, онъ не скоро истощитъ свое нахальство.

Вдоль стола они повернули къ группѣ, окружавшей Симбирцева, и остановились за стульями.

Сохинъ, еще болѣе возбужденный — онъ выпилъ рюмки двѣ ликера за кофе — подсѣлъ плотно къ Симбирцеву, такъ что ихъ колѣни прикасались, и говорилъ съ взрывами нехорошаго смѣха, сильно жестикулируя обѣими руками.

— Да ты, Ванюша, не увертывайся, — слышали они, когда приблизились и встали за стульями, — не хорошо, душа моя! Ты вѣдь, какъ гдѣ-то Кузьма, что ли, Прутковъ, сказалъ:

Воспѣлъ Гарибальди,
Воспѣлъ и Франческо!

— Это какъ? — спросилъ Симбирцевъ и повелъ смѣшно глазами.

Онъ хотѣлъ придать разговору шутливый тонъ, замѣчая, что Кустаревъ стоялъ совсѣмъ блѣдный, съ блестящими зрачками, устремленными вкось на Сохина.

Тотъ не унимался.

— А то какъ же? — возразилъ онъ. — Ха-ха!.. Нечего отзываться неразуміемъ. Ты, естествоиспытатель, ки-чишься, какъ и всѣ вы, натуралисты, тѣмъ, что ничего больше законовъ природы не признаешь и признавать не хочешь...

— Когда я это говорилъ, братецъ? — нѣсколько нетерпѣливо прервалъ Симбирцевъ.

— Долженъ такъ рассуждать, иначе какой же ты испытатель естества? Хе-хе!.. А между прочимъ ты, въ угоду извѣстной и, между нами, выдохшейся тенденціи, повторяешь гуманно-либеральную канитель, ничего общаго съ законами природы и соціологіи не имѣющую! Какъ же я не въ правѣ повторить, что ты —

Воспѣлъ Гарибальди,
Воспѣлъ и Франческо!

— Заврался, братъ! — вскричалъ Симбирцевъ и хлопнулъ его по колѣну.

— Это не аргументъ, а только выходка „амикошонства“. Ты дарвинистъ?

— Къ чему же тутъ Дарвинъ?

— Нѣтъ, да ты мнѣ скажи: дарвинистъ ты или нѣтъ?.. Большой опасности въ этомъ нѣтъ, да я и не пойду на тебя доносить... Хе-хе!..

— Ну, дарвинистъ, а потомъ что?

— Коли ты дарвинистъ, слѣдственно ты долженъ признавать право сильнаго, быть сторонникомъ желѣзнаго канцлера и въ развитіи культурныхъ искусствъ видѣть одно: торжество извѣстныхъ законовъ, а не соваться съ либерализмомъ или радикализмомъ и всякими другими „измами“. Такъ или нѣтъ?

— И такъ, и не такъ, — отшутился Симбирцевъ.

Онъ не замѣтилъ, что Кустаревъ прошелся рукой по волосамъ и хотѣлъ вскочить съ мѣста, но его удержалъ сидѣвшій около него классикъ.

— Нѣтъ, именно такъ, Ванюша... Ты и прежде не былъ особенно твердъ въ логическихъ построеніяхъ, когда мы съ тобой процвѣтали у Гофманши въ номерахъ и ты похаживалъ въ лабораторію. Именно такъ, душа моя, только ты хочешь быть въ ладу съ твоими благопріятелями, да чтобы и молодежь тебя ублажала. Служишь не истинѣ, а выдохшейся...

Ему не далъ докончить Кустаревъ.

Онъ началъ говорить, заикаясь, что у него являлось всегда въ припадкахъ сильнаго возбужденія.

— Сохинъ!—сильно и глухо началъ онъ.

Ермиловъ переглянулся съ Гремущинымъ, хотѣлъ сказать пріятелю шопотомъ: „не стоить!“—но не сказалъ.

— Вы втерлись сюда, на этотъ обѣдъ, безъ всякаго приглашенія, вамъ здѣсь не мѣсто. Мы терпѣли ваше присутствіе, не желая нарушить праздника, изъ уваженія къ нашему другу Симбирцеву...

— Чего-съ?—смѣшливо спросилъ Сохинъ и вскинулъ на Кустарева своими воспаленными вѣками.

— Вонъ!.. Сейчасъ вонъ!..

Возгласы Кустарева были такъ стремительны и сильны, что у всѣхъ по спинѣ прошла нервная дрожь.

Классикъ и Куликовъ, сидѣвшіе по бокамъ его, испугались, какъ бы онъ не кинулся на Сохина.

Тотъ успѣлъ уже встать и отодвинуть стулъ.

Всѣ обомлѣли. Сохинъ могъ понять только одно, что его защищать и даже удерживать никто не будетъ.

— Вонъ!—повторилъ еще разъ Кустаревъ, подбѣжалъ къ двери и растворилъ ее порывистымъ движеніемъ.

Сохинъ выпрямился, оглянулъ всѣхъ, скосилъ ротъ и скороговоркой сказалъ, уходя, Симбирцеву:

— Спасибо, Ванюша!.. Мы послѣ сочтемся съ тобой... Свои люди...

Минута была такая, что даже старшій половой, принесшій сдачу съ сторублевки, сталъ у двери точно прикованный къ полу и растерянно оглядывался.

Дверь шумно захлопнулась за Сохинымъ.

Кустаревъ подошелъ къ Симбирцеву, и, все еще заикаясь, выговорилъ:

— Извини, голубчикъ... Но, клянусь, я не могъ!..

— Туда ему и дорога!—сказалъ Симбирцевъ.

Онъ и другіе встали съ своихъ мѣстъ. И вдругъ на всѣхъ, кромѣ Кустарева, спросившаго сельтерской воды, напало чувство унылой тревоги.

Порядочно испугаться никто еще не успѣлъ, но у многихъ явился въ душѣ возгласъ:—„Эхъ, напрасно! Не тѣ времена!..“

Ермиловъ перемолвился съ Гремушинымъ нѣсколькими словами въ томъ же духѣ. Кустарева онъ не могъ хвалить за эту сцену, но и пенять ему не считалъ себя въ правѣ.

— Вы собираетесь?—спросилъ онъ Гремушина.

— Пора.

Взглядъ Гремушина какъ бы говорилъ ему:—вотъ видите, все это вовсе не выраженіе силы. Сохинъ не останется въ долгу, и всѣ будутъ жалѣть.

— Мнѣ нужно только расчитаться,—сказалъ ему Ермиловъ.

Онъ обратился къ Куликову и спросилъ, сколько съ него слѣдуетъ.

Юркій кандидатъ, вмѣсто простого отвѣта, отвелъ его въ уголокъ и проговорилъ:

— Извините, вы—пріѣзжій гость, очень сожалительно. Негодованіе Евменія Филипповича вполне понятно...

— Вы еще здѣсь побудете? — перебилъ его Ермиловъ, желая узнать, собирается ли тотъ послѣ обѣда къ Вогулиной.

— Я долженъ, какъ второй распорядитель...

„И прекрасно, мой милый!“ — подумалъ Ермиловъ, подавая ему руку.

Онъ удалился по-французски, ни съ кѣмъ не простившись, и въ коридорѣ нагналъ Гремушина.

Ихъ платье висѣло на главномъ подъѣздѣ.

— Задерживательныхъ центровъ нѣтъ, — сказалъ тономъ наставника Гремушинъ.—Благородно, но вредно,—да еще, вдобавокъ, служить доказательствомъ слабости.

Внизу, когда служители въ сибиркахъ отыскивали ихъ калоши и подавали платье, Ермиловъ сказалъ новому знакомому:

— Мы не въ послѣдній разъ видимся, надѣюсь?

— Здѣшній обыватель... Дома всегда отъ трехъ до пяти...

И онъ далъ свой адресъ.

— Меня же вы, конечно, совсѣмъ не знали и не слышали даже, — произнесъ Ермиловъ игриво, обмѣниваясь карточками и надѣвая свой парижскій цилиндръ.

— Напротивъ... Наслышанъ...

— Какъ о большомъ грѣшникѣ?..

— Немножко, да.

— И это васъ не смущаетъ?

— Нисколько... Я вывелъ изъ всей своей жизни такой афоризмъ: пріятные люди только тѣ, кто пороченъ, больше или меньше, — и лучше больше, чѣмъ меньше.

Онъ закончилъ фразу своимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Ха-ха! — вторилъ ему Ермиловъ. — Это прекрасный афоризмъ и комплиментъ.

Вышли они вмѣстѣ на крыльцо противъ Цвѣтнаго бульвара. Ермиловъ взялъ тутъ же извозчика и крикнулъ:

— На Патріаршіе, сорокъ копеекъ!

Ему видѣлись уже издали щечки, глазки и шейка Анны Гавриловны. Конецъ вечера онъ будетъ ей читать сонеты Эредіа, а тамъ шустрый кандидатъ сиди себѣ съ своимъ патрономъ и улаживай свою карьеру!

„Завтра пора и въ Петербургъ“, — подумалъ онъ, и съ дрожекъ машинально обернулся. Подъ навѣсомъ подъѣзда все еще стояла нѣсколько согнутая фигура бритаго человека въ поярковой шляпѣ.

XII.

Павелъ Павловичъ Гремущинъ стоялъ подъ навѣсомъ подъѣзда, старательно надѣвая перчатки, и думалъ: вернуться ему или нѣтъ въ шинельную рестора́на и тамъ причесать себѣ волосы, на что онъ, при Ермиловѣ, не рѣшился.

Кто сталъ бы, во время обѣда, присматриваться къ тому, какъ онъ одѣтъ, нашелъ бы, что на немъ все было новое, почти съ иголки, чистое и хорошо сшито. Отложной воротникъ рубашки блестѣлъ, галстукъ былъ темный, но съ изящнымъ рисункомъ атласа и съ дорогой булавкой. Въ шинельной Гремущинъ могъ, кромѣ прически, заняться и вообще своею внѣшностью. Ему ужасно не нравилась краснота его щекъ, хотя издали онъ каждому казался скорѣе блѣднымъ, чѣмъ съ краснотой на лицѣ. У него всегда имѣлась въ жилетномъ карманѣ пудра въ табакеркѣ изъ слоновой кости, съ маленькой пуховкой. Когда ему казалось, что у него выступаютъ на

щекахъ пятна, онъ всегда улучалъ минуту, чтобы по-пудрить себѣ щеки.

Красныя пятна Сохина, за обѣдомъ, не разъ наводили его на непріятное сближеніе съ собственной наружностью.

„Вотъ и у меня, пожалуй, такъ же“,—думалъ онъ и незамѣтно для другихъ проводилъ ладонью по щекѣ.

Но въ немъ пересилило стыдливое чувство передъ чуйками, въ шинельной. Онъ сошелъ съ подъѣзда и повернулъ пѣшкомъ по Неглинной, пересѣкъ улицу и тихимъ шагомъ двигался по бульвару.

„Она, навѣрно, дома, — думалъ онъ, спуская голову ниже, чѣмъ ее обыкновенно держать на улицѣ. — Теперь часъ удобный, не больше восьми. И, кажется, сегодня ея день. Какъ жаль, что не готовъ томикъ Бодлера! Я скажу, что за этимъ, нарочно, и зашелъ: извиниться, сообщить, что къ субботѣ переплетчикъ обѣщаль“...

У Павла Павловича была общая съ Ермиловымъ охота къ дорогимъ художественнымъ переплетамъ. И вообще онъ—большой собиратель.

Не можетъ онъ набраться духа—заѣзжать или заходить къ ней безъ этихъ совершенно дѣтскихъ колебаній, безъ какой-то новой застѣнчивости, которой у него нѣтъ въ характерѣ.

Онъ обидчивъ и подозрителенъ—да, но не застѣнчивъ. Съ людьми нельзя не быть осторожнымъ и нельзя прощать имъ всѣ не деликатности и грубости, какими полны теперь отношенія людей, считающихъ себя культурными.

Павелъ Павловичъ, про себя, находитъ всю „культуру“, не въ одной Россіи, но и вездѣ, за границей, чрезвычайно первобытной и любить приводить мнѣніе японцевъ, посланныхъ въ Европу и нашедшихъ, что европейцы—совершенные варвары, потому что выставляютъ напоказъ говяжьи туши въ мясныхъ лавкахъ, сморкаются въ куски холста, которые сейчасъ же послѣ того прячутъ въ карманы, и съ такой гадостью ходятъ потомъ цѣлые дни.

Застѣнчивость и просто робость, близкая къ трусости, разбирала его и теперь. Но эта тревога всегда даетъ ему неизвѣданныя ощущенія; онъ забываетъ, что ему сорокъ лѣтъ; онъ не согласенъ былъ бы освободиться, сразу и навсегда, отъ подобныхъ чувствъ.

„Можно бы взять извозчика. Идти довольно далеко: пройти по всему Кузнецкому и черезъ Фуркасовъ пере-

улокъ на Мясницкую; да и оттуда еще порядочный кончикъ“...

Не любить онъ также и подниматься къ ней въ высокій второй этажъ новаго капитальнаго дома, гдѣ, однако, лифта не заведено.

Онъ знаетъ, что робость его будетъ все расти, съ каждой ступенькой, и дойдетъ до спазмъ — съ замираніемъ сердца на второй площадкѣ, передъ высокой дверью, покрытой темною краской подъ лакомъ, съ матовой бронзовой доской, гдѣ онъ непременно про себя прочтетъ — вверху дощечки: „Mademoiselle D. Carus“, а внизу: „Доротея Васильевна Карусъ“.

Пока человѣкъ отворить дверь, онъ изноетъ.

Все это онъ впередъ видѣлъ, и это-то влекло его къ Кузнецкому и далѣе, по Фуркасову переулку.

Давно ли они знакомы? Какихъ-нибудь три недѣли... Онъ ее еще не знаетъ. Эта дѣвушка — богатая, свободная, живущая какъ молодая дама — полна для него таинственности и притягательной силы.

Она чувственна... Стоить только бросить хоть бѣглый взглядъ на ея лицо, глаза, губы, станъ. Въ ея жилахъ течетъ смѣшанная кровь, дающая часто самые рѣдкіе экземпляры породистой расы. По отцу она иностранка. Имя — нѣмецкое; но, кажется, отецъ былъ что-то въ родѣ венгерца... Ему говорили объ этомъ... Мать — русская, съ юга, откуда-то изъ Бессарабіи или Одессы, барскаго рода, кажется, даже княжна съ восточной или румынской фамиліей.

И голосъ — этотъ низкій, хищный голосъ...

„Хищный“, — повторялъ онъ уже много разъ, ходя у себя по кабинету, и не въ силахъ былъ оторваться отъ чисто физическаго ощущенія звука у него въ головѣ, какъ то бываетъ въ болѣзненныхъ состояніяхъ внутренняго уха, или когда примешь большую дозу хинина.

Къ музыкѣ Гремушинъ былъ всегда равнодушенъ, давно считалъ ее „низменнымъ“ искусствомъ, нимало не радовался тому, что стали въ русскихъ столицахъ и повсюду предаваться „запоемъ“ дилетантству, учиться въ консерваторіяхъ, бѣгать по концертамъ, точно выполняя какой-то высшій патріотическій долгъ.

По его толкованіямъ выходило всегда, что музыка развивается въ обществѣ въ ущербъ умственному труду, литературѣ, всѣмъ другимъ видамъ искусства. Слушать му-

зыку,—разсуждалъ онъ про себя и доказывалъ въ спорахъ,—это значить ни о чемъ опредѣленно и логически не думать, а отдаваться волненію чувственности или мечтаній, безформенныхъ, растлѣвающихъ, вредныхъ.

И вотъ голосъ женщины заговорилъ ему о чемъ-то неслыханномъ для него, захватилъ его, привелъ въ состояніе, близкое къ гипнозу. Когда онъ, вернувшись отъ нея, въ первый вечеръ, хотѣлъ найти настоящее опредѣленіе этого дѣйствія—онъ началъ искать французскихъ, болѣе рельефныхъ выраженій, и у него вышла, даже вслухъ, фраза:

— Elle a des troubles suggestives.

Онъ не увѣренъ — можно ли сказать по-французски „trouble“; но эта фраза говорила именно то, что голосъ и наружность Доры — такъ ее зовутъ сокращенно — внесли въ его существо.

Въ первый разъ онъ не сказалъ ничего женѣ о своемъ знакомствѣ съ Дорой Васильевной Карусъ — не то чтобы скрылъ умышленно, съ задней мыслью, а точно его что-то особенное удержало... Про посѣщенія свои днемъ и вечеромъ — тоже ничего не сказалъ.

Около двадцати лѣтъ женатъ онъ и никогда еще не зналъ, даже и до женитьбы, такой юношеской тревоги, какая наполняла его, все явственнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ капитальному дому съ каріатидами, выстроенному какимъ-то табачнымъ торговцемъ.

Переулокъ остался позади. Онъ на Маросейкѣ... Еще минутъ пять — и на углу встанетъ домъ, и вечеромъ не теряющій своей розовой окраски.

Павелъ Павловичъ ускорилъ шагъ, заправилъ за правое ухо прядь длинныхъ волосъ и вошелъ въ сѣни, гдѣ швейцаръ носить не чуйку, по московской модѣ, а коричневую шинель, и уже знаетъ его. Каждый разъ, уходя изъ квартиры номеръ пятый, онъ опускалъ ему въ руку два двугривенныхъ.

И эта слишкомъ большая дань заставляла его чуть не краснѣть.

— Дома Доротея Васильевна? — спросилъ онъ бойко, своимъ высокимъ теноркомъ.

Швейцаръ могъ принять его за очень смѣлаго и увѣреннаго въ себѣ барина. А у него положительно замерло въ груди отъ ожиданія: дома или нѣтъ. Вѣдь онъ пошелъ на авось... Кажется, она ему говорила, въ послѣдній разъ,

про какой-то день въ недѣлю, когда бываетъ дома; но онъ дѣлается въ ея присутствіи до-нельзя разсѣяннымъ... Онъ могъ дома возстановлять въ памяти только общій колоритъ впечатлѣній и отрывочныя фразы, но ничего отчетливо не помнилъ изъ того, что она ему говорила.

— Пожалуйте... У нихъ сегодня пріемъ.

— По средамъ, значить?

— По средамъ, завсегда.

Такъ это его обрадовало, что онъ порывисто протянулъ руку къ швейцару и шопотомъ сказалъ ему:

— Пожалуйста, голубчикъ, снимите съ меня... Я здѣсь оставляю пальто.

Сѣни отапливались, и онъ это вообще дѣлалъ. Противъ вѣшалки висѣло длинное зеркало. Оно соблазнило Гремушина. Поспѣшно вынулъ онъ изъ кармана жилета складную гребеночку и табакерочку съ пудрой и пуховкой; передъ зеркаломъ расчесалъ волосы около прямого пробора; а потомъ ловкимъ движеніемъ пуховки прошелъ по щекамъ, которыя на легкомъ морозѣ скорѣе поблѣднѣли, чѣмъ покраснѣли.

По лѣстницѣ сталъ онъ подниматься очень медленно, слегка наклонивъ голову вбокъ, и короткимъ шагомъ. На площадкѣ, во второмъ этажѣ, ярко освѣщенной, онъ перевелъ духъ. Лобъ его сдѣлался немного влаженъ. Онъ вынулъ батистовый платокъ, надушенный духами Sandringham, провелъ имъ по лбу, вздохнулъ и приложился къ пуговкѣ звонка.

И тутъ только вспомнилъ, что не спросилъ у швейцара, есть ли уже гости, или никого еще нѣтъ?

Ему сейчасъ отперъ лакей съ такимъ же бритымъ лицомъ, какъ у него, и отворилъ ему, какъ отворяютъ въ пріемные дни.

XIII.

Гремушинъ прошелъ первымъ салономъ, гдѣ освѣщеніе скрывалось въ двухъ углахъ, за трельяжемъ. Около картинъ, работы московскихъ художниковъ, зажжены были лампы съ рефлекторами. Влѣво стоялъ беккеровскій рояль. Отдѣлка комнаты, полной мебели и *objets d'art*, говорила достаточно о художественныхъ вкусахъ хозяйки. Можно было почувствовать себя совсѣмъ не на купеческой улицѣ въ Москвѣ, а въ Парижѣ. Французскій оттѣнокъ вкуса лежалъ на всемъ, до бездѣлицъ.

— Барышня у себя, въ кабинетѣ, — сказали офиціантъ и показалъ гостю рукой на дверь, завѣшанную японской портьерой.

Въ кабинетѣ Доротеи Васильевны свѣту было меньше, чѣмъ въ гостиной. Она его отдѣлала темнымъ атласомъ съ чернымъ деревомъ. Такого же чернаго дерева столъ помѣщался въ нишѣ съ балдахиномъ. Надъ нимъ висѣлъ портретъ въ овальной рамкѣ, работы парижскаго живописца, очень дорогой, гдѣ Дора Васильевна сидѣла причесанная по-испански, съ пудрой на волосахъ, отчего казалась почти блондинкой...

— А!.. Monsieur Гремущинъ! — встрѣтила она его возгласомъ, какъ встрѣчаютъ уже добрыхъ знакомыхъ. — Вы меня находите въ одиночествѣ. Я очень рада... Нынче я совсѣмъ глуха и большого разговора не вынесу... Садитесь...

Она говорила низко, немного картаво, съ какимъ-то нерусскимъ — не то что акцентомъ, а ритмомъ рѣчи. И ритмъ, и картавость дѣйствовали на Гремущина, привлекали и тревожили его.

„Une troublance suggestive“, — мысленно повторилъ онъ, когда изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ глядѣлъ на нее и отвѣшивалъ ей низкій и довольно церемонный поклонъ.

Онъ держался чопорно и продолжалъ испытывать стѣсненіе. Въ его манерахъ было что-то немножко старинное: такъ держали себя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, русскіе господа, воспитанные швейцарцами или аббатами изъ эмигрантовъ.

Доротея Васильевна пригласила его сѣсть на пуфъ, около себя. Сама она сидѣла на короткомъ диванчикѣ подъ пальмой — большой пальмой, шедшей до верхняго карниза.

Никто бы не призналъ въ ней уроженку этой самой Москвы, явившейся на свѣтъ въ приходѣ „Харитонія въ Огородникахъ“. Всего ближе была она по типу къ испанкѣ, гдѣ-нибудь въ Мадридѣ или Бургосѣ, только покрупнѣе ростомъ и пышнѣе бюстомъ, при тонкихъ, скорѣе мелкихъ чертахъ лица, чрезвычайно еще молодого на видъ.

Ей пошелъ двадцать четвертый годъ.

Волосы черные, блестящіе и густые, но плоскіе — въ этомъ сказывалась венгерская ея порода — покрывали половину лба и завернуты были на маковкѣ высокой пирамидой съ косо-поставленнымъ позолоченнымъ гребнемъ,

что придавало ей, еще болѣе, нѣчто испанское, такъ же какъ и привычка выпускать узкія и подстриженные пряди подъ висками, въ родѣ короткихъ бакенбардъ. Глаза съ золотистыми крапинками глядѣли на Гремушина немного затуманеннымъ взглядомъ, отъ мигрени, и ихъ выраженіе дѣлалось отъ этого еще привлекательнѣе.

Онъ остановился быстро, изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ, на этомъ мраморномъ бюстѣ, совсѣмъ точно скованномъ въ темномъ корсажѣ съ кружевными прошивками на рукахъ, бѣлыхъ и твердыхъ, немного полныхъ.

— Вотъ сюда,—еще разъ пригласила она его сѣсть.

Шляпу онъ неловкимъ движеніемъ поставилъ на коверъ и сталъ снимать перчатки: пріемъ застѣнчивыхъ и щекотливыхъ людей, желающихъ выиграть время.

— Вы не совсѣмъ здоровы?—тихо и почтительно осведомился онъ, съ низкимъ наклоненіемъ головы.

— Ничего!.. Пройдетъ... У меня есть вѣрное средство.

— Какое? Позвольте узнать.

— Гуарана... Я приняла сейчасъ полпачки. Не подѣйствуетъ—приму остальное, и непременно пройдетъ.

И эта маленькая фраза о гуаранѣ вышла у нея очень пріятнымъ звукомъ.

Онъ уже находился въ началѣ „гипноза“. Еще пять, десять минутъ, и голова перестанетъ разсуждать, и весь онъ отдастся ощущеніямъ—новымъ, пугающимъ и сладкимъ, гдѣ своя воля съ каждымъ мгновеніемъ все уходитъ и уходитъ.

— Гуарана...—повторилъ онъ, чувствуя дѣтское удовольствіе отъ повторенія звука, вышедшаго изъ ея сочныхъ, малиновыхъ губъ, окаймленныхъ сверху чуть замѣтнымъ темнымъ пушкомъ.—Вы страдаете мигренями... При такомъ блистательномъ...

Онъ не нашелъ существительнаго. „Здоровье“ показалось ему пошло, а „видъ“—недостаточно отвѣчало на его мысль.

— Вотъ и подите! — нѣсколько живѣе откликнулась она.—Это обманчиво... Я не даромъ дитя Москвы.

— Будто?

Онъ не зналъ почти ничего про ея прошедшее.

— Московская... самая настоящая...

Она тихо разсмѣялась и показала свои зубы.

— Это почти невѣроятно!

— Да, вотъ здѣсь, по сосѣдству, на Чистыхъ-Прудахъ... Но послѣ... гдѣ только не проходило мое дѣтство!

— Въ Парижѣ?—подсказалъ Гремущинъ.

Ему почему-то хотѣлось, чтобы она была воспитана тамъ.

— И въ Парижѣ... Но не очень долго... Туда я стала ѣздить уже позднѣе, взрослой дѣвушкой. Мамаша была слабаго здоровья,—она закрыла на секунду глаза,— жили мы и въ Каирѣ, и въ Сициліи, и въ Тиролѣ, въ Римѣ, долго на Корнишѣ...

— Въ Ниццѣ?—подсказалъ опять Гремущинъ.

— Въ Санъ-Ремо, въ Каннѣ, въ Іерѣ... Съ тѣхъ поръ я не люблю этого Юга... Тамъ слишкомъ все пахнетъ चाहоткой.

— И полюбили нашу зиму... Москву?

— Да, вы угадали: и то, и другое. Люблю зиму... Чувствую слабость къ старушкѣ-Москвѣ.

— Къ родной татарщинѣ и Византіи?

— Ха-ха!.. Вы это сказали такимъ тономъ... Вы развѣ большой любитель Европы?

— Люблю все, что культурно, изящно и разумно.

Выговоривъ эту фразу, онъ тотчасъ же ужасно покраснѣлъ и пристыдилъ себя: фраза показалась ему педантствомъ, непростительнымъ безвкусіемъ; а еще двѣ недѣли назадъ онъ былъ бы доволенъ такимъ краткимъ и значительнымъ изреченіемъ.

— Европа,—протянула Доротея Васильевна и улыбнулась на особый ладъ,—не то пренебрежительно, не то съ оттѣнкомъ жалобнаго чувства.—Это звучитъ хорошо, но и въ ней все то же... я не умѣю сказать по-русски.

— Скажите по-французски.

— *La grande misère de l'homme.*

Голосъ ея прозвучалъ протяжно и глухо.

Гремущинъ ни одной секунды не подумалъ, что она рисуется, хочетъ напустить на себя нѣчто красивое и модное. Онъ уже зналъ, что она любитъ писателей и поэтовъ съ оттѣнкомъ пессимизма... Бодлэромъ восхищалась она сознательно и приводила ему два-три стихотворенія, которыя и онъ считалъ самыми крупными и глубокими по силѣ горечи и безнадежному взгляду на все человѣческое и земное.

Это напомнило ему то, что онъ ей хотѣлъ сказать о переплетѣ книжки.

— Вашъ переплетъ — увы! — будетъ готовъ только къ субботѣ.

— Ничего!.. У меня есть другой экземпляръ „*Les fleurs*

du mal"—мой, не покидающій меня... весь рваный, безъ всякаго переплета.

Какъ она сдѣлалась „пессимисткой“ въ своихъ литературныхъ вкусахъ, онъ не зналъ и не рѣшился спросить ее. Вопросы—ех *abrupto* считалъ онъ слишкомъ непочтительными.

Но она сама отвѣтила на его тайный вопросъ.

— Эта книжка... меня просвѣтила. Я вѣдь до двадцати лѣтъ не имѣла даже понятія о томъ: кто такой былъ этотъ Бодлэръ. И Эдгара Поэ не читала...

— Хотя знаете по-англійски?

— Но плохо... И Флоберъ былъ для меня — просто звукъ... Совершенно случайно... прохожу въ Парижѣ, мимо *Galerie d'Orléans*... вы помните, въ *Palais-Royal*?

— Гдѣ издатель Plon?

— Да; только я остановилась подъ колоннадой... Тамъ торгуетъ... *un petit libraire*, у котораго можно имѣть все. Подхожу и беру книжку, уже старую... первое изданіе...

— Оно у меня есть... — выговорилъ чуть слышно Гремущинъ.

— Съ виньеткой?

— Такъ точно.

— Заплатила я что-то очень дешево... два франка... Читать стала на ночь, въ постели... Дурная привычка, я и теперь ее не бросила... Читала до разсвѣта и больше не могла уже заснуть.

— И стали пессимисткой?

— Я не знаю, какъ меня слѣдуетъ называть... Дѣло вѣдь не въ томъ.

Она примолкла и, обернувшись немного въ сторону, прищурила глаза.

Гремущинъ уже ни о чемъ не хотѣлъ ее спрашивать и ждалъ, чтобы она продолжала говорить. Ея голосомъ онъ наслаждался... То, что она говорила, не было особенно умно или ново, или своеобразно; но какъ она все это сказала, — отзывалось настоящей Европой, чѣмъ-то совсѣмъ не московскимъ.

Не одну расу чувствовалъ онъ въ ней — и долгую школу жизни, и дѣйствительныя испытанія. Такъ говорить могла только женщина, уже утратившая не мало иллюзій.

— Чай готовъ! — доложилъ лакей въ дверяхъ.

— Госпожа Терри тамъ? — спросила хозяйка.

— Тамъ-съ.

— Хорошо.

Она поднялась и сказала гостю:

— Кажется, никого не будетъ. Я очень рада.

XIV.

Въ столовую Павелъ Павловичъ вступалъ въ первый разъ.

Тамъ, за серебрянымъ самоваромъ, сидѣла англичанка, мистрисъ Терри, сопровождающая всюду Доротею Васильевну за границу, — не старая еще особа, брюнетка и съ мелкими, совсѣмъ не британскими чертами лица, улыбающаяся всегда однимъ и тѣмъ же образомъ.

Гремушинъ отвѣсилъ и ей низкій поклонъ, и присѣлъ къ столу въ нерѣшительной позѣ.

Только что Доротея Васильевна помѣстилась противъ него, по другую сторону стола, въ дверку, задрапированную настоящимъ старымъ гоблэномъ, проникли еще двѣ женскія фигуры.

Ихъ Гремушинъ уже видѣлъ разъ, когда былъ съ визитомъ у Карусъ. Она ихъ представила, какъ своихъ дальнихъ родственницъ по матери. Обѣ — уже немолодые, очень похожія между собою, худыя и чрезвычайно старательно одѣтыя въ черныя шелковыя платья — смотрѣли выжидательно, и усмѣшка ихъ большихъ ртовъ съ замкнутыми губами была сродни тому, какъ привыкла улыбаться англичанка.

„Бѣдныя родственницы“, — подумалъ онъ и въ первый свой визитъ.

Онѣ и тогда все молчали и усмѣхались только тому, что скажетъ Доротея Васильевна. Гремушинъ замѣтилъ, что она обращаетъ на нихъ мало вниманія и какъ будто немножко тяготится ими. То же впечатлѣніе получалось и теперь.

Каждая изъ дѣвицъ протянула ему ладонь холодной руки съ красноватыми пальцами. Онъ ихъ пожалъ съ поклономъ и проговорилъ вполголоса:

— Имѣлъ удовольствіе...

Обѣ переглянулись, и въ ихъ безцвѣтныхъ лукавыхъ глазахъ мелькнуло:

„Вотъ тоже какой явился старомодный гусь... Ужъ не воображаетъ ли онъ овладѣть Дорочкой?“

Дѣвицы Цервяшины въ томъ лишь и находили интересъ по цѣлымъ днямъ, что разбирали всѣхъ мужчинъ,

какъ только тѣ познакомились съ ихъ кузиной и начинали посѣщать ее. До непріятнаго молчаливыя при гостяхъ, онѣ начинали бесконечно болтать, когда она оставалась дома одна. И не было отъ нихъ пощады никому. Кажется, сами онѣ не прошли ни чрезъ какія любовныя испытанія, а между тѣмъ все свое дѣвичье жало впускали за глаза въ мужчинъ, исключительно на тему мужского женолюбія, коварства, нравственной дрянности, претензій—увлечь, обмануть, взять капиталъ въ приданое или осрамить дѣвушку и ретироваться.

Доротея Васильевна слушала ихъ разсѣяннo, съ книжкой въ рукахъ, или за своимъ письменнымъ бюро, удивлялась обыкновенно тому, гдѣ онѣ собираютъ всѣ эти подробности о мужчинахъ, изъ какихъ источниковъ ихъ черпаютъ. Дѣвицамъ Первятинымъ было извѣстно рѣшительно все о каждомъ мужчинѣ-холостякѣ или женатомъ, кто только попадалъ къ Доротеѣ Васильевнѣ или о комъ начинали говорить въ Москвѣ. Онѣ никуда почти не ѣздили и съ утра забирались къ кузинѣ, но были самыми усердными посѣтительницами концертовъ въ дворянскомъ собраніи и тамъ набирались матеріала для пересудовъ о мужчинахъ; тамъ же имъ и показывали ихъ.

Подозрительность и обидчивость Павла Павловича сейчасъ подсказали ему, съ какимъ чувствомъ начали его обглядывать старѣющія дѣвицы. Онъ сталъ еще больше ѣжиться и совсѣмъ не поднималъ глазъ ни на нихъ, ни на Доротею Васильевну.

Разговоръ шелъ туго. Англичанка еле лепетала по-французски, а Гремущинъ по-англійски не могъ говорить, хотя и былъ любитель англійскаго чтенія, всего больше англійскихъ психологовъ. Сестры молчали; хозяйкѣ пріемъ гуараны не далъ полного облегченія, и глаза ея блуждали, отуманенные, точно она въ легкомъ опьянѣніи.

Такъ прошло около получаса. Гремущинъ началъ испытывать тяжкое безпокойство отъ того, что ему ничего не являлось на умъ, никакого подходящаго разговора, способнаго оживить Доротею Васильевну. Дѣвицамъ онъ рѣшительно не находилъ что сказать. Больше десяти лѣтъ не бывалъ онъ въ женскомъ обществѣ, какъ гость, а гости его жены до него не касались; нѣкоторыхъ онъ даже и по имени не зналъ.

Вошли двое мужчинъ: одинъ въ военной формѣ съ аксельбантами, съ черной бородой; другой — еще маль-

чикъ, лѣтъ восемнадцать, съ наружностью ученика консерваторіи изъ нѣмцевъ или евреевъ.

Доротея Васильевна здоровалась съ ними по-пріятельски, крѣпко жала имъ руки и каждому говорила:

— Никуда я сегодня не гожусь.

Офицеръ сѣлъ между сестрами и сталъ что-то рассказывать, какую-то исторію, случившуюся въ одномъ изъ клубовъ, должно-быть, смѣшную, потому что дѣвицы прыскали; но Гремущинъ не слушалъ, и его глодалъ вопросъ: зачѣмъ онъ пришелъ сюда, именно теперь, вечеромъ, и самъ себя лишилъ интимнаго разговора съ нею? Ея присутствіе продолжало его волновать, но уже тягостно, какъ волнуетъ насъ близость женщины, овладѣвающей нами, когда мы желаемъ, чтобы все остальное, постылое и не-сносное, провалилось.

Молодой человѣкъ, съ наружностью консерваторскаго ученика, присѣлъ къ ней сбоку и что-то ей началъ говорить, чуть не на ухо, съ акцентомъ; сидѣлъ согнувшись, положивъ ногу на ногу; очень высоко, и вообще держалъ себя, точно онъ ея товарищъ по школѣ.

И это заставило страдать Гремущина. Въ такомъ занятии братствѣ было что-то для него оскорбительное.

Изъ дальнѣйшаго разговора онъ узналъ, что безцеремонный мальчикъ дѣйствительно учится въ консерваторіи, хорошій піанистъ и постоянно аккомпанируетъ Доротеѣ Васильевнѣ и у нея, и когда она поетъ у постороннихъ. Звали его Шульцъ или Шмидтъ. Она его представила; но Гремущинъ не пожелалъ даже и разслышать его фамилію.

Мигрени хозяйки немного стало легче. Перешли въ гостиную. Офицеръ уѣзжалъ, на другой день, куда-то далеко, чуть не въ Екатеринбургъ, и сталъ просить ее, въ видѣ прощальнаго подарка, что-нибудь спѣть.

— Вамъ не нужно трудиться аккомпанировать себѣ.

Онъ даже опустился шутливо на колѣни, упрашивая ее и сложивъ руки на груди.

Обѣ сестры прыснули.

— Извольте, — сказала Доротея Васильевна и лѣниво пошла къ роялю.— Карлуша... пожалуйста!

Она протянула юношѣ ноты и стала позади табурета. Піанистъ надѣлъ рince-nez, наморщилъ носъ и сохранилъ пренебрежительную гримасу все время, пока аккомпанировалъ.

Одна изъ сестеръ Первяшиныхъ переворачивала ноты. Въ темный уголь, тамъ, куда свѣтъ, смягченный абажуромъ лампы, совсѣмъ не проникалъ, забился Павелъ Павловичъ, скорчился въ низковатомъ креслѣ, подперъ рукой подбородокъ, зажмурилъ глаза и весь ушелъ въ слухъ.

Доротея Васильевна пѣла изъ „Кармень“, по-французски, ту пѣсню, гдѣ сеvilская цыганка опутываетъ своими чарами красиваго карабинера.

Въ оперу Гремущинъ иногда попадалъ... Ему случилось, возвращаясь изъ-за границы, слышать въ „Кармень“ Лукку, еще соблазнительную, со сцены, не утратившую ни голоса, ни обаятельной игры.

Вся сцена представилась ему ярко-ярко, почти какъ въ галлюцинаціяхъ. Было это въ вѣнскомъ „Оперномъ Театрѣ“. Декорація съ башней сеvilскаго собора, на заднемъ планѣ, свѣтло-желтые мундиры карабинеровъ, толпа сигарочницъ и Кармень въ платкѣ, съ гребенкой, вдѣтой такъ же вкось, какъ на Доротеѣ Васильевнѣ, съ завязанными руками...

Она похаживаетъ вокругъ карабинера и разжигаетъ его чувства. И въ нѣсколько минутъ солдатъ былъ охваченъ страстью и порабощенъ, сдѣлался преступнымъ сообщникомъ цыганки, бѣжалъ съ нею и превратился изъ честнаго служиваго въ контрабандиста, презирающаго самого себя.

Такъ рассказано и въ повѣсти Проспера Меримэ — одного изъ самыхъ любимыхъ его писателей. Такъ могло быть и въ настоящей жизни.

Развѣ это не *такъ* всегда и бываетъ? Величайшіе сердце-вѣды, Шекспиръ въ числѣ ихъ, дѣлали страсть мгновенной и роковой, не знающей пощады.

Голосъ Доротеи Васильевны вливалъ въ него звуковую струю, вибрируя и наполняя его сладкимъ и жуткимъ чувствомъ. Незамѣтная снаружи дрожь овладѣла имъ. Но ему не было страшно отъ образовъ, вызванныхъ пѣснью Кармень. Онъ отдавался опять чему-то въ родѣ гипноза. Ни думъ, ни воспоминаній, ни вопросовъ, ни страха передъ женщиной не было въ немъ.

Когда голосъ смолкъ, его точно ударило. Онъ весь вздрогнулъ, поднялъ голову, полураскрылъ глаза, но ничего не могъ крикнуть, ни встать, подойти къ роялю, сказать какой-нибудь комплиментъ... Оцѣпенѣлость про-

должалась... Она еще запоетъ... Ему это нужно было... Это навѣрно будетъ.

И она еще запѣла... Онъ не зналъ, что это такое, не слыхалъ словъ, не могъ бы даже сказать, на какомъ языкѣ произносить она слова. Да и не нужно ему ничего этого... Зачѣмъ слова?... Только бы она пѣла...

О немъ забыли. Уѣзжающій офицеръ былъ ненасытенъ. Еще нѣсколько вещей было пропѣто... Гремущинъ замеръ въ своемъ темномъ углу. Его „я“ отсутствовало. Онъ отдавался женщинѣ и ея великой чарѣ—голосу.

XV.

Темнота просторнаго кабинета совсѣмъ обволокла Павла Павловича.

Онъ лежитъ у себя на спинѣ и смотритъ широко раскрытыми глазами въ мракъ, ничего въ немъ не различая; но ему кажется, что онъ видитъ очертанія предметовъ, шкафъ съ книгами, занимающій всю стѣну противъ дивана, бюсты надъ шкапомъ, гравюры въ рамкахъ, правѣе, надъ письменнымъ столомъ.

Лежитъ онъ, безъ сна, не зажигая свѣчи цѣлый часъ, и знаетъ впередъ, что сна не будетъ до разсвѣта.

Не въ первую ночь страдаетъ онъ безсонницей. Но съ нѣкотораго времени она является черезъ день. Вернулся онъ отъ Карусъ въ первомъ часу, ушелъ отъ нея незамѣченнымъ, не прощаясь, пока мальчикъ-піанистъ громко стучалъ по клавишамъ.

Дома всѣ спали: жена и дѣти, „красныя дѣти“, которыми еще на-дняхъ онъ такъ занимался, съ заботой чадолюбиваго отца и мудреца, желающаго обезпечить имъ въ жизни наибольшую сумму наслажденій и удачъ... Не даромъ одинъ пріятель прозвалъ его „эвдемонистомъ“. Онъ убѣжденъ, глубоко убѣжденъ, что человѣчество устроить себѣ образцовое существованіе на землѣ. Объ этомъ пишетъ онъ книгу, больше десяти лѣтъ, и передѣлываетъ ее каждое полугодіе... Но до золотого вѣка еще далеко,—когда всѣ націи, всѣ государства одинаково пройдутъ черезъ возрождающій общественный режимъ, руководимые мудрыми преобразователями. А пока — каждый отецъ обязанъ воспитать дѣтей такъ, чтобы обезпечить имъ максимумъ пріятныхъ ощущеній и допустить одинъ minimumъ страданій.

Для нихъ онъ хлопоталъ о матеріальномъ обезпеченіи

и до сихъ поръ, по денежнымъ операціямъ, ѣздилъ часто въ деревню, въ губернскіе города, на ярмарки, расширялъ торговлю, занимался совсѣмъ не „дворянскими“ дѣлами... Дѣти должны имѣть базисъ... обезпеченный кусокъ хлѣба... Рента сама по себѣ презрѣнна и вредна и ея не будетъ въ преобразованномъ человѣческомъ обществѣ; теперь же она одна даетъ независимость... Но ея мало... Слѣдуетъ вести дѣтей такъ, чтобы они развились безъ малѣйшаго намека на какое-нибудь исканіе идеала, — чтобы они не знали преувеличенныхъ идей — жертвы, альтруизма, и думали бы только о себѣ. Это — эгоизмъ, но эгоизмъ, ведущій къ счастью. Пускай ребенокъ дѣлается великодушень, если онъ находитъ въ этомъ наслажденіе — но не иначе, — а вовсе не въ силу отвлеченнаго долга.

Съ женой своей, Марѳой Власьевной, здоровой и властной женщиной, у него были сильныя столкновенія изъ-за его „системы“. Она до многого его не допускала, и онъ долженъ былъ уступать. Но все-таки дня не проходило прежде, чтобы онъ не думалъ о дѣтяхъ, о ихъ воспитаніи, не участвовалъ въ ихъ играхъ и разговорахъ.

И вотъ онъ къ нимъ вдругъ равнодушень. Сегодня, вернувшись домой, онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, не спросивъ у горничной, отворившей ему наружную дверь, какъ всегда:

— А что дѣти?

Ему хотѣлось, напротивъ, поскорѣе забраться къ себѣ въ кабинетъ, лечь и мечтать... О женѣ онъ тоже забылъ, до такой степени, что только теперь, пролежавъ больше часа въ темнотѣ, подумалъ объ этомъ и испугался.

Развѣ онъ къ ней охладѣлъ? Такъ? Сразу?

Возможно ли это?

Гремушинъ тревожно завозился подъ одеяломъ, вышитымъ рукой Марѳы Власьевны, подъ которымъ ему такъ хорошо.

Они уже три года имѣютъ каждый свою спальню. Дѣвочка какъ-то сильно болѣла, мать положила ее къ себѣ, Павелъ Павловичъ ушелъ въ кабинетъ, да такъ и остался тамъ совсѣмъ. Онъ и вообще стоялъ за образцовую гигиену и требовалъ, чтобы каждому было отпускаемо непременно по стольку-то кубическихъ футовъ воздуха.

Въ дверь, справа, постучали. Гремушинъ нервно, почти безглаголиво поднялъ туловище и окликнулъ:

— Кто тамъ?

На ночь онъ всегда запиралъ на задвижку обѣ двери кабинета.

— Это я, Павликъ.

Жена говорила вполголоса, но не шопотомъ.

— Что вамъ?

Онъ часто бывалъ съ женой на „вы“, особенно въ разговорахъ по домашнимъ дѣламъ.

— Павликъ! здоровъ ли ты? Кажется, ты еще не совсемъ заснулъ?

И прежде онъ не любилъ, чтобы о немъ слишкомъ много заботились, но все-таки внутренно былъ очень чувствителенъ къ каждой ласкѣ.

Тутъ его неприятно кольнуло самое имя „Павликъ“, которымъ Марѳа Власьевна называла его только въ минуты интимности.

Какой онъ „Павликъ“? И что это за смѣшное прозвище! Точно онъ ходитъ въ курткѣ съ отложнымъ воротничкомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Павликъ, что съ тобой?

Голосъ жены дѣлался тревожнымъ.

— Ничего!.. Идите сами спать...

И онъ представилъ себѣ, что она стоитъ со свѣчей у двери, крупная, почти толстая, съ сѣдѣющими волосами.

Онъ не могъ удержать наплыва брезгливыхъ образовъ и чувствовалъ въ темнотѣ, какъ ему неловко отъ нихъ.

Его жена, преданная, любящая, не больше какъ недѣлю назадъ казалась ему еще такой молодой, свѣжей, прочной во всѣхъ проявленіяхъ своей сильной, правда, не тонкой натуры.

— Тебѣ ничего не надо? — допрашивала Марѳа Власьевна.

— Ничего, — почти съ сердцемъ отвѣтилъ онъ.

— Да ты скажи, Павликъ, я сейчасъ одѣнусь... Можетъ, спазмы?.. Я разбужу Аннушку... Компрессы...

— Ничего не надо... Я засыпаю... Прощайте...

Она тихо удалилась. Слышно было ёрзанье ея туфель-шлепальцевъ по полу.

Онъ вздохнулъ, опустилъ голову на подушки и тутъ только закрылъ глаза съ желаніемъ заснуть непременно.

Но сонъ не приходилъ. Его ударило въ краску отъ возрастающаго волненія.

Вѣдь онъ когда-то шелъ къ вѣнцу съ этой женщиной— дѣвственникомъ! Невѣроятно это—и онъ, бывало, скрывалъ свое цѣломудріе отъ товарищей; но такъ это было. Марѳа Власьевна на одинъ годъ старше его. Тогда она влекла его къ себѣ могучимъ здоровьемъ, всѣмъ складомъ своего роскошнаго тѣла. Это чувство онъ считалъ рѣшительнымъ, пускался тогда рука въ руку съ ней въ жизнь и вѣрилъ, что никакой перемѣны не будетъ, кромѣ той, что приносятъ съ собою годы. Онъ любилъ сочинять на это афоризмы, въ разговорахъ съ молодыми людьми, доказывать, что надо жениться рано и не знать въ жизни ничего, кромѣ „естественнаго подбора“, держаться его до старости... Онъ доказывалъ вздорность и болѣзненность всякихъ порываній къ какимъ-то особеннымъ чувствамъ, указывалъ на крестьянъ, для которыхъ женитьба—роковая норма; въ своемъ трактатѣ о счастіи ставилъ одноженцевъ, „однолюбовъ“, какъ высшій образецъ человѣческихъ существъ.

„Неужели,—повторялъ онъ, беззвучно поводя губами,— неужели то, что заползло въ меня теперь и вцѣпилось точно когтями,—страсть, запоздалая, но такая, какія романисты-художники стали описывать еще въ прошломъ вѣкѣ, а нынѣшніе возвели въ исключительный элементъ живого интереса?“

Онъ боялся отвѣтить „да“ — и гналъ вопросы... Вотъ голосъ поетъ изъ „Карменъ“, и онъ можетъ прослѣдить за извивами мелодіи,—онъ, не имѣющій почти никакого музыкальнаго слуха.

Уже не жаръ его томить, а дрожь проникаетъ въ него. Лобъ его холоденъ и влаженъ.

Можетъ-быть, это—пароксизмъ, или такъ, блажь, какой-то видъ „иннерваціи“... Онъ слишкомъ подолгу читаетъ у себя въ кабинетѣ, бессонницы разыгрались, а принимать бромистый калий, давно прописанный ему, онъ неглижируетъ.

Все это такъ; но онъ не можетъ лгать самому себѣ: и къ дѣтямъ, и къ женѣ онъ охладѣлъ. Хорошо, если это временное, чисто нервное, а если нѣтъ?

Тогда это страсть?

Онъ не обрадовался, а полонъ былъ испуга. Почему? Вѣдь за любовь отдають все. Люди—особенно люди конца этого вѣка — отдають все, ищутъ ее, мучатся потугами

чувства, изнемогаютъ оттого, что имъ нечѣмъ любить, что они утратили органъ любви.

Но тѣ люди — жалкіе недоучки конца жалкой эпохи, пораженные вырожденіемъ. А онъ — мудрецъ; въ его книгѣ говорится, что только въ будущемъ преобразованномъ обществѣ станетъ возможна свободная любовь, не знающая никакихъ стѣсненій и эгоизма личнаго обладанія. Чтобы достичь этого, необходима цѣлая „серія“ поколѣній строго цѣломудренныхъ, единоженцевъ, однолюбовъ, такихъ, ка-кимъ былъ онъ, Гремущинъ, до послѣднихъ дней.

Ему стало такъ страшно, что онъ зажегъ свѣчу и въ изнеможеніи обернулся лицомъ къ стѣнѣ. На ней повѣшенъ былъ коверъ, повыше мягкихъ подушекъ дивана.

Павелъ Павловичъ лежалъ опять съ открытыми глазами, все еще полный смятенія, точно передъ потерей всего, за что держалась его жизнь.

Вдругъ онъ началъ различать какой-то рисунокъ въ довольно большомъ пятнѣ съ расплывающимися красками. Стоять три фигуры: старикъ, одѣтый рыбакомъ, въ красномъ колпакѣ, молодой парень, тоже въ колпакѣ, и дѣвушка въ цвѣтной юбкѣ, съ длинной косой. Отецъ беретъ ее за подбородокъ и подмигиваетъ парню... Это — сватовство. Такую картину, вышитую шерстью, онъ видѣлъ въ дѣтствѣ, на экранѣ.

Онъ поднялся, протеръ глаза. Картина не исчезала.

„Галлюцинація!“ — подумалъ онъ и задулъ свѣчу. Видѣніе больше не являлось.

— Я боленъ, — выговорилъ онъ, и ему стало легче. — Это болѣзнь, а не постыдная, запоздалая страсть...

XVI.

Маленькая женщина ходила по опустѣлому домику и прибирала. У нея сложилась привычка все самой переставить, обтереть, сдуть пыль. Да и тоскливо дѣлалось безъ этого, особенно послѣ потери дѣтей... Деревенскій день великъ, если его не наполнить всякой возней. Безъ разныхъ „sieben Sachen“ — называла она по-нѣмецки — засосетъ сейчасъ на сердцѣ, начнешь думать о дѣтяхъ, о надвигающейся болѣзненности, беспокоиться и страдать за мужа.

Вотъ и теперь, перетирая подсвѣчники, она думаетъ о своемъ „Менѣ“ — Евменіи Филипповичѣ Кустаревѣ. Онъ уѣхалъ въ городъ. Съ самаго обѣда въ честь Сим-

бирцева онъ разстроенъ; не потому, что не доволенъ своимъ поведеніемъ, но ему показалось еще тогда, послѣ обѣда, что всѣ „сѣжились“, даже и Симбирцевъ. И по хутору у него непріятности. Не поладилъ онъ съ писаремъ ближайшей волости. Евменій Филипповичъ вступился за двоихъ своихъ рабочихъ. Тѣхъ писарь прижимаетъ и видимо хочетъ взятку. Онъ ѣздилъ въ правленіе, усовѣщивалъ старшину; тотъ тоже ударился въ амбіцію, настроенный писаремъ. Онъ и тутъ погорячился. Мужиковъ вызвали въ волость, и одного наказали за неповиновеніе властямъ... И сдается ей, что на мужа ея эти деревенскія всемогущія власти донесли по начальству... Сегодня ей особенно тяжело. Она всю ночь не спала. И сердце у нея не въ порядкѣ. Она скрываетъ это отъ мужа, не ѣдетъ въ Москву, къ доктору-специалисту. А легкія давно никуда не годятся и желудокъ также...

„Комочекъ нервовъ“, — повторяетъ она прозвище, данное ей Ермиловымъ. Только нервами она и держится. Анемія ея все растетъ, пища нейдетъ впрокъ, худоба дѣлается такая, что ей самой подчасъ страшно...

Да и нервы до-нельзя развинтились... Ночью ее душить, въ головѣ боль—сверлитъ въ темя, стрѣляетъ въ виски, слабость мертвенная. Она за себя не трусить. Совсѣмъ не боится смерти. На свою живучесть она не надѣется... Но какъ же разстаться, и такой молодой, съ мужемъ, на кого его покинуть? Въ любовь его она вѣритъ больше, чѣмъ во что-либо. Одиночество будетъ глотать его. И теперь онъ не знаетъ часто, куда ему дѣться, хоть и маскируетъ это передъ ней—передъ первой. Ему нужно общественное дѣло, а его нѣтъ и не будетъ съ его характеромъ. Хуторъ не можетъ его наполнить, какъ онъ ни повторяй, что лучше ничего нѣтъ деревни и близости къ народу. Видитъ она и народъ... Ея мужъ—неисправимый идеалистъ; кромѣ огорченій и неблагодарности отъ этого же народа пока ничего нѣтъ. Она сама, подъ вліяніемъ мужа, настраивала себя на опростѣлый ладъ. Но обманывать себя она не можетъ, только молчить, чтобы не раздражать своего мужа. Его проводятъ на каждомъ шагу. Да это еще куда ни шло! Не понимаютъ его доброты, любви къ рабочему люду, смотрятъ на него, какъ смотрѣли бы на перваго попавшагося хозяина изъ цѣловальниковъ или прасоловъ.

И его самого это полегоньку начинаетъ глотать, только

онъ упоренъ въ своихъ вѣрованіяхъ и повторяетъ всегда:

— Нельзя все сводить къ личнымъ интересамъ и отношеніямъ. Мнѣ можетъ плохо приходиться отъ народа, но это ничего не доказываетъ.

Она, бывало, замолчитъ... Все-таки хуторъ—хоть и не даетъ почти доходу—не опостылѣлъ еще ея мужу. И за это спасибо. Въ Москвѣ, въ кружкѣ пріятелей и товарищей, ему тоже не по себѣ. И это онъ скрываетъ, но она чуткими нервами своего маленькаго тѣла догадалась—и давно...

Будь она позлѣе или побезцеремоннѣе, она сказала бы ему:

„Евменій Филипповичъ, батюшка, всѣ-то ваши сверстники опускаются, потеряли бодрость и бьются только изъ-за того, какъ бы имъ уцѣлѣть, ни на какую энергическую борьбу, особенно сообщая, всѣмъ кружкомъ, они уже не способны. Пора это понять и не изводить зря собственныхъ силъ... Надо брать отъ жизни, что она можетъ дать. Лучше уѣхать куда-нибудь, въ провинцію, взять тамъ кафедру, дѣлать свое дѣло потихоньку, безъ отступничества, но и безъ задора... А на кружокъ пора, давно пора, махнуть рукой!..“

Она лично чувствовала полное разочарованіе...

Когда-то она вѣрила въ друзей и единомышленниковъ Евменія Филипповича, ставила ихъ тамъ—наверху всего, что она знала въ жизни. Ей не легко было обрѣсти эту вѣру. Она не такъ воспиталась. Держали ее, какъ барышню, при гувернанткахъ, готовили къ хорошей, дворянской партіи... Со многимъ она должна была разорвать, когда выходила за профессора... Будь она дочь богатыхъ людей, ее по доброй волѣ ни за что бы не выдали. Евменій и тогда смотрѣлъ „краснымъ“. Его ославили въ губернскомъ городѣ чуть не какъ тайнаго насадителя крамолы; а она была дочь губернскаго крупнаго чиновника и барыни съ самыми закоренѣлыми помѣщичьими и свѣтскими правилами и поведеніями.

Ей стало, послѣ потери дѣтей, еще суше на сердцѣ, когда она потеряла вѣру въ то, что существуетъ, идетъ впередъ и стойко держится,—то избранное меньшинство, изъ котораго состоялъ кружокъ друзей и сверстниковъ Евменія Филипповича Кустарева.

Больше переставлять и вытирать нечего.

Маргарита Сергѣевна позвала горничную.

— Матрена готовить?—спросила она.

— Готовить-съ.

— Полегче ей?

— Маленько отпустило.

— Вы бы ей помогли, Аннушка!

— Я—съ удовольствіемъ.

— Евменій Филипповичъ долженъ скоро пріѣхать... Онъ будѣтъ навѣрное голоденъ... Придется пораньше накрыть и подавать.

— Слушаю-съ.

Аннушка—кроткая дѣвушка, взятая изъ деревенскихъ. Матрена очень толковая кухарка, только часто мучится головными болями. Евменій Филипповичъ сталъ гораздо требовательнѣе, жалуется частенько на катаръ, не бережется. Любитъ съѣсть чего-нибудь послаще, особенно изъ закусокъ. Останавливать его она не рѣшается. Онъ не терпитъ гувернантскихъ замѣчаній.

Маргарита Сергѣевна носила по утрамъ блузочку съ кушакомъ и повязывала голову фуляромъ.

Надо было поприодѣться къ обѣду. Она сама не можетъ быть неряхой, только въ послѣднее время она все равнодушнѣе къ туалету; замѣчаетъ почти со стыдомъ, что дѣлается менѣе опрятною, не соблюдаетъ такую же строгую чистоту, какъ прежде, въ бѣльѣ, воротничкахъ, на рукавникахъ, во всемъ...

Думать меньше о себѣ стала она, когда пошли дѣти... Уходу за ними отдалась она съ неудержимою страстью: кормила того и другого, и на этомъ истощилась, какъ ее ни упрашивалъ мужъ; а когда докторъ рѣшительно запретилъ—было уже поздно. Кормила, обмывала, взвѣшивала, дрожала надъ каждымъ изъ нихъ, забывала даже о своемъ Менѣ, о его интересахъ, о его душевномъ настроеніи.

Смерть не пощадила дѣтей. Съ тѣхъ поръ она и стала еще меньше заниматься собой; больше года ничего себѣ не заказывала, не покупала, донашивала старыя платья и ходила въ штопанныхъ чулкахъ. Да и доходы-то у нихъ не Богъ знаетъ какіе...

Половина того, что Евменій Филипповичъ зарабатываетъ перомъ, идетъ на хуторъ, на ремонтъ, на помощь мужикамъ. Она не жалѣетъ,—только бы онъ былъ доволенъ...

Маленькая женщина перешла въ спальню, свѣтлую, просторную комнату, съ двумя большими кроватями и

одной дѣтской, красивой кроваткой, заграничной работы, изъ проволоки.

Ее давно было-убрали. Но когда Ермиловъ взбаламутилъ ихъ, она приказала достать изъ чулана,—готовила для той дѣвочки.

И вышелъ „пшикъ“.

Она посердилась на Ермилова, назвала его „пустельгой“, всплакнула, но Менѣ ничего больше на эту тему не говорила, точно будто и рѣчи не было ни о какой дѣвочкѣ.

Дѣтская кроватка осталась въ спальнѣ. Маргарита Сергѣевна что-то медлила приказать убрать ее. Тайно она начала мечтать: не будетъ ли у нихъ еще ребенка.

Докторъ говорилъ ей прямо, что она не должна имѣть дѣтей, что они убьютъ ее, даже если она и не будетъ сама кормить.

— Крови у васъ нѣтъ достаточно,—повторялъ онъ ей,—мяса нѣтъ, а нервами нельзя зародыша питать.

Видъ кроватки вызвалъ на ея рѣсницахъ двѣ маленькія слезинки. Она наскоро перемѣнила туалетъ, чтобы лишнее время не оставаться въ спальнѣ.

Въ началѣ третьяго пріѣхалъ Кустаревъ.

Взглядъ на мужа, брошенный Маргаритой Сергѣевной не прямо, а вбокъ, показалъ ей, что Меня вернулся не въ особенно веселомъ настроеніи, но не хочетъ этого показывать.

— Проголодался?—спросила она и подставила ему лобъ по обыкновенію.

— Да, Гаря! сильно проголодался, и продрогъ къ тому же. Анаѣемская нынче погода. Мразь какая-то сверху и продуваетъ со всѣхъ концовъ.

Онъ ушелъ скорыми шагами въ кабинетъ, съ пачкой журналовъ и иностранныхъ газетъ.

За столъ сѣли они черезъ четверть часа, другъ противъ друга. Евменій Филипповичъ надѣлъ шведскую куртку и валенки. Передъ щами онъ выпилъ большую рюмку настойки домашнего приготовленія и закусилъ лимбургскимъ сыромъ.

— Здоровая водка! — выговорилъ онъ. — Инда слеза прошибла.

Что Меня станетъ на хуторѣ привыкать къ крѣпкимъ папиткамъ, Маргарита Сергѣевна не боялась: у него не такой складъ; въ малодушіи какого бы ни было рода

упрекнуть его никто не можетъ; она меньше всѣхъ другихъ; пускай его выпьетъ и послѣ обѣда рюмку наливки. Она умѣетъ ихъ настаивать на славу.

„Онъ себя сдерживаетъ,—думала маленькая женщина, проглатывая ложки горячихъ щей „съ заправкой“, приправленныхъ по вкусу Кустарева.—Я вижу, есть что-то. Щеки у него краснѣе обыкновеннаго, и глаза не такъ смотрятъ“.

— Заѣзжалъ къ кому-нибудь? — между прочимъ, освѣдомилась она.

— Заѣзжалъ,—кратко отвѣтилъ онъ и принялся послѣ щей за ветчину съ горошкомъ, также его любимое блюдо.

И тотчасъ же положилъ ножъ и, поднявъ голову, выговорилъ съ приподнятыми бровями:

— Эхъ, Гаря, какъ всѣ у насъ старѣютъ и киснутъ! Просто никуда не хочется заѣзжать...

— А что же? — чуть слышно выговорила Маргарита Сергѣевна.

— Былъ у Денисовича... Какіе его годы? На четыре года старше меня... И на что онъ похожъ?.. Совсѣмъ старикъ, обрюзгъ, опустился въ домашнюю тину. Точно чинушъ какой, на пенсіи.

Кустаревъ рассказывалъ про одного изъ членовъ ихъ кружка.

— Я давно его не видала...

— На такихъ надо рукой махнуть!.. Да и молодые-то не лучше... Шустрые ловкачи, и только...

Что-то онъ опять не досказалъ, и жена знала уже, что это-то и разстроило его всего больше: оттого у него и щеки красны, и глаза иначе смотрятъ.

Послѣ ветчины съ горошкомъ подали молочную кашу съ сахаромъ.

Евменій Филипповичъ опять не доѣлъ, положилъ ложку на скатерть и вскричалъ глухо, своимъ хриповатымъ басомъ:

— Этотъ Куликовъ! Вотъ тоже доблестный представитель нашихъ преемниковъ!

Она промолчала.

— Вообрази, Гаря, онъ мнѣ въ сладкой формѣ прочелъ сегодня наставленіе.

— Какъ же это?—почти съ изумленіемъ выговорила она.

— Да такъ! Очень просто. Приходитъ ко мнѣ. Я думалъ, статью какую принесъ. Я еще чайкомъ его угостилъ.

И начинается, точно на духу. „Вы, говоритъ, Евменій Филипповичъ, стоите совершенно въ сторонѣ, на службѣ не находитесь...“

— Какое же отношеніе? — замѣтила Маргарита Сергѣевна.

— Вотъ увидишь какое, Гаря... „Вы, дескать, можете все себѣ позволить, но надо и о вашихъ товарищахъ, и о насъ, молодыхъ, подумать“.

— По какому же поводу?

— Да все объ этой исторіи... съ Сохинымъ. Съѣжились анаѰемски... И сами-то не смѣютъ говорить, такъ вотъ этого ловкача подослали!.. Эхъ!

Онъ замолкъ и больше уже ничего не сказалъ.

За кофеемъ онъ болѣе веселымъ голосомъ окликнулъ:

— Гаря! Ты знаешь! Къ намъ на ночь — гость! Угадай кто?

— Не могу угадывать, Меня.

— Капцовъ. Изъ Питера пріѣхалъ дня на три. Будетъ ночевать. Ёды намъ къ чаю сооруди.

— Очень рада!

И она дѣйствительно очень обрадовалась. Капцовъ — ближайшій пріятель мужа, не менѣе близкій, чѣмъ Симбирцевъ. Привезетъ разныхъ вѣстей и разговоровъ о Петербургѣ.

Она вскочила, подошла къ мужу и поцѣловала его въ голову.

XVII.

За чайнымъ столомъ, опять уставленнымъ закусками, какъ и въ вечеръ пріѣзда Ермилова, сидѣли они втроемъ.

Порфирій Николаевичъ Капцовъ смотрѣлъ помоложе Кустарева; русые его волосы курчавились на лбу и вискахъ, еще густые и почти безъ сѣдины. Онъ носилъ золотые очки, изъ-за которыхъ свѣтились сѣрые, ласковые, добрѣйшіе глаза.

Густая борода дѣлала его похожимъ на „батюшку“ — городского священника, законоучителя, баловника дѣтей и мягкаго духовнаго отца на исповѣдяхъ. Рослый и худощавый, онъ немного горбился и въ движеніяхъ сохранялъ молодую нервность.

И говорилъ онъ чистѣйшимъ московскимъ нарѣчіемъ, съ яркими гласными, съ растягиваніемъ буквъ и употре-

блялъ самыя смѣлыя смягченія согласныхъ, какія только можно услышать отъ коренныхъ москвичей.

На немъ просторно сидѣлъ вицмундиръ съ темнымъ бархатнымъ воротникомъ и на шеѣ владимірскій крестъ. Онъ былъ съ офиціальнымъ визитомъ и не успѣлъ у себя переодѣться, запоздавъ, по своей вѣчной привычкѣ, на поѣздъ.

Вицмундиръ, впрочемъ, не придавалъ ему чиновничьяго вида; крестъ свободно болтался у него подъ галстукомъ и то и дѣло сползалъ на сторону.

Но Петербургъ все-таки наложилъ на него свою руку. Въ тонѣ, въ движеніяхъ, въ особой возбужденности чувствовался человѣкъ изъ настоящей столицы, гдѣ, какъ въ котлѣ, кипятъ люди, дѣла, карьеры, мѣропріятія...

Порфирій Николаевичъ, размѣшивая сахаръ въ стаканѣ, любовно оглядывалъ хозяевъ.

Съ Кустаревыми онъ не видѣлся больше двухъ лѣтъ, успѣлъ уже сдѣлаться „штатскимъ генераломъ“, какъ самъ подтрунивалъ надъ собою, получить новое, высшее назначеніе по казенной службѣ и два новыхъ частныхъ мѣста.

Когда-то они вмѣстѣ готовились на магистра. Онъ выдержалъ экзаменъ и защитилъ диссертацию, даже раньше Кустарева; но вмѣсто профессуры очутился на службѣ, въ Петербургѣ, гдѣ оцѣнили сразу его познанія и дали ему быстрый ходъ. Такъ прошло больше двадцати лѣтъ его жизни. Тамъ онъ женился, обзавелся семьей и связанъ былъ всякими другими житейскими узами съ этимъ „гнилымъ“ Петербургомъ, который онъ такъ охотно обзывалъ „гнилымъ“, всякій разъ, какъ попадалъ въ свою милую, сердечную Москву и отводилъ душу съ товарищами.

Изъ нихъ Кустаревъ былъ для него самый дорогой.

Порфирій Николаевичъ пилъ чай съ блюдечка, въ прикуску, и сохранилъ эту московскую привычку со студенческихъ лѣтъ, когда они съ Кустаревымъ жили въ Бронной, у сапожника Епифашина, въ подвальной комнатѣ, и платили шесть рублей, съ самоваромъ, въ мѣсяць.

Давно чай не казался ему такимъ вкуснымъ, какъ въ этотъ вечеръ, на хуторѣ Кустарева, между Евменіемъ Филипповичемъ и его маленькой женой.

— Хорошо у васъ, голубчики, — говорилъ онъ, поглядывая поочередно то на мужа, то на жену. — Благодать! не то, что у насъ въ Чухляндіи.

Бранить крѣпко что-либо онъ не могъ, даже Петер-

бургъ, гдѣ ему до сихъ поръ было не по себѣ... Надъ нимъ еще товарищи-студенты потѣшались за его непомѣрную мягкость, гуманность и деликатность.

Про него рассказывали множество анекдотовъ на эту тему. Онъ никогда не могъ не только прикрикнуть на кого-нибудь, но даже сдѣлать малѣйшій выговоръ.

Онъ плохого извозчика не иначе упрашивалъ, какъ ласкательными словами: „милѣйшій“, „голубчикъ“. Ни одному половому не сказалъ онъ „ты“, и въ домѣ никогда не употреблялъ повелительнаго наклоненія, ни съ дѣтьми, ни съ прислугой.

Въ публичныхъ мѣстахъ самымъ пріятелямъ его бывало почти нестерпимо отъ его деликатности. Ни за что онъ не позволялъ кого-нибудь попросить подвинуться, или дать дорогу, или на чемъ-нибудь настоять.

— Ахъ, нѣтъ, голубчикъ, какъ это можно, какъ это беспокоить „ихъ“.

Это „ихъ“ употреблялъ онъ, говоря рѣшительно о каждомъ третьемъ лицѣ.

А съ виду, на первый взглядъ, Порфирій Николаевичъ казался очень внушительнымъ человекомъ, при его высокомъ ростѣ, благообразномъ лицѣ и живости движеній. Никто сразу не могъ предполагать, что онъ такая „божья коровка“.

И Петербургъ почти совсѣмъ не измѣнилъ его, только голосъ сталъ немного утомленнѣе и старше звукомъ.

— Многихъ видѣли, Порфирій Николаевичъ?—спросила Маргарита Сергѣевна.

Она его очень любила, больше всѣхъ пріятелей и товарищей мужа.

— Кое-съ-къмъ видѣлся... только у всѣхъ побывать не успѣю.

— Былъ у Денисовича? — спросилъ въ свою очередь Кустаревъ.

— Какъ же!

— Встѣ постарѣлъ! вотъ опустился!

— Я не скажу, голубчикъ... Такой же душевный.

— Ты развѣ можешь кого-нибудь опредѣлить хоть сколько-нибудь строго?..

Кустаревъ почти злобно разсмѣялся.

— Право же, голубчикъ, я не нашелъ такой въ немъ переменны... Конечно, лѣта, ну, въ лицѣ... сѣдина замѣтна. Семейство большое опять...

— Не то, не то, Капцовъ! — вскрикнулъ Кустаревъ и началъ блѣднѣть. — Вотъ, побывай у другихъ. Нѣтъ, братъ, прежняго товарищества!.. Да и всѣ-то мы кукишъ въ карманѣ кажемъ.

— Что ты, Евменій!

— Да то же! Даже иные и кукиша-то не кажутъ, а просто трепещутъ за собственную шкуру.

„Опять пошло!“ — со страхомъ воскликнула про себя маленькая женщина и начала перетирать блюдечки.

— Не всѣ такъ, — кротко возразилъ Капцовъ.

— Ну, да, ты лгать не умѣешь... Скажи-ка ты мнѣ прямо: нешто тебѣ уже не рассказали про исторію послѣ обѣда Симбирцева? Ты у него былъ?

— Былъ, голубчикъ.

— И онъ тебѣ навѣрно жалился: какъ, дескать, Кустаревъ, точно съ цѣпи сорвался, обругалъ и выгналъ Сохина и всѣхъ насъ влопалъ въ такую непріятность, что мы теперь сидимъ по своимъ норамъ и ждемъ, что намъ за это будетъ! Вѣдь такъ?

— Ну, что ты?.. Совсѣмъ не въ такомъ тонѣ.

— Однако, было говорено?

— Дѣйствительно. Симбирцевъ... немножко жалѣлъ, что такъ вышло, изъ-за него.

— Изъ-за него!.. Это онъ схитрилъ!.. И онъ съѣжился, и онъ считаетъ вотъ такого простеца, какъ я, неудобнымъ, опаснымъ человѣкомъ.

Капцовъ пододвинулся къ Кустареву, положилъ руку на спинку его стула, нагнулся къ нему и тономъ любящей няни сказалъ:

— Нельзя такъ, Евменій, время не то. Ни себѣ, ни людямъ!.. Подумай и то, что всѣ они народъ трудовой и — на службѣ... тоже почти всѣ, голубчикъ, все равно, что я грѣшный!.. Полегче бы!..

Маргарита Сергѣевна ничего не сказала, только кивнула головой.

— Ну, я каюсь, глупо было такъ хорохориться съ дрянью, въ родѣ Сохина!.. Меня взорвало его нахальство, а нахальство это есть признакъ времени.

— Да, да, признакъ времени, Евменій, милый мой, признакъ времени. Тѣмъ осторожнѣе нужно вести себя... не измѣняя своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ.

— И нашимъ, и вашимъ!..

— Нѣтъ, голубчикъ, я про себя не буду говорить...

я — чиновникъ... Промѣнялъ свое первородство на чечевичную похлебку... Но вы — дѣятели науки... поборники... общественной правды... вы должны... быть мудры какъ змѣи... и кротки какъ агнцы.

— Это и на обѣдѣ Симбирцеву на всякіе фасоны перебирали! Но въ томъ-то и гадость, братъ Порфирій, что ни у кого вѣры нѣтъ въ себя и въ свое дѣло. Какъ соберутся — сейчасъ жалкія слова говорить и кукишъ показывать, а внутри, въ душѣ cadaго, стоитъ: „пѣсенка наша спѣта“.

— Не ихъ вина!

— Нѣтъ, еще не спѣта! — Кустаревъ ударилъ кулакомъ по столу. — Не спѣта она, если бѣ въ насъ самихъ побольше было мужества... да и это слишкомъ громкое слово — просто стойкости, какая есть у всякаго мужика, у любого изъ моихъ хуторскихъ рабочихъ!

— Вотъ потому-то, голубчикъ, и не надо бы пороха тратить на...

— На что? На глупыя выходки, въ родѣ моей?

— Я не говорю этого, милый!

— Коли я уже повинился! Но все-таки сдѣлай это другой... ты?

— Я?

Капцовъ разсмѣялся. Все его лицо говорило:

„Развѣ я способенъ?.. Побойся же Бога, что ты говоришь!“

— Ну, не ты, такъ другой кто-нибудь... тотъ же Симбирцевъ: не сталъ бы я смѣяться, за глаза и въ глаза выговоры дѣлать и трусить.

— Подневольный народъ всѣ они! — сказалъ со вздохомъ Капцовъ.

— А молодые-то подростки, интеллигентные — полюбуйся ими! Эти карьеру свою отмѣнно сдѣлаютъ.

— Да, да... другого закала, другого, — повторилъ Капцовъ и опустилъ рѣсницы.

Его пронизалъ возгласъ Кустарева. Онъ подумалъ о собственномъ сынѣ-студентѣ, на послѣднемъ курсѣ. Самъ онъ неспособенъ былъ жаловаться или обличать этого молодого человѣка, но въ лицѣ его онъ чувствовалъ, до какой степени иныя дѣти не похожи на поколѣніе отцовъ.

— И вотъ, разсуди ты, Порфирій, — нѣсколько спокойнѣе продолжалъ Кустаревъ. — Гара моя внутренно, до сихъ поръ, сокрушается о томъ, что я не имѣю кафедръ, что я по доброй волѣ остаюсь не у дѣлѣ.

— Когда же, Меня?..

Маргарита Сергѣевна не договорила.

— Да нечего! Не оправдывайся! Не лги!

Капцовъ завозился на стулъ. Его охватило внезапное смущеніе: сохранить роль судьи между мужемъ и женою въ такомъ капитальномъ вопросѣ.

— Конечно,—началъ онъ, заикаясь,—Маргарита Сергѣевна по-своему права. Въ тебѣ большія силы. И талантъ лектора, и способность къ научнымъ изысканіямъ. Все это не находитъ полного примѣненія.

— Не пойду!.. Тысячу разъ говорю: не пойду! Если бы даже пригласили. А меня приглашать не станутъ, будьте покойны съ Гарей! На меня и здѣсь, на хуторѣ, ближайшее мое начальство подозрительно смотритъ. И я еще не знаю, кто одолѣетъ: я или волостной писарь! Пожалуй, писарь!

Онъ началъ полушутливо рассказывать Капцову про свои столкновенія съ волостными властями.

Разговоръ перешелъ въ другіе тоны. Капцовъ ужасно было испугался, какъ бы не вышло спора съ оттѣнкомъ горечи. Онъ не преминулъ поговорить и въ тонъ Кустареву насчетъ пріятности житья въ деревнѣ, на полной свободѣ, да еще въ общеніи съ народомъ, который Евменій такъ искренно любитъ. Онъ сравнилъ эту тихую и правильную жизнь со своей петербургской, и долженъ былъ сознаться, что онъ крѣпостной работникъ своей семьи.

Кустаревъ не зналъ лично его жены. Капцовъ женился давно, на петербургской барышнѣ, и теперь у него двое взрослыхъ дѣтей, большая квартира въ десять комнатъ, пріемы по вечерамъ, абонированная ложа у жены въ русской оперѣ.

Онъ все это рассказывалъ въ такомъ тонѣ, точно былъ обязанъ весь свой вѣкъ, до послѣдняго издыханія, работать на „своихъ дамъ“.

— Многонѣко, многонѣко нужно на все это, — выговорилъ онъ и разсмѣялся. — Ты, Евменій, меня презирать будешь. Я поневолѣ долженъ заниматься совмѣстительствомъ.

— Какимъ же манеромъ?

— Должность даетъ всего пять тысячъ. Въ двухъ мѣстахъ состою въ частныхъ юрисконсультахъ и даже въ одномъ правленіи директоромъ. И разные проекты составляю.

— Сколько же долженъ ты предоставить твоимъ дамамъ и сынку?

Кустаревъ нахмурилъ брови и спросилъ это строго.

— Да... тысячъ до двѣнадцати въ годъ. И того не хватаетъ, голубчикъ! Петербургъ требуетъ расходовъ. Это не матушка-Москва!

Онъ смолкъ, засмѣялся, потомъ всталъ и началъ прохаживаться около чайнаго стола и перевелъ разговоръ опять на хуторъ и на то, какъ бы онъ самъ зажилъ въ такой именно обстановкѣ.

„Ты видишь, — говорили глаза Маргариты Сергѣевны, взглянувшей на мужа, — развѣ можно сравнить его положеніе съ твоимъ? А ты, если захочешь, опять будешь въ твоей настоящей сферѣ“.

То же думалъ и Кустаревъ. Ему стало досадно и обидно за Порфирія. Ну, да онъ счастливъ, по-своему, подъ какимъ бы ярмомъ ни находился. Не жена и дѣти, такъ товарищи или родственники, а ужъ кто-нибудь да заставилъ бы его работать на себя.

Кустаревъ тоже всталъ, обнялъ Капцова за плечо и выговорилъ нѣжно и медленно:

— Душа ты елейная! Къ тебѣ и радъ бы придраться, да ты всякаго обезоружишь.

Всѣ трое разсмѣялись, и имъ сдѣлалось отраднѣе.

XVIII.

Послѣ Рождества, черезъ два съ половиною мѣсяца, Ермиловъ опять попалъ въ Москву, на цѣлую недѣлю, и остановился, какъ всегда, въ Лоскутной гостиницѣ.

Ему приходилось, съ этой зимы, гораздо чаще бывать въ Москвѣ, по управленію дѣлами и подмосковнымъ имѣніемъ одного чудаковатаго князя, жившаго долгіе годы за границей. Егоръ Петровичъ даже отъ пріятелей скрывалъ родъ занятій, дававшихъ ему порядочный доходъ. Своего состоянія ему досталось послѣ смерти матери небольшой домикъ въ Москвѣ, который онъ давно продалъ и деньги обратилъ въ процентныя бумаги.

Онъ управлялъ частными имѣніями и домами въ Петербургѣ, а теперь въ Москвѣ. Жалованье его доходило до семи и больше тысячъ рублей, при даровой квартирѣ. Въ денежныя спекуляціи, на биржѣ, онъ боялся пускаться и никому не проговаривался о томъ, чѣмъ онъ зарабатывалъ свой доходъ. Его патроны были два-три богатыхъ

и титулованныхъ барина. Съ ними онъ сносился больше на письмахъ, а лично только съ однимъ, въ Петербургѣ, но и съ тѣмъ поставилъ себя, съ перваго же дня, на равную ногу.

Онъ и себѣ не любилъ признаваться въ томъ, что состоитъ на службѣ у частныхъ людей, и что его можетъ кто-нибудь, узнавъ про его занятія, назвать „управителемъ“.

Въ Москву, на тотъ разъ, онъ пріѣхалъ въ отличномъ настроеніи, хотѣлъ встрѣтить въ ней новый годъ, и если будетъ весело житься, то протянуть, пожалуй, и до „татьянина дня“.

Его подмывало продолженіе пріятельскаго знакомства съ Анной Гавриловной Вогулиной.

Онъ уѣхалъ изъ Москвы въ октябрѣ, поддавшись сильнѣе, чѣмъ самъ ожидалъ, ея „фэминизму“, какъ онъ любилъ выражаться. Правда, въ сонетахъ Жозе-Маріи Эредіа она не нашла тѣхъ великолѣпій, какими восторгался онъ, читая ей вслухъ, но кое-что оцѣнила умно и даже ново для него самого. Прощался онъ съ нею очень долго, поцѣловалъ руку и подержалъ эту бѣлую, художественно-изваянную руку, — въ передней, продолжая говорить, попросилъ у нея позволенія писать ей, такъ какъ ихъ литературная бесѣда далеко не кончилась.

Она сказала, что будетъ очень рада, и сказала это не тономъ банальной фразы, а съ особеннымъ блескомъ въ длинныхъ, узкихъ глазахъ съ пушистыми рѣсницами.

Изъ Петербурга онъ писалъ ей два раза большія письма, по восьми страницъ, гдѣ были разные смѣлые взгляды, парадоксы, остроты, даже экспромпты въ стихахъ; напущено было всякихъ тонкихъ, чувственныхъ и эстетическихъ опредѣленій ея женственности, ея *фэминизма*.

Онъ нѣсколько разъ употреблялъ въ обоихъ письмахъ этотъ любимый терминъ.

Анна Гавриловна отвѣчала короткими письмами, почти записками; писать она не была мастерица; знала, что у нея бѣдный, тускловатый слогъ, отзывающійся рефератами, какіе она приготовляла къ „семинаріямъ“, на курсахъ. Это его немного огорчило. Онъ увидалъ, что она „безнадежна“ по этой части, но скоро утѣшился тѣмъ, что поѣдетъ въ Москву и будетъ наслаждаться ею, слушать ея милый голосъ, ея своеобразный языкъ и любоваться до-

сыта ея красивостью, „sa joliesse“ — переводилъ онъ по-французски, про себя...

Въ Москвѣ стояли морозные, сухіе дни съ отличной санной ѣздой, а Петербургъ оставилъ онъ съ оттепелью, морскимъ, пронзительнымъ вѣтромъ и сырымъ туманомъ. И его гостиница показалась ему, когда онъ пріѣхалъ, такой веселой и оживленной, точно онъ попалъ къ себѣ, въ родной домъ. Даже лица артельщиковъ въ сибиркахъ, тѣхъ, что отворяютъ двери и вынимаютъ вещи изъ каретъ, — располагали его къ балагурству и давали „холодное“ настроеніе; имъ онъ всего больше дорожилъ.

Обыкновенно онъ бралъ номеръ наверху, подешевле, — экономія не оставляла его въ иныхъ вещахъ, — а на этотъ разъ остановился въ бель-этажѣ, въ обширномъ номерѣ, съ перегородкой и триповой мебелью, — въ три съ полтиной.

Часу во второмъ Егоръ Петровичъ спускался внизъ и проходилъ мимо зеркальнаго окна конторы.

Попавшійся ему конторщикъ подалъ ему письмо.

— Только сейчасъ принесли, — доложилъ онъ, — городское-съ.

Онъ узналъ руку Анны Гавриловны. Это былъ отвѣтъ на его извѣщеніе о пріѣздѣ. Она приглашала на чашку кофею, „по-московски“, какъ разъ сегодня.

„Жду васъ, — прочелъ онъ, — и собираюсь обширно побесѣдовать“.

Это слово „обширно“ было взято изъ жаргона комедій Островскаго. Онъ предпочелъ бы какое-нибудь другое; но затѣмъ вѣдь онъ и тутъ, чтобы дать этой роскошной дѣвицѣ высшую отдѣлку, отучить ее ото всего, что отзывается Патріаршими-Прудами и разговоромъ курсистокъ.

Главному швейцару, въ картузѣ съ галуномъ, онъ пріятно кивнулъ головой, спускаясь съ послѣдняго поворота чугунной, выкрашенной въ бѣлое, лѣстницы.

Онъ ни къ чему не придирался въ отдѣлкѣ отеля, ни къ искусственнымъ растеніямъ у зеркала, ни къ цвѣту ковровъ, ни къ поддевкамъ младшихъ швейцаровъ.

Внизу, въ сѣняхъ, онъ посмотрѣлъ на ассортименты бѣлыхъ палокъ изъ кизила, выставленныхъ на продажу, выбралъ одну и пошелъ съ ней, сказавши швейцару, чтобы онъ записалъ, сколько она стоитъ. Цѣну, полтора рубля, онъ не нашелъ дорогѣй и, противъ своего обыкновенія, не поторговался.

Онъ надѣлъ, для прогулки, бекешъ съ бобромъ. Этотъ нѣжный мѣхъ молодилъ его; хотъ онъ и соблюдалъ моду, но мерлушковыхъ стоячихъ воротниковъ петербургскихъ фешенебелей не долюбивалъ.

Выйдя изъ гостиницы, Егоръ Петровичъ взялъ вверхъ, по Тверской, шелъ медленно, не такъ, какъ привыкъ ходить по Невскому, смотрѣлъ по сторонамъ, остановился у новой часовни и задержалъ взглядъ на картинѣ Охотнаго ряда; замѣтилъ, что церковь „Прасковей-Пятницы“ перемѣнила цвѣтъ: изъ красной превратилась въ изсѣра-зеленоватую.

По Тверской онъ фланировалъ, читалъ вывѣски и пріятно былъ удивленъ видомъ новой кофейни. Это немного отвѣчало его всегдашней идеѣ о необходимости заведенія въ нашихъ столицахъ кафѣ на строго-парижскій образецъ.

Пить кофе онъ не будетъ: Анна Гавриловна пригласила его къ двумъ, а онъ пока зайдетъ посмотрѣть, какъ устроилъ московскій пекаръ это первое кафѣ.

Онъ перешелъ улицу и завернулъ въ кофейню. Но тамъ его ждало нѣкоторое разочарованіе—смѣсь чего-то французскаго съ своимъ, московскимъ,—лѣпной потолокъ и стѣны, зеркала и прислуга, смахивающая на половыхъ, швейцаръ въ поддѣвкѣ, стаканы чая и кофе съ обязательными сухарями и пирожками,—все это напоминало заднія комнаты петербургскихъ пекаренъ Невскаго.

Изъ кофейной онъ прошелъ въ отдѣленіе булочной, гдѣ запахъ жареныхъ пирожковъ и лепешекъ еще сильнѣе говорилъ о національномъ букетѣ всего заведенія.

Но Егоръ Петровичъ такъ былъ настроенъ, что благодушно сказалъ про себя:

„Сразу нельзя; нѣчто, однако, вырабатывается“.

Онъ остался доволенъ и тѣмъ, что у большихъ зеркальныхъ оконъ кофейной уже дежурили по двѣ „нѣмки“ съ Кузнецкаго. Безъ уличныхъ кокотокъ онъ не признавалъ столичныхъ городовъ.

Солнце румянило снѣгъ, играло на инеѣ липъ вокругъ памятника Пушкина. Ермилову захотѣлось пройти пѣшкомъ бульварами. Памятникъ поэта, уже потемнѣвшій, но освѣщенный во всѣхъ своихъ рельефахъ, высился на длинноватомъ пьедесталѣ посреди массивныхъ жирандолей и придавалъ всей площади совсѣмъ не тотъ видъ, какъ прежде, въ студенческіе годы Ермилова.

Онъ имъ не очень восхищался и вообще находилъ произведенія русскихъ художниковъ бѣдными по вымыслу и экспрессіи. И все-таки онъ почувствовалъ, на этотъ разъ, какое-то молодое щепотаніе въ груди. Не даромъ считалъ онъ себя пушкинистомъ.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ Патріаршимъ-Прудамъ, тѣмъ отчетливѣе выступали въ его воображеніи лицо и фигура Анны Гавриловны.

Увертываться ему нечего передъ самимъ собою. Она его заинтриговала достаточно. Больше того. Она расшевелила, даже издали, самые тонкіе фибры его женолюбія. Ею стоить заняться—и даже очень.

Цѣнилъ онъ и то, что въ этой дѣвушкѣ, уже доразвившейся до молодой женщины, такъ много своего, русскаго, московскаго. Въ любви онъ былъ поклонникомъ русскаго фэминизма, хотя и снималъ сливки съ женщинъ всякихъ расъ и національностей.

Онъ убѣдился долгимъ опытомъ, до какой степени русскія женщины—отъ горничной до великосвѣтской барыни—щедры въ проявленіяхъ своей природы, въ ласкѣ, въ томъ, какъ онѣ отдаются... Это не то, что парижанки. Даже и въ южныхъ европейскихъ женщинахъ находилъ онъ больше сухой нервности, чѣмъ нѣги, чѣмъ искренняго чувственнаго порыва. Вогулина обдавала его игривымъ холодкомъ, но онъ въ него не вѣрилъ... Этотъ холодокъ, когда дѣло дойдетъ до минуты „самозабвенія“ (онъ любилъ это слово старинныхъ русскихъ повѣстей), безслѣдно исчезнетъ и уступитъ мѣсто самому беззавѣтному прожиганію своего темперамента.

Его не удерживало въ этихъ думахъ то, что Анна Гавриловна дѣвушка, а онъ не собирается дѣлаться соискателемъ ея руки.

На женитьбу онъ не пойдетъ, объ этомъ и думать нечего. Но онъ пойдетъ до тѣхъ предѣловъ, какіе только возможны.

Или онъ глупо, по-мальчишески, ошибается, или Вогулина—одна изъ такихъ натуръ, гдѣ подъ бытовой оболочкой прочныхъ правилъ и предразсудковъ сидитъ тайно смѣлая женщина, со всякими видами любопытства.

Послѣ визита къ ней, сегодня же, онъ отправится къ другой дѣвушкѣ, такъ же красивой, но въ другомъ вкусѣ, также самостоятельной, по своему положенію сироты и богатой невѣсты.

Въ Петербургѣ одна очень музыкальная дама просила его навѣстить ея пріятельницу, m-lle Карусъ, и сумѣла достаточно заинтересовать его личностью этой дѣвушки. Она ему сообщила даже, что въ ней онъ найдетъ большую поклонницу его любимыхъ авторовъ, французскихъ „декадентовъ“, и показала ему ея карточку.

Карточкой онъ остался доволенъ. Съ нея смотрѣло на него нѣчто не то испанское, не то венгерское, отзывающееся той Европой, которую онъ любилъ по женской части.

— *Nom d'un petit bonhomme!* — возбужденно воскликнулъ онъ, охваченный чувствомъ, какое бываетъ у игроковъ, которымъ начинаетъ везти.

Ему даже захотѣлось потерять руки, да онъ замѣтилъ, что на немъ перчатки.

Онъ переходилъ площадку, ведущую къ Никитскому бульвару. Москву онъ начиналъ немного забывать, и не тотчасъ сообразилъ, какой будетъ самый краткій путь къ дому съ мезониномъ Анны Гавриловны.

Подходилъ онъ къ нему минутъ черезъ двадцать еще болѣе замедленной походкой, чувствуя усталость въ ногахъ: онѣ у него съ нѣкоторыхъ поръ уже не служили ему попрежнему.

Онъ шелъ, однако, безъ фатоватой увѣренности въ томъ, что его примутъ, какъ приняли бы молодого побѣдителя, одного изъ тѣхъ мужчинъ, которымъ нечего за себя бояться ни передъ какой красавицей.

На разговоръ онъ хотъ кого побѣть, возьметъ первый призъ за блескъ, любезность, новизну, грацію своего ума— онъ это признавалъ; но есть другая сила, сокрушающая все въ любви,—легкой или серьезной,—молодость, свѣжесть, натискъ натуры, полной жизненныхъ соковъ.

Вотъ что начинало подтачивать увѣренность въ себѣ.

Когда Егоръ Петровичъ подходилъ по бульвару къ дому Вогулиной, въ окнѣ гостиной онъ увидѣлъ женскую голову. Она мелькнула и скрылась.

„Она ждетъ!“ — мгновенно подумалъ онъ и поправилъ на носу *rinse-nez*.

Фуляровымъ платкомъ обтеръ онъ бороду, охваченную морозомъ, бодро взбѣжалъ на довольно высокое крылечко и позвонилъ.

Горничная Даша отворила ему тотчасъ же. И это былъ признакъ того, что его не только ждали, но и увидали

изъ окна. Въ Москвѣ прислуга никогда не сидитъ въ передней, особенно женская.

— Здравствуйте, баринъ!—поздоровалась съ нимъ Даша, завеселѣвшая отъ прїѣзда этого „вальяжнаго“ барина, въ которомъ она видѣла уже несомнѣннаго жениха.

Куликовъ ей не нравился, и она звала его про себя „учителишкой“.

— Анна Гавриловна у себя?—обратился съ вопросомъ Ермиловъ.

— Пожалуйте, пожалуйста!.. Кофей ждуть васъ пить!

Тепло охватило его вмѣстѣ съ запахомъ жирнаго кофе. Онъ немного запыхался отъ ходьбы, но сдержалъ свою легкую одышку, старательно оправилъ туалетъ передъ зеркаломъ и вошелъ, широко разставляя руки, съ готовымъ привѣтствіемъ, прищуривъ сквозь стекла свои большіе близорукіе глаза.

XIX.

Кофе пили они въ гостиной, у круглаго стола, накрытаго репсовою скатертью.

Ермиловъ сидѣлъ противъ нея, придвинувшись близко, размѣшивалъ сахаръ въ плоской чашкѣ и изъ-подъ рінсепез оглядывалъ ее.

Она опять была въ пеньюарѣ, не въ бѣломъ, а въ плюшевомъ, голубовато-сѣромъ, съ шелковой рубашкой изъ тафты, цвѣта чайной розы.

„Une vraie toilette de mariée“, — опредѣлилъ онъ мысленно и по-французски.

Но пеньюаръ такъ сшитъ, что можетъ сойти и за платье; ея гибкая талія стянута внизу широкой лентой съ длиннымъ мысомъ и бантомъ изъ такихъ же нѣжныхъ лентъ, какъ и цвѣтъ тафты на рубашкѣ.

Туалетъ шелъ къ Аннѣ Гавриловнѣ необычайно, и онъ не могъ не начать съ него разговора.

Она стала, за зимнихъ два мѣсяца, еще краше. Особенно соблазнительна была у нея часть лица около ея родимокъ. Ихъ онъ замѣтилъ уже не одну, а цѣлыхъ три. Грудь ея слегка колыхалась отъ радостнаго волненія, и глаза улыбались ему несомнѣнно.

„Да она просто объяденье!“—не могъ онъ не воскликнуть про себя, и прошелся ладонью по стриженной бородкѣ и по головѣ съ замѣтной лысиной—жестомъ, который у него обозначалъ большое душевное довольство.

Она спрашивала его тономъ молодой женщины, которая сама желаетъ, и какъ можно скорѣе, перейти къ игриво-дружеской бесѣдѣ. Не понять этого нельзя было.

— О себѣ я не стану говорить,—началъ онъ, не отрывая отъ нея глазъ.—Я „у васъ, въ Москвѣ“!.. Вотъ видите, какъ я только переступаю порогъ этой комнаты, сейчасъ же у меня полются цитаты изъ роли Чацкаго!.. А это мнѣ немножко не къ лицу... и не по лѣтамъ...

Онъ вздохнулъ и дурачливо опустилъ рѣсницы.

Она засмѣялась. Этотъ смѣхъ зашекоталъ его почти физически и „замолодилъ“ такъ, что ему его слова показались самому чистымъ фарисействомъ.

„Почему же нѣтъ?—подумалъ онъ тотчасъ послѣ того.—Вѣдь я же дѣйствую на нее чѣмъ-нибудь... Если не физической молодостью, такъ душевной! Во мнѣ она чувствуетъ мужчину, способнаго оцѣнить ее, какъ никто изъ здѣшнихъ ея ухаживателей, всѣхъ этихъ медоточивыхъ или снотворныхъ развивателей или ловкачей, въ родѣ господина Куликова“.

И это была правда.

Она положительно скучала безъ него, ждала его письма, говорила о немъ и съ своимъ „претендентомъ“ Куликовымъ такъ часто и много, что тотъ сталъ обижаться и пошелъ на злоязычье, изъ-за чего у нихъ вышла даже разъ сцена.

Онъ пріятно волновалъ и веселилъ ее больше, чѣмъ кто-либо... О его лѣтахъ она и не думала, да и привыкла давно, „въ качествѣ полной хозяйки и госпожи своихъ поступковъ“, считать себя самою дѣвушкой лѣтъ двадцати пяти, шести... Ему она не давала больше сорока и прямо сказала Куликову, увѣрявшему, что Ермиловъ—товарищъ Симбирцева и Кустарева:

— Вы выдумываете!

Чуть не прибавила: „изъ худо скрываемой зависти“.

Ермиловъ, послѣ маленькихъ, но чрезвычайно лестныхъ замѣчаній о туалетѣ, причeskѣ, фигурѣ,—все это были самыя тонкія любезности,—съ болѣе серьезнымъ лицомъ сталъ спрашивать ее о прочитанномъ.

Опять рѣчь зашла о декадентахъ, о Жозе-Маріа Эредіа и о новомъ томикѣ курьезныхъ стихотвореній, выпущенномъ въ Парижѣ. Ермиловъ выслалъ ей эту книжку изъ Петербурга.

— Я ничего ровно не понимаю,—выговорила Анна Гавриловна съ милой усмѣшкой своего характернаго рта.

— Это вамъ такъ только кажется!.. Прелесть заключается именно въ нѣкоторой трудности распознаванія...

— Такъ это лучше ребусы рѣшать!

„Мила, очень мила!—восхищался мысленно Ермиловъ.— И зачѣмъ это я все ее просвѣщаю и пристаю съ книгами! Развѣ это не все равно, пойметъ она ихъ или нѣтъ?.. Главное совсѣмъ не въ этомъ“...

Его ласкающіе, женолюбивые глаза безъ словъ досказывали, въ чемъ тутъ главное.

И она начинала это понимать. Любовная игривость Ермилова не заставляла ее цѣломудренно уходить въ себя. Онъ ей нравился; но въ головѣ ея не переставалъ всплывать все одинъ и тотъ же вопросъ:

„Неужели онъ это такъ, зря, изъ привычки къ вѣчному ухаживанью за всякой недурной женщиной?“

Анна Гавриловна не допускала мысли, что этотъ со-рокалѣтній холостякъ, съ „ужасной“ репутаціей, мечтаетъ о сближеніи съ нею, какъ съ замужней дамой, вдовой или даже особой изъ болѣе легкихъ сферъ: актрисой, танцовщицей, женщиной сомнительнаго прошлаго.

Она была слишкомъ „госпожа“ для этого.

Отчего же ей и не сблизиться съ нимъ по-американски, чтобы видѣть, выйдетъ ли изъ этого что-нибудь серьезное?.. Онъ прекрасно воспитанъ. Дерзкаго и нахальнаго въ немъ нѣтъ ни тѣни. Вѣдь и любить, и сближаться, и нравиться, и производить любовный выборъ мужчины надо умѣючи. И тутъ необходима школа. Такой человѣкъ, какъ Ермиловъ, могъ бы быть самымъ лучшимъ учителемъ.

„А обожжешься?“—спрашивала она себя, продолжая шу-ливыи разговоръ.

Чувственники, какъ онъ, опасны. Они могутъ развратить незамѣтно, воспользоваться однимъ мигомъ томленія, хандры или игривыхъ мыслей.

„Не надо идти дальше извѣстнаго тона“.

Но ей все больше и больше хотѣлось сближаться съ нимъ, завлекать его, пробовать на такомъ „знатокѣ“ свои дѣвичьи чары.

Ермиловъ это испытывалъ и объяснялъ по-своему. Кто же нынче можетъ ручаться за прошедшее дѣвушки, даже изъ самаго порядочнаго общества, да еще такой, которая

осталась круглою сиротою, живетъ какъ молоденькая дама: дѣлаетъ что хочетъ, принимаетъ молодыхъ мужчинъ, скучаетъ, конечно, одиночествомъ, ищетъ интересныхъ знакомствъ?

Развѣ у нея не могло уже быть романа; не „въ сухую“, а настоящаго романа? Ее могли обмануть, или дѣло не дошло до брака, потому только, что „онъ былъ женатъ“.

„Нынче женатые въ спросѣ,—думалъ онъ, любуясь ею, и говорилъ въ это время о какой-то критической статьѣ. Болѣе въ спросѣ, чѣмъ нашъ братъ, холостякъ. И вотъ она увлеклась, ею обладалъ женатый, бросилъ, или она его бросила, не выдержала всякихъ психическихъ осложнений... И это былъ первый любовный урокъ“.

„L'appétit vient en mangeant!“—продолжалъ онъ думать въ промежутки ихъ разговора, который шелъ теперь о ея одиночествѣ и о прѣснотѣ московскихъ вечеровъ.

„Она не хочетъ оставаться безъ романа. Она только что развилась и почуяла въ себѣ женщину. Такой цѣнитель, какъ я, ей очень на-руку“.

Незамѣтно тонъ Егора Петровича дѣлался интимнѣе. Онъ уже два раза поцѣловалъ прелестную руку съ голубыми жилками и даже придержалъ ее въ своихъ рукахъ. И ее не отдернули.

Ему не страшно этой „приданницы и московской боярышни, à la recherche d'un mari chic“. Онъ совсѣмъ и не думаетъ объ опасности сближенія съ порядочными дѣвицами, даже и такими, которыя живутъ на полной свободѣ.

Совершенно такіе же звуки и взгляды пускаетъ онъ съ самыми опытными женщинами, съ кѣмъ у него очень быстро шло на ладъ и недавно, съ годъ назадъ, и въ первыя времена его успѣховъ,—только невольно примѣшивалась болѣе мягкая игривость, проникнутая увѣренностью въ себѣ.

„Но съ такою дѣвицей надо дѣйствовать безъ лишнихъ оттяжекъ. Иначе это превратится въ безвкусное развиваніе,—продолжалъ думать Ермиловъ въ перебивку съ фразами, которыя онъ произносилъ вслухъ.—Нужно только пробовать, на что она идетъ, чего боится и чего нѣтъ“.

— Какіе славные дни стоятъ!—вдругъ сказалъ онъ, не боясь банальнаго перехода къ погодѣ.— Хочется прокатиться за городъ... Вы любите?..

— Люблю!—отвѣтила она.—Но очень рѣдко пользуюсь этимъ удовольствіемъ. Даже и не помню, ѣздила ли въ прошлую зиму.

— Со мной... не хотите ли?... Какъ-нибудь... днемъ? — прибавилъ онъ и долгимъ взглядомъ остановился на ея головѣ.

Она нисколько не смутилась, только поглядѣла немного въ сторону и прикусила нижнюю губу.

— Это идея!—звонко выговорила Анна Гавриловна и слегка кивнула головой.—На тройкѣ?

— Какъ вамъ угодно.

— Ужъ если ѣхать, такъ на тройкѣ!..

И подумавъ немножко, она сказала:

— Но, разумѣется, не въ „Стрѣльну“!

— Вы не любите цыганъ?—спросилъ онъ и мысленно добавилъ: — „угощать ими у меня нѣтъ большой охоты“.

— Я ихъ слышала всего раза два-три въ мою жизнь. Они мнѣ не нравятся. Дикіе звуки...

— И жестокое перевираніе текста... Но я и не позволилъ бы себѣ предложить вамъ поѣздку въ „Стрѣльну“ или въ „Яръ“, какъ здѣсь говорятъ...

— Въ „Яръ“?—повторила она.

— Вѣдь истые москвичи-вивёры говорятъ: „мы собираемся въ „Яръ“, а не къ „Яру“.

— А вы пуристъ?

— Впрочемъ, они, быть-можетъ, и правы. „Яръ“—фирма, слово, въ родѣ: „Ливадія“, „Аркадія“, „Стрѣльна“...

— Мы туда не поѣдемъ,—вымолвила Анна Гавриловна и усмѣхнулась настолько игриво, что Ермиловъ тотчасъ же подумалъ:

„Ты—настоящая москвичка: приличіе будетъ соблюдено, а того, что можетъ повести за собой такая прогулка—ты не боишься“.

— Знаете что... я вамъ предложу Петровское-Разумовское... Паркъ въ снѣжномъ уборѣ долженъ быть очень красивъ.

— Это удачная идея!.. Когда же?

— Когда прикажете и въ какое угодно время?

— Хотите послѣзавтра?

— A la „disposicion de usted“,—выговорилъ онъ съ шутивымъ наклоненіемъ головы.

— Это на какомъ языкѣ?

— Одна изъ немногихъ испанскихъ фразъ, извѣстныхъ мнѣ.

Онъ хотѣлъ-было прибавить:

„Мы могли бы тамъ позавтракать“,—но не сказалъ этого.

„Отъ чаю она, пожалуй, и не откажется,—соображалъ онъ.—И холодъ ее проберетъ немного, да и какая же настоящая московка откажется отъ чаю?“

Ему кто-то говорилъ, что тамъ, около Выселокъ, открытъ ресторанъ. Стало-быть, есть и кабинеты.

И она могла это знать. Во всякомъ случаѣ, поѣздка на тройкѣ, вдвоемъ, сблизить ихъ. А вдругъ она предложитъ кого-нибудь?.. Тетушку?.. Кажется, у нея живетъ какая-то старушка?

— Тройка... очень хорошо, — начала она вслухъ нѣсколько инымъ тономъ.—Но это днемъ немного странно...

„Ретируется!“—подумалъ Ермиловъ.

— Громоздко?—подсказалъ онъ слово.

— Именно!

— Поѣдьте въ городскихъ саняхъ... Налегкѣ!..

— Это гораздо удобнѣе.

— Вотъ что мы сдѣлаемъ, — заговорилъ онъ, понижая голосъ.—Мы сядемъ у Тверского бульвара.

— На площади, передъ Страстнымъ монастыремъ?—подсказала она, и глаза его радостно и хищно заблистали.

— Именно!

Она не поднимала на него глазъ, но щеки ея разгорѣлись и по губамъ прошла усмѣшка, за которую онъ не могъ не поблагодарить, нагнулся, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

„Да вѣдь это свиданіе,—проговорилъ онъ мысленно,—въ полной формѣ и даже съ увозомъ на лихачѣ... *La demoiselle n'y va pas de main morte!*“

И эта французская фраза слегка охладила его. Ему все это показалось слишкомъ быстрымъ.

Но это было на одну секунду. Перспектива слишкомъ заманчива. Онъ отъ пріятнаго волненія даже всталъ и прошелся по гостиной своей широкой, раскидистой походкой.

— Послѣзавтра,—спросилъ онъ по-французски, когда подошелъ къ ней и низко нагнулъ голову, — во второмъ часу, у памятника Пушкина?

— Да,—выговорила она и смѣло поглядѣла на него.

— *Nom d'un petit bonhomme!* — воскликнулъ онъ, по своей неизмѣнной привычкѣ, и, присѣвъ къ ней, заговорилъ опять о творцѣ божественныхъ сонетовъ, Жозе-Маріа Эредіа.

XX.

Съ утра Анна Гавриловна прилаживала шляпку, заказанную въ тотъ день, когда у нея былъ Ермиловъ и они согласились ѣхать въ Петровское-Разумовское.

Она выбрала темно-красный плюшъ—онъ шелъ къ ней чрезвычайно—и остановилась на фасонѣ „*chapeau-sarote*“ въ родѣ дѣтской шляпки въ сборкахъ, съ бантомъ, на атласѣ нѣжнаго оттѣнка.

Наканунѣ она волновалась, пока изъ магазина не принесли шляпки. Весь вечеръ она обдумывала туалетъ, такой, чтобы не былъ слишкомъ наряденъ, не смялся подъ шубкой, сидѣвшей очень плотно, по талии. Она остановила свой выборъ на корсажѣ, въ которомъ ея талія имѣла самый красивый выгибъ, при темно-клубчатой юбкѣ.

Ермиловъ „обновлялъ“ ее. Такъ она сама выражалась. Ей съ нимъ такъ ново и завлекательно, какъ ни съ кѣмъ изъ московскихъ никогда не бывало, даже изъ самыхъ интересныхъ и молодыхъ.

Она не смотрѣла на него, какъ на жениха, не хотѣла этого, и въ то же время чувствовала, что они могутъ сблизиться болѣе, чѣмъ добрые знакомые.

За себя она не боялась. У нея совсѣмъ не такой темпераментъ, чтобы не отвѣчать за себя, если бъ такой опытный „женолюбъ“ и сталъ увлекать ее всякими способами.

Ей хотѣлось игры, а не московскаго развиванья, съ трусливыми намеками и разговорами о благородныхъ чувствахъ, но настоящей любовной игры съ такимъ мужчиной, какъ этотъ Ермиловъ. Съ его пріѣзда, и даже раньше, когда переписка завязалась между ними, она стала понимать цѣну и прелесть своей полной свободы. Ермиловъ помогалъ ей выяснить себѣ свою собственную натуру, свои настоящіе вкусы и наклонности.

„Можетъ-быть, я совсѣмъ не московская „боярышня“,—думала она.— Кто знаетъ!.. Пожалуй, я съ очень пороч-

ными инстинктами; а можетъ, способна познать настоящую страсть, завертѣться?“...

И ужъ, конечно, не съ здѣшними мужчинами испытаетъ она все это. Куликовъ не противенъ ей; но очень ужъ она его видитъ насквозь. Онъ ищетъ руки, это ясно, и не знаетъ, какія ему пустить въ ходъ средства, чтобы затягивать ее въ „интеллигентное сближеніе“—его любимая фраза. Видитъ она и его ревность. Ермиловъ очень опасенъ для него. Ему остается одно орудіе—возмущаться ухаживаніемъ сорокапятилѣтняго Донъ-Жуана за порядочной дѣвушкой, безъ „честныхъ“ намѣреній.

Куликовъ точно пронюхалъ, что она согласилась съ Ермиловымъ встрѣтиться на бульварѣ, — это свиданіе ужасно тѣшило ее, — и все спрашивалъ ее, какъ она располагаетъ провести весь этотъ день?..

Она ему отвѣтила:

— Я не знаю! Я не желаю жить такъ размѣренно.

Вѣроятно, по выраженію ея глазъ, онъ почувалъ что-нибудь опасное для себя и все-таки напросился вечеромъ посидѣть, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ просмотритъ ея рефератъ.

Эти „рефераты“ и умныя бесѣды о московскихъ любимыхъ авторахъ пріѣлись ей почти до оскомины.

— Можетъ-быть, вы меня и застанете, — ужъ совсѣмъ не любезно отвѣтила она ему.

Но онъ придетъ. Онъ цѣпкій. Про него Даша говоритъ: „Не пролей-капельки“. Придетъ и не застанетъ ея дома.

Анна Гавриловна не знала еще, какъ у нея пройдетъ весь этотъ день и вечеръ, вернется ли она обѣдать домой, или ихъ пикникъ затянется.

Немного ей было какъ будто и страшно, и это чувство только пріятнѣе подмывало ее.

— А какъ вы будете встрѣчать новый годъ?—приставалъ Куликовъ.

— Вѣроятно, дома.

Его глаза просились къ ней, но она его не пригласила.

Ермилову она сказала, когда онъ уходилъ отъ нея, что ей очень бы хотѣлось встрѣтить новый годъ съ нимъ. Онъ можетъ отъ нея поѣхать и въ другія мѣста. И онъ былъ въ восхищеніи.

Объ этомъ она, конечно, не заикнулась Куликову.

Позавтракала она поспѣшно и даже безъ аппетита. Отъ тетки она также скрыла свою поѣздку съ Ермиловымъ,— да она вѣдь и не обязана ей обо всемъ докладывать. Съ утра Анна Гавриловна была причесана точно на вечеръ, и только что встала изъ-за стола—было уже около двѣнадцати часовъ—какъ ей подали городскую депешу. Она прочла ее еще въ столовой.

Ермиловъ телеграфировалъ въ шутливо - огорченномъ тонѣ, какъ его преслѣдуетъ судьба: съ утра ужасная невралгія; быть - можетъ, придется пролежать болѣе сутокъ. Новый годъ хочетъ непременно встрѣтить вмѣстѣ.

Первое чувство ея было—пожалѣть; но сейчасъ же оно перешло въ недовѣріе.

„Отказался, пошелъ на понятный, боится зрѣлой и предпріимчивой невѣсты“...

Она покраснѣла и ушла къ себѣ въ спальню, кликнула Дашу и стала переодѣваться.

— Не поѣдете? — спросила ее Даша и посмотрѣла на нее съ улыбочкой:— „Я, молъ, догадываюсь, куда и съ кѣмъ вы собрались“.

— Не поѣду! — отвѣтила Анна Гавриловна; ей даже захотѣлось дать на эту „дерзкую“ Дашу окрикъ.

— И шляпка-то зря заказана!—продолжала горничная.

— Почему же „зря“? Чтò вы за вздоръ болтаете, Даша!..

Горничная примолкла. Она знала, что барышню, когда ей чѣмъ не потрафишь, не трудно довести и до окрика.

— Подайте мнѣ пеньюаръ, голубой!

Анна Гавриловна одѣлась такъ же быстро и вышла опять въ гостиную. Она никуда не поѣдетъ и не пойдетъ сегодня. Съ какой стати будетъ она обновлять свою красную шляпку? Эта шляпка сдѣлалась ей противна.

Маленькія розовыя пятна выступили у нея на щекахъ и около ушей. Она ходила по гостиной короткими и порывистыми шагами и шелкала чуть слышно пальцами. Глаза ея, съ недоброй усмѣшкой на губахъ, останавливались то на одномъ предметѣ, то на другомъ.

Послѣднее впечатлѣніе отъ депеши Ермилова перешло уже въ твердую увѣренность.

Конечно, онъ попятился назадъ. Эта невралгія—чистая выдумка, благовидный предлогъ, да и весь тонъ телеграммы фальшивый.

Ея сближеніе съ Ермиловымъ получило, въ ея глазахъ,

совсѣмъ иную окраску. И досадно, и обидно стало ей за самое себя, какъ никогда не бывало.

Урокъ полученъ хорошій. И отъ кого? Отъ извѣстнаго „развратника“, отъ человѣка, который и каждой замужней женщинѣ сейчасъ повредить въ ея репутаціи.

Въ ухаживаніи его она не могла не распознать самаго неуважительнаго отношенія къ себѣ. Развѣ такъ ухаживаютъ за такой дѣвушкой, какъ она? Если даже и не имѣть на нее честныхъ намѣреній, не искать сближенія съ цѣлью женитьбы, то и тогда развѣ такъ говорятъ съ нею послѣ двухъ-трехъ визитовъ, развѣ приглашаютъ ее кататься на лихачѣ-извозчикѣ, за городъ, чуть не сразу въ кабинетъ ресторана? И она вспомнила, что въ Петровскомъ-Разумовскомъ открытъ ресторанъ съ прошлаго лѣта. Навѣрно, Ермиловъ зналъ про него, и въ его программу входило предложить тамъ чашку чаю.

Анна Гавриловна приложила ладони къ щекамъ: онѣ у нея пылали.

Ей сдѣлалось стыдно... Она готова была расплакаться.

Но подъ всѣмъ этимъ было другое чувство. Въ этомъ она не хотѣла сознаться; но это-то чувство и повело за собою обиду и горечь. Женщину задѣли въ ней. Она не за то разсердилась на Ермилова, что онъ повелъ свое ухаживаніе слишкомъ прозрачно и точно съ какой-нибудь легкой актрисой или танцовщицей... Но онъ попятился назадъ—вотъ чего нельзя было простить.

Значитъ, онъ не настолько увлеченъ, чтобы забывать опасность сближенія съ дѣвушкой для закоренѣлаго холостяка, охотящагося за женщинами. Стало-быть, впечатлѣніе на него не пошло дальше пустого любезничанья, отъ скуки, проѣздомъ...

Вотъ что сверлило ей сердце и вызывало въ головѣ цѣлую вереницу упрековъ себѣ.

Оставить это такъ, безъ всякой отплаты? Онъ рассчитываетъ встрѣтить съ нею новый годъ! Вѣроятно, думаетъ, что она пригласитъ его одного, явится съ конфетами или букетомъ и будетъ продолжать свою игру женолюба и остроумца, но не опасную въ присутствіи тетюшки или въ tête-à-tête послѣ ужина вотъ въ этой гостиной?

Щеки уже не такъ сильно пылали у Анны Гавриловны; но она продолжала ходить. Мысль ея перешла къ Куликову, къ его возможному вечернему визиту сегодня.

Она позвонила. Даша прибѣжала стремительно.

— Пошлите мнѣ за посыльнымъ, — приказала Анна Гавриловна и перешла къ себѣ въ будуаръ, сейчасъ же присѣла къ письменному столу и стала писать записку.

Она извѣщала Куликова, что вечеръ у нея свободенъ, благодарила его за просмотръ ея реферата, говорила ему еще про „умную книжку“, о которой хочетъ побесѣдовать съ нимъ.

Эту книжку рекомендовалъ ей Ермиловъ. Куликовъ ее не знаетъ, да и она прочла только половину; но у нея есть еще довольно времени до обѣда и послѣ обѣда. Не съ Ермиловымъ будетъ она толковать о ней, а съ Куликовымъ, и онъ навѣрно станетъ восхищаться тѣмъ, какъ она слѣдитъ за всѣмъ. Объ Ермиловѣ они поговорятъ на этотъ разъ какъ надо. Она уже не станетъ запрещать Куликову по ниточкамъ разбирать старѣющагося селадона и „гнилого“ эстетика.

Она послала записку и приказала Дашѣ принести ей другой пеньюаръ, домашній, въ которомъ можно лежать, и легла на кушетку съ книжкой, поднесенной ей Ермиловымъ. Это былъ первый томъ „Etudes de philosophie contemporaine“, Поля Бурже.

Чтеніе начало успокаивать ее, затягивало въ цѣлый рядъ новыхъ мыслей... Но два мужскихъ лица то и дѣло выплывали изъ печатныхъ страницъ, и она клала книжку на колѣни, закрывала глаза и начинала сравнивать и проводить параллели.

Что жъ изъ того, что Куликовъ для нея слишкомъ понятенъ? А Ермиловъ развѣ загадоченъ? Нисколько! Стоить ей удачно выйти замужъ, чтобъ нѣсколько Ермиловыхъ явилось поклонниками. Ермиловъ, въ сущности, старый-престарый типъ беззастѣнчиваго эпикурейца-чувственника, который начинаетъ нравственно падать, если совсѣмъ уже не палъ.

Оболочка у него блестяща, забавна, дразнить, щеко-четъ, дѣйствуетъ на порочные инстинкты и всего больше на тщеславіе женщинъ; но изъ него не выйдетъ даже самага ординарнаго любовника.

Она не выговорила про себя грубое слово: „любовникъ“; но мысль ея была ясна. Ермиловъ старъ, онъ слишкомъ потертъ жизнью; у него и въ самомъ дѣлѣ могутъ быть старческія невралгіи, черезъ пять лѣтъ онъ — руина... Только неразборчивыя и легкія женщины могутъ сбли-

жаться съ нимъ. И если онъ совершенно немислимъ въ роли мужа, то и въ герояхъ ея романа ему не бывать.

Этотъ выводъ дался Аннѣ Гавриловнѣ безъ труда. Но она не покончила тѣмъ съ самою личностью Ермилова; въ нее запало желаніе дать ему почувствовать, какъ она на него теперь посматрѣла.

Параллель продолжалась. Она, въ слѣдующую паузу, протянула руку, достала съ письменнаго стола кабинетный портретъ въ плюшевой рамѣ—портретъ Куликова, и долго его разсматривала, приближала и отдаляла отъ глазъ, изучила всѣ ретушовки, нашла, что и съ ними онъ все-таки похожъ, и фотографъ ему не польстилъ.

Лицо—умное; улыбка, правда, сладковата, но въ ней—въ углахъ губъ—сидитъ большая энергія, и эта сладковатость только кажущаяся.

„Значить, маска?“—спросила Анна Гавриловна, и тотчасъ успокоила себя.

Какая же маска! Она давно проникла за эту маску. Куликовъ не притворяется либераломъ и прогрессистомъ; но онъ держится этихъ идей умѣючи, съ тактомъ, и онѣ ему не помѣшаютъ выйти въ люди. Онъ не оригиналенъ въ языкѣ и оцѣнкѣ книгъ, но работающъ, боекъ во всемъ, что даетъ ходъ молодому ученому, гораздо умнѣе и проныцательнѣе видитъ, кто какое занимаетъ положеніе и съ кѣмъ надо дружить—до поры до времени.

Прежде она возмущалась, когда онъ представлялся ей въ такомъ именно свѣтѣ; а сегодня ей эти свойства кажутся допустимыми въ человѣкѣ, о которомъ думаешь, какъ о мужѣ.

Она такъ уже думала о немъ, лежа на кушеткѣ, съ его портретомъ въ рукѣ.

Куликовъ добивается сближенія съ нею какъ порядочный человѣкъ, не скрываетъ своего чувства. Можетъ-быть, онъ ее гораздо сильнѣе любитъ, чѣмъ она думаетъ. Но, положимъ, что такая натура не способна на страсть. Такъ вѣдь и Ермиловъ на нее не способенъ. Но тутъ—молодость и свѣжесть, а тамъ...

Она брезгливо повела плечами.

„И будетъ попечителемъ, навѣрно“,—выговорила Анна Гавриловна про себя, закрыла глаза на болѣе долгое время и стала представлять себя въ роли попечительши. Такой „шустрый“ малый, какъ Куликовъ, дойдетъ и до попечителя...

Отъ кого же зависить привлечь его къ себѣ, сказать ему: „цыпъ-цыпъ“, какъ не отъ нея?

А Ермилова все-таки надо своимъ порядкомъ проучить. На этомъ она задремала.

XXI.

Швейцаръ подавалъ шубы двумъ гостямъ, только что сошедшимъ съ площадки перваго этажа, гдѣ жила Доротея Васильевна Карусь.

Это были Ермиловъ и Гремущинъ.

— Намъ судьба выходить вмѣстѣ,—говорилъ Ермиловъ, осторожно спускаясь съ послѣдней ступеньки.

У него еще не совсѣмъ прошла боль въ лѣвой ногѣ.

— Долше оставаться что же!.. Только расхолаживать впечатлѣніе...

Гремущинъ тихо улыбался и полужакрывалъ глаза, когда выговаривалъ эти слова.

Онъ намекалъ на пѣніе хозяйки.

Ермиловъ попалъ къ ней во второй разъ. Онъ сдѣлалъ ей визитъ на другой день послѣ кофею у Вогулиной, нашелъ ее менѣе интересной, чѣмъ какою ему описывали ее въ Петербургѣ, не въ его вкусѣ, лишенной оригинальности въ лицѣ, манерахъ и разговорѣ. Ея литературность въ новомъ вкусѣ онъ не успѣлъ позондировать, да ему и не вѣрилось, что она дѣйствительно пережила „бодлеризмъ“ и „флоберизмъ“.

Что онъ въ ней тотчасъ же распозналъ, чутьемъ знатока современной женщины, это—„каботинку“—„la cabotine“, скрытую и всепоглощающую жажду артистическихъ ощущеній извѣстности, рукоплесканій зрительной или концертной залы,—что не исключаетъ у такихъ женщинъ склонности къ мужелюбію, увлеченій и даже унижительныхъ страстей къ какому-нибудь красавцу-мужчинѣ, тоже изъ „каботиновъ“: изъ пѣвцовъ, виртуозовъ, актеровъ.

Ермиловъ въ первый же разговоръ съ нею какъ-то сразу задѣлъ за эту струну, и она задрожала сейчасъ же сильнѣе всего прочаго. Пессимизмъ, извлеченный изъ „Fleurs du mal“ Бодлера, былъ только орнаментъ, дополнение къ отдѣлкѣ ея кабинета и гостиной, гдѣ онъ оцѣнилъ нѣсколько истинно рѣдкихъ произведеній искусства и парижскихъ bibelots.

Въ этотъ визитъ получилъ онъ и приглашеніе на ея

jour fixe, и не очень этому обрадовался, а пошелъ потому только, что не хотѣлъ проводить вечера въ театрѣ; но къ Вогулиной не рискнулъ явиться безъ зова.

Егоръ Петровичъ допускалъ то, что Анна Гавриловна не повѣритъ его внезапной болѣзни.

Невралгія дѣйствительно разразилась съ утра, и онъ медлилъ посылать депешу до одиннадцатаго часа, промучившись въ постели съ восьми часовъ утра.

Но онъ былъ радъ этому честному предлогу, этой физической невозможности—*forcc majeure*—какъ онъ выражался, про себя, по-французски. Еще наканунѣ его начинало брать раздумье. Такая поѣздка вдвоемъ на извозчикѣ-лихачѣ, съ рестораномъ въ перспективѣ—онъ непременно бы предложилъ заѣхать обогрѣться—была „чревата“ послѣдствіями. Одно изъ двухъ: или онъ зарвался бы съ ней, какъ „порядочный человѣкъ“,—и дѣло могло кончиться жениховствомъ, или онъ позволилъ бы себѣ что-нибудь лишнее и получилъ бы непріятный отпоръ.

Невралгія пришла очень кстати; только отъ поѣздки онъ воздержится, да и она сама не пожелаетъ, она—такая... Онъ рассчитывалъ загладить все въ ночь на новый годъ, явиться съ букетомъ рублей въ двадцать пять и снять сливки съ этого новогодняго вечера. Вѣроятно, никого и не будетъ, кромѣ тетущки. Это почти все равно, что съ-глазу-на-глазъ; а между тѣмъ не опасно. Вогулина ему очень нравится; но она дѣвушка, и онъ долженъ остаться вѣренъ своей программѣ.

Встрѣтить новый годъ пригласила его и Карусъ. Онъ, было, отказался, но она стала его упрашивать, говоря:

— Пріѣзжайте позднѣе, хоть послѣ двѣнадцати. Вы насъ еще застанете за столомъ.

Отъ этого онъ не могъ отказаться.

Приглашеніе было сдѣлано сегодня, при Гремущинѣ, котораго онъ нашелъ у Карусъ—не безъ удивленія—и цѣлый вечеръ незамѣтно наблюдалъ его.

Такой „чудакъ“ могъ бывать и у дѣвицы съ талантомъ, наружностью и обстановкой Доротеи Васильевны Карусъ; но Ермиловъ, во время пѣнія хозяйки, рѣшилъ безповоротно, что Гремущинъ „врѣзался“ серьезно.

Обыкновенно онъ относился къ роковымъ увлеченіямъ женщинами въ другихъ съ шуточкой и даже насмѣшкой, особенно если это были люди не самой первой молодости.

Онъ вообще не преклонялся нисколько передъ страстью, бурными порывами, безумствомъ любви, и ставилъ выше всего любовь-galanterie, во вкусъ восемнадцатаго вѣка. Къ такимъ увлеченіямъ онъ былъ крайне снисходителенъ и охотно дѣлался наперсникомъ и мужчинъ, и женщинъ. Но надъ Гремушинымъ онъ почему-то не сталъ смѣяться. Глядя на бритое, поблѣднившее, странно-моложавое лицо чудака, ушедшаго въ кресло и впившагося глазами въ пѣвицу, — онъ сталъ жалѣть его и заинтересовался этою несомнѣнною страстью, запоздалой и такъ не подходившей къ наружности, тону, ко всему складу его новаго знакомаго.

Они вышли на улицу вмѣстѣ.

— Не хотите ли пройтись Чистыми-Прудами? Ночь славная! — предложилъ ему Ермиловъ.

— Съ удовольствіемъ, — выговорилъ своимъ обычнымъ учтивымъ тономъ Гремушинъ.

Онъ шелъ опустя голову, и Ермиловъ чувствовалъ, что у него въ ушахъ еще переливы голоса Доротеи Васильевны.

— Послушайте, — тихо спросилъ онъ его, когда они были уже на бульварѣ, — вѣдь признайтесь — у васъ въ ушахъ все еще голосъ mademoiselle Карусъ?

Гремушинъ быстро поднялъ голову въ высокой мерлушковой шапкѣ и выговорилъ безстрастнымъ звукомъ:

— Вы угадали.

— Она васъ гипнотизируетъ?..

Слово это было такъ вѣрно употреблено, что Гремушинъ остановился на ходу и спросилъ наивно:

— А вы какъ это могли угадать?

— По „интуиціи“.

Ермиловъ довольно громко разсмѣялся.

Его смѣхъ раздался въ сухомъ, морозномъ воздухѣ. Деревья стояли полныя инея; керосиновые фонари горѣли тускло на самомъ бульварѣ. Онъ былъ совершенно пустъ; даже и саней не проѣзжало въ эту минуту.

— Развѣ это смѣшно? — не то обидчиво, не то грустно выговорилъ Гремушинъ и опять остановился.

Остановился и Ермиловъ.

— Извините... Я совсѣмъ не хотѣлъ шутить. Позвольте мнѣ спросить васъ: вы дѣйствительно испытываете нѣчто, похожее на гипнозъ, когда слышите голосъ...

Онъ затруднился сказать: „любимой женщины“, и послѣ маленькой задержки выговорилъ:

— Женщины... которая на васъ вообще дѣйствуетъ.

— У которой, — продолжалъ его фразу Гремушинъ, — есть то, что французы называютъ „suggestion“?

— Именно!

— Да, я испытываю это.

— И состояніе это наполовину физическое?—спросилъ Ермиловъ тономъ, какой являлся у него всегда при разговорахъ съ научнымъ оттѣнкомъ.

— Какъ и все въ такъ-называемой душевной жизни нашей.

Выспрашивать у него что-нибудь о его чувствахъ Ермиловъ не сталъ. Онъ отличался большою деликатностью въ такихъ вещахъ и позволялъ себѣ смѣяться надъ „grtgrandes passions“ только за глаза или про себя.

Не сталъ онъ разбирать и Карусъ, — ни женщину, ни пѣвицу. Въ пѣніи онъ не считалъ себя знатокомъ и на музыку смотрѣлъ почти такъ же, какъ и Гремушинъ. И пѣвица не привлекала его въ Карусъ. Голосъ онъ нашелъ большимъ и „звонкимъ“, но экспрессию — слишкомъ манерной и съ оттѣнкомъ — какъ онъ отмѣтилъ мысленно — „заграничной цыганщины“, которую онъ уже находилъ въ Петербургѣ, у свѣтскихъ дѣвицъ, мечтающихъ объ оперной сценѣ, — чувственное пѣніе безъ наивности, и темпераментъ безъ высшаго изящества. Лицо Доротеи Васильевны не нравилось ему и въ вечернемъ освѣщеніи. Онъ не любилъ лицъ съ усиками на верхней губѣ и пухомъ на подбородкѣ, слишкомъ ясно выраженныхъ чертъ, грозящихъ перейти скоро во что-то театральное-оперное, въ „каботинское“.

Все это онъ задержалъ въ себѣ и сказалъ только:

— Новѣйшій типъ — эта Доротея Васильевна.

— Типъ? — почти обиженнымъ звукомъ переспросилъ Гремушинъ.

— Да... въ ней очень ярко выраженъ протестъ новой женщины, желающей пользоваться рѣшительно всѣмъ, на что разрѣшили мы, мужчины.

— И онѣ имѣютъ на это полное право.

— Я и не спорю!

Гремушинъ замолкъ, затрусилъ мелкими шагами, нахлобучилъ шапку и, дойдя до Мясницкихъ воротъ, сказалъ торопливо:

— Прошу извинить меня. Мнѣ еще далеконо. —

И закричалъ извозчика.

— Мы встрѣчаемъ вмѣстѣ новый годъ! — крикнулъ ему вслѣдъ Ермиловъ, и пошелъ пѣшкомъ внизъ по Мясницкой, повторивъ нѣсколько разъ:

„Поздненько, поздненько, поздненько, братъ, врѣзался“...

Но тотчасъ же подумалъ:

„А если онъ счастливъ, — то чего же ему больше? Опасности жениться нѣтъ — онъ женатъ“.

XXII.

Подарокъ въ пятьдесятъ рублей былъ посланъ, къ вечеру, Ермиловымъ. На Патріаршихъ-Прудахъ должны были получить его не позднѣе одиннадцати часовъ. Подарокъ состоялъ изъ корзины съ цвѣтами. Корзину Ермиловъ самъ выбиралъ въ Столешниковомъ переулкѣ и поторговался при этомъ; цвѣты купилъ на Петровкѣ — и тоже поторговался. Ему стало немного жаль такихъ денегъ, но надо же было загладить впечатлѣніе депеши.

Онъ разсудилъ надѣтъ фракъ, хоть и зналъ, что ночь подъ новый годъ кончитъ на вечеринкѣ пріятелей изъ кружка, гдѣ все будетъ запросто. Но черный сюртукъ слишкомъ выставлялъ его полноту, дѣлалъ его въ станѣ солиднымъ мужчиной — сильно за сорокъ. Отъ бѣлаго галстука онъ, однако, воздержался.

Егоръ Петровичъ не переставалъ рассчитывать на игривый разговоръ съ Вогулиной, съ-глазу-на-глазъ, до или послѣ встрѣчи новаго года. Она не будетъ дѣлать ему ненужныхъ колкостей, поведетъ себя сначала какъ женщина, требующая дальнѣйшаго ухаживанія, но уже смягченная красивымъ и вѣроятно неожиданнымъ подаркомъ. У нея, даже и послѣ лишняго бокала вина, онъ ничего не боится. Это — не завтракъ въ загородномъ ресторанѣ. Господина Куликова она устранить.

Въ такихъ мысляхъ ѣхалъ Ермиловъ на Патріаршіе-Пруды и былъ заранѣе доволенъ программой своего вечера. Отпразднуетъ онъ новый годъ, да и вонъ изъ Москвы. Довольно. А то получишь ощущеніе прѣсноты, чего онъ больше всего боялся.

Домикъ Анны Гавриловны былъ освѣщенъ ярче обыкновеннаго. Въ окно гостиной, гдѣ забыли опустить штору, Ермиловъ заглянулъ еще изъ саней, боясь, что увидитъ

какую-нибудь мужскую или женскую фигуру, но ничего не замѣтилъ.

Его впустилъ въ переднюю официантъ во фракѣ. Это ему не понравилось. Наемный фрачный лакей отзывался званымъ вечеромъ, чѣмъ-то ненужнымъ, какой-то мелкой претензіей. Вогулина могла бы и не дѣлать этого.

Анну Гавриловну нашелъ онъ въ небольшомъ залѣ, около стола, накрытаго всего на четыре прибора. Посрединѣ красовался его подарокъ—корзина изъ цвѣтовъ. На нее падалъ свѣтъ двухъ канделябровъ. Вся сервировка блестѣла, — точно ножи, вилки, тарелки были положены совсѣмъ новые, въ первый разъ.

„Приданое свое выставляетъ“, — подумалъ невольно Ермиловъ, и въ маленькое зеркальце поправилъ рукой усы и кончикъ своей конусовидной бородки.

На порогѣ гостиной встрѣтила его хозяйка. Она была вся въ бѣломъ—не въ пеньюарѣ, а въ платьѣ, съ вырѣзомъ на груди, съ кружевными рукавами, съ букетомъ бѣлой сирени на корсажѣ и вѣткой тѣхъ же цвѣтовъ въ волосахъ.

Туалетъ шелъ къ ней удивительно. Но Ермиловъ не воздержался отъ мысленнаго замѣчанія, что такъ одѣться—какъ-то парадно у себя дома, на вечеринкѣ, за столомъ въ четыре прибора. Въ Европѣ это было бы вполне кстати. Въ Москвѣ обличало или претензію, или какое-то намѣреніе. Онъ, однако, подавилъ въ себѣ такую придирку. Красота Вогулиной, изящество туалета, бѣлые цвѣты быстро подкупили его.

Она встрѣтила его съ радостнымъ, почти сіяющимъ лицомъ и протянула обѣ руки.

„Умна“, — проскользнуло въ его головѣ.

И онъ, безъ всякой уже тревоги, поцѣловалъ сначала одну, потомъ другую руку. Онѣ были обнажены почти до локтя. Сгибъ ихъ нашелъ онъ прелестнымъ, и въ одномъ изъ нихъ сидѣла родинка. Анна Гавриловна была этимъ очень богата.

И ея обычные духи прошли по его нервамъ ласкающей струей.

— Какъ здоровье? Поправились?—заговорила Вогулина, не сразу выпуская его руки изъ своихъ.—Лежали въ постели?

— Все—фальшивая тревога,—со смѣхомъ отвѣтилъ Ермиловъ.

— Это, кажется, тоже изъ „Горе отъ ума“?

— Простите! У васъ на меня нападаетъ страсть цитировать Грибоѣдова.

Они перешли въ гостиную, освѣщенную, кромѣ лампы на кругломъ столѣ, двумя „кенкетами“.

Эти „кенкеты“ опять заставили Ермилова сдѣлать критическое замѣчаніе.

— Боже мой! — началъ онъ, остановивъ ее посрединѣ комнаты, — я просто въ себя не приду! — онъ зажмурилъ глаза. — Эта млечная бѣлизна шелка, цвѣтовъ, рукъ, лица...

— Егоръ Петровичъ! — игриво прервала она его, — пощадите! Сядемте пока на диванъ.

Онъ предвкушалъ тотъ разговоръ, послѣ ужина, который будетъ, вѣроятно, тутъ же, на диванѣ: но для кого приготовленъ четвертый приборъ за столомъ?.. Онъ чуть-было не спросилъ объ этомъ.

Она улыбалась ему, — свѣжая, съ изумительнымъ тономъ кожи, яркія губы полураскрыты, удивленные глаза смотрѣли немного вбокъ, сирень съ ея груди и съ волосъ доносила до него чуть разлитое благоуханіе.

„Отчего же и не рискнуть? — мелькнуло у него на душѣ. — Вѣдь лучше я не найду пристани?..“

Въ ней — онъ это чувствовалъ — женщина не прѣстся ему долго-долго, быть-можетъ, до самой старости. Рѣдко испытывалъ онъ такой „разливъ“ любовнаго настроенія“ (Ермиловъ любилъ психологическіе термины), какъ теперь, вблизи этого созданія, полного вызывающей и торжествующей прелести.

Она тихо усмѣхнулась и прошла по немъ взглядомъ. Эту игру онъ наивно считалъ за возрастающее влеченіе къ нему... А ее подмывало, въ ту минуту, чувство особой сладости, какую только обиженная женщина находитъ въ чисто женской мести.

— Какъ это хорошо, — началъ Ермиловъ, отдаваясь своему настроенію, — что вы пригласили меня встрѣчать съ вами новый годъ совсѣмъ по-домашнему!

Ему уже казалось, что туалетъ, цвѣты, яркое освѣщеніе, блистающіе новизной фарфоръ и серебро, — все это только для него.

— Да, мой другъ, — отвѣтила ему Анна Гавриловна и немного опустила голову. — Вы вѣдь — другъ? — спросила она, подняла голову медленно, и поглядѣла на него взглядомъ, гдѣ онъ ничего не прочелъ.

— Вы сомнѣваетесь?

Егоръ Петровичъ прикоснулся къ бѣлымъ и тонкимъ пальцамъ ея руки.

— Нѣтъ! Я и хотѣла раздѣлить съ вами этотъ моментъ моей жизни...

Она не договорила и взглянула сквозь рѣсницы на дверь въ залу.

„Пора бы ему быть здѣсь“, — быстро подумала она.

Вошла тетка Анны Гавриловны. Она тоже принарядилась, была въ крепоновомъ бѣломъ платкѣ и въ свѣтло-фіолетовомъ платьѣ.

„Что ты, милая матрона, — подумалъ Ермиловъ, — разодѣлась, точно къ святому причастію?..“

— Вы, кажется, знакомы съ тетей? — спросила вполголоса Вогулина.

Ермиловъ рѣшительно забылъ: представляли его раньше этой „матронѣ“, или нѣтъ.

Онъ всталъ и отвѣтилъ поклономъ одной головой, но почтительно; сдѣлалъ потомъ движеніе правой ногой.

— Я уже имѣла удовольствіе, — отвѣтила съ улыбкой, не особенно радостной, тетка и тотчасъ же, нагнувшись къ уху Анны Гавриловны, о чемъ-то ее спросила. Та быстро ей отвѣтила наклоненіемъ головы и глазами извинилась передъ Ермиловымъ за это хозяйственное *a parte*.

Появленіе тетки немного расхолодило его, но онъ присѣлъ еще ближе къ Аннѣ Гавриловнѣ, и опять его лѣвая рука инстинктивно стала искать прикосновенія къ ея бѣлымъ, прохладнымъ пальцамъ съ овальными ногтями.

— Да, — заговорилъ онъ тихо, съ легкими вздохами, улыбаясь полузажмуренными глазами, — пріятный это былъ бы предразсудокъ — встрѣча новаго года, если бы она каждый разъ не приближала насъ къ той ямѣ, гдѣ ни стать, ни сѣсть!

— Кажется, это опять Грибоѣдовъ? — спросила Анна Гавриловна.

— Нѣтъ!.. Это ужасно!.. Наложите на меня какой угодно штрафъ.

— Вы развѣ боитесь смерти?

Вопросъ былъ сдѣланъ пытливымъ тономъ.

— Боюсь разныхъ гадостей, которыя идутъ передъ нею.

— Старость?

Слово „старость“ могло бы задѣть Егора Петровича почти болѣзненно, но онъ въ немъ не услыхалъ никакого

ѣдкаго намека. Тонъ вопроса былъ скорѣе недоумѣвающий.

— Боишься чего-то... конца жизни! Быть-можетъ, глупо... цѣнишь извѣстныя вещи гораздо выше, чѣмъ онѣ того стоить...

— Напримѣръ? — чуть слышно выговорила Анна Гавриловна.

— Напримѣръ, свободу.

Слово соскочило у него съ губъ такое ясное и съ такимъ яснымъ смысломъ.

И оно могло потянуть за собою и другія слова въ такомъ же родѣ.

Она молчала, и незамѣтная усмѣшка немного скосила ея ротъ. Она какъ будто о чемъ-то пожалѣла. Это было нѣчто въ родѣ начала признанія. Для самого Ермилова оно не казалось признаніемъ. Онъ отдавался какой-то сладкой игрѣ, уходилъ въ новое чувство опасности около плѣнительной женщины, уступалъ ей свою волю, не хотѣлъ дѣлать надъ собою никакихъ сознательныхъ усилій.

Имъ овладѣвала „абулія“... Ученый терминъ случайно мелькнулъ въ его головѣ. Наклонись она къ нему, вздрогни ея пальцы, когда онъ опять къ нимъ незамѣтно прикоснулся, — кто знаетъ, онъ кончилъ бы полнымъ признаніемъ. Съ дѣвушкой, какъ Анна Гавриловна — онъ это теперь почувствовалъ — признаніе не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ предложеніемъ брака.

Ею овладѣло безпокойство. Она искусно прикрывала его; но голова заработала быстро и почти мучительно.

Неужели она все погубила изъ-за своего женскаго тщеславія? Вѣдь онъ не въ шутку увлеченъ. Заслышались совсѣмъ новые звуки. Тѣмъ цѣннѣе такое возвращеніе къ ней, послѣ того, какъ онъ испугался за свою свободу?.. Да испугался ли, полно? Можетъ, онъ не хотѣлъ придавать ихъ прогулкѣ пошлаго характера и этимъ выказалъ только тонкую почтительность?..

Краска душевнаго разлада начала выступать на ея щекахъ.

А женская злобность говорила въ другомъ уголкѣ ея души. Ей было сладко, какъ никогда не бывало, отъ несомнѣнной побѣды надъ запоздалымъ, но опаснымъ соблазнителемъ, сладко и жутко. Она медленно отдавалась этому второму чувству, смаковала его, говорила себѣ, что ей ничего не стоитъ сейчасъ же тутъ, въ гостиной, до-

вести его до объясненія на колѣняхъ, съ пылкими и смѣшными проявленіями чувственной страсти.

Все это взяло для нихъ обоихъ не больше двухъ минутъ.

Въ передней позвонили два раза, громко и увѣренно.

— О-о!—вырвалось у Ермилова, и онъ тоже покраснѣлъ отъ досады. Настроеніе было прервано въ самую минуту кризиса.—Какой смѣлый звонъ!

Она выпрямилась и сказала — голосъ ея вздрогнулъ — съ неопредѣленной усмѣшкой:

— Это четвертый участникъ радостной ночи.

Въ этихъ словахъ зазвучала двойственность. Она и жалѣла, и торжествовала. Въ ней, какъ у невѣсты, дрогнуло то ощущеніе, когда надо стать на кусокъ атласа, а священникъ возьметъ сильной рукой и мягко повлечетъ къ алтарю.

„Такъ звонить только женихъ или счастливый любовникъ“, — противъ своей воли подумалъ Ермиловъ и поднялъ голову въ сторону двери, вскинулъ *rinse-nez* привычнымъ пренебрежительнымъ жестомъ и отодвинулся въ уголъ дивана.

Въ дверяхъ показалась темная курчавая голова Куликова. Онъ былъ тоже во фракъ, — франтоватый на манеръ контористовъ-нѣмцевъ, — улыбался и щурилъ свои смѣшные глазки.

Онъ подбѣжалъ къ хозяйкѣ и поцѣловалъ ея руку, юрко повернулся въ сторону гостя и протянулъ ему руку.

— Душевно радъ! — выговорилъ онъ тономъ юбиляра на обѣдѣ.

„Чему ты радъ? — обозлился Ермиловъ, и на него налетѣло его самое презирающее, задорное, барское настроеніе. — Чему ты радъ, ловкачъ, приватдоцентишка?!“ — началъ онъ про себя браниться.

— Кажется, можно и сѣсть, господа, — пригласила тотчасъ Вогулина и приподнялась. — Сколько минутъ осталось, Виталій Орестовичъ?

Куликовъ вынулъ свои часы съ двойной доской, на тяжелой двойной же цѣпочкѣ, аккуратно надавилъ ея пуговку, поглядѣлъ такъ же основательно и объявилъ:

— Ровно одиннадцать минутъ.

Всѣ эти приемы, и глухіе часы, и цѣпочка — Ермиловъ не носилъ цѣпочки при фракѣ и давно обзавелся открытымъ ремонтуаромъ — возбуждали почти гадливость въ

Егоръ Петровичъ; но онъ все-таки былъ очень далекъ отъ боязни какой-нибудь положительной „гадости“.

Показалась изъ дверей голова тетки, напомнимъ, что пора садиться за столъ.

Куликовъ предупредилъ Ермилова и повелъ Анну Гавриловну подъ руку. Она замѣтно оперлась на его руку, и у Ермилова нервно защекотало въ горлѣ. Онъ выпрямился и заложилъ руки въ карманы панталонъ. Его все сильнѣе разбирала уже очень худо скрываемая досада.

Анна Гавриловна пригласила его сѣсть противъ себя, Куликова посадила справа; тетка сѣла минутами двумя позднѣе. Шампанское разлили сейчасъ, въ низкія вазочки, какъ любилъ его пить Ермиловъ. Первое блюдо мени всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ. Глаза Вогулиной блестяли изъ-подъ рѣсницъ. Куликовъ улыбался.

— Сейчасъ!.. — почти торжественно вымолвила тетка, слѣдившая за стрѣлкой стѣнныхъ часовъ.

— Егоръ Петровичъ, — начала ей въ тонъ Вогулина и протянула стаканъ, — поздравляю васъ. Поздравьте и вы насъ съ Виталіемъ Орестовичемъ и пожелайте намъ свѣтлаго супружества!

„И я былъ на вершокъ отъ признанія!“ — вскрикнулъ мысленно Ермиловъ, и такъ нервно взялся за ножку стакана, что она хрустнула.

— Bravo! — крикнули молодые. — Къ счастью!

XXIII

У Карусъ еще сидѣли за ужиномъ, когда Ермиловъ вошелъ въ столовую. Все убранство комнаты, запахъ духовъ и пудры, кушаній и табаку, туалетъ хозяйки, выраженіе ея лица, лица и фигуры гостей обдали его чѣмъ-то раздражающимъ. Ему захотѣлось сейчасъ же уйти, не раскланявшись ни съ кѣмъ, если бъ это было возможно.

Но хозяйка увидала его. Она была въ свѣтло-голубомъ платьѣ изъ восточной ткани, съ откидными рукавами, изъ которыхъ выступали совсѣмъ почти обнаженные руки. Ихъ роскошная форма, нѣжно-матовый отливъ — и тѣ не замолодили его.

Егоръ Петровичъ все еще былъ пришибленъ тѣмъ, что вышло у Анны Гавриловны. Когда она провозгласила себя невѣстой Куликова, онъ съ великимъ усиліемъ подавилъ

свою досаду. Ему стало нестерпимо жаль женщины, ушедшей от него и по его винѣ.

„Mariage par d  pit“,—тотчасъ подумалъ онъ, но его не могло утѣшить тщеславное соображеніе, что она рассчитывала на него и съ досады поторопилась взять мужа. Стало-быть, онъ былъ для нея предметомъ мечтаній... въ сорокъ пять лѣтъ. Ощущеніе потери, глупаго сюрприза, коварства опытной дѣвицы, которая за десять минутъ до прихода жениха разыгрывала съ нимъ любовную пантомиму,—наполняло до краевъ его душу... И онъ еле-еле сочинилъ что-то въ родѣ привѣтственнаго спича въ шутиливомъ тонѣ. Но уже до сладкаго блюда онъ извинился, что долженъ ѣхать еще на два вечера, хотя ему слѣдовало овладѣть собой вполнѣ, начать острить, сдѣлаться краснорѣчивымъ, новымъ, обаятельнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, и блистательно показать ей, что она въ немъ потеряла, раздавить этого черненькаго университетскаго коммй всѣмъ грузомъ своего превосходства.

Но онъ не былъ въ силахъ выполнить такую программу.

Ему надо было выйти поскорѣе на воздухъ, очутиться въ другомъ обществѣ, гдѣ шумно и весело, гдѣ можно заставить свои нервы возбудиться на иной ладъ, забыть себя. Онъ и надѣялся найти все это у Карусъ, а теперь готовъ былъ бѣжать назадъ.

— Ахъ, monsieur Ermiloff! — окликнула его съ своего мѣста хозяйка, блеснула глазами и протянула ему свою соблазнительную руку со стаканомъ совершенно такой же формы, какъ и у Вогулиной.

За столомъ сидѣли дѣвицы Первяшины, нѣмчикъ изъ консерваторіи,—онъ вспомнилъ, что его зовутъ Карлуша, — офицеръ съ аксельбантами, еще какихъ-то двѣ обрюзглыхъ дамы и Гремушинъ, во фракѣ и даже въ бѣломъ галстукѣ. Его голова съ пасторскимъ типомъ и бритое лицо, не то актера, не то католическаго патера, давали такую именно окраску этому ужину, какой Ермиловъ не хотѣлъ въ ту минуту. Онъ опять видѣлъ передъ собою напряженность женщины, требующей, тщеславной, съ бѣшенымъ инстинктомъ неизвѣданныхъ удовлетвореній, съ этой всеобщей безысходной гистеріей, къ которой всѣ мужчины, и онъ первый, идетъ на рабское служеніе, даже и тогда, когда самъ желаетъ только порхать и снимать медъ, не жертвуя ничѣмъ.

Въ этой Карусь „каботинство“ съ чувственной подкладкой пахнуло на него еще сильнѣе, чѣмъ въ тѣ разы. И весь ея штатъ символически изображалъ собою смѣсь тщеславнаго славолубія и позывовъ нервнаго сенсуализма. Вотъ и рабъ запоздалой страсти—въ лицѣ чудака Гремушина; вотъ наперсницы будущей оперной звѣзды; вотъ товарищъ „каботинъ“; вотъ начальникъ оперной клаки—офицеръ-меломанъ. Недостаетъ только того, кто будетъ для нея божкомъ, тираномъ, если не циническимъ эксплоататоромъ. Но онъ непременно явится.

Кто-то изъ гостей всталъ и пригласилъ его сѣсть на свое мѣсто.

— Поскорѣе, *monsieur* Ермиловъ, поскорѣе спичъ!—вскрикнула Доротея Васильевна, и сама налила ему шампанскаго.—Мы всѣ уже говорили, и Гремушинъ насъ уморилъ со смѣху своимъ *brindizi*. *C'était quelque chose de macabre et de tout à fait réussi.*

Гремушинъ перевелъ губами, видимо польщенный.

— *De macabre?*—переспросилъ Ермиловъ.

И онъ способенъ былъ разразиться въ кладбищенскомъ родѣ, язвить и разсыпать блески озлобленнаго юмора и сдѣлать своею мишенью дѣвицъ извѣстнаго сорта.

— Ради Бога, безъ спичей!—сталъ онъ просить и сложилъ ладони рукъ жестомъ мольбы.—Это ужасно!..

— Почему?—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Это напоминаетъ плохія русскія пьесы съ „направленіемъ“, гдѣ бенефициантъ, съ бокаломъ въ рукѣ, говоритъ хорошія, жалостныя слова... Избавьте! Избавьте!..

Онъ поглядѣлъ сквозь стекла своего *pinse-nez* на голое лицо Гремушина, и его стало разбирать злорадное чувство.

„Старый шутъ!—выбрался онъ про себя.—Точно нажилъ себѣ подагру или грыжу какую—роковую страсть къ вкусной каботинкѣ!“

Ничуть не жаль ему было этого „Кифу Мокіевича“, предавшагося любовному запою.

И самъ онъ, Ермиловъ, могъ бы очутиться въ такомъ же чинѣ, если бъ поддался блажи, если бъ самолюбивая дѣвчонка не догадалась взять себѣ мужа ему въ отместку. Онъ долженъ послать ей подарокъ, корзину въ сто рублей или вѣеръ въ двѣсти, за такое предостереженіе.

Ему стало легче. Онъ выпилъ со вкусомъ весь стаканъ до дна и даже щелкнулъ языкомъ.

— Вмѣсто спича,—сказалъ онъ, впадая въ свой обычный шутливо-скептическій тонъ,—позволю себѣ одинъ афоризмъ.

— *Désocchez-le!* — кинула возбужденно хозяйка, любившая жаргонныя французскія слова.

— Мужчины глупы настолько, насколько это нужно женщинамъ.

Офицеръ разсмѣялся первый; залился и музыкантъ. Дѣвицы Первяшины тоже прыснули.

— *Non carisco,* —выговорила съ гримасой Доротея Васильевна.

— Мысль глубокая,—сказалъ безстрастно Гремущинъ.

— Вы находите? —спросилъ его Ермиловъ.—Но я не кончилъ моего афоризма... Женщины умны всегда, даже и въ глупостяхъ.

— Браво!—крикнула Карусъ и захлопала въ ладоши.

Всѣ стали чокаться. Ермиловъ имѣлъ успѣхъ. Но въ себѣ самомъ онъ подмѣтилъ небывалое настроеніе. Онъ способенъ былъ вести себя какъ всегда, острить, любезничать, „распускать павлиній хвостъ“, по выраженію одного пріятеля, еще нѣсколько часовъ сряду, но внутренно его щемило, и онъ не могъ выбросить изъ души этого щемящаго чувства.

Неужели источникъ его гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ самъ сначала могъ допустить?!

До сихъ поръ въ него никогда не забиралась двойственность. Какія ни бывали съ нимъ любовныя неудачи, онъ стряхивалъ ихъ съ себя незамѣтно и съ большимъ запасомъ философіи.

А тутъ—не то. Сейчасъ поздравилъ онъ себя съ благополучнымъ исходомъ опаснаго ухаживанія за московской „боярышней“, способенъ былъ—такъ ему казалось—поднести ей сотенный подарокъ за наставленіе уму-разуму, и черезъ нѣсколько минутъ начало опять засасывать. И снова ему сдѣлалось тяжело и тошно сидѣть за этимъ столомъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, смотрѣть на голыя руки хозяйки, на бритое лицо Гремущина, на фальшивыя мигающія лица родственницъ, на глупый клокъ волосъ офицера съ аксельбантами и на ухмыляющійся нахальный носъ консерваторскаго Карлуши.

Въ первый разъ всталъ передъ нимъ вопросъ: и такъ это будетъ до крайней старости? Совершенно такъ же будетъ онъ переѣзжать изъ дома въ домъ, гоняясь за

новыми приманками, разыгрывая все ту же длинную оперетку, не замѣчая, какъ собственное тѣло дрябнетъ, нервы притупляются или пріобрѣтаютъ болѣзненную раздражительность. И „глупость“—та, про которую онъ сейчасъ говорилъ въ своемъ спичѣ-афоризмѣ,—вступаетъ въ полныя права, великая глупость селадонства, родъ неизлѣчимаго запоя!

А потомъ что?

„Потомъ пріапизмъ“, — подсказалъ самъ себѣ Ермиловъ.

Отъ научныхъ терминовъ онъ не могъ уйти никуда.

Слово повѣяло на него холодомъ и міазмами анатомической препаровочной. Онъ—клинический субъектъ, попавшій на черную доску амфитеатра послѣ долгаго лежанья въ клиникѣ. Прогрессивный параличъ съ яркими симптомами пріапизма перейдетъ въ слабоуміе, а потомъ въ полное идіотство со всѣми грязными послѣдствіями.

„Je serai gâteux!“ — съ внезапною дрожью подумалъ онъ по-французски, а рука его отвѣтила на прикосновеніе стакана хозяйки, говорившей ему, съ избалованностью женщины, привыкшей къ тому, чтобы ее занимали:

— Скажите что-нибудь веселое, monsieur Ермиловъ!.. Vous êtes un homme d'esprit.

— Развѣ это — повинность? — успѣлъ спросить онъ съ улыбкой, которая искривила его ротъ, безъ участія его воли.

— Конечно!—отвѣтили ему.

Отъ хозяйки шелъ сильный запахъ духовъ. Онъ въ другое время вызвалъ бы въ немъ, хоть на нѣсколько мгновеній, нѣчто способное замолодить. Она, въ самомъ дѣлѣ, была въ ту минуту „d'une suggestion capiteuse“, какъ онъ самъ выразился бы въ другомъ настроеніи,—но ему стало еще тошнѣе, и онъ томительно началъ искать предлога сбѣжать изъ квартиры дѣвицы Карусь.

XXIV.

Танцы подъ фортепіано, табачный дымъ, гулъ разговоровъ, стукъ прибираемой посуды охватили Ермилова... Въ просторной залѣ, освѣщенной на всякіе лады—и свѣчами, и лампами — было такъ жарко, что его ріпсе-нез запотѣло съ мороза, и онъ ничего не могъ разобрать, входя.

Встрѣча вскладчину новаго года была въ какомъ-то училищѣ. Танцевали въ самомъ большомъ классѣ; по остальнымъ комнатамъ разбрелись и сидѣли группами. На столѣ, гдѣ ужинали, отодвинутомъ къ стѣнѣ, оставались еще бутылки, стаканы, кое-какой десертъ. Нигдѣ не играли въ карты.

Было человѣкъ до сорока всякихъ возрастовъ: очень молодыхъ дѣвушекъ, пожилыхъ мужчинъ, нестарыхъ женъ, студентовъ, профессоровъ, учительницъ. Цѣлая кадрили танцевала въ костюмахъ, безъ масокъ. Мелькали пастушки, цыганки, горцы, „двѣ ночи“ въ черныхъ вуаляхъ со звѣздами и комическій нѣмецъ въ маскѣ съ огромнымъ ртомъ и ушами, въ гороховой помятой шляпѣ.

— Это по-каковски, дружище? Хорошъ, хорошъ!

Ермилова окрикнулъ Кустаревъ въ неизмѣнномъ черномъ сюртукѣ нараспашку и въ рубашкѣ съ косымъ воротомъ, безъ галстука. Глаза у него блестѣли. Онъ немного выпилъ.

— Раньше не могъ, — оправдывался Ермиловъ.

— Знаемъ мы васъ! Аристократничаете, дружище! Все по дамочкамъ, гдѣ хорошо пахнетъ. Не захотѣли и новаго года съ нами встрѣтить. Видите, у насъ какое веселье!..

— Я очень сожалею!

— Заднимъ числомъ!

Кустаревъ увлекалъ его въ уголъ, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ, съ Симбирцевымъ посрединѣ. Тотъ только что рассказалъ анекдотъ и вызвалъ громкій смѣхъ. Лица у всѣхъ были красныя и возбужденныя. У нѣкоторыхъ блестѣли даже на рѣсницахъ капельки слезъ отъ смѣха.

И тамъ Ермилова встрѣтили упреками. Ему не хотѣлось попадать имъ въ тонъ, хотя онъ и ѣхалъ сюда, чтобы забыть личное настроеніе. Симбирцевъ и остальные напомнили ему обѣдъ въ „Эрмитажѣ“ и вѣчное кружковое подбадриваніе съ пароксизмами испуга и малодушія.

И веселье ихъ ему не нравилось. Онъ находилъ, на этотъ разъ, все въ этомъ новогоднемъ сборищѣ неизящнымъ, безтолково-шумнымъ, „мѣщанскимъ“. Куда-то совсѣмъ ушла его слабость къ Москвѣ, къ товарищамъ и пріятелямъ, къ ихъ женамъ, къ дѣвицамъ ихъ кружка, ко всей „интеллигентной“ Москвѣ.

Самое слово „интеллигентный“ казалось ему таким неудачнымъ, почти уродливымъ.

Онъ долженъ былъ прослушать нѣсколько анекдотовъ Симбирцева и участвовать въ общемъ смѣхѣ. Но ему совсѣмъ не хотѣлось смѣяться. Потомъ пошли слухи и толки, давно ему знакомые; начался все тотъ же разговоръ, съ отѣнками обиженного фрондерства, въ духѣ юбилейныхъ спичей. Онъ радъ былъ хоть и тому, что ужинъ кончили, и онъ ушелъ отъ застольныхъ рѣчей.

— Ну, батенька, — обратился къ нему Симбирцевъ, — какіе пріятные сюрпризы готовить намъ ваша мерзопакостная, чухонская столица?

Всѣ ждали отъ него краснобайства, петербургскихъ сплетенъ изъ высшихъ сферъ, остротъ и анекдотовъ. Онъ просто испугался этого и рѣшительно не узнавалъ себя.

Подбѣжалъ молодой человѣкъ, длинный и стройный, одѣтый въ черкеску. Ермиловъ, кажется, гдѣ-то видалъ его и считалъ магистрантомъ.

— Дамы просятъ васъ танцевать, — пригласилъ онъ его. Ермиловъ обрадовался.

— Господа, — обратился онъ къ собесѣдникамъ Симбирцева, — я еще не видѣлъ никого изъ дамъ. Петербургскій комераждъ за мною.

Брюнетъ въ черкескѣ повелъ его къ піанино. Играла дама въ костюмѣ времени Директоріи и въ шляпѣ.

Молодой человѣкъ подвелъ его прямо къ ней. Она въ эту минуту наигрывала ригурнель.

— Егоръ Петровичъ Ермиловъ, — представилъ его магистрантъ въ черкескѣ.

Дама быстро обернулась и привстала. Она была большого роста съ таліей, ловко перехваченной высоко, въ свѣтло-гороховомъ рединготѣ. Изъ-подъ щита огромной шляпы глядѣли на него два большихъ глаза подъ русской густой чолкой, — наружность обрусѣлой иностранки, — что-то вызывающее въ выраженіи рта и вообще эффе́ктное.

— Хотите танцевать? — сказала она ему, подавая руку, въ узкомъ рукавѣ, съ хорошенькою кистью и гладкимъ кольцомъ. Или, быть-можетъ, угодно, мнѣ на смѣну, сыграть вальсъ?

Голосъ звучалъ съ внутреннею дрожью, низко и такъ же вызывающе, какъ глядѣло и лицо.

— Да я умѣю только „чижика“, — сказалъ Ермиловъ, придерживавъ хорошенькую руку въ своей рукѣ.

— Ну, такъ надо танцовать.

— Обязательно! — крикнулъ брюнетъ въ черкескѣ.

— Извольте! — почти съ радостью согласился Ермиловъ.

Дама — онъ такъ и не узналъ, какъ ее зовутъ — опустилась на стулъ и красиво заиграла вальсъ. Его подвели къ маленькой женщинѣ съ бѣлокурыми распущенными волосами, и онъ завертѣлъ ее по своей привычкѣ чрезвычайно быстро, такъ что послѣ одного тура самъ запыхался.

„Стара стала, слаба стала“, — выговорилъ онъ, опускаясь на стулъ, около піанино.

Дама съ изящными руками продолжала играть вальсъ. Ермиловъ подошелъ къ ней и сталъ глядѣть, улыбаясь, на ея пальцы, на изгибы кистей у перехватовъ, на ихъ волнистыя, красивыя движенія. Она это замѣтила.

— Любуюсь вашимъ *touché*, — тихо сказалъ Ермиловъ и ниже наклонился къ клавиатурѣ фортепіано.

Она поблагодарила его глазами.

„Неужели хоть немножко не замолаживаетъ?“ — съ унылой боязнью спросилъ онъ себя, и долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы настроить себя на игривый тонъ.

— Дружище, — раздался надъ нимъ голосъ Кустарева, — вы къ намъ когда же?

— Къ вамъ я не попаду.

Ермиловъ всталъ и взялъ Кустарева за руку. Онъ собрался на другой день вечеромъ въ Петербургъ, и поѣздка на хуторъ просто пугала его.

— Это какъ?

Кустаревъ увелъ его въ уголъ, и они сѣли на жесткую классную скамейку.

— Не могу. Дѣла! — отговаривался Ермиловъ и чувствовалъ, что ему совсѣмъ не хочется къ пріятелю.

— А Гаря? Такъ и не увидите ее?

— Да развѣ ея нѣтъ здѣсь?

Лицо Кустарева, все еще возбужденное отъ ужина, сразу потемнѣло.

— Какое!.. Она сильно расхворалась. Я не хотѣлъ и сюда ѣхать; да она прогнала.

— Что же это такое? — спросилъ Ермиловъ искреннѣе.

— Лукавый вѣдаетъ. Боюсь, что неладно у нея въ легкихъ и въ сердцѣ.

— Да вѣдь она была здорова и весела?..

— Нервами только держалась, а мышцъ нѣтъ, силѣнокъ нѣтъ.

Кустаревъ смолкъ, встряхнулъ прядью волосъ, спустившейся на лобъ, и выговорилъ:

— Выпьемъ, что ли?

— Мнѣ не хочется.

— Мало ли что! Скверно на душѣ. И дома неладно, да и здѣсь, — Кустаревъ обвелъ глазами шумную вечеринку, — и здѣсь не то, не то!.. Точно всѣ мы притворяемся, что живемъ вплотную; а жизни нѣтъ, вѣры въ свое дѣло нѣтъ, смѣлости нѣтъ!..

Ермиловъ кивнулъ молча головой, и ему захотѣлось вонъ.

Часть вторая.

I.

Порфирій Николаевичъ Капцовъ нервно ерошилъ курчавые волосы на крутомъ черепѣ и просматривалъ ряды цифръ въ большой и толстой книгѣ.

Работа не спорилась, а надо торопиться съ отчетомъ. Рука водила карандашомъ по столбцамъ и дѣлала значки на поляхъ.

Сегодня онъ съ особой тоской чувствуетъ свою петербургскую каторгу ученаго чиновника, которому нужно много зарабатывать. Кромѣ спѣшнаго отчета, слѣдуетъ къ первому числу приготовить докладную записку и цѣлую статью.

Когда онъ справится со всѣмъ этимъ?

Онъ служить въ двухъ вѣдомствахъ и въ трехъ частныхъ обществахъ, даетъ передовыя статьи по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, членъ нѣсколькихъ комиссій и совѣтовъ.

И вездѣ приходится работать больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ его сослуживцамъ и товарищамъ. Такъ будетъ, безъ передышки, неизвѣстно сколько лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ быть батракомъ на свою семью.

Ему не хочется отдаваться горькому чувству, всплывшему сегодня особенно ѣдко; но онъ не виноватъ. Чувство это не отходить. Надо напрячь вниманіе, слѣдить глазами за чередованьемъ цифръ, соображать; а онъ подавленъ боязнью, что не справится съ работой, даже и къ крайнему сроку.

Можно было бы кое-что отложить, даже просто отка-

заться, напимѣрь, отъ составленія докладной записки. Онъ не обязанъ это дѣлать. Но развѣ онъ въ состояніи отказать въ чемъ-нибудь? Его захватила зубами жесткая, дѣловая машина Петербурга и дѣйствуетъ, переводить колесами, забираетъ все глубже и глубже.

Онъ громко вздохнулъ и затанулся папирсомъ, которую только что положилъ-было на пепельницу.

Съ утра уже онъ одѣвается такъ, чтобы можно было сейчасъ натянуть вицмундиръ, и работаетъ въ кабинетѣ въ сѣренькомъ лѣтнемъ пиджакѣ. По натурѣ и привычкамъ очень чистоплотный и аккуратный, хотя и разсѣянный, Порфирій Николаевичъ только въ своей комнатѣ чувствуетъ себя дома; въ остальныхъ комнатахъ своей большой квартиры онъ—въ гостяхъ; онъ въ нихъ всегда растерянъ, не имѣетъ опредѣленнаго мѣста. Тамъ господствуетъ его семья: жена Лидія Степановна, дочь Авдотья Порфирьевна и сынъ Григорій Порфирьевичъ.

Кабинетъ Капцова—узкая, въ одно окно, комната, неуютная и темноватая, вся заставленная книжными шкафами. На кушеткѣ онъ и спитъ. Не такъ давно у него былъ прекрасный кабинетъ, въ другомъ концѣ квартиры, около спальни жены; но когда Авдотья Порфирьевна сложилась въ дѣвушку-невѣсту, онъ уступилъ ей кабинетъ подъ ея будуаръ. Сколько денегъ стоила отдѣлка этого будуара!.. Ему было до слезъ жаль своей просторной, свѣтлой и удобной рабочей комнаты. Но онъ уступилъ. Лидія Степановна даже и не допустила его ни до какихъ возраженій... Все обошлось такъ тихо и незамѣтно, точно будто Порфирій Николаевичъ состоялъ временнымъ жильцомъ прежняго кабинета.

Потомъ ему совѣстно стало своего эгоизма.

„У Дины—прелестный будуаръ“,—утѣшалъ онъ себя, хотя въ душѣ находилъ, что отдѣлка его слишкомъ пестра и вовсе не подходитъ къ тому, какъ бы слѣдовало обставить комнату молодой дѣвушки.

Въ кабинетъ вошла горничная Минна, рослая и дородная, съ рыжеватыми волосами, зачесанными на самую маковку, въ ловко скроенномъ сѣромъ платьѣ и фартукѣ нѣмецкаго покроя.

Капцова она до сихъ поръ стѣсняетъ. Онъ каждый разъ ужасно конфузится, если она застанетъ его безъ сюртука, никогда ничего не приказываетъ ей, а все просить.

Минна молча подала ему на подносѣ газету подѣ бандеролью и два письма.

— Барыня съ барышней уѣхали?—спросилъ Порфирій Николаевичъ.

Онъ любилъ, чтобы ему прислуживалъ человѣкъ, Викентій; если вошла Минна — значитъ, человѣка взяли, ему приказано ѣхать съ ними.

— Онъ еще дома,—отвѣтила Минна съ какимъ-то неприятнымъ выговоромъ.

— Кончили завтракъ?

— Да.

Ея тонъ съ Порфиріемъ Николаевичемъ не отличался особенною мягкостью. Она давно не стѣснялась съ нимъ, какъ съ добрякомъ, который ничего не значитъ въ домѣ и не умѣетъ даже приказывать.

— Благодарю васъ!..—торопливо выговорилъ Капцовъ, положилъ газету на столъ и кивнулъ головой съ принужденной улыбкой.

Минна повернулась своимъ мясистымъ корпусомъ на одномъ каблукѣ и пошла, поскрипывая подошвами ботинокъ.

Этотъ скрипъ былъ ему противенъ; но онъ не рѣшался сказать женѣ своей, чтобы та заставила горничную ходить дома въ башмакахъ на тонкихъ подошвахъ.

Завтракать онъ не любилъ: это перерѣзывало его рабочее утро. Семья садилась за завтракъ поздно, около часа. Ему подавали въ десятомъ часу стаканъ чаю съ булкой, и онъ оставался безъ ѣды до своего выхода изъ дому. Обыкновенно, по дорогѣ, онъ выпивалъ рюмку водки и закусывалъ пирожкомъ или кускомъ растегая гдѣ придется: у Палкина, у Доминика или въ кофейной Пассажа.

Дѣти рѣдко приходили къ нему поздороваться, а жена — больше за деньгами или для переговоровъ о необходимости сдѣлать вечеръ, или пригласить на обѣдъ такого-то и такого-то, или сдѣлать визитъ тѣмъ-то.

— Ахъ, матушка! — обыкновенно повторялъ Порфирій Николаевичъ. — Дѣлай какъ знаешь. Гдѣ же мнѣ по визитамъ!.. Я заваленъ работой.

Отказывать въ расходахъ онъ не могъ, боялся сценъ, кислыхъ минъ, былъ слишкомъ добръ, чтобы лишить дочь удовольствій и жену — возможности вести образъ жизни, внѣ котораго она ничего не признавала.

Сынъ, Гриша, забѣгаетъ къ нему только за тѣмъ, чтобы перехватить денегъ. Можетъ-быть, и сегодня забѣжитъ: Порфирій Николаевичъ закрываетъ глаза на то, во что складывается его личность.

Ничто не нравится ему въ сынѣ—вплоть до наружности, хотя мать и сестра и считаютъ его красавцемъ, вѣшаютъ ему на шею и то и дѣло вскрикиваютъ:

— Гриша! Ты—опасный мужчина!

„Такихъ“ студентовъ, какъ Гриша—онъ кончаетъ курсъ къ веснѣ—Порфирій Николаевичъ не хочетъ, про себя, и признавать.

„Это пажъ какой-то, — думаетъ онъ часто, когда его взглядъ, за столомъ или въ гостиной, упадетъ на сына.— Ему—прямая дорога въ кавалерію, благо онъ бѣлую подкладку носить“.

Бѣлая подкладка подъ сюртукомъ и мундиромъ—верхъ особаго студенческаго франтовства—заставляла Порфирія Николаевича положительно страдать.

Онъ было началъ говорить противъ нея; но Гриша отвѣтилъ ему:

— Ахъ, папа, ты не понимаешь...

А когда онъ вздумалъ сдѣлать сыну выговоръ, Лидія Степановна накинулась на него, и онъ махнулъ рукой.

„Бѣлоподкладочникъ“,—съ горечью называлъ онъ Гришу про себя и чувствовалъ, что лучше ужъ не присматриваться къ душевнымъ качествамъ сына, его поведенію, идеаламъ и правиламъ... Наука для этого „красавца“ существуетъ только какъ средство выдержать государственный экзаменъ; читаетъ онъ однѣ порнографическія вещи, чего вовсе и не думаетъ скрывать; если онъ и бываетъ въ какомъ-то кружкѣ молодыхъ литераторовъ, то „смѣху ради“, и самъ называетъ ихъ „россійскими декадентами“; искусство сводится для него къ игрѣ на гитарѣ и посѣщенію, изрѣдка, общества мандолинистовъ, а пристрастіе имѣетъ онъ, съ дѣтства, только къ спорту, во всѣхъ его видахъ; онъ считается однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ велосипедистовъ. Верховая ѣзда—тоже его конекъ, и онъ собирается вольноопредѣляющимся непременно въ кирасирскую дивизію, хотя, какъ одинъ сынъ у матери, можетъ воспользоваться и льготой. Но ничего не будетъ удивительнаго, если онъ останется „калгвардомъ“—это насмѣшливое слово Порфирій Николаевичъ мысленно произноситъ каждый разъ, когда онъ думаетъ о дальнѣйшей

карьерѣ сына... Не хочется отцу допытываться и до характера его отношеній къ пріятельницѣ его жены, Валентинѣ Павловнѣ Мещериной. Она старше Гриши лѣтъ на двѣнадцать, а, кажется, у нихъ—что-то очень похожее на интимность, и Лидія Степановна, повидимому, все знаетъ и нисколько не возмущается... Эта Мещерина—богатая женщина, пустая, довольно непорядочная, съ цыганскими замашками, „кутилка“—какъ она сама себя прозвала. Съ нѣкоторыхъ поръ Гриша не проситъ что-то денегъ, сверхъ того, что получаетъ отъ отца, впередъ, перваго числа cadaго мѣсяца.

Когда Порфирій Николаевичъ раздумается объ этомъ, у него даже потъ выступитъ на вискахъ.

Но занятія не даютъ много думать, даже о собственныхъ дѣтяхъ... Вотъ и теперь мысль его прикована къ спѣшной работѣ. Ему некогда даже просмотрѣть нумеръ газеты, которую ему даромъ посылаетъ пріятель изъ Москвы.

Капцовъ отложилъ ее и подержалъ въ рукахъ оба письма; хотѣлъ и ихъ отложить, чтобы ничто его не отвлекло отъ цифръ и параграфовъ сухой книги, которою онъ долженъ воспользоваться для своего отчета. Но почеркъ на одномъ изъ писемъ, съ московскимъ штемпелемъ, заставилъ его разорвать конвертъ. Онъ увидалъ руку Кустарева—и сейчасъ же приливъ теплаго чувства согрѣлъ и возбудилъ его. Онъ любилъ Кустарева больше всѣхъ тамошнихъ товарищей и пріятелей.

„Что-нибудь нужно ему, — сказалъ про себя Порфирій Николаевичъ, бросая конвертъ въ корзину, — писать онъ не охотникъ!“...

Пускай работа затянется на лишній часъ, но онъ не могъ не отдаться душой бесѣдѣ съ своимъ „закадыкой“, уйти отъ Петербурга туда, на хуторъ, гдѣ живутъ такіе хорошіе, сердечные люди.

II.

Письмо Кустарева, исписанное на всѣхъ четырехъ страницахъ, круглымъ, разборчивымъ почеркомъ, Капцовъ перечелъ два раза, откинувшись на спинку соломеннаго кресла, закрылъ глаза и просидѣлъ такъ минуты двѣ. Лицо его стало блѣднѣе; добрый ротъ немного покривила усмѣшка горечи. Почтовый листокъ онъ держалъ развернутымъ въ рукѣ, опущенной на колѣни.

„Бѣдный Меня!.. Бѣдная Гаря!.. — повторилъ онъ мысленно. — Какъ есть — неудачники! И такія золотыя сердца! И такіе честные на рѣдкость люди!“

Кустаревъ писалъ ему, что на-дняхъ придутъ они съ женой „въ Питеръ“ — проѣздомъ за границу. Большая бѣда стряслась надъ ними. Маргарита Сергѣевна схватила воспаленіе легкаго, была при смерти, и теперь — еле ходить. Московскіе врачи шлютъ ее на югъ, въ Санъ-Ремо или Ментону. Въ Петербургѣ они хотятъ консультироваться у одной изъ тамошнихъ знаменитостей. Заграничная поѣздка — быть-можетъ, на цѣлый годъ — поведетъ за собою расходы, а сбереженій нѣтъ. Да это было бы еще „съ полѣ-горя“, но есть еще одна радость. Исторія съ Сохинымъ, на обѣдѣ Симбирцеву, въ „Эрмитажѣ“, даетъ себя чувствовать. Онъ узналъ, что, пожалуй, не получить заграничнаго паспорта. Лучше попробовать въ Питерѣ, и Порфирій Николаевичъ поможетъ ему въ этомъ. Сообщилъ онъ про два „оказательства“ того, что ему и на хуторѣ будетъ плохо житься. Мѣстныя власти стали производить разныя дознанія, и нарядчикъ, котораго онъ прогналъ за пьянство и воровство, явился самымъ лучшимъ „соглядатаемъ“.

Кустаревъ кончалъ тяжелыми итогами. Все идетъ „на ущербъ“, всѣ попрятались по угламъ и точно „чураются“ его. Не пощадилъ онъ и ближайшихъ пріятелей. Видно было, что онъ ужасно страдаетъ, столько же за себя, сколько и за тѣхъ, въ кого онъ терялъ вѣру.

„Бѣдные мои хуторяне!“ — проговорилъ про себя Капцовъ, и блѣдность щекъ смѣнилась быстро румянцемъ душевнаго волненія. Онъ живо представилъ себѣ маленькую женщину съ впалыми щеками, нетвердой походкой бродящей по унылымъ теперь комнатамъ хуторского домика, и Кустарева, раздираемаго жалостью къ женѣ, подъ какимъ-то надзоромъ, съ перспективой не получить пропуска за границу и съ новымъ, еще болѣе мучительнымъ безпокойствомъ о больной женѣ на разстояніи въ нѣсколько тысячъ верстъ.

Бываютъ же такія презрѣнныя существа, какъ этотъ Сохинъ! А вѣдь онъ учился съ ними вмѣстѣ, сидѣлъ рядомъ въ аудиторіяхъ, когда-то либеральничалъ, пилъ съ ними брудершафты!..

И вдругъ Порфирій Николаевичъ всталъ и заходилъ по узкому кабинету. Краска на щекахъ усилилась, глаза

заблестѣли; онъ сталъ усиленно щипать свою красивую бороду, придававшую ему духовный видъ.

Онъ вспомнилъ, что пріятель Лидіи Степановны, адвокат Малышевъ, не дальше, какъ вчера, говорилъ, что собирается привезти къ нимъ стараго московскаго товарища... А кого именно—не назвалъ. Но это, пожалуй, Сохинъ. Они — одного поля ягода. Можетъ-быть, сегодня же, къ обѣду, явится эта пара. Какъ онъ долженъ вести себя?.. Надо бы выгнать Сохина совершенно такъ, какъ сдѣлалъ это Кустаревъ на обѣдѣ Симбирцеву... Да и Малышева давно бы пора выпроводить изъ дому.

Но развѣ это возможно?..

Порфирій Николаевичъ началъ нервно потирать руки... Лучше не думать объ этомъ Малышевъ... Кто онъ? Навязчивый нахаль, сумѣвшій поставить себя въ ихъ семействѣ въ видѣ авторитетнаго и почетнаго посѣтителя, или онъ нѣчто иное?.. Поздно было задавать себѣ такіе вопросы. Лидія Степановна не можетъ двухъ дней провести безъ него. За столомъ онъ ораторствуетъ, даетъ выговоры всѣмъ, прохаживается въ насмѣшливомъ тонѣ надъ „лжелиберализмомъ“ хозяина дома, излагаетъ свои воззрѣнія — какую-то несвязную смѣсь руссофильства съ византійской и средневѣковой археологіей, съ безконечными рацеями о пошибахъ иконописанья и символическихъ формахъ искусства.

Все это выносить онъ много лѣтъ и знаетъ, что такъ будетъ, пока стоитъ его домъ, пока Лидія Степановна жива. Она только выносить его, смотритъ на него, какъ на батрака; но ни любви, ни простой благодарности къ мужу у нея нѣтъ. А при такомъ бездушномъ отношеніи кто же ей помѣшаетъ держать при себѣ друга и принадлежать ему тайно?

Тайно! Полно — не для всѣхъ ли явно! Минутами это и ему мечется въ глаза, какъ онъ ни старается смотрѣть на все сквозь пальцы.

— Пана!.. Ты здѣсь?—окликнулъ Капцова молодой голосъ изъ полуотворенной двери.

— Здѣсь... Здравствуй, Гриша.

Сынъ его вошелъ, одѣтый для выѣзда въ гости, съ франтовской шпагой генеральскаго образца и съ фуражкой въ рукѣ. Ея красная подкладка выглядывала изъ тульи. Рослый, худой, съ манерой ходить свѣтскаго офицера, изученной въ партерѣ Михайловскаго театра, онъ

смотрѣлъ военнымъ, брилъ свои блѣдныя щеки и острый подбородокъ и носилъ усы, щеткой торчавшіе кверху, и короткіе темные лоснящіеся волосы съ чолкой на лбу. Онъ весь немного изгибался. Правую руку онъ тотчасъ же засунулъ въ карманъ рейтузъ, и завернутая пола сюртука обнаружила бѣлую саржевую подкладку, столь непріятную его отцу.

Отца онъ не поцѣловалъ, не подалъ ему руки.

— Наши дамы просятъ тебя не забыть — сдѣлать визитъ Габзину.

— Какому?—съ разстроеннымъ лицомъ спросилъ Капцовъ.

— Габзину, Марку Саввичу... Былъ у насъ третьяго дня... при тебѣ. Инженеръ.

Порфирій Николаевичъ совсѣмъ забылъ этого инженера.

— Мама проситъ тебя. Нельзя же не отдавать визитовъ.

— А ты?

— Этого недостаточно... Ты—*pater familias!*..

Зеленые, продолговатые глаза Гриши насмѣшливо прищурились на отца.

Говорилъ онъ съ нимъ, точно онъ старшій братъ, снисходительно и суховато, съ особенными интонаціями, въ которыхъ сквозили скептицизмъ и сознаніе превосходства своего поколѣнія и всего того, что Гриша считалъ стоящимъ, что входило въ его философію жизни. Отца онъ, даже въ разговорѣ съ матерью и сестрой, называлъ не иначе, какъ „фатеръ“, и участвовалъ въ ихъ постоянномъ заговорѣ противъ добряка, обреченнаго на роль дойной коровы.

— Ну, хорошо, — выговорилъ Порфирій Николаевичъ, присаживаясь опять къ столу. Онъ взялся за большую книгу съ рядами скучныхъ цифръ.— Да адреса его я не знаю, голубчикъ.

— Адресъ записанъ въ книгѣ. Она лежитъ въ передней, на подоконникѣ.

— Какъ его... Кабзинъ?..

Переносица Порфирія Николаевича наморщилась и глаза тревожно стали перебѣгать отъ книги съ столбцами цифръ къ головѣ сына, стоявшаго около стола, все въ той же позѣ, съ правой рукой, засунутой въ карманъ рейтузъ, и фуражкой въ лѣвой.

„Калигвардъ! — промелькнуло въ головѣ Капцова. — Какъ есть калигвардъ“.

— Габзинъ, Маркъ Саввичъ.

Гриша снисходительно усмѣхнулся и повернулъ къ двери.

— До свиданія, папа. Дамы наши меня ждутъ. Мнѣ нужно знать, — ты поѣдешь сегодня же къ Марку Саввичу?

— Сегодня! — откликнулся Порфирій Николаевичъ и завожился въ креслѣ.

— Пожалуйста!.. Тебѣ же достанется отъ татапа.

Гриша исчезъ за дверью. Капцовъ вздохнулъ довольно громко, хотѣлъ-было взяться за цифры, но его рука потянулась ко второму письму, оставшемуся нераспечатаннымъ.

Онъ раскрылъ конвертъ порывисто, почти сердито. Краска не сходила съ его щекъ. Руки немного вздрагивали; онъ у него часто приходятъ въ такое нервное возбужденіе, и онъ иногда боится того, какъ бы у него не начали трястись руки прежде, чѣмъ наступятъ старческіе годы. Но онъ сегодня не можетъ овладѣть собою: служба, срочная работа, расходящаяся въ разныя стороны и запутывающаяся въ безконечные узлы, товарищеское чувство къ „москвичамъ“, всего сильнѣе — къ Кустареву, его бѣда, Сохинъ, Малышевъ, жизнь его „дамъ“, по выраженію его сына Гриши, его тонъ, видъ, бѣлая подкладка сюртука и красный сафьянъ въ тулѣ фуражки, и то, что онъ съ нѣкоторыхъ поръ не проситъ денегъ — душа Порфирія Николаевича сжималась и трепетала отъ наслоенія всѣхъ этихъ образовъ, чувствъ и мыслей.

Во второмъ письмѣ оказалась просьба — не задержать съ доставленіемъ докладной записки.

— Господи! — громко вскрикнулъ Капцовъ и взялся за курчавые и слегка уже сѣдѣющіе волосы. — Этакая исторія!

Внутри у него все закипѣло. Швырнулъ бы онъ всѣ эти книги съ цифрами, и записки, и отчеты, и ненавистный до сихъ поръ вицмундиръ, который онъ сейчасъ долженъ надѣть, и очутился бы въ Москвѣ, гдѣ-нибудь въ Бронной, въ маленькой комнаткѣ, набитой книгами, въ званіи магистранта... Не зналъ бы онъ ничего, кромѣ науки, „душевныхъ“ людей, своихъ сверстниковъ и товарищей. Чтò за нужда, что они пошли теперь на ущербъ?.. Его мягкость, „елейность“, за которую здѣсь ему такъ

жестоко достается, тамъ будетъ нужна и цѣнѣнѣма. И какіе бы хорошіе дни переживалъ онъ, даже и въ теперешнюю сѣренъкую полосу, когда дуетъ противный вѣтеръ!..

Швырнулъ бы!..

Онъ вскочилъ съ кресла, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, нервно потирая бѣлыя, красивыя руки, потомъ схватилъ со стола развернутое письмо Кустарева и снова сталъ перечитывать его, — съ горькой отрадой, съ наслажденіемъ смаковать каждое слово, проникаться жалостью и любовью къ милой четѣ хуторянъ.

Стѣнные часы густымъ басомъ пробили два.

— Ахъ, ты, Господи!—вскрикнулъ Порфирій Николаевичъ и рухнулъ въ кресло.

Письмо Кустарева упало на коврикъ; онъ его даже не поднималъ, поспѣшно, съ дрожью въ пальцахъ, дѣлая послѣднія отмѣтки на поляхъ.

— Визиты...—шепталъ онъ про себя,—визиты долженъ... Кабзинъ... Габзинъ... Моисей, нѣтъ, Маркъ Саввичъ... адресъ въ книгѣ... на подоконникѣ...

III.

Григорій Порфирьевичъ, шагая разставленными, длинными ногами, какъ велосипедистъ и наѣздникъ, прошелъ медленно, съ покачиваньемъ сухого, но статнаго туловища, по коридорчику въ столовую, откуда онъ слышалъ голоса матери и сестры.

Дамы допивали свой кофе. Онѣ засидѣлись и заговорились. Мать, Лидія Степановна, была въ шелковой блузѣ, цвѣта бордо—вся маленькая, сухая въ тѣлѣ, черноватая, съ моложавостью комнатной болонки, еще плохо причесанная. Ея каріе глазки и острый, всегда точно нюхающій носъ, при разговорѣ, безпрестанно поворачивались справа влѣво. Дочь—Дина, высокая дѣвушка, напоминала фигурой отца; мясистый носъ, нависшія вѣки и рыхлая сѣроватая кожа мало подходили къ ея нестроуму фланелевому платью съ шелковыми отворотами и бѣлымъ жилетомъ. Она уже одѣлась къ выѣзду. Волосы такого же цвѣта, какъ у отца, лежали густой кучкой на темени, ближе ко лбу, чѣмъ къ затылку. Сонность выраженія смѣшивалась, въ ея лицѣ, съ чувственнымъ оскаломъ зубовъ, красными толстыми губами и постоянной возбужденностью взгляда безцвѣтныхъ глазъ, гдѣ сидѣла жажда выѣздовъ, вечеровъ, бенефисовъ, загородныхъ катаній и болтанья

съ „интересными мужчинами“. Движенія ея были медленны, широки и часто беспорядочны. Мать была, напротивъ, въ комкѣ, какъ нервная и хищная собачка.

— Ну, что?—крикнула Лидія Степановна, когда въ дверяхъ столовой показался Гриша.

Дина также обернула къ нему голову и спросила низкимъ горловымъ голосомъ:

— Поѣдетъ къ Марку Саввичу?

— Обѣщалъ.

— Забудетъ, навѣрно! — сказала Лидія Степановна. — Хоть бы ты ему узелокъ завязалъ. Вѣдь это, наконецъ, ни на что не похоже! Человѣкъ имѣетъ полное право обижаться.

— Еще бы!—подтвердила Дина.

— Я свое дѣло сдѣлалъ!—остановилъ ихъ Гриша и закурилъ папиросу.—Вамъ я больше не нуженъ, mesdames?

Это выраженіе: „mesdames“ онъ неизмѣнно употреблялъ въ разговорѣ съ ними. Мать любила его больше дочери и позволяла ему товарищески-безцеремонный тонъ. Дина, какъ старшая, долго старалась взять надъ нимъ верхъ въ семействѣ, но по рыхлости своей не достигла этого.

— Ахъ, Грегуаръ,—порывисто заговорила мать,—пожалуйста, дружокъ, заѣзжай къ Эйлерсу и прицѣнись къ лавровому вѣнку!

— Это кому еще? — небрежно и строговато спросилъ онъ, дѣлая гримасу, какую онъ заимствовалъ отъ одного конногвардейца въ курилкѣ Михайловскаго театра.

— Да все ей же!.. Нашему идолу!

И Лидія Степановна кивнула на дочь съ усмѣшкой въ глазахъ.

— Знаете что? — тономъ старшаго замѣтилъ Гриша. — Это совершенно лишняя трата.

— Ну, ужъ, пожалуйста, Григорій Порфирьевичъ, безъ нравоученій!—почти закричала Дина. — Когда вамъ что вздумается, такъ ничто не дорого. Велосипедъ-трайциклъ,—она произнесла на англійскій манеръ, — что онъ стоитъ? Двѣсти слишкомъ рублей... А зимой на немъ и ѣздить нигдѣ нельзя!

— „Закрой фонтанъ“, Дина!—остановилъ ее братъ. — Я никому не мѣшаю. Я даю только совѣтъ. Мама! — обратился онъ къ матери,—вѣдь вашему идолу поднесутъ пятнадцать корзинъ и дюжину вѣнковъ и столько же золотыхъ и брильянтовыхъ вещей!..

— Да пойми, Гриша! — зачастила Лидія Степановна, ласково обводя ихъ обоихъ взглядомъ баловницы. — Ты пойми... Дина сама вышивала полотенце цѣлыхъ три мѣсяца. Къ чему же его привязать?.. Всякій букетъ, чтобы приличенъ былъ, стоитъ дороже, а къ корзинкамъ и приступа нѣтъ.

— Это такъ! — согласился Гриша дѣловымъ тономъ. — И что же тамъ, на твоёмъ полотенцѣ, — шутливо-пренебрежительно спросилъ онъ Дину, — божественной, неподражаемой — имя рекъ — въ знакъ любви...

Онъ не былъ охотникъ до всѣхъ этихъ повальныхъ увлеченій дѣвицъ актрисами, пѣвицами, вообще женщинами. Да и самъ не чувствовалъ склонности тратиться на подношенія кому бы то ни было.

— Нечего, нечего! — закричала Дина.

Она надула свои красныя губы, но разсердиться не посмѣла. Передъ Гришей она находилась въ такомъ же поклоненіи, какъ и Лидія Степановна, и знала, что бываютъ случаи, когда онъ ей можетъ быть очень полезенъ.

— Ты все-таки прицѣнись, Гриша, — сказала ему мать, въ которой не улеглась до сихъ поръ такая же способность увлекаться знаменитостями, будь то мужчина или женщина — пѣвецъ или первая актриса.

— Хорошо!.. А больше, надѣюсь, никакихъ „порученьевъ“, — онъ любилъ такія шутливыя неправильности, — не будетъ, mesdames?

— Нѣтъ, никакихъ! Поди сюда... — позвала его мать. — У тебя, кажется, шпага не такъ сидитъ...

— Съ какой стати? — откликнулся очень серьезно Гриша.

Онъ не шутилъ насчетъ своего туалета — того, какъ на немъ сидитъ фуражка, сюртукъ или мундиръ. Шпагу онъ носилъ офицерскаго образца, а не гражданскаго, — какія носятъ кирасиры, когда являются на вечеръ или въ театръ. Такія же шпаги у генераловъ.

Подойдя къ матери, онъ наморщилъ лобъ и оглянулъ вбокъ эфесъ шпаги. Эфесъ, дѣйствительно, зацѣпился за отворотъ въ сюртукъ и торчалъ слишкомъ высоко.

— Этакая гадость! — выговорилъ Гриша и ловко поправилъ.

Мать воспользовалась этимъ, чтобы оглядѣть своего любимца и лишній разъ полюбоваться имъ.

— Обѣдать будешь? — спросила она и обняла его съ мѣста за гибкую талью.

— Не знаю...

— Валентину Павловну увидишь сегодня?

На этотъ вопросъ сестры Гриша не отвѣтилъ и поправилъ воротничокъ рубашки; онъ носилъ его очень высоко, такъ что изъ-за воротника бѣлье показывалось на полвершка.

Лидія Степановна подумала: „онъ у нея обѣдаетъ“, но больше ничего не спрашивала о Мещериной, ихъ общей пріятельницѣ. И мать, и дочь давно догадывались, что у нея съ Гришей—романъ; но онъ не любилъ, чтобы это дѣлали предметомъ болтовни. Онѣ за это считали его необычайнымъ джентльменомъ и находили, что вдова, хоть и красива, и богата, все-таки не стòитъ Гриши. Такихъ вопросовъ, какіе приходили Порфірію Николаевичу, онѣ себѣ не дѣлали... Дина понимала очень хорошо, какія отношенія могли установиться между Гришей и вдовой Мещериной... Мать сама любила говорить объ этомъ, почти хвалилась побѣдой сына, давала, однако, понять, что такая связь съ богатенькой и довольно еще свѣжей вдовой — хороша для студента, потому что это „формируетъ молодого человѣка“; но партію Гриша сдѣлаетъ со всѣмъ не такую, съ его наружностью и умомъ.

— Имѣю честь кланяться! — выговорилъ Гриша, и поправилъ еще разъ эфесъ шпаги.

Онъ поклонился имъ церемонно, опустивъ на грудь голову жестомъ, который Лидія Степановна находила особенно удачнымъ.

— Скажи Валентинѣ Павловнѣ, что у Пушкаревыхъ вечеръ отложенъ... Маня заболѣла, — послала Лидія Степановна вдогонку Гришѣ.

Мать и дочь переглянулись продолжительнымъ взглядомъ, когда Гриша вышелъ изъ столовой.

— Только, пожалуйста, мама, — начала Дина, — вѣнокъ надо обязательно...

— Хорошо, хорошо!.. Отецъ жметя, — добавила Лидія Степановна.

— Глупости!

Дина сдѣлала такую мину: стòитъ, молъ, обращать вниманіе на то—жметя отецъ или нѣтъ... Она была воспитана матерью во взглядахъ на Порфірія Николаевича, какъ на машину, обязанную службой и частной работой доставлять имъ все, что потребуется. Никогда она его не пожалѣла и даже не подумала о томъ, надолго ли хва-

титъ у него силъ... Напротивъ, она считала его „совсѣмъ еще молодымъ“, и сочла бы за вѣчто почти непріятное, если бы отецъ сталъ прихварывать или жаловаться на утомленіе.

Какъ же имъ было не поднести вѣнка ихъ любимицѣ, когда всѣ ихъ знакомые будутъ на бенефисѣ, и давнымъ-давно имъ извѣстно, что Авдотья Порфирьевна расшила полотенце золотомъ и шелкомъ!

— Вотъ и остается лишнее платье,—начала дѣловымъ звукомъ Лидія Степановна.— У Пушкаревыхъ вечеръ отложенъ... Ты можешь надѣтъ на бенефисъ...

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! Я не хочу этого. То платье, бенефисное, само собою... Я уже говорила о немъ... Это невозможно!

Дина встала и съ шумомъ пододвинула стулъ.

— Да вѣдь оно еще не готово!.. Ты развѣ не знаешь нашу Пелагею Захаровну?..

Имъ шила русская портниха, съ вѣвѣской: „madame Rélagie“, но онѣ это скрывали... На туалетъ выходила не одна тысяча въ годъ, и съ каждой зимой расходы возрастали. На праздникахъ будетъ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать танцевальныхъ вечеровъ и большіе балы, на которые онѣ уже званы. И у себя надо дать вечеръ, и не простой, а съ катаньемъ на тройкахъ, до чего обѣ были большія охотницы.

Онѣ считали себя центромъ цѣлаго общества, изъ того слоя петербургскаго свѣта, гдѣ перемѣшались семьи крупныхъ чиновниковъ, коммерсантовъ, биржевиковъ, адвокатовъ, инженеровъ,—кутящая среда съ постояннымъ плясомъ и тяжелыми ужинами. Чрезъ всѣ виды модныхъ увлеченій проходили онѣ изъ сезона въ сезонъ, и только страдали отъ того, что онѣ не приняты въ тотъ „свѣтъ“, на который смотрѣли изъ ложи перваго яруса, на субботахъ Михайловскаго театра. Но онѣ считали себя дающими тонъ, и всегда показывали, что онѣ „сами по себѣ“ никому не завидуютъ и живутъ въ свое удовольствіе, между тѣмъ какъ тамъ, повыше,—только скука и окисленіе... Этого „окисленья“ онѣ боялись больше всего на свѣтѣ.

Лидія Степановна успокоила дочь, и рѣшено было поторопить портниху и на бенефисѣ Динѣ появиться непременно въ платьѣ сгѣше, съ золотымъ матовымъ воротникомъ.

IV.

Цѣшкомъ Григорій Порфирьевичъ любитъ ходить: это также одинъ изъ видовъ спорта, которому онъ преданъ. Въ черномъ студенческомъ пальто, съ барашковымъ высокимъ воротникомъ, онъ чувствуетъ себя ловкимъ и красивымъ, идетъ, разставляя широко ноги, и держитъ голову съ легкимъ наклономъ, немного вбокъ и кверху, что ему придаетъ еще болѣе гвардейскую осанку... Руки онъ держитъ въ карманахъ, сидящихъ высоко, тотчасъ пониже талии.

Утромъ онъ уже „сломалъ походъ“ на Васильевскій островъ. У него все больше утреннія лекціи, и онъ ими не манкируетъ. Охота имѣть дѣло съ „субами“ и педелями! Надо исполнять формально свои обязанности и прилично скучать на лекціяхъ, чистить ногти или кое-что записывать, иногда прослушать что-нибудь фактическое. „Разсужденія“ онъ презиралъ, и ко всѣмъ профессорамъ безъ исключенія относился почти такъ, какъ, бывало, къ учителямъ, только съ сознаніемъ того, что ему ихъ бояться ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Экзамены онъ сдаетъ; сдаетъ и тотъ государственный экзаменъ, который нуженъ ему для служебныхъ правъ.

Чувство увлеченія, энтузіазма было ему совершенно чуждо. Онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь на лекціи загорѣлись у него глаза, краска прилила бѣ къ щекамъ, въ груди сперлось бы отъ мозгового обаянія. Слыхалъ онъ рассказы про то, какъ аудиторія увлекалась профессорами, хлопала имъ, носила ихъ на плечахъ... даже въ зданіи университета. Но когда?.. Въ „невозможное“ время, — любимое слово Григорія Порфирьевича, — когда по коридорамъ расхаживали „стриженыя“, когда Богъ знаетъ изъ-за чего всѣ бѣсновались, собирали сходки, кричали, спорили, дѣлали демонстраціи на улицахъ, ходили въ смазныхъ сапогахъ и красныхъ рубашкахъ, смотрѣли не то дворниками, не то наборщиками.

Все это—было... Теперь увлекаться—не кѣмъ, выходить изъ себя—глупо, мечтать и строить фразы—смѣшно и неприлично... Надо жить и устраивать себѣ пріятную жизнь—что онъ и дѣлалъ. Гимназія, съ ея зубреніемъ и письменными работами все въ одномъ направленіи сдѣлалась для него своего рода спортомъ, пріучила къ напряженію мозга и мышцъ, къ искусственному вниманію, къ одолѣ-

ванію трудностей, отъ которыхъ ему не было ни тепло, ни холодно. Онъ рано сталъ любить вещи: дорогой перочинный ножикъ, красивую папиросницу, тонкое бѣлье, платье, скроенное по-модному изъ хорошаго матеріала; держалъ всѣ свои вещи, лекціи, книги въ необыкновенномъ порядкѣ, рано приистрастился къ ужению рыбы, къ велосипеду, къ охотѣ съ ружьемъ... Въ свободные часы онъ то и дѣло чистилъ и улаживалъ свои „аглицкія“ удочки, перебиралъ разныя механическія приманки, въ видѣ бабочекъ и мелкихъ рыбешекъ, чистилъ сѣтки, смазывалъ часто ружье. Все это онъ дѣлалъ съ полною серьезностью, читалъ книжки по охотничьей и рыболовной части, отчетливо и „шикарно“ выговаривалъ англійскіе термины, хотя по-англійски и не зналъ. Голова его работала основательно и къ двадцати годамъ усвоила себѣ почти законченное пониманіе жизни, гдѣ отвлеченныя идеи, порывы, стремленія и „вопросы“ отнесены были къ разряду „пустяковъ“, не стоющихъ вниманія, и опасныхъ формъ убиванія времени... Онъ цѣнилъ только фактическое преимущество въ товарищахъ и во всѣхъ, кого встрѣчалъ дома и въ обществѣ. Знаешь всѣ греческіе неправильные глаголы—„молодецъ“; можешь писать прямо итогъ восьми столбцовъ цифръ, по десяти въ каждомъ—„лихо“; проѣдешь верхомъ изъ Петербурга въ Москву въ трое сутокъ—„завидно“; выдержишь полдня стоя въ водѣ, выше колѣнъ, для улова хитрой рыбки, которую иначе не добудешь—„честь тебѣ и слава!!!“ И главное, чтобы все это тебѣ самому доставляло пользу и удовольствіе, чтобы ты жилъ, какъ тебѣ хочется, чтобы ты чувствовалъ полное равновѣсіе и довольство собой, а не кряхтѣлъ изъ-за какихъ-то идей или по слабости характера, для другихъ изображая изъ себя поденщика, не имѣющаго настолько чувства своего „я“, чтобы его не эксплуатировали.

И примѣромъ такой подневольной и уродливо жалкой жизни Григорій Порфирьевичъ бралъ жизнь своего отца. Къ нему онъ, въ инныя минуты, чувствовалъ жалость, но жалость, пропитанную сознаніемъ своего превосходства. Ужъ если отецъ такъ себя „поставилъ“, то почему же было этимъ и не пользоваться? Ему нужны ружье, велосипедъ, удочка, платье—онъ и обращается къ отцу. Это все вещи дѣльные и доставляющія реальное удовольствіе, больше, чѣмъ разный бабій вздоръ, какой нуженъ его матери и сестрѣ...

Чисто мужской, почти простонародный, взглядъ на женщинъ выработался въ Григоріи Порфирьевичѣ уже къ поступленію въ университетъ. Онъ—не высокаго мнѣнія о нихъ вообще. Ихъ вздорность, охи и ахи, увлеченія и порывы Григорій Порфирьевичъ называлъ однимъ собирательнымъ терминомъ: „психонатія“. То же слово употреблялъ онъ и для всего, что ему въ людяхъ и въ общественной жизни казалось непужнымъ, мудренымъ, вычурнымъ или неприличнымъ, опаснымъ и дикимъ... Иногда онъ, говоря или думая о женщинахъ, пускалъ въ ходъ слово „истерія“,—и дальше уже не шелъ въ объясненія.

Онъ зналъ и видѣлъ, что женщины къ нему льнутъ... Къ этому его съ отроческихъ лѣтъ приучили мать и сестра... Барышень онъ могъ влюблять въ себя сколько ему угодно и безпрестанно; на вечерахъ пріятелямъ, танцовавшимъ съ нимъ, онъ говаривалъ съ ужимкой глубокаго презрѣнія:

— Ну, ихъ! Виснутъ!..

И это не было у него ни позой, ни притворствомъ. Онъ дѣйствительно надоѣдали ему, и вообще какъ „бабы“, и потому, что „виснутъ“.

Съ вдовой Мещериной его сближеніе пошло очень быстро. Она такъ явно и усиленно ухаживала за нимъ, что Григорій Порфирьевичъ счелъ бы совершеннымъ идиотствомъ не завязать съ ней интрижки. Въ первый же вечеръ, проведенный имъ у вдовы, она стала угощать его фруктами и шампанскимъ, что ему не особенно понравилось, и онъ держалъ себя суховато до самаго прощанія... На порогѣ въ переднюю, когда онъ—это было около года назадъ—подавалъ ей руку, и въ глазахъ его можно было прочесть—„ну, и эта виснетъ!“—вдова удержала его руку въ своей, прижалась къ нему пышнымъ станомъ и, задыхаясь, сказала съ внезапной краской на пухлыхъ, еще очень свѣжихъ щекахъ:

— Позвольте мнѣ васъ поцѣловать!..

Григорій Порфирьевичъ почти обидѣлся... Точно онъ мальчуганъ, которому говорятъ: „Гриша, а я вотъ тебя поцѣлую“.

Онъ позволилъ и остался у вдовы до поздняго часа.

Съ тѣхъ поръ это уже „überwundener Standpunkt“—тоже его слово, единственное нѣмецкое выраженіе, которое онъ занялъ у отца. Метафизику онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ кабалистики или хиромантіи, и просто зазубривалъ

тѣ мѣста изъ энциклопедіи права, гдѣ приводятся цитаты изъ нѣмецкихъ мыслителей. „Нѣмецъ“ было для него почти браннымъ словомъ, такъ же какъ „жидъ“ и „полякъ“, хотя онъ и „патріотизмомъ“ не занимался...

Къ вдовѣ у него образовалось нѣчто въ родѣ снисходительнаго пріятельства... Она была для него „подходящая баба“. И она любила „вещи“, все фактическое и дающее чувство матеріальной жизни; ходила лѣтомъ на охоту, пристрастилась и къ рыбной ловлѣ, обожала бѣлье и цѣнила туалеты, играла на гитарѣ. Они проводили время въ разговорахъ о разныхъ видахъ спорта, играли дуэты: онъ на мандолинѣ, она на гитарѣ, никогда не ссорились; она легко перенимала его взгляды и оцѣнки людей и жизни, хотя и была на цѣлыхъ десять лѣтъ старше его.

Онъ принималъ ея постоянное ухаживанье, допускалъ угощеніе дома—недорогой завтракъ или ужинъ въ ресторанѣ... Вдова дарила ему разные „сувениры“; порывалась дѣлать и цѣнные подарки, намекать на то, что у него мало карманныхъ денегъ, но Григорій Порфирьевичъ положилъ этому конецъ.

— Это будетъ альфонсизмъ!—сказалъ онъ ей спокойно и съ большимъ достоинствомъ.

„На содержаніе я не желаю поступать, — рассуждалъ онъ.—Если Валентина заплатитъ за устрицы или за карету—это ея добрая воля. Считаться въ такихъ пустякахъ—смѣшно; но деньги, это—особая статья“.

И когда ему казалось, что отецъ подозрѣваетъ что-то—оттого, вѣроятно, что онъ сталъ у него рѣже просить денегъ,—его это щемило. Онъ способенъ былъ самъ заговорить о своихъ отношеніяхъ къ вдовѣ и сказать отцу прямо:

„Ты, пожалуйста, не думай, что Мещерина даетъ мнѣ денегъ!.. Я съ ней провожу время... У меня стало меньше холостыхъ расходовъ—вотъ тебѣ и объясненіе загадки“...

Но случая не представлялось, и онъ кончилъ тѣмъ, что успокоился. Отцу, въ сущности, не было дѣла до его интимной жизни, а Мещерина—это „деталь“,—еще любимое слово Григорія Порфирьевича.

А тѣмъ, что думали мать и сестра, онъ рѣшительно не интересовался. Мать, конечно, знаетъ про связь. Да и сестра догадывается. Онѣ, кажется, очень рады этому: Ме-

щерица имъ нравится, полезна своими знакомствами, любить угостить, зоветь часто къ себѣ въ ложу... Чего же имъ больше?

Если бы мать или сестра позволили себѣ что-нибудь насчетъ порядочности его отношеній съ вдовой, онъ сумѣлъ бы ихъ осадить. Да онъ уже достаточно давалъ имъ понять, что ничѣмъ существеннымъ онъ отъ Мещериной не пользуется.

Мысль Григорія Порфирьевича остановилась на всѣхъ этихъ предметахъ, когда онъ шелъ по Невскому, въ сторону цвѣточнаго магазина, гдѣ ему надо было прицѣниться къ вѣнку.

Ему не жалко денегъ, которыя пойдутъ на этотъ вѣнокъ, онъ не желаетъ урѣзывать у сестры ея долю. Но онъ считаетъ смѣшнымъ вздоромъ это „театральство“. Самъ онъ ходитъ, по субботамъ, въ Михайловскій театръ, потому что русскія пьесы скучны, а нѣмцевъ онъ съ трудомъ понимаетъ и не выноситъ ихъ декламации въ классическихъ вещахъ. Субботы чередуетъ онъ съ циркомъ... Туда его привлекаютъ лошади, ихъ выѣздка, ихъ „кровныя стати“, дрессировка собакъ, свиней, гусей, ословъ, ловкость и условная грація акробатовъ и наѣздницъ высшей школы. Онъ отдыхалъ въ этомъ царствѣ мышечной силы, спорта, упорной энергіи съ отбѣнкомъ всегдашней опасности, отъ скуки мужскихъ и кудахтанья женскихъ разговоровъ, зѣвоты на лекціяхъ, танцевъ съ барышнями, ежедневныхъ встрѣчъ съ товарищами. Вдова всегда бывала съ нимъ въ циркѣ; ея замѣчанія и оцѣнки онъ находилъ вѣрными.

V.

На Аничковомъ мосту — онъ уже шелъ внизъ по Невскому — его окликнулъ кто-то изъ окна кареты.

Григорій Порфирьевичъ увидѣлъ своего товарища по гимназій, графа Загарина. Карета остановилась.

— Кацовъ!.. На минутку...

Онъ подошелъ къ дверцѣ кареты.

— Ты будешь сегодня у Богучарова? — спросилъ его графъ, блѣднолицый, почти безусый, бѣлокурый и немного прыщавый.

Онъ кутался въ шинель съ бобромъ.

— А что такое?

— Тамъ сегодня сборище... И я прочту кое-что... Да не подвезти ли тебя?

— Пожалуй. Мнѣ надо на Знаменскую.

— Прикажи кучеру.

Капцовъ сѣлъ въ карету. Графъ уходилъ лицомъ въ бобровый воротникъ, говорилъ слабымъ голоскомъ и взглядывалъ на него, тревожно улыбаясь, довольно красивыми глазами.

Этотъ Загаринъ походилъ съ годъ въ университетъ, вольнымъ слушателемъ, и вотъ уже четвертый годъ пишетъ стихи, переводить Эдгара Поэ и читаетъ Шопенгауэра. У него хорошее состояніе, и онъ сирота. Здоровье у него слабое, но онъ торчитъ по доброй волѣ въ Петербургѣ, хоть и знаетъ, что петербургскій климатъ для него убійственъ.

Съ Капцовымъ онъ держался дружескаго тона, но въ домъ къ его семейству не ѣздилъ. Онъ не танцевалъ, за женщинами не ухаживалъ, боялся всякаго утомленія, чувствовалъ страхъ передъ всѣмъ, что отзывается физической тратой силъ. Сквозной вѣтеръ приводилъ его въ ужасъ, и Капцовъ встрѣтилъ его разъ, при входѣ въ большую залу дворянскаго собранія, въ маскарадѣ, съ высокой шляпой на головѣ и въ цвѣтномъ фулярѣ, въ который онъ кутался точно на улицѣ.

— Чудакъ!.. Какъ тебѣ не совѣстно? — окликнулъ онъ его.

— Ахъ, душа моя, здоровье выше всего...

И по части здоровья Капцовъ давалъ ему не разъ хорошіе совѣты.

— Что ты все киснешь здѣсь?—говорилъ онъ ему, оглядывая при этомъ его впалую грудь и выдавшіяся лопатки.—Средства есть, ничто не держать... Стихи свои можешь кропать гдѣ угодно... Махнулъ бы въ Сицилію, или на югъ Франціи, а то въ Каиръ.

— Нѣтъ, милый, я тамъ умру отъ скуки... Меня посылали въ Ментону,—я не выдержалъ. Ты знаешь, я всякій свободный вечеръ въ театрѣ. А тамъ, въ казино, ужасная трупна! Помнишь ты актера Дюваля, здѣсь, въ Михайловскомъ?

— Не помню что-то...

— Онъ подносы подавалъ, а я нашелъ его тамъ въ первыхъ любовникахъ... И это постоянное сидѣнье на солнцѣ, глядѣнье на море... Чахоточные бродятъ подъ

жидкими пальмами... Тоска!.. Петербургъ и Парижъ—внѣ этихъ двухъ городовъ нѣтъ жизни для меня... Нигдѣ мозгъ не имѣетъ пищи!..

— Такъ живи лучше зимой въ Парижѣ, — возражалъ ему Капцовъ.

— Зимой я не могу лишиться себя Петербурга.

Такъ онъ и жилъ, прикованный съ октября по апрѣль къ Петербургу жаждой писательскихъ ощущеній, выносилъ свои элегіи, знакомился со всякимъ умственнымъ народомъ, ѣздилъ по редакціямъ, скучнымъ литературскимъ журъ-фиксамъ, бывалъ во всевозможныхъ кружкахъ, находилъ особое удовольствіе въ общеніи съ мелкимъ пишущимъ народомъ, съ начинающими поэтиками и рассказчиками, наклонными къ страннымъ замысламъ, къ смѣлости въ формахъ, къ печально-чувственному взгляду на жизнь.

О „принципахъ“ Капцовъ первый съ нимъ не заводилъ рѣчи, но зналъ, что Загаринъ считаетъ себя „эклектикомъ“. Онъ былъ вѣрующій на особый ладъ, — больше деистъ, чѣмъ хорошій православный, но сохранилъ всѣ навыки религіозности, былъ дѣтски суевѣренъ; иногда, сидя одинъ въ каретѣ, крестился при видѣ иконы на фасадѣ церкви, вообще ничего не отвергалъ и силился все согласить: догматы съ Спинозой, съ Шопенгауэромъ, съ законами природы, романтизмъ—съ натурализмомъ и даже съ парижской школой „декадентовъ“. Надо всѣмъ этимъ въ глубинѣ его болѣзненной, обреченной на постоянную боязнь смерти, натуры лежала немолчная и непритворная жалость ко всему, что живетъ на свѣтѣ. Онъ не могъ видѣть нищаго, чтобы не подать ему, останавливалъ даже карету и подзывалъ съ тротуара какого-нибудь сомнительнаго калѣку, отъ котораго пахло сивухой, зная, что тотъ сейчасъ же пропьетъ его гривенникъ, а иногда и бумажку, — что ему попадалось подъ руку въ карманѣ, гдѣ всегда лежала мелочь для милостыни.

Капцовъ считалъ его добрякомъ, въ одномъ вкусѣ съ отцомъ своимъ. Такая доброта вызывала въ немъ нѣчто въ родѣ презрѣнія. И надъ мотивами его стихотвореній онъ подсмѣивался довольно безцеремонно.

— Ну, что ты все воспѣваешь какую-то „желанную“? А я знаю, какъ ты плохъ по этой части... Никакой у тебя возлюбленной нѣтъ, да и не будетъ... И влюбчивость-то у тебя, братецъ, по книжкѣ...

Загаринъ не обижался. Кого-то онъ любилъ и уносился разгоряченнымъ мозгомъ къ „ней“, плакалъ по ночамъ, молился и просыпался потомъ съ страшной невралгіей, отъ которой лежалъ пластомъ до вечера; но вечеромъ непременно ѣхалъ въ театръ, на писательскую вечеринку, на публичное чтеніе, на засѣданіе литературнаго общества.

Не такъ давно Капцовъ увидалъ его выходящимъ изъ книжнаго магазина съ однимъ репортеромъ мелкаго листка. Загаринъ сталъ пожимать ему руку и раскланиваться, точно тотъ Богъ вѣсть какая знаменитость.

Это взорвало Капцова.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ лебезить Богъ знаетъ передъ какой дрянью?..—говорилъ онъ ему съ брезгливой усмѣшкой на своихъ тонкихъ губахъ.—Вѣдь это жуликъ, и газета, гдѣ онъ пишетъ — чуть не помойная яма! Я всѣмъ этимъ не занимаюсь, но если бы я былъ на твоёмъ мѣстѣ, я бы ни одного пальца не подалъ такому стрекулисту!..

— Ахъ, душа моя,—вздыхалъ Загаринъ,—нельзя такъ относиться къ людямъ... И этотъ репортеръ—съ талантомъ... А листокъ, гдѣ онъ пишетъ, полезенъ...

— Чтобы тебя похвалили при случаѣ?

— Зачѣмъ же создавать себѣ враговъ?.. Я имъ иногда даю даровыя замѣтки о тѣхъ, кому я искренно сочувствую, о моихъ сверстникахъ...

— И себя похвалишь, когда нужно?

— Нѣтъ, себя я еще ни разу не хвалилъ. Мнѣ прискорбны наши журнальные ругатели. Я всей душой желалъ бы видѣть общее единеніе...

— Держи карманъ!..

Когда Капцовъ усѣлся въ каретѣ и поправилъ сквозъ ваточное пальто эфесъ шпаги, онъ вспомнилъ именно этотъ разговоръ. Его навело на память приглашеніе Загарина быть вечеромъ на сборищѣ у Богучарова.

— И какая тебѣ охота, — заговорилъ онъ, закуривая папиросу, — ѣздить по невозможнымъ дырамъ?.. У Богучарова квартира на третьемъ дворѣ, въ палисадникѣ, плохо протопленная, сырая, и дверь прямо на дворъ, безъ передней. Да ты тамъ воспаленіе легкаго схватишь!..

— Поберегусь, милый, какъ-нибудь... Сегодня онъ самъ будетъ читать нѣчто очень курьезное... Изъ своихъ аме-

риканскихъ воспоминаній... И пѣть будетъ одинъ самородокъ, изъ народныхъ учителей.

— Нигильё!..

— Ахъ, Капцовъ, у тебя термины старые. Нигильё!.. Нигилистовъ теперь пѣть, другъ мой... Теперь всѣ хотятъ жить, пользоваться высшимъ, что есть у человѣка,—искусствомъ, идеей, прекрасными звуками и красками. И всѣ понимаютъ трагедію жизни, общую скорбь о хрупкости того, что прекрасно!..

— За нытье принялись, знаемъ мы васъ. Оттого, что вы всѣ головастики,—Григорій Порфирьевичъ сталъ говорить строже,—оттого, что вы всѣ кисляки; ни гимнастики, ни охоты, ни гидротерапіи...

— Ни велосипеда!.. — подсказалъ съ тихимъ юморомъ Загаринъ, кивнувъ головой въ высокой шляпѣ.

— Да, было бы толковѣе, если бъ ты на велосипедѣ хоть въ манежѣ поѣздилъ. Мускуловъ у васъ нѣтъ, руки и ноги какъ мочала, вотъ вы и воспѣваете міровую скорбь... Какъ, бишь, это по-нѣмецки?

— Weltschmerz,—подсказалъ Загаринъ.

— Именно! И къ женщинамъ-то у васъ какое-то рыхлое, пакостное отношеніе... Ни въ одномъ изъ васъ мужчины не чувствуешь...

Карета дала толчокъ. Одна лошадь зашалила и ударилась въ сторону. Загаринъ боязливо поглядѣлъ въ каретное стекло и заволновался.

— Ахъ, Господи! Опять понесутъ!..

Капцовъ окинулъ взглядомъ охотника и лошадей, и кучера.

— Да у тебя кучеръ выпилъ. Онъ дергаетъ ихъ безъ толку...

— Ахъ, Господи! — стоналъ Загаринъ. — Держу нарочно извозничью пару, и каждую недѣлю онъ меня угощаетъ.

— Да ты что же не прогонишь его?

— Надо жаловаться хозяину. Съ какой стати... На той недѣлѣ у кареты дышло переломили и крыло задѣли... Ударились о фонарный столбъ... Лошадей прислали другихъ... А работникъ тотъ же...

— Чудачина ты! Ей-Богу!

Капцовъ усмѣхнулся ему въ лицо и вспомнилъ, какъ Загаринъ рассказывалъ свой призывъ въ военную службу. Его объявили совершенно негоднымъ. Онъ не скрывалъ

этого и въ герои не лѣзъ, а съ юморомъ выставялъ свое тѣлесное убожество.

Лошадь перестала шалить, кучеръ подтянулъ пару, карета покатилась ровнѣе, и минуты черезъ двѣ она повернула въ Знаменскую.

— Номеръ двадцать первый! — крикнулъ Капцовъ кучеру, опустивъ стекло.

— Такъ придешь къ Богучарову? — ласково и просительно заговорилъ Загаринъ, успокоенный, съ краской волненія на впалыхъ щекахъ. — Для меня сдѣлай. И ты услышишь пѣніе... Басъ феноменальный. Basso cantante... Я такого не слыхалъ нигдѣ за послѣдніе годы.

— Изъ дворянъ Господи помилуй, навѣрно?

— Кажется... изъ семинаристовъ.

Загаринъ разсмѣялся.

— Фамилія, — добавилъ онъ, — духовная... Благомировъ.

— Навѣрняка.

Григорій Порфирьевичъ что-то соображалъ.

Онъ долженъ застать вдову и пообѣдаетъ у нея. Она его безъ обѣда не отпуститъ... Провести съ-глазу-на-глазъ съ женщиной, кто бы она ни была, съ четвертаго часа до поздней ночи, это была слишкомъ прѣсная „процедура“, какъ выражался онъ. Можно, пожалуй, кончить вечеръ у Богучарова и посмотрѣть на все это литературствующее „нигильѣ“. За свой терминъ Капцовъ держался.

— Такъ что же, душа моя? — настаивалъ Загаринъ.

— Ладно. Попозднѣе буду. Вѣдь вы тамъ до пѣтуховъ?

— Я до тебя не буду читать своего.

Кучеръ рѣзко остановилъ лошадей. Капцовъ, бивнувъ Загарину, ловко выскочилъ на подъѣздъ, прямо съ подножки и захлопнулъ дверцу.

Въ первомъ этажѣ жила вдова Мещерина.

VI.

Въ будуарѣ горитъ розовый матовый фонарь, подвѣшенный къ потолку, посрединѣ лѣпного круга. Вся мебель блѣднорозовая съ кружевными чехлами. Въ тѣснотой комнатѣ ходитъ волнами густой запахъ крѣпкихъ аткинсоновскихъ духовъ. Десятый часъ вечера. На диванчикѣ, въ родѣ широкаго кресла, развалился Григорій Порфирьевичъ; голову онъ откинулъ на низкую спинку

дивана и ноги вытянулъ по пестрому ковру... Его поводить зѣвота... Онъ полудремотными глазами смотритъ на свое отраженіе въ большомъ зеркалѣ орѣховаго шкапа, гдѣ хранится тонкое, все въ кружевахъ, пропитанное благоуханіемъ, бѣлье Валентины Павловны.

Ему не хочется говорить, не хочется курить. Онъ очень сытъ, и въ головѣ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ мыслей.

— Grégoire! — донесся до него голосъ Мещериной изъ небольшого салона, смежнаго съ будуаромъ.

Она окликнула его отъ піанино, за которое только что сѣла.

— Чтò угодно?—соннымъ голосомъ отвѣтилъ Капцовъ.

— Вы не желаете играть?.. Мандолина ваша ждетъ... Или хотите дуэтъ съ гитарой?

Играть ему лѣнь... Онъ хотѣлъ бы на воздухъ. Пора и къ тому „нигилю“ — въ Измайловскій полкъ, въ Пятую роту.

— Идите!—громче окликнула Мещерина.—Да что вы тамъ дѣлаете? Спите!.. Какой ужасъ!

Въ дверяхъ будуара показалась Валентина Павловна, женщина за тридцать, выше средняго роста, съ густыми волосами орѣховаго цвѣта и круглымъ, веселымъ, чувственнымъ лицомъ. Особенно носъ ея, короткій и приподнятый кверху, дѣлалъ выраженіе подмигательнымъ. Ея пышный станъ облекалъ черный атласный капоть съ разрѣзными рукавами, подбитыми желтымъ шелкомъ, откуда обнаженные руки, молочныя и наливныя, выступали съ откровенной лаской.

— Grégoire! Вы, ей-Богу, спите!..

— Не думаю!..—лѣниво отвѣтилъ Капцовъ.

— Если хотите спать, подите и лягте на кушетку.

Она подсѣла къ нему и коснулась рукой до его плеча.

— Хотите на воздухъ?.. Здѣсь очень жарко. Умоляю Анисью не топить такъ непомѣрно и не могу добиться температуры въ четырнадцать градусовъ.

Валентина Павловна положила голову на спинку диванчика, рядомъ съ головой студента, и вся затихла...

Такъ они пробыли нѣсколько минутъ.

Капцова не смущало это молчаніе... Зачѣмъ будетъ онъ постоянно подтягивать себя съ своей покладливой подругой?.. Мещерина тѣмъ и пріятна ему, что она не требуетъ страстныхъ изліяній, разговоровъ на интересныя

темы, лирическихъ сценъ и сентиментальныхъ порывовъ. Она цѣнитъ то, что ей тридцать два года, а ему нѣтъ еще и двадцати двухъ.

Она сейчасъ закричала: „это ужасно, вы спите“; но тотчасъ же прибавила приглашеніе соснуть какъ слѣдуетъ на кушеткѣ.

— Гриша! — шопотомъ спросила Мещерина и приложила своей еще очень твердой щекой къ щекѣ Капцова. — Хочешь — я пошлю за тройкой?.. Мы прокатились бы...

Онъ не спалъ и разсмѣялся ея словамъ.

Тройка не предъщала его. Катанье само по себѣ, пожалуй, пріятнѣе, чѣмъ конецъ, на извозчикѣ, въ Пятую роту Измайловскаго полка и сидѣнье въ сараѣ Богучарова въ облакахъ табачнаго дыма; но тройка поведетъ за собою загородный ресторанъ. Валентина Павловна непременно закажетъ ужинъ и не допуститъ его платить, да у него и лишнихъ денегъ нѣтъ. И это куда бы ни шло: главное—все это повтореніе того, что было уже за обѣдомъ и послѣ обѣда.

Лучше сдержать слово, данное графу Загарину, и ѣхать къ „нигилю“.

— Мнѣ надо въ гости, — не раскрывая глазъ, выговорилъ онъ и сладко потянулся.

— Куда это?

— Къ іерихонцамъ!

Она расхохоталась слову и подняла голову.

— Къ какимъ іерихонцамъ?

Капцовъ сказалъ—къ какимъ.

— Тебѣ тамъ весело?

Вопросъ прозвучалъ скорѣе заботой, чѣмъ тревогой,—подозрѣнія и ревности въ немъ не было. Капцовъ цѣнилъ и это отсутствіе вздорности въ вдовѣ Мещериной, хотя, по его понятіямъ, женщина должна быть ревнива, и онъ сознавалъ, днями, что, быть-можетъ, ему было бы занимательнѣе съ Валентиной Павловной, если бъ она хоть немножко ревновала его.

— Веселья никакого не будетъ,—отвѣтилъ онъ, позѣвывая; она и этимъ не обижалась,—а иногда бываютъ курьезные народы.

— Изъ интеллигентовъ? — произнесла смѣшливо Мещерина и повела на особый ладъ своимъ вздернутымъ носомъ.

Онъ тихо разсмѣялся и сталъ подниматься, сдѣлалъ это въ два приѣма, и когда стоялъ уже на ногахъ, посрединѣ комнаты, то потянулся всѣмъ корпусомъ, вскинувъ своими длинными руками.

— Агунюшки, Гришенька, агунюшки!..

Поднялась и Валентина Павловна, подошла къ нему, поцѣловала его въ лобъ и сказала:

— Со мной коротать вечеръ не желаете, стало-быть?.. И быть по сему...

— Приставалъ сегодня; просилъ быть тотъ чудакъ... графъ Загаринъ... Я тебѣ его показывалъ въ театрѣ.

— Развѣ и онъ изъ нигилья?

— Онъ такъ, шалый... риѣмачъ... Воспѣваетъ все какую-то желанную, а я увѣренъ, что онъ до сихъ поръ...

Капцовъ досказалъ на ухо Мещериной.

— Привези его ко мнѣ... Мы его просвѣтимъ...

— Надоѣсть... рацеи свои распустишь про Спинозу, Эдгара Поэ... и этого... какъ бишь его?

— Ну, тогда не надо... Послушай, Гриша... На дорожку не хочешь ли чего-нибудь?

— Чего еще?

— Хоть сельтерской... съ коньякомъ.

— Пожалуй.

Они перешли черезъ узкую гостиную съ піанино въ столовую, просторную комнату, полуосвѣщенную висячей лампой съ матовымъ колпакомъ.

Валентина Павловна захлопала въ ладоши; каждый разъ звонить она находила несноснымъ.

Горничная, та самая Анисья, на которую жаловалась барыня насчетъ топки комнатъ, уже пожилая дѣвушка, въ темномъ платьѣ и чепчикѣ, вошла и остановилась въ дверяхъ, съ особымъ, строго замкнутымъ выраженіемъ своего еще миловиднаго лица. Она при Капцовѣ вела себя съ необыкновеннымъ тактомъ, точно будто онъ родственникъ ея барыни, и не позволяла себѣ ни съ Валентиной Павловной, ни съ нимъ ни малѣйшей фамильярности. Мещерина держала, до своего романа съ Капцовымъ, лакея; но теперь у нея была одна женская прислуга, а человѣка нанимала только ѣздить съ ней по городу и служить, когда она давала вечера.

— Анисья Ивановна, — обратилась она къ ней шутливо, — вы опять изволили рано закрыть, безъ всякаго милосердія, у меня въ будуарѣ...

— А что-съ?

— Да градусовъ двадцать!..

— Господи!.. Я закрыла передъ самымъ обѣдомъ.

— Дайте сельтерской воды и коньяку.

Этой Анисѣ Ивановнѣ доставалось иногда очень круто... Мещерина, когда одѣвалась, не терпѣла никакой неловкости, никакой проволоочки. Капцовъ былъ разъ свидѣтелемъ домашней сцены, когда Валентина Павловна, по собственному выраженію, „пригнула“ свою горничную...

Григорій Порфирьевичъ тогда нахмурился и, когда они остались вдвоемъ, весьма значительно замѣтилъ:

— Можно бы и оставить эти до-реформенныя манеры.

И цѣлый день былъ очень сдержанъ съ своей пріятельницей. Онъ обращался съ прислугой сухо и говорилъ „ты“ лакеямъ ресторановъ, швейцарамъ, даже и разсыльнымъ, но считалъ неприличнымъ и „некрасивымъ“ давать волю рукамъ. Этотъ эпизодъ съ Анисѣй укрѣпилъ его еще больше въ убѣжденіи, что женщины — „всѣ на одинъ ладъ“, мужички и барыни, кухарки и первоклассныя артистки. Дай имъ волю — онѣ непременно будутъ бить своихъ пріятелей и мужей, что зачастую и бываетъ. При этомъ онъ всегда думалъ о своемъ отцѣ и говорилъ про себя:

„Возьми мама повадку тузить туфлей фатера — онъ притерпится!“

Въ столовой Капцовъ, не присаживаясь къ столу, выпилъ цѣлый стаканъ сельтерской воды. Ему налила сама Мещерина. Анисья Ивановна удалилась тотчасъ же, поставивъ все, что нужно.

Она знала, что барыня не любитъ и того, чтобы прислуга выходила въ переднюю, когда уѣзжалъ Григорій Порфирьевичъ. И на этотъ разъ она не вошла туда, слышавъ голоса въ передней, отдѣланной въ русскомъ вкусѣ: стѣны были обиты кумачомъ; вѣшалка, стулья, столъ и зеркало изъ крашенаго дерева съ золотыми разводами. На этомъ красномъ фонѣ черный атласъ пеньюара и полныя руки Мещериной выступали живописнымъ пятномъ.

— Поѣзжайте въ моей каретѣ, — сказала она ему, переходя совершенно спокойно отъ „ты“ къ „вы“.

— Съ какой стати?

Онъ этого не любилъ.

— Да вѣдь она, все равно, стоитъ!..

— Я терпѣть не могу кареты.

— Охота тащиться на ванькѣ!..

— Знаете что?..—добавила она громче, когда онъ уже стоялъ передъ нею въ пальто и съ фуражкой на головѣ.— Поѣду я къ вашимъ посидѣть... Онѣ никуда не собирались?

— Кажется, нѣтъ.

— Мы потолкуемъ насчетъ туалетовъ къ бенефису... Съ меня вѣдь тоже взяли контрибуцію для какого-то серебрянаго баула.

— Сколько?

— Двадцать пять.

— Была оказія!

— Нельзя, душечка. Это ежегодный оброкъ.

Валентина Павловна снова разсмѣялась, потрепала его по плечу и выпустила сама въ сѣни.

На извозчикѣ Капцовъ глубоко засунуль руки въ карманы, приподнялъ плечи и ушелъ подбородкомъ въ мерлушковый воротникъ. Морозъ крѣпчалъ. Но онъ этого не боялся. Квартира Мещериной, опьяняющій запахъ духовъ, обѣдъ, вино, сонное полулежанье, — все это онъ съ охотой сбросилъ съ себя на холодномъ и сухомъ воздухѣ, и почувствовалъ себя опять мужчиной и спортсменомъ, способнымъ, коли на то пошло, отправиться на пари пѣшкомъ до Измайловскаго полка, въ одной шведской курткѣ, гимнастическимъ шагомъ.

VII.

На третьемъ дворѣ, въ темнотѣ декабрьской ночи, Капцовъ отыскалъ калитку палисадника и пошелъ увѣреннымъ шагомъ къ освѣщеннымъ окнамъ одноэтажнаго строенія, въ родѣ сарая или бани.

Тамъ и проживалъ Богучаровъ, у котораго каждая двѣ недѣли бывали сборища молодыхъ писателей.

Входная дверь отворялась прямо въ первую обширную комнату, изъ маленькихъ сѣней. Тамъ сидѣло все общество. Капцова встрѣтилъ возгласъ хозяина:

— А, мандолинистъ!.. Не забыли! Жаль, что инструмента своего не взяли съ собой.

Богучаровъ, короткій и плечистый рыжеватый малый, лѣтъ двадцати пяти, подъ гребенку выстриженный, съ аккуратной бородкой, въ домашней шерстяной блузѣ сиреневаго цвѣта, подпоясанной кожанымъ кушакомъ, по-

могъ ему снять пальто, которое тутъ же надо было положить на кучу другого верхняго платья.

Въ комнатѣ, болѣе длинной, чѣмъ широкой, и освѣщенной довольно плохо, сидѣло и стояло нѣсколько человѣкъ гостей. Капцовъ разглядѣлъ въ числѣ другихъ графа Загарина у большого продолговатаго стола съ самоваромъ и закусками... Дешевая низкая лампочка немного коптила. Вправо, въ углу, примостилось старинное фортепiano—ящикомъ, и двѣ свѣчи стояли на немъ зажженными.

Узналъ Капцовъ и двоихъ начинающихъ писателей. Оба они были брюнеты,—одинъ маленькій, другой очень высокій. Маленькій морщилъ нервное лицо и дергалъ бородку, плохо одѣтый и хмурый; высокій, въ хорошемъ сюртукѣ, гладилъ лоснящіеся длинные волосы, и правая его рука прохаживалась по густой бородѣ. Капцовъ никакъ не могъ хорошенько запомнить, который изъ нихъ поэтъ, который прозаикъ. На этотъ разъ онъ рѣшилъ, что стихи пишетъ высокій, что было совсѣмъ наоборотъ.

У стола, въ глубинѣ, сидѣлъ лицомъ прямо противъ входа очень красивый мужчина, съ оваломъ лица, лбомъ и волосами, какіе пишутся на образахъ. Мягкая постепенность большихъ голубыхъ глазъ, носъ строгихъ линій, борода рѣдкая, клинушкомъ, дѣлали наружность его совершенно евангельской. Капцовъ сейчасъ же подумалъ: „Это и есть басъ изъ дворянъ Господи помилуй“.

Къ фортепiano прислонился гость, котораго Капцовъ видѣлъ, кажется, въ первый разъ. Почти такого же роста, какъ хозяинъ, только стройнѣе, темнѣе волосами, съ умнымъ лицомъ казацкаго типа. Онъ носилъ подстриженную бороду, былъ очень старательно одѣтъ, въ цвѣтномъ галстукѣ и темномъ клѣтчатомъ сьютѣ. Когда Капцовъ вошелъ, онъ перелистывалъ книгу и щурился, какъ близорукій.

На кушеткѣ, служившей Богучарову и кроватью, валялся еще кто-то. По включенной пряди волосъ, низко спускавшейся на лобъ, и по свѣтло-коричневой потертой визиткѣ, Капцовъ узналъ художника Скрыню, котораго онъ не иначе называлъ, какъ „хохломъ“, и считалъ большимъ ругателемъ.

— Господа! Вы, кажется, знакомы? — возгласилъ хозяинъ, подводя Капцова къ столу. Онъ указалъ рукой на двоихъ брюнетовъ и, обернувшись къ Капцову, доба-

вилъ:—Скрыню вы знаете, съ графомъ васъ нечего знакомить. Это Благомировъ, вы ему поаккомпанируете, батенька, на гитарѣ... А вотъ, позвольте,—онъ подвелъ его къ стоявшему у фортепіано, —Денисъ Андреевичъ Луговиновъ, писатель. Ждемъ еще двоихъ гостей, и тенора Андреоли. Да-съ, батенька, хочетъ послушать Ефима Никанорыча... И Егоръ Петровичъ Ермиловъ общалъ, попозднѣе, съ какого-то великосвѣтскаго суарé, къ тому часу, когда явится отъ Филиппова кулебяка съ сигомъ и капустой...

Капцовъ жалъ всѣмъ руки, и басъ протянулъ ему свою, длинную и бѣлую, очень породистую, и сказалъ полушопотомъ:

— Весьма радъ.

Но и эти два слова отдались во всей комнатѣ, какъ двѣ музыкальныя ноты.

Художникъ не поднялся съ кресла и только прохрипѣлъ:

— Господину студенту—мое низжайшее!

— Ну, садитесь, гость будете. Чаишки желаете?

Въ Богучаровѣ Капцову не особенно нравился оттѣнокъ безцеремонности и запанибратства, подъ которымъ онъ распознавалъ своего рода дѣлчество и большое тщеславіе. Онъ считалъ его, въ сущности, пронырой. Богучаровъ къ литературѣ и искусству приписался Богъ его знаетъ съ чего. Что-то такое онъ пописывалъ въ дешевыхъ иллюстрированныхъ журналахъ подъ псевдонимомъ, промышлялъ навѣрно и репортерствомъ, всѣхъ зналъ, всюду лѣзъ и сумѣлъ сдѣлать свой „сарай“ маленькимъ центромъ. Апломбъ ему давало больше то, что онъ не кончилъ, изъ-за какой-то исторіи, курса, гдѣ-то побывалъ въ Америкѣ или, по крайней мѣрѣ, выдавалъ себя за американскаго „піонера“ и любилъ поговорить о Колорадо и Миссисипи. Въ Петербургѣ онъ служилъ на какой-то желѣзной дорогѣ, не то по счетной, не то по технической части. Но безъ богучаровской кулебяки, каждую вторую пятницу, дѣло не обходилось, и кружокъ его пріятелей изъ разныхъ сферъ все раздавался въ ширь.

Капцовъ принялъ отъ хозяина стаканъ чаю.

— Архіерейскихъ сливочекъ желаете?.. Это изъ аглицкаго магазина.

Онъ влилъ въ стаканъ рому и положилъ передъ нимъ кусокъ кренделя съ шафраномъ.

— Будете довольны...

Не нравилось Капцову и самодовольство этого „піонера“. Но онъ долженъ былъ сознаться, что хозяинъ квартиры и его гости не подходили подъ кличку „нигиля“. Какіе же это нигилисты: собираются слушать и читать стихи, повѣсточки, толкуютъ о Флоберѣ и Эдгарѣ Поэ, о Пушкинѣ и Фетѣ, о декадентахъ и натуралистахъ, разбираютъ тонкости „экспрессій“ въ картинахъ, слушаютъ пѣніе, держатъ у себя музыкальные инструменты!.. Даже и по тону, по одеждѣ, по манерамъ, въ нихъ нѣтъ признаковъ нигилья... Одинъ только художникъ Скрыня немного какъ будто напоминаетъ прежніе кружки, о какихъ читалъ и слышалъ Григорій Порфирьевичъ, но остальные очень приличны, смотрятъ скромными чиновниками, а басъ—совсѣмъ регентъ съ обличемъ молодого угодника.

И у него явилось, тутъ же за чаемъ, болѣе терпимое чувство къ гостямъ Богучарова; его любопытство было болѣе задѣто, чѣмъ прежде. Онъ въ первый разъ подумалъ не безъ нѣкотораго удовольствія: „посмотримъ, что сегодня выйдетъ... Пожалуй, что-нибудь и курьезное“.

Онъ обмѣнялся пріятельскимъ взглядомъ съ графомъ Загаринымъ, и замѣтилъ, что тотъ уже очень волнуется; два розовыхъ круга выступили пятнами на его желтыхъ, обтянутыхъ щекахъ. Передъ нимъ лежала тетрадка, изъ глянцовитой веленовой бумаги, сшитая крученымъ цвѣтнымъ шелкомъ, и быстрые глаза Григорія Порфирьевича узнали красивый, женоподобный почеркъ графа. Какое-то общее заглавіе изъ одного слова, въ росчеркахъ и завитушкахъ, занимало первую страницу этой тетрадки въ осьмушку, напоминающей ему школьные годы, когда между товарищами хаживали по рукамъ такія же тетради запрещенныхъ стиховъ.

— А вотъ графъ Семень Борисовичъ, — заговорилъ опять хозяинъ тономъ распорядителя клубныхъ вечеровъ, — желаетъ прочесть намъ нѣсколько своихъ сонетовъ... Мы хотѣли, спервоначалу, подождать Егора Петровича, да онъ поздно объявится, гляди, къ самой кулебякѣ.—Онъ обернулся къ Капцову и въ скобкахъ прибавилъ:—Тиша, дворниковъ сынишка, уже посланъ къ Филиппову за оной кулебякой... Такъ можно и теперь начать... Комплектъ синедріона достаточный... Ха-ха! Ежели которыя пьесы придутся особенно по вкусу слушателей, буду просить графа повторить ихъ при Егорѣ Петровичѣ,

за ужиномъ. Онъ—великій оцѣнщикъ разныхъ тонкостей по этой части. Какъ бишь, графъ, этотъ пессимистъ, пишущій по-французски, котораго Ермиловъ считаетъ царемъ сонетовъ?.. Жозефъ... Эхъ, канальство, на иностранныя фамиліи память у меня куриная.

— Хозе-Маріа Эредіа,—кратко выговорилъ Загаринъ.

— Какъ?—спросилъ художникъ Скрыня съ кушетки.— Какъ онъ, бѣсовъ сынъ?

— Хозе-Маріа Эредіа,—повторилъ Загаринъ.

— Экъ, какой длинный!..

Всѣ засмѣялись, кромѣ Загарина.

Онъ весь съежился, круги на щекахъ стали еще рѣзче; на крутомъ, выпукломъ лбу выступили крупныя капли пота, хотя въ комнатѣ было свѣжо.

„Чудачина!—говорилъ мысленно Капцовъ и даже потупился надъ своимъ стаканомъ чая.—Есть оказія такъ дрожать, идти на экзаменъ къ разному дрянцу, съ борка да сосенки, подвергать на ихъ одобреніе... Печаталъ бы на свой счетъ вирши, да и не дулъ бы себѣ въ усь“...

Онъ ужъ, конечно, не пошелъ бы на такой „экзаменъ“ по доброй волѣ.

— Прошу вниманія, — началъ съ усиліемъ Загаринъ сдавленнымъ горловымъ голосомъ.

— Silentium!—крикнулъ хозяинъ, молодцовато засунувъ руки въ карманы своихъ синихъ шароваръ, крикнулъ на всю комнату и опустился въ старое, облѣзлое вольтеровское кресло, около другого стола, изъ некрашеннаго сосноваго дерева, покрытаго самымъ разномастнымъ добромъ: книгами, тетрадками, старой фотографической камерой, карандашами, готовальней, нѣсколькими склянками; вмѣсто пресъ-паще лежалъ осколокъ бомбы — „изъ-подъ Седана“, какъ увѣрялъ Богучаровъ.

— Сажайте, графъ!—пригласилъ онъ, очень довольный собою и всей фізіономіей своего литературнаго вечера.

— Мои сонеты, — продолжалъ все еще очень нервозно Загаринъ,—носятъ коллективное заглавіе: „Данаиды“.

— А что это?—вдругъ раздался полный басовой звукъ, и всѣ обернулись на Благомирова.

Онъ только что пропустилъ послѣдній глотокъ чая и поставилъ стаканъ на блюдечко.

„Остолопъ! — выбранилъ его про себя Капцовъ.— Выдаетъ свое семинарское невѣжество!“

Его, Григорія Порфирьевича, на эту удочку никто бы не поддѣлъ.

— Данаиды,—началъ объяснять Загаринъ, точно сконфузившись за незнаніе Благомирова, — это — мифологическія существа...

Въ дверь раздался сильный стукъ. Всѣ притихли. Лица вытянулись. Богучаровъ вскочилъ и замѣтно покраснѣлъ.

„Еще спадаютъ у этого проклятаго нигилья!“ — вскричалъ мысленно Капцовъ и слегка поблѣднѣлъ.

Нѣсколько секундъ никто ничего не говорилъ.

VIII.

Богучаровъ подбѣжалъ къ двери—она отворялась снаружи—и прокричалъ:

— Кого Богъ посылаетъ?

Изъ-за двери раздался высокій пѣвучій голосъ:

— Я... Андреоли!..

— А! Эрнестъ Францовичъ!..

Дверь съ усиліемъ распахнулась и, вмѣстѣ со струей холода, впустила новаго гостя.

— Напугали насъ, батенька,—возбужденно заговорилъ хозяинъ. — Пожалуйте, пожалуйста!.. Позвольте, я дверь плотнѣе захлопну, а то горло у васъ перехватитъ!..

Онъ помогъ гостю снять пальто съ куньимъ воротникомъ, которое тотъ бережно положилъ на кучу верхняго платья.

Капцовъ видалъ этого спавшаго съ голоса тенора; онъ давалъ теперь уроки пѣнія въ разныхъ школахъ. Капцовъ слыхалъ его и въ двухъ-трехъ концертахъ и находилъ, что у него хорошая метода. Пѣвецъ показался ему теперь гораздо меньше ростомъ, чѣмъ на эстрадѣ, сухопарѣе и старше на видъ. Сѣдѣющіе темные и очень рѣдкіе волосы онъ, по старой театральной привычкѣ, подзавивалъ, былъ одѣтъ франтовато и не по лѣтамъ пестро, въ бѣломъ шелковомъ галстукѣ, клѣтчатою двубортною жилетѣ и короткой жакеткѣ съ отложнымъ воротникомъ à l'enfant... Онъ носилъ эспаньолку, что тоже отзывалось чѣмъ-то старомоднымъ.

Его національность никому хорошенько не была извѣстна. Одни говорили, что онъ — еврей, другіе — что венгерецъ, третьи принимали за обрусѣлаго француза. Имя Андреоли сочинилъ онъ самъ, когда дебютировалъ... Настоящей его фамиліи тоже никто не зналъ... По-русски

произносилъ онъ очень правильно, съ трудно уловимымъ акцентомъ, но любилъ, чтобы его считали „европейцемъ“, часто говорилъ объ Италіи и вставлялъ въ свою, всегда немного возбужденную, рѣчь итальянскіе слова и термины, вперемежку съ французскими. Извѣстно было, однако, что онъ всего больше пѣлъ въ русской провинціи, въ большихъ южныхъ городахъ, гдѣ есть опера, а на Императорской сценѣ не удержался...

Его появленіе на вечеринкѣ Богучарова не особенно удивляло Капцова; Андреоли поддерживалъ свою популярность у молодежи, никогда не отказывался пѣть на благотворительныхъ вечерахъ и утрахъ. Онъ любилъ толковать о „вопросахъ“, считалъ себя очень начитаннымъ, знатокомъ поэзіи и рѣшителемъ всякихъ эстетическихъ тонкостей.

— Къ столу пожалуйста!—громко пригласилъ его Богучаровъ.

И опять началось называніе фамилій гостей. Капцовъ поклонился тенору суховато. Благомировъ покраснѣлъ, когда подавалъ ему руку черезъ столъ.

— А! это вашъ другъ... *basso profundo?*.. — спросилъ Андреоли и ласково-улыбающимися глазами, чуть-чуть подкрашенными, оглядѣлъ обликъ Благомирова.—*Sapristi!*.. Съ такой наружностью надо прямо на сцену... Жаль, что вы не теноръ, а то бы...

— Въ Мейерберовскомъ „Пророкѣ“ выступить? — подсказалъ Богучаровъ.

— *Pardi!*..

Благомировъ потупился. Ему становилось жутко отъ этихъ оглядываній и этихъ поощреній въ упоръ.

— Вы уже прочли что-нибудь, графъ?—обратился Андреоли къ Загарину.

Они были знакомы.

— Графъ, — пояснилъ хозяинъ, — только что прочелъ собирательное заглавіе своихъ сонетовъ... Данаиды.

— Данаиды!.. — протянулъ Андреоли высокія ноты. — Заглавіе удачное... *Voilà voir!*..

Онъ присѣлъ къ столу, въ позѣ профессора, передъ которымъ ученица должна пропѣть свой „*monseau*“, полузакрывъ глаза и заложилъ руку за бортъ жилета.

— Стаканчикъ чаю?—предложилъ ему Богучаровъ.

— Послѣ!..

Андреоли сдѣлалъ красивый жестъ свободной рукой.

Загаринъ перевернулъ первую осьмушку своей тетрадки и началъ читать сонетъ номеръ первый... Всѣ они были у него безъ заглавій. Его смущеніе усилилось. Капцовъ опять посмотрѣлъ на него и повторилъ свое: „была оказія!“ Читать графъ не былъ мастеръ, у него выходило нараспѣвъ, невнятно и даже—какъ находилъ Капцовъ—безъ соблюденія паузъ и знаковъ препинанія.

„Хоть бы меня попросилъ прочесть, — думалъ онъ, — я хоть и не ахти какой чтецъ, а все бы такъ не мямлил!“

Онъ мало вникалъ въ содержаніе сонетовъ. О чемъ-то поэтъ плакалъ, къ кому-то взывалъ, и опять обращался къ своей „желанной“, что заставило Капцова усмѣхнуться злой усмѣшкой. По его уху скользили риѣмы, которыя Загаринъ отбивалъ, какъ дѣлаютъ это плохіе декламаторы-французы.

— Богатенькая риѣма! — вполголоса замѣтилъ маленькій брюнетъ, котораго Капцовъ ошибочно считалъ прозаикомъ.

— Hein? — окликнулъ Андреоли. — Une rime riche? — перевелъ онъ. — Да!.. Какъ, какъ?

— „Роза—угроза“, — выговорилъ брюнетикъ.

Крупный брюнетъ одобрительно кивнулъ головой.

Чтецъ стыдливо вскинулъ на нихъ рѣсницами и приободрился.

— Повторите, графъ, послѣдній куплетъ, — попросилъ Андреоли тономъ эксперта.

Тотъ повторилъ.

— Non c'è male!

Теноръ пустилъ одну изъ своихъ любимыхъ итальянскихъ фразъ.

Въ маленькій перерывъ, когда тяжело дышавшій Загаринъ отиралъ лобъ и прихлебывалъ чай, завязался важный разговоръ между двумя брюнетами о „богатой риѣмѣ“, въ которомъ принялъ участіе и теноръ, не терявшій своего апломба.

— Позвольте, господа, — заговорилъ онъ, — обращаясь къ обоимъ писателямъ, — я читалъ Théodor'a de Banville. Я знакомъ съ его теоріей риѣмы. Вѣдь если такъ идти, то непременно дойдешь до употребленія омонимовъ и каламбуровъ, однихъ и тѣхъ же словъ съ разнымъ смысломъ... C'est à prendre ou à laisser... — Онъ окинулъ всѣхъ увѣреннымъ взглядомъ и продолжалъ: — Я цѣню отдѣлку, le fini de la forme... Теофиль Готье, Бодлэръ... я ихъ высоко

ставлю... Но возьмите Альфреда Мюссé!.. La nuit d'octobre... Какая поэзія!.. А риѣма бѣдная... Не правда ли, графъ?..

— Мюссé — великій поэтъ, — пролепеталъ Загаринъ, почти совсѣмъ лишившійся голоса.

— Вамъ бы отдохнуть, — сказалъ ему Андреоли тономъ учителя пѣнія. — Вашъ голосъ средствами не богатъ...

И долго еще теноръ давалъ направленіе литературному разговору. Оба писателя со многимъ не соглашались, но говорить были не мастера, и Капцовъ нѣсколько разъ, про себя, подтрунилъ надъ ними.

Прослушать всѣ сонеты Загарина ни у кого не было особой охоты. Богучаровъ вытащилъ Благомирова изъ-за стола и поставилъ его посреди комнаты, передъ Андреоли.

„Экая верзила!“ — опредѣлилъ его Капцовъ.

Басъ былъ почти на цѣлую голову выше его; а онъ считалъ свой ростъ прекраснымъ.

Благомировъ пришелъ въ смущеніе и усиленно мигалъ. Ему опять тяжело стало — выступать точно школьнику на экзаменѣ.

— Эрнестъ Францовичъ, — отчеканивалъ Богучаровъ, — сей будущій Марсель изъ „Гугенотовъ“ не имѣетъ никакой вокальной выправки. Пѣлъ когда-то въ архіерейскомъ хорѣ октаву... Такъ, что ли, Ефимъ Никанорычъ?..

— Такъ, — громкимъ вздохомъ подтвердилъ Благомировъ.

— А теперь, какъ бы думали, откуда онъ отъявился?.. Изъ-подъ города Шадринска! Изволили слышать, въ сельскомъ училищѣ грамоту преподавалъ цѣлыхъ три года. Да-съ!..

Андреоли издалъ звукъ удивленія и всталъ со своего мѣста.

— Вы что-нибудь поете, коллега?

— Какъ слѣдуетъ, можно сказать, окончательно ничего.

Лицо баса добродушно при этомъ наморщилось... Онъ всѣмъ нравился, въ томъ числѣ и Капцову. Голосъ свой боялся онъ пускать полной нотой, и эта сдержанность придавала его манерѣ говорить что-то дѣтски-милое.

— Ну, что это вы, отецъ, вратъ изволите! — закричалъ Богучаровъ. — Поетъ массу вещей.

— Не хотите ли партію Марселя? — спросилъ Андреоли. — Я могъ бы держать фортепіано.

— Ни Боже мой! — пугливо отказывался Благоми-

ровъ. — Я и оперы-то этой какъ слѣдуетъ не слыхалъ никогда.

— Изъ „Руслана“ обязательно поетъ! — кричалъ Богучаровъ.

— Опять же такъ... больше со слуха, — отговаривался Благомировъ, и хотѣлъ было ретироваться за самоваръ, но хозяинъ подхватилъ его подъ спину и толкнулъ къ фортепіано.

— Эрнестъ Францовичъ, вы вѣдь, отецъ, навѣрно, наизусть можете: „О, поле, поле..“?

— Je crois bien! — весело и самодовольно вскричалъ теноръ, подсѣлъ къ фортепіано и взялъ нѣсколько аккордовъ. Ай!.. Quelle casserole!.. Но, кажется, не очень разстроено.

— Самъ настраивалъ! — крикнулъ Богучаровъ и разсмѣялся.

— Да вы освободите меня, — просилъ его густымъ шопотомъ Благомировъ, охваченный послѣднимъ приступомъ боязни.

— Ерунда, батенька, ерунда!

Онъ толкалъ его къ углу фортепіано.

— Господа! Silentium! Арія Руслана изъ второй картины второго акта!

„Благо мы не знаемъ“, — добавилъ про себя Капцовъ: его давно раздражали развязность и назойливость Богучарова.

За баса ему почему-то стало страшно... Вдругъ „скапнутится“, бѣднякъ!.. На Григорія Порфирьевича находило изрѣдка такое гуманное настроеніе. Да и парень-то былъ ужъ очень безобиденъ. Ему нравились натуры съ чѣмъ-нибудь сильнымъ — голосъ ли, кулакъ ли, ловкость ли — чрезвычайные. А въ голосъ семинариста онъ уже увѣровалъ.

Всѣ притихли. Андреоли проигралъ на память прелюдію, поднялъ профессорски голову и далъ знакъ Благомирову начинать.

Тотъ, по старой пѣвческой привычкѣ, не могъ не крикнуть въ руку, что у него вышло очень забавно, разомъ поблѣднѣлъ, закрылъ глаза и, разводя растерянно руками, взялъ первую фразу:

О, поле, поле, кто тебя усѣялъ...

И, переведя духъ, пустилъ, точно изъ подземной трубы: Мертвыми костями?

Вся комната, казалось, вздрогнула. Художникъ Скрыня вскочилъ съ кушетки и опять на нее опустился; два писателя почти растерянно оглянулись; нервный Загаринъ схватился за ручку своего кресла.

Голосъ былъ почти чудовищный; комната не могла его вмѣстить въ полномъ объемѣ. Благомировъ самъ это почувствовалъ и смягчилъ звукъ. Андреоли, послѣ первой фразы, воскликнулъ:

— *Corpo di Vasso!*.. Не убейте насъ!

Фраза: „чѣи небо слышало молитвы“—захватила всѣхъ своимъ могучимъ, торжественнымъ лиризмомъ. Грудныя слезы слышались въ металлѣ могучаго органа, и слова смѣшивались съ музыкой въ чудесной гармоніи.

— Брависсимо!—крикнулъ хозяинъ.

Но кто-то зашикалъ на него. Голосъ семинариста заставилъ всѣхъ пригнуться и уйти въ себя.

IX.

Благомировъ пропѣлъ арію и стоялъ съ опущенными руками и яснымъ лицомъ, имѣвшимъ такое выраженіе: „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, не обезсудьте“. Всѣ захопали. И Андреоли, поднявшись съ табурета, протянулъ ему руку—въ кольцахъ, съ красивыми ногтями—и актерски воскликнулъ:

— Любезный собратъ!.. *Vous avez de l'estomac!*

Эту французскую одобрительную фразу Благомировъ совсѣмъ не понялъ. Его окружили. Оба писателя—поэтъ и прозаикъ—жали ему руку; но на ихъ лицахъ легла сейчасъ же неискренняя усмѣшка людей, страдающихъ отъ каждаго превосходства въ другихъ, отъ всякаго проявленія таланта.

Капцовъ, напротивъ, былъ искренно возбужденъ, взялъ подъ руку Загарина, равнодушнаго къ музыкѣ, и отвелъ его въ уголокъ.

— Вотъ это силища!—заговорилъ онъ громкимъ шопотомъ.—Тутъ есть надъ чѣмъ поработать.

— Да, да! — сипло отвѣтилъ Загаринъ, котораго глодалъ малый успѣхъ его сонетовъ, а главное—то, что Луговиновъ—тотъ литераторъ, котораго Капцовъ видѣлъ въ первый разъ, ни слова не сказалъ ему ни въ паузы между отдѣльными сонетами, ни по окончаніи чтенія.

Луговиновъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ о „богатыхъ риѣмахъ“. продолжалъ стоять у фор-

тепѣло, медленно курилъ изъ мундштучка толстую крученую папиросу, не обращался и къ Благомирову, не задавалъ ему никакихъ вопросовъ, и теперь только, когда прошелъ первый взрывъ похвалъ, рукопожатій и возгласовъ, подошелъ къ басу, пожалъ ему руку продолжительно и какъ-то на особый ладъ и сказалъ, не поднимая своего низкаго и звучнаго, очень опредѣленнаго голоса:

— Натуры у васъ, Ефимъ Никанорычъ, очень, очень много. Когда такая запасена сила—надо предаться искусству безъ раздѣла.

Онъ поглядѣлъ на него значительно, точно отвѣчая на какія-то бесѣды, уже бывшія между ними.

— Безъ раздѣла! — повторилъ Благомировъ. — Легко сказать!..

Одобреніе Луговинаова уязвило Загарина. Капцовъ замѣтилъ это и сказалъ громче:

— Ты бы лучше вотъ такого самородка поддержалъ... далъ бы ему средства ѣхать въ Италію...

Загаринъ ничего не отвѣтилъ; легкая усмѣшка повела его блѣдныя губы.

Въ эту минуту шумно снялся съ кушетки художникъ и сталъ, беспорядочно жестикулируя одной рукой, разносить и академію, и всякую офиціальную „муштру“.

— Ефимъ! — хрипѣлъ онъ, — Боже тебя избави искать пенсіонерства! Душу свою продашь дьяволу, попадешь въ лапы къ кровопійцамъ-итальянишкамъ, агентамъ и профессорамъ, сдѣлаешься продажной блудницей, мечтать начнешь о томъ только, какъ бы тебѣ хапать куши и на одной нотѣ виллу на Лаго-Маджіоре купить!.. Оставайся тѣмъ, что ты есть. Ты народъ любишь, ты хочешь пострадать, душа твоя льнетъ къ крестьянскимъ хлопчикамъ, учи ихъ грамотѣ, насаждай учобу! Плюнь на всякое прельщеніе! Посмотри на меня! Я съ тѣхъ поръ и дышу, какъ крикнулъ всякой академической муштрѣ: „анаема!..“ Съ голоду околѣвать буду, но на медаль не стану работать, провались она... Италія, и Ватиканъ, и Флоренція! У своихъ чумаковъ найду все, что мнѣ нужно!.. Берегись, Ефимъ! Заклинаю тебя всѣмъ для тебя святымъ!..

И завязался русскій, беспорядочный споръ. Андреолл обидчиво и авторитетно началъ язвить „русопетовъ“, проповѣдующихъ огрубѣніе и бунтъ противъ Европы. Художникъ накинулся на него и взялъ его даже за бортъ

жакетки. Но большинство было за науку, за школу, за путешествіе въ Италію. И Загаринъ, отдышавшись, вставилъ также двѣ-три фразы о культѣ искусства. Богучаровъ трепалъ Благомирова по плечу и все повторялъ:

— Отъ счастья своего не отказывайся!.. Иди въ учобу къ Эрнесту Францовичу. Онъ тебя эксплоатировать не будетъ.

Но ему, какъ хозяину вечеринки, захотѣлось поскорѣе замять этотъ ни къ чему не ведущій споръ, который могъ перейти въ исторію. Скрыня былъ неисправимый ругатель и для хохла слишкомъ злобенъ, а Андреоли умѣлъ постоять за европейскую школу и науку.

Нужно было сейчасъ же произвести отвлеченіе.

— Григорій Порфирьевичъ!—крикнулъ онъ Капцову,—вы мандолины не захватили, но вы вѣдь и гитаристъ.

— Немножко! — откликнулся Капцовъ, польщенный обращеніемъ къ нему какъ къ музыканту.

— Такъ соблаговолите, батенька, поаккомпанировать Благомирову. Онъ самъ маленько бренчить, да ему вольготнѣе будетъ подъ чужой аккомпанементъ... Голубчикъ,—обратился онъ къ басу,—благо ты распѣлся... Скажи, чѣмъ бы тебѣ хотѣлось насъ побаловать; а Капцовъ все наиграетъ, я знаю. Онъ — дошлый. Только гитара-то у насъ шестиструнная.

— Шестиструнная? — переспросилъ Капцовъ, подходя къ кучкѣ, гдѣ на лицахъ еще лежало раздраженіе спора.—Жаль!.. Ну, да ничего.

Онъ взялъ гитару, валявшуюся на фортепіано, и началъ настраивать ее красивымъ жестомъ, на согнутомъ колѣнѣ.

Задоръ слетѣлъ со спорившихъ, и всѣ стали усаживаться.

— Вотъ это будетъ лучшимъ отвѣтомъ на безплодное препирательство, — сказалъ Луговиновъ и опять занялъ свое мѣсто у фортепіано.

— Нехай пропадаетъ верзила!—сквозь зубы просипѣлъ Скрыня и снова залегъ на кушетку, повернувшись спиной ко всему обществу.

— Цыганщина? — спросилъ Андреоли, все еще не остывшій отъ разговора. — Это бичъ искусства! Un fléau, quoi!..

— А что жъ, Эрнестъ Францовичъ, — подхватилъ Богучаровъ, — разрѣшите и цыганское что-нибудь, если съ

душой... Ефимъ Никанорычъ, не смущайтесь, съ маэстро потомъ проходите муштру, а сегодня разрѣшимъ на вино и на елей!..

— Да я, ей-Богу, ничего не знаю...

Благомирова начинало разбирать новое смущеніе, онъ уже почувалъ надъ собою лапу школы, той „учобы“, которая казалась впереди Италію, дебюты, куши, манила его больше своей душевной стороною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовала окончательной измѣны тому дѣлу, которому онъ служилъ въ трущобахъ Шадринскаго уѣзда, въ бревенчатой избенкѣ, гдѣ въ стужу онъ ежился отъ холода или угоралъ до потери сознанія, когда стряпуха-баба закрывала печь спозаранка.

— Не знаете ли изъ Глинковскихъ какого-нибудь романса?—тихо спросилъ его Капцовъ.

Онъ уже держалъ гитару жестомъ начальника цыганскаго хора, истово и ловко, и взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Позвольте,—отвѣтилъ Благомировъ,—дай Богъ памяти... Одинъ могу... Только онъ требуетъ... знаете... переходовъ...

— Что это?

— Начинается: „Какъ сладко съ тобою мнѣ быть“...

Въ словѣ: „тобою“ слышалось произношеніе сѣверянина на „онъ“.

— Постараюсь...

Капцову предстояла не легкая штука—на память и по слуху, и на шестиструнной гитарѣ, идти за переходами этого романса, полного декламаціи. Но преодоленіе трудностей всегда заохочивало Григорія Порфирьевича.

Чуть слышными хватками онъ прошелъ въ умѣ колеблющуюся мелодію романса—и остался доволенъ.

— Начинайте!—шепнулъ онъ Благомирову и далъ ему аккордъ.

Ефимъ Никанорычъ опять откашлялся въ руку и заплѣлъ съ меньшею робостью, чѣмъ арію изъ „Руслана“. Опять во всей комнатѣ сказалось сотрясеніе. Но первый натискъ этого феноменальнаго голоса уступилъ мѣсто обаянію могучаго и яснаго чувства. Плѣтъ нетронутый мужчина, испытывающій первый порывъ къ обожаемой женщинѣ. Пѣвецъ еще неумѣло справлялся съ переливами изящной мелодіи, его богатырскій органъ проры-

вался еще нотами духовнаго баса; но подо всѣмъ этимъ текло что-то бархатное и несокрушимое вмѣстѣ.

Первый куплетъ оборвался на слишкомъ сильной нотѣ. Андреоли нетерпѣливо крикнулъ: „Mezza voce!“ среди общихъ криковъ одобренія; но Благомировъ не слыхалъ этого учительскаго окрика и продолжалъ съ еще болѣе глубокимъ акцентомъ.

Когда онъ началъ второй куплетъ, дверь очень тихо отворилась и вошелъ Ермиловъ, въ ильковой шубкѣ, сдѣлалъ хозяину знакъ, чтобы тотъ не беспокоился, снялъ шубку и простоялъ съ опущенной головой и снисходительно улыбающимся лицомъ, засвѣженнымъ отъ морознаго воздуха. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Въ фигурѣ онъ еще пополнѣлъ и маковка еще порѣдѣла.

Послѣ второго куплета Благомировъ простодушно выговаривалъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Остальное запомнилъ. Перевирать слова не хочу!..

— Егоръ Петровичъ!.. Вотъ спасибо! — говорилъ Богучаровъ, беря гостя за обѣ руки. — Каковъ голосокъ?.. А?.. Позвольте представить будущаго нашего... Эрнестъ Францовичъ, какъ бы назвать... Лассалья, что ли?..

Необычайно привѣтливо, съ барскимъ миганьемъ своихъ близорукихъ глазъ, началъ Ермиловъ одобрять пѣвца и, подавая руку Андреоли—онъ съ нимъ часто встрѣчался,—сказалъ на всю комнату:

— Вотъ вамъ случай, м-г Андреоли, послужить искусству, дать этому алмазу европейскую оправу.

Эта фраза чуть было не возбудила новой схватки. Художникъ опять снялся съ кушетки и что-то такое пустилъ уничтожающее о калѣченьѣ природныхъ дарованій; но хозяинъ, сбѣгавшій въ сосѣднюю комнату, гдѣ у него было нѣчто въ родѣ кухни, объявилъ, что Тиша, сынъ дворника, вернулся съ кулебякой, и попросилъ позволенія общими силами накрыть столъ, на которомъ еще стояли закуски. Тиша—пухлый мальчикъ въ поддевкѣ—вынесъ самоваръ и наполнилъ комнату запахомъ смазныхъ сапоговъ.

Гости возбужденно говорили по группамъ; но спора не вышло.

Х.

Благомировъ возвращался отъ Богучарова въ очень поздній часъ. Онъ вышелъ отъ него вмѣстѣ съ цѣлымъ

обществомъ. Имъ заинтересовался Ермиловъ, просилъ его къ себѣ, условливался съ Андреоли насчетъ какой-то дамы и какого-то ихъ общаго знакомаго, богача, любителя искусствъ. Ужинъ прошелъ весело. Ермиловъ острилъ, рассказывалъ исторіи изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ, приводилъ афоризмы Кузьмы Пруткова. Капцовъ сидѣлъ рядомъ съ Благомировымъ, подливалъ ему вина, не переставалъ хвалить его голосъ и давать ему совѣты: воспользоваться случаемъ, не пренебрегать тѣмъ, что его такъ одобряетъ хорошій учитель пѣнія. Онъ еще разъ аккомпанировалъ ему на гитарѣ, къ концу ужина, и опять по слуху. Благомировъ пропѣлъ: „Ночи безумныя“. И пуристъ Андреоли былъ обезоруженъ.

— Не слушайтесь бытовиковъ и самобытниковъ,—сказалъ ему на прощанье Ермиловъ, садясь на ночного ваньку, котораго они повстрѣчали на Вознесенскомъ.— Мы съ вами скоро увидимся. Андреоли дастъ мнѣ знать, когда вы будете пѣть у одной прелестной женщины.

Капцовъ прошелъ съ нимъ еще шаговъ сто, гдѣ они повстрѣчали новаго извозчика.

— Берите его. Мнѣ не далеко! — сказалъ ему Благомировъ.— Спасибо на добромъ словѣ!

Обыкновенно онъ провожалъ художника Скрыню на Островъ; но тотъ ушелъ одинъ, не простившись съ нимъ, и Благомировъ зналъ, что Скрыня разсердился на него не на шутку. Онъ не желалъ выслушивать его пріятельской брани.

„Ну, и пущай его!—думалъ онъ, шагая длинными шагами по направленію къ одной изъ Мѣщанскихъ.— Не у него одного голова съ мозгомъ“.

Въ головѣ баса немного шумѣло. Вечеръ отуманилъ его, и не одними винными парами. На выпивку онъ былъ крѣпокъ. Онъ переживалъ впервые обаяніе такого яркаго успѣха, куда не входило и тѣни чего-нибудь подогрѣтаго или подготовленнаго. Андреоли готовъ учить его даромъ; остальная братія хлопотала, кричала; такой эстетикъ, какъ этотъ Ермиловъ, обласкалъ особенно, хочетъ хлопотать о немъ, устроить его артистическую карьеру. О какомъ-то богачѣ толковалъ, о прелестной женщинѣ, куда его повезутъ...

„Чудеса въ рѣшетѣ!“—повторялъ Благомировъ и разводилъ руками по ночному морозному воздуху.

Въ Петербургѣ онъ гостилъ у одного товарища по се-

минаріи, служившаго мелкимъ чиновникомъ въ синодѣ. У него была особая каморка и ключъ отъ наружной двери. Ему часто случалось возвращаться поздно съ пріятельскихъ вечеринокъ. Онъ всего больше любилъ разговоры „по душѣ“, обсужденіе „идейныхъ началъ“ и „проклятыхъ вопросовъ“, и гдѣ такая бесѣда не завязывалась — онъ считалъ свой вечеръ потеряннымъ. Изъ университета съ перваго курса онъ долженъ былъ выйти изъ-за „исторіи“. Добивался поступленія вновь, по прошествіи одного года — не хватило средствъ. Ему добыли учительское мѣсто въ глуши дальней губерніи. Тамъ Благомировъ думалъ найти свое призваніе. Крестьянскіе ребята полюбились ему. Двѣ зимы выдержалъ онъ, никуда не отлучался изъ мѣста службы, хотѣлъ заглушить въ себѣ порывы къ другой жизни, къ „побѣгу“, какъ онъ выражался, въ область искусства. Голосъ его не заглухнулъ въ душной или холодной горницѣ при сельскомъ училищѣ. Онъ привезъ съ собою гитару и всѣ свои досуги употреблялъ на пѣніе, обзавелся и руководствами, сталъ хорошо читать голосомъ съ листа, да и прежде, въ семинаріи, онъ считался „на линіи регента“.

На третій годъ его засосало. Бороться съ искушеніемъ становилось слишкомъ тяжело. Онъ скопилъ деньжонокъ и поѣхалъ въ Москву, поступить въ консерваторію. Его прослушали, нашли голосъ замѣчательнымъ, общую же музыкальную подготовку скудной. Но это можно было уладить. Про его басъ провѣдала одна учительница пѣнія, обласкала его и предложила учить даромъ, взять его въ науку, съ тѣмъ, чтобы онъ выплачивалъ ей проценты изъ тѣхъ окладовъ, какіе будетъ получать въ Россіи и за границей.

— Такъ дѣлается въ Европѣ! — говорила ему эта дама.

Онъ было пошелъ сначала на ея условія, да устранился, не захотѣлъ закабалить себя на нѣсколько лѣтъ. Прожить онъ могъ, участвуя въ пѣвческихъ хорахъ. Ему уже предлагали шестьсотъ рублей въ одномъ изъ лучшихъ хоровъ за званіе солиста. Это его ободрило, и онъ рѣшилъ съѣздить въ Петербургъ — походить въ оперу, толкнуться въ консерваторію, поразвѣдать про хорошія частныя школы. Надо было торопиться, если выбирать окончательно артистическую карьеру. Благомирову наступилъ двадцать шестой годъ. Для консерваторской „учобы“ онъ былъ уже старъ.

Въ Петербургѣ онъ пошелъ „по рукамъ“. У него нашлись товарищи; его познакомили съ молодыми писателями, съ музыкантами, съ курсистками, съ актерами, съ разнымъ народомъ. Консерваторія пугала его. Въ частныя школы онъ еще не обращался. На него нападали припадками самообличенія, и тогда онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ на Островѣ или на Выборгской Сторонѣ, переходилъ изъ одной студенческой квартиры въ другую и упивался разговорами, въ которыхъ не было и помину объ искусствѣ, карьерѣ пѣвца, европейской славѣ, огромныхъ кушахъ. Тамъ онъ больше слушалъ, чѣмъ самъ говорилъ: просиживалъ до пѣтуховъ, въ волнахъ табачнаго дыма, и презиралъ свои порыванія на оперную сцену. Ему она представлялась гаерствомъ, сдѣлкой съ собственной совѣстью, измѣной дѣлу народа.

— Экая невидаль, — говорилъ онъ тогда, негодуя на самого себя, — экая невидаль, что у меня пять хорошихъ басовыхъ нотъ! Пожалуй, находились барыни, которыя и на мое обличье заглядывались. Такъ нешто изъ этого вытекаетъ, что я долженъ и съ „физиономіи“ своей взимать проценты? Этакъ какъ разъ и въ прелестницы мужского пола попадешь!

Этихъ „оборотовъ на себя“, какъ онъ самъ называлъ ихъ, Благомировъ пережилъ нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Петербургѣ. Вечеръ у Богучарова совсѣмъ отуманилъ его.

Но когда онъ проникъ въ свою комнатку, зажегъ свѣчу, снялъ тотчасъ же сапоги, чтобы никого не разбудить въ квартирѣ, и сѣлъ нераздѣтый на кровать, его опять началъ разбирать страхъ передъ артистической дорогой. Въ воображеніи мелькали огни оперной залы, и тамъ, гдѣ-нибудь въ Санъ-Карло или въ Скалѣ, гдѣ раздается всесвѣтная слава. Оттуда прямой ходъ въ Лондонъ, въ Парижъ. Только съ заграничною репутаціей и можно здѣсь, въ Петербургѣ, найти сразу восторженный приѣмъ, получать жалованье иностранныхъ знаменитостей. Но эти образы, миражи, расчеты сдѣлались ему опять противны. Все это „гешефтмахерство“, торговля собою, подлое хищничество, которое въ два-три года выѣстъ изъ души все, что въ ней есть великодушнаго и человѣчнаго.

Долго просидѣлъ онъ такъ, на кровати, съ низко опущенной головой. Онъ не могъ отдѣлаться ни отъ чередованья соблазнительныхъ образовъ, ни отъ страховъ за

свою душу, за потерю того, что онъ, до тѣхъ поръ, считалъ выше всякой славы и всякихъ кушей.

Онъ чуялъ, что вечеръ у Богучарова будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на его судьбу. Когда онъ, наконецъ, раздѣлся и легъ въ постель, въ головѣ его начали всплывать, чрезвычайно отчетливо и послѣдовательно, всѣ разговоры и споры, которые вызваны были имъ, его пѣніемъ, его талантомъ. И всѣ „разносы“ пріятеля его, хохла Скрыни, залегли въ его память.

„А вѣдь Скрыня вздоръ несетъ! — думалъ онъ, перебирая всѣ его доводы. — Добро бы еще былъ безусловно противъ всякаго искусства; а то проповѣдуетъ бунтъ противъ муштры, точно будто въ пѣніи, да и во всякомъ дѣлѣ, можно дѣйствовать, какъ Господь на душу положить! Чудачина!“

Но то, что проповѣдуетъ Скрыня, онъ находилъ и въ газетахъ, въ журналахъ, въ полемикахъ по вопросамъ объ искусствѣ, академіяхъ, самобытности и классицизмѣ. Когда онъ читалъ все это въ статьяхъ о живописи — ему казалось, что святая правда на сторонѣ самобытниковъ, заклятыхъ враговъ академіи, рутины, обязательнаго коптѣнія въ Италиі на казенный счетъ.

Но вотъ онъ самъ на распутьѣ, обладаетъ „феноменальнымъ“ голосомъ, — ему вспомнился этотъ возгласъ одного изъ гостей Богучарова, — есть у него и наружность, пригодная къ сценѣ, хоть онъ и не очень высокаго о своемъ „обличьѣ“ мнѣнія. Кажется, — чего же больше?.. Тяпъ-ляпъ и выйдетъ корабль: взялъ, костюмъ надѣлъ, да и дѣйствуй хоть въ „Пророкѣ“, какъ пророчить Богучаровъ.

„Чорта лысаго!“ — выбранился Благомировъ, заложивъ руки за голову, уперся ступнями въ задокъ слишкомъ короткой для него койки и сталъ думать еще энергичнѣе и спокойнѣе, не смущаясь уже больше тѣми образами славы, отъ которыхъ, за нѣсколько минутъ, отрецивался, какъ отъ навожденья сатаны.

Какъ бы не такъ: попробуй съ однимъ нутромъ и съ одной самобытностью выразить горломъ и легкими то, что композиторъ вложилъ въ свое твореніе, въ отдѣльную партію, и то, что ты самъ хотѣлъ бы прибавить своего, частичку собственной души!.. И всѣ твои порыванія и замыслы останутся мертвой буквой. Ты не будешь даже знать, какой силы звукъ пустить, чтобы тебя слышали

хорошо и въ райкѣ, и въ креслахъ, чтобы уши тѣхъ слушателей, кто сидитъ поближе, не страдали отъ твоей вокальной необузданности.

Да чего же ближе... взять хоть бы вечеръ у Богучарова... Онъ самъ чувствовалъ, какъ много у него пропадало въ аріи Руслана и въ романсѣ Глинки: „Какъ сладко съ тобою мнѣ быть...“ Въ душѣ-то у него одна окраска фразы, а выходитъ совсѣмъ по-другому: грубо или преувеличенно, или казенно, какъ у перваго попавшагося пѣвца изъ трактирнаго хора, на макарьевской ярмаркѣ... Нужды нѣтъ, что всѣ восхищались. Голосъ хорошъ, тембръ пріятенъ, и чувство есть, но искусства—ни на грошъ.

Кто же его дастъ, если не муштра, не учоба, не хорошій руководитель, такой, какъ этотъ Андреоли,—а потомъ Италія, Миланъ, Неаполь? И безъ того ужъ онъ до безобразія „великовозрастенъ“ для ученика, а музыкальная его грамотность — сомнительна. Вонъ какой-то студентъ-ухарь—онъ думалъ о Капцовѣ—смотритъ франтовато, офицеромъ, а и тотъ оказался куда музыкальнѣе его, на память ему прекрасно аккомпанировалъ, хотя его инструментъ не гитара, а мандолина; даже всѣ оттѣнки соблюдалъ. И такими любителями Петербургъ кишмя-кишитъ. Нынче всякая дѣвчурка норовитъ въ консерваторію, всѣ „съ листа“ читаютъ, въ концертахъ и театрахъ по партитурамъ за оркестромъ слѣдятъ. Куда же тутъ дѣнешься съ однимъ нутромъ?

„Да, Скрыня чушь несетъ!“ — рѣшилъ Благомировъ, продѣлавъ весь кругъ доводовъ. Былъ уже шестой часъ утра.

Тѣ студенческіе кружки, на Острову и на Выборгской, гдѣ онъ отводилъ душу въ бесѣдахъ о народѣ, о честномъ заработкѣ, о потребности положить всего себя на служеніе родинѣ, ушли куда-то вдаль. Не такія теперь времена. У Богучарова на него дохнулъ другой Петербургъ, нынѣшній, въ которомъ все въ почетѣ—и поклоненіе какимъ-то „декадентамъ“, и мандолина, и велосипедъ, и ученая музыка, и тонкости богатыхъ риѣмъ.

На этомъ онъ заснулъ.

XI.

Ермиловъ сговорился съ Андреоли быть у Званцева, чтобы заинтересовать его голосомъ феноменальнаго баса и подтолкнуть скучающаго богача на роль мецената. Онъ

не забылъ объ этомъ, и на третій день, позавтракавъ у Кюбà, пошелъ пѣшкомъ на Фонтанку, гдѣ, въ двухъэтажномъ особнякѣ, жилъ Званцевъ.

Егоръ Петровичъ уже нѣсколько дней чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Онъ скучалъ, и—что ему было очень обидно — просто скучалъ, какъ самый заурядный петербургскій вивёръ, не знающій, куда ему дѣваться... Еще третьягодня, у Богучарова, онъ почувствовалъ значительную потерю своихъ вкусовъ. Пишущая молодежь, какая тамъ собралась, казалась ему прежде занимательнѣе. Онъ больше радовался тому, что его литературныя идеи прививаются, что стихотворцы, въ родѣ графа Загарина, идутъ по стопамъ непогрѣшимаго сонетиста Хозе-Маріа Эредіа. Не сталъ онъ пускаться въ критическія оцѣнки и съ этимъ Луговиновымъ — писателемъ совсѣмъ особаго покроя. Онъ считалъ его разсудочно-уравновѣшеннымъ, не охотникомъ до новѣйшей реторики декадентовъ и до разныхъ виртуозностей формы. За ужиномъ они съ нимъ перекинулись десяткомъ фразъ, и въ другое время Егоръ Петровичъ сталъ бы его „штудировать“, прощупалъ бы его насчетъ знанія западныхъ литературъ, опредѣлилъ бы, что такое онъ изъ себя изображаетъ и какое эстетическое сredo вырабатываетъ себѣ. А тутъ никакого возбужденія онъ не ощутилъ въ себѣ... Да и теперь, отправляясь къ Званцеву, онъ спрашивалъ себя: стоить ли хлопотать о какомъ-то верзилѣ-семинаристѣ, изъ котораго выйдетъ и на сценѣ нѣчто въ родѣ октавы изъ архіерейскаго хора пѣвчихъ? И не все ли равно: будетъ ли такой семинаристъ самоучкой, или его отправятъ въ Италію? И всѣ споры и толки у Богучарова казались Ермилову наивными и безплодными.

Но онъ обѣщалъ Андреоли быть у Званцева къ двумъ часамъ и хотѣлъ сдержать слово.

Да, онъ скучаетъ—это несомнѣнно, совершенно такъ, какъ этотъ Званцевъ—богачъ и „европеецъ“, человѣкъ, который въ каждой другой странѣ игралъ бы видную роль, а въ Россіи проживаетъ то здѣсь, то тамъ, то въ своемъ домѣ, на Фонтанкѣ, то на Ривьерѣ, то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ... Онъ много учился, печаталъ за границей книжки, носитъ ученую степень, имѣетъ званіе члена-корреспондента двухъ заграничныхъ академій, одно время ушелъ—было въ земскую службу, жертвовалъ большія суммы на заведеніе ремесленныхъ училищъ и учительскихъ

семинарій, — и теперь прозябаетъ, почитываетъ книжки, не имѣетъ даже романа, о которомъ говорилъ бы весь Петербургъ. Впрочемъ, прежде бывали у него романы... По своему тѣлесному складу онъ долженъ быть чувственнымъ; но и это съ него слетѣло.

Ермиловъ всегда стыдилъ его, какъ онъ при огромныхъ средствахъ до такой степени равнодушенъ къ рѣдкостямъ, живетъ въ домѣ, отдѣланномъ ординарно, не собираетъ никакихъ „bibelots“, даже книги держитъ зря, во всѣхъ комнатахъ, гдѣ попало. Только къ музыкѣ у него осталось пристрастіе и къ хорошему пѣнію. Вотъ почему и можно будетъ заинтересовать его Благомировымъ. Европеизмъ Званцева отзывался чѣмъ-то не совсѣмъ пріятнымъ Егору Петровичу: смѣсью утомленія со скептицизмомъ русскаго богача-барина, давно покончившаго со всякимъ расшаркиваніемъ передъ Западомъ и даже передъ „последнимъ словомъ науки“.

— Викторъ Сергѣичъ у себя? — спросилъ Ермиловъ у швейцара, входя въ низкія сѣни особняка, гдѣ первый этажъ занималъ Званцевъ, а наверху жила его родственница-старуха, которая ему за квартиру ничего не платила.

Швейцаръ не пошелъ докладывать. Званцевъ получилъ записки отъ Ермилова и Андреоли и ждалъ ихъ. Обыкновенно онъ, тотчасъ послѣ завтрака — ѣлъ онъ много — ходилъ по Фонтанкѣ въ Лѣтній садъ, не взирая на погоду.

И на этотъ разъ, глядя на ясеневую мебель сѣней и передней, Ермиловъ возмущался такой казенщиной отдѣлки и зналъ, что, пройдя двѣ гостиныя и бильярдную, гдѣ висѣли три-четыре картины русскихъ пейзажистовъ, найдетъ хозяина въ пиджакѣ изъ верблюжьяго сукна, на кушеткѣ, съ книгой или съ какимъ-нибудь англійскимъ научнымъ журналомъ.

Хозяина онъ нашелъ на кушеткѣ, въ короткомъ вестонѣ изъ верблюжьяго сукна, съ книжкой въ рукахъ. При входѣ Ермилова въ кабинетъ—огромную комнату, всю въ шкапахъ съ книгами,—Званцевъ грузно приподнялся.

Онъ былъ выше его ростомъ, полный, почти толстый съ большой гривой сѣдѣющихъ волосъ и такой же большой бородой—наружность боярина или породистаго, нестарога бурмистра. Сѣрые круглые глаза смотрѣли ласково-немного затуманенные. Рука, бѣлая и маленькая, почти, женская, держала книгу на-отлетѣ.

При разговорѣ онъ на особый ладъ поводилъ крупнымъ ртомъ. Зубы сохранились и только немного пожелтѣли.

— Здравствуйте, здравствуйте!—скороговоркой привѣтствовалъ онъ Ермилова и бросилъ книгу на кушетку.

— Всегда „съ ужасной книжкою Гизота“? — спросилъ Ермиловъ, любившій озадачить стихомъ Пушкина, и, бросивъ взглядъ на обложку, добавилъ:—Аглицкое?

— Да, это журналъ „Mind“... Статью объ отдѣлахъ душевнаго трансферта просматривалъ.

— Модникъ, модникъ вы, Викторъ Сергѣичъ, по части точной науки!

— Зато куда же намъ противъ васъ по части натурализма и бодлэризма!

И Званцевъ разсмѣялся задержаннымъ смѣхомъ грузнаго мужчины.

— Что же вѣщаетъ наука?..

— Замѣчательные опыты... Только англичане построже къ нимъ относятся, чѣмъ парижская школа Шаркò... Знаете, тамъ ассистенты—или, какъ въ Москвѣ говорятъ, молодцы — хотятъ выслужиться передъ главой школы и очень ужъ усердствуютъ... Присядьте, присядьте!..

У Званцева сохранилась какая-то не то застѣнчивость, не то тревожность, когда онъ принималъ у себя кого-нибудь. Это настроеніе усиливалось при женщинахъ. Тогда онъ начиналъ ёрзать въ креслѣ, потирать себѣ колѣни и смѣяться короткимъ, задержаннымъ смѣхомъ. Кажется, онъ немного стыдился своей полноты.

— Мы съ Андреоли хотимъ, Викторъ Сергѣичъ, обратиться къ вашему сердцу покровителя искусствъ.

— Андреоли уже былъ у меня.

— Сегодня?

— Да, сейчасъ. Просить извинить его. Онъ ждетъ васъ у mademoiselle Карусъ... Я обѣщалъ быть у нея на-дняхъ, вечеромъ, послушать вашего семинариста съ феноменальнымъ басомъ...

Усмѣшка пронеслась по его еще очень свѣжему рту.

— Будемъ бить вамъ челомъ!

— Что жъ!.. Я не прочь!.. Пускай поѣдетъ поучиться. Только изъ нихъ тамъ, въ Миланѣ, выходятъ великіе аферисты. Потомъ онъ, безъ голоса, будетъ насъ угощать своей особой лѣтъ десять-двадцать, ловко эксплоатировать дирекцію...

Разговоръ о Благомировѣ оборвался. Ермиловъ почув-

ствовалъ, что онъ ничѣмъ не заряженъ, и что у него нѣтъ даже охоты о чемъ-нибудь съ интересомъ бесѣдовать. Это его кольнуло и огорчило.

— А какихъ вы чувствъ къ дѣвицѣ Карусь?—спросилъ онъ, садясь въ кресло, у стола, гдѣ началъ перебирать иностранные брошюры и журналы.

— Чувствъ самыхъ нормальныхъ,—отвѣтилъ Званцевъ и опустился опять на кушетку.

— Къ женщинѣ?..

— Да и къ пѣвицѣ также... Есть темпераментъ; но тронута цыганщиной, смѣсью Италіи съ рестораномъ „Стрѣльна“.

— Совершенно вѣрно... Какъ женщина, она вызываетъ трагическіе кризисы въ людяхъ нашихъ лѣтъ...

— И это возможно!.. Особа эффе́ктная; можетъ и юношу довести до градуса...

Ермиловъ подумалъ въ эту минуту о Гремущинѣ и немного оживился.

— Да, — выговорилъ онъ медленно и обернувшись лицомъ къ Званцеву, — есть одинъ маньякъ, врѣзавшійся въ нее послѣ двадцати лѣтъ безупречной добродѣтели, какъ мужъ и отецъ семейства... Смѣшновато! А, быть-можетъ, въ этомъ и счастье, на поворотѣ къ старости — вы какъ думаете, Викторъ Сергѣичъ?

— Счастье? — переспросилъ Званцевъ и потянулся. — Боже избави!.. Та полоса жизни, когда женщина владе́тъ вами, — самая постыдная, полная унижительныхъ ощуще́ній.

— Будто?.. Я не скажу!..

— Потому, видно, что васъ никогда не забирала страсть.

— Не скрываю, страсти я не зналъ.

— А знали *la petite bagatelle*... И когда пойдете подъ гору, будетъ досаднѣе, чѣмъ если бы вы потратили, кромѣ темперамента, и многое другое...

Званцевъ не договорилъ и разсмѣялся все тѣмъ же короткимъ смѣхомъ.

— Это — итоги скучающаго человѣка, — заговорилъ Ермиловъ.

— А вамъ весело?—болѣе рѣзко спросилъ Званцевъ.

— На вашемъ бы мѣстѣ, я, конечно, не закисалъ въ Петербургѣ.

— Ахъ, милый мой! — Званцевъ вкусно зѣвнулъ и потянулся. — Вы уже нѣсколько разъ тянули меня на За-

падъ, въ добровольное изгнаніе. Продѣлывалъ я и тамъ все, что просвѣщенный россіянинъ, мнящій себя солью земли, можетъ продѣлывать. И все-таки вы остаетесь для нихъ, для вашихъ пріятелей и собратовъ на берегахъ Сены или Темзы, или Арно, съ бока припѣка... Un mangeur de chandelles... И кончите ролью шляющагося русскаго интеллигента... Лучше ужъ быть петербургскимъ обывателемъ, а туда ѣздить, когда здоровье потребуетъ.

Ермилову не хотѣлось спорить. Онъ даже не находилъ въ себѣ доводовъ закоренѣлаго любителя „заграницы“ и сказалъ только:

— Однако!.. Однѣ женщины стоятъ чего-нибудь!.. Какое же сравненіе! Здѣсь такъ плохо, такъ плохо по этой части. А въ Москвѣ еще плоше.

— А знаете,—перебилъ его Званцевъ,—чѣмъ кончишь тамъ?—и онъ протянулъ въ воздухъ своей пухлой, бѣлой рукой,—старческимъ садизмомъ. Я такихъ богачей, случалось, встрѣчалъ... У него уже нѣтъ никакой прицѣпки къ жизни. Глаза потухли, ноги еле волочить... Спрашиваешь его: что же вы любите?.. „Jung girls“,—шамкаетъ этакой старичина. И вотъ вамъ картинка изъ обличеній газеты „Pall-Mall“. Притоны, звѣрскій развратъ...

— Oh-la-la! Викторъ Сергѣичъ! Какой суровый морализмъ!.. Мы начинаемъ старѣть!..

— Да какъ вамъ сказать — я желалъ бы поскорѣе совсѣмъ забастовать.

— Этотъ пессимизмъ у васъ совсѣмъ недавняго происхожденія!—веселѣе замѣтилъ Ермиловъ, продолжая анализировать самого себя... Ему дѣлалось все скучнѣе и скучнѣе, хотя хозяинъ былъ положительно умный чловѣкъ, занимательный по своему прошедшему, способный все понять, если не всѣмъ заинтересоваться.

— Пессимизмъ,—отвѣтилъ серьезно Званцевъ,—глупая мода... Это послѣдній бунтъ метафизики и мистицизма противъ точнаго знанія. Я имъ не зашибаюсь.

Онъ спустилъ ноги съ кушетки и спросилъ гостя совсѣмъ другимъ, болѣе шутливымъ тономъ:

— Voulez-vous un madère?

— Volontiers,—отвѣтилъ ему въ тонъ Ермиловъ и повернулся на каблукъ.

Онъ былъ радъ, что явится какая-нибудь диверсія отъ этого разговора, и рюмка хорошаго вина, быть-можетъ, освободитъ его отъ непріятнаго окисленія.

ХІІ.

Къ Малой Морской Ермиловъ подвигался лѣниво. Посѣщеніе Званцева, разговоръ, завязавшійся тамъ на довольно-таки тошную тему и не пропадающее чувство прѣсноты и пустоты настраивали его на небывалый для него ладъ... Онъ искалъ объясненія такому отсутствію жизненныхъ аппетитовъ, и остановился на двухъ причинахъ: умственный голодъ и голодъ чувственный... Занятія по дѣламъ его патроновъ требовали поѣздокъ въ Москву, изрѣдка въ провинцію, но не могли наполнять всего времени. Оставалось все-таки слишкомъ много досуга, да и сами по себѣ эти занятія всегда имѣли для него нѣчто — не то что унизительное, а не особенно почетное. Онъ о нихъ не говорилъ даже съ ближайшими пріятелями.

Чувственный голодъ давалъ себя знать въ особой, еще не испытанной имъ, формѣ. Онъ упрекалъ себя въ слишкомъ большой осторожности. Исторія съ Анной Гавриловной всплывала въ его памяти все чаще и странно щемила его. Правда, онъ ушелъ отъ опасности брачнаго хомута, но зато ничего не выигралъ. И онъ же сдѣлался виновникомъ того, что такая привлекательная женщина, изъ *dépit amoureux*, изъ-за обиды, которую онъ ей нанесъ, „выскочила“ замужъ за какого-то ловкаго доцентика. Этого онъ себѣ простить не могъ.

Въ Петербургѣ у него не было подобія какого-нибудь интереса. Года надвигались, и щеголянье темпераментомъ дѣлалось все опаснѣе, да и не окупалось новизной... Все та же вереница скучныхъ встрѣчъ съ легкими особами второго и третьяго сорта. Онъ радъ былъ бы круто повернуть въ сторону флѣрта съ свѣтскими женщинами или съ дѣвицами; но ему казалось, что онъ потерялъ съ ними тонъ.

Егоръ Петровичъ, быть-можетъ, въ первый разъ, испытывалъ то, что онъ способенъ былъ, по своей слабости къ новымъ терминамъ, назвать „диспепсіей души“.

Предстоящій визитъ къ Карусъ, гдѣ ждалъ Андреоли, не привлекалъ его.

Онъ вошелъ въ швейцарскую отеля и самъ сталъ искать на доскѣ, въ какомъ номерѣ живетъ Доротея Васильевна Карусъ.

Глаза его остановились на знакомомъ имени, но онъ не сразу сообразилъ, кто это. Подъ номерами двадца-

тымъ и двадцать первымъ стояло: „г-нъ и г-жа Куликовы“.

„Да вѣдь это она!..“

Ермиловъ почувствовалъ, что очень обрадовался... Онъ ни одной секунды не остановился на непріятномъ фактѣ присутствія мужа, этого доцентика.

— Куликовы дома?—радостно и стремительно спросилъ онъ у швейцара.

— Сами они вышли, а барыня у себя, — отвѣтилъ обстоятельно швейцаръ и сейчасъ же прибавилъ:— Во второмъ этажѣ, по правую руку отъ площадки... Послѣ коридорный укажетъ...

Про Карусъ Ермиловъ даже не спросилъ. Онъ отдавался какому-то новому чувству, не то любопытства, не то тревоги. По лѣстницѣ шагаль онъ ускоренно, и лицо его получило выраженіе радостной озабоченности.

На площадкѣ стоялъ, облокотившись о перила лѣстницы, номерной.

— Въ номеръ двадцатый направо?—увѣренно спросилъ Ермиловъ, и вошелъ въ темноватый коридоръ, гдѣ ему надо было вглядываться въ номера.

Въ замкѣ одной изъ дверей торчалъ ключъ. Ермиловъ постучался. Оттуда ему что-то отвѣтили. Онъ смутно узналъ голосъ Анны Гавриловны, и кровь прилила ему къ лицу.

Маленькая передняя стояла совсѣмъ темной. Онъ подошелъ къ двери въ первую комнату—гостиную, довольно большую, и окликнулъ:

— Анна Гавриловна у себя?

Ему показалось, что голосъ у него дрогнулъ.

— У себя!—отвѣтили ему.

Голосъ былъ несомнѣнно ея, такой же сочный, какъ и въ Москвѣ, но какъ будто пониже—голосъ женщины, а не дѣвушки.

Онъ торопливо скинулъ свою бекешъ и быстро вошелъ.

Посрединѣ первой комнаты стояла Анна Гавриловна въ пеньюарѣ, который онъ тотчасъ узналъ. Тѣ же наливныя бѣлыя руки выглядывали изъ разрѣза рукавовъ, и голова была причесана также къ лицу. Въ ушахъ блестяло по крупному брильянту.

— А!.. Юрій Петровичъ! Здравствуйте!

Это „здравствуйте“ прошло по немъ холодной струйкой. Глаза ея, длинные и узкіе, смотрѣли на него ве-

село и сухо, зубы блестѣли и ротъ поводила усмѣшка женщины, съ которой слетѣло, въ нѣсколько дней, все дѣвичье.

Но этотъ пріемъ—свѣтски совершенно безупречный — отдался у него гдѣ-то внутри, и онъ не смогъ ничего сказать ей своего, какой-нибудь остроты, сдѣлать цитату или лицомъ выразить одну изъ его любимыхъ минъ.

И все-таки онъ обрадовался ей и—совсѣмъ взвинченный—уже забылъ, какъ десять минутъ передъ тѣмъ ему прѣсно жилось въ Петербургѣ.

— Это очень мило, что зашли!.. Садитесь. Вы узнали отъ кого-нибудь изъ московскихъ о нашемъ пріѣздѣ?

Слова ея продолжали дышать на него холодкомъ.

Она сѣла въ большое кресло у стола,—такъ же какъ и въ своей гостиной на Патріаршихъ-Прудахъ. По другую сторону стола сѣлъ и онъ, но поза вышла у него совсѣмъ иная. Ему захотѣлось протянуть ей руку еще разъ—ихъ рукопожатіе вышло какое-то отрывистое—и долго глядѣть на нее, и отдаться чувству мало знакомой ему жуткости, и заговорить задумчиво, по-московски.

Но ея видъ и тонъ продолжали обдавать его свѣжестью. Она вся была преисполнена цѣльности, довольства, чего-то непроницаемаго и прочнаго.

— Я еще хорошенько не поздравилъ васъ, — сказалъ Ермиловъ съ наклономъ головы и подался впередъ всѣмъ корпусомъ.

— И даже не поинтересовались узнать, когда была моя свадьба,—отвѣтила ему въ тонъ Анна Гавриловна.

Этотъ упрекъ дышалъ на него все тѣмъ же холодкомъ. Онъ могъ принять ея слова за намекъ на то, что онъ разсердился и уѣхалъ изъ Москвы, даже не простившись съ нею.

Она прибавила:

— Вы, Юрій Петровичъ, какъ-то улетучились тогда... Москва, видно, очень прискучила!..

Здѣсь, въ Петербургѣ, ея языкъ, съ чисто-московскими оборотами, выступалъ рѣзче, но ему правилась своеобразность ея рѣчи, и не одно это, а вся она, ея туалетъ, напоминавшій ему домикъ на Патріаршихъ-Прудахъ, прическа, изумительная шея, выраженіе ея длинныхъ, узковатыхъ глазъ, гдѣ сидѣло что-то новое, властное и говорившее о томъ, что она женщина, что она знала уже радости супружества, но еще не любила. Онъ знавалъ этотъ

взглядъ у другихъ очень молодыхъ женщинъ, замужнихъ и незамужнихъ, добродѣтельныхъ и порочныхъ. Этотъ взглядъ всегда складывается въ породистыхъ женщинахъ.

Онъ терялъ свою увѣренность, не могъ направить разговоръ такъ, какъ ему бы хотѣлось, испытывалъ даже нѣчто совсѣмъ новое — ребяческое недовольство собою за неумѣнье дать этой первой бесѣдѣ съ-глазу-на-глазъ такой оттѣнокъ, какой всего прямѣе отвѣчалъ бы его настроенію.

И вдругъ злость на „приватдоцента“, точно игла, уколола его въ сердце. Вѣдь онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ... И всего этого не было бы, если бы онъ, Ермиловъ, не испугался, какъ старый брюзга-холостякъ, не повелъ себя такъ на-сторожѣ. Она ждала его, сани понесли бы ихъ въ паркъ, въ Петровское, тамъ ресторанъ...

„А потомъ?“ — спросилъ онъ себя.

„А потомъ — ты бы обладалъ ею, несчастный... И она стала бы твоей женой, не съ тѣмъ чувствомъ, какое имѣетъ къ своему доценту. Развѣ такая женщина не стоитъ твоей свободы, никому не нужной, постылой и тебѣ самому?.. Радуйся!“

— А вашъ благовѣрный? — вдругъ спросилъ Ермиловъ, и слово „благовѣрный“ зазвучало фальшивой нотой.

„Глупо, глупо!“ — прикрикнулъ онъ на себя мысленно.

— Мой благовѣрный, — отвѣтила она ему безстрастно и вяло, — поѣхалъ по Петербургу; у него множество дѣлъ и знакомствъ, въ редакціяхъ, въ министерствахъ... Я его не видала съ утра, — и мы должны съѣхаться, передъ обѣдомъ, въ одномъ московскомъ домѣ.

— У кого? — съ нескрываемымъ любопытствомъ спросилъ Ермиловъ.

— У Канцова.

— Это мой товарищъ!.. Такъ я васъ задерживаю, вамъ нужно переѣхать въ туалетъ.

Онъ всталъ совсѣмъ разстроенный. Поднялась съ мѣста и Анна Гавриловна.

— Спасибо, что навѣстили... Вы отъ кого узнали, что мы здѣсь?

— Я прочелъ на доскѣ вашу фамилію.

— А!.. вы были у mademoiselle Карусъ?

И она тихо разсмѣялась, а глаза ея подсказали: „ты вѣренъ себѣ — все такой же безпутный, старѣющій селадонъ“.

Онъ въ первый разъ въ своей жизни потупился и сталъ краснѣть. Это заставило его торопливо и шумно проститься съ нею.

Въ коридорѣ онъ остановился у перилъ и громко перевелъ духъ. Его лобъ былъ влаженъ.

ХІІІ.

Своими добрыми глазами, со слезою, Порфирій Николаевичъ оглядывалъ сидѣвшаго у него въ кабинетѣ Кустарева. Былъ часъ третій. Въ комнатѣ лежалъ полусумракъ. Московскій товарищъ Капцова только что разсказалъ ему про болѣзнь жены, на которую переѣздъ по желѣзной дорогѣ подѣйствовалъ очень дурно, и про свое безпокойство насчетъ заграничнаго паспорта.

Исторію съ Сохинымъ Кустаревъ передалъ ему еще разъ.

— Мы все уладимъ, голубчикъ, — говорилъ Порфирій Николаевичъ, держа товарища за руку. — Паспортъ ты получишь. Но меня глубоко возмущаетъ поведеніе этого Сохина...

Онъ не досказалъ. Его пронизала мысль, что другъ ихъ дома, достаточно ему ненавистный адвокатъ Малышевъ, — пріятель этого самаго Сохина.

— Такія времена, милый другъ, — отвѣтилъ Кустаревъ и закурилъ свѣжую папиросу.

Онъ сидѣлъ сильно сгорбившись, одѣтъ былъ въ черный сюртукъ, и воротникъ крахмаленной рубашки сильно его безпокоилъ. Для Петербурга онъ сдѣлалъ уступку — разстался съ косымъ воротомъ.

Въ коридорѣ раздались скрипучіе шаги. Капцовъ узналъ походку Малышева. Это заставило его сдѣлать нервное движеніе пальцами по волосамъ.

— Что ты? — спросилъ Кустаревъ.

— Незванный гость — хуже татарина! — вполголоса проговорилъ Капцовъ.

Дверь чуть отворили. На порогѣ стоялъ Малышевъ — высокій, костляваго сложенія брюнетъ, съ лысиной; желчное худое лицо съ узкими бакенбардами придавало всему ему видъ офиціанта. Онъ былъ во фракѣ со значкомъ. На видъ ему казалось лѣтъ подъ сорокъ.

— У васъ гость!.. — выговорилъ онъ немного въ носъ, и послѣ маленькаго колебанія вошелъ въ кабинетъ.

Капцовъ принужденно улыбнулся и указалъ рукой на Кустарева.

— Мой товарищъ, Евменій Филипповичъ Кустаревъ... изъ Москвы. Господинъ Малышевъ.

Это „господинъ“ стоило немалыхъ усилій Капцову.

Кустаревъ и Малышевъ молча поклонились другъ другу и руки не подали.

— Порфирій Николаевичъ, — Малышевъ произносилъ слова сквозь свои тонкія, безкровныя губы, — я давно хотѣлъ представить вамъ моего, тоже московскаго, пріятеля Сохина. Мнѣ сказали ваши дамы, что у васъ сидитъ господинъ Кустаревъ. Быть-можетъ, имъ, — онъ указалъ рукой на Кустарева, — будетъ несовсѣмъ пріятно встрѣтиться. Онъ посидитъ тамъ, въ гостиной, съ дамами. Вы выйдете къ нему позднѣе...

Порфирій Николаевичъ сталъ ерошить волосы, взглянулъ на Кустарева, прошелся въ уголъ кабинета и оттуда отвѣтилъ:

— Извините меня, Несторъ Евсеичъ. Я не могу-съ.

— Чего не можете? — спросилъ съ улыбкой Малышевъ. — Принять гостя, котораго я привезъ?

— Именно-съ.

Щеки Порфирія Николаевича пошли пятнами. Онъ обдергивалъ борты домашняго сюртучка и нервно покашливалъ.

— Порфирій! — сказалъ вполголоса Кустаревъ и приподнялся. — Пожалуйста, не нужно этого... ежели мое присутствіе...

— Пожалуйста, душа моя, сиди, сиди!..

И Капцовъ началъ усаживать Кустарева.

— Однако! — заговорилъ опять Малышевъ своей носовой дикціей и переминался съ ноги на ногу. — Такъ будетъ крайне неделикатно. Я предупреждалъ, я просилъ позволенія у Лидіи Степановны привезти Сохина... И вы сами ничего не возражали... И вдругъ теперь такой репримандъ неожиданный!

Онъ засмѣялся сквозь свои желтыя, сухія губы.

„Теперь или никогда!“ — повторялъ Капцовъ про себя, чувствуя, что присутствіе Кустарева помогаетъ ему выказать больше характера. Случись это въ другое время, когда онъ одинъ, Малышевъ прямо привелъ бы Сохина, и у него не хватило бы мужества крикнуть: „я не желаю знакомства съ нимъ; по какому праву приводите вы ко

мнѣ подобныхъ господъ? Я и васъ-то попросилъ бы не посѣщать мой домъ!“

Послѣдней фразы Порфирій Николаевичъ и теперь не въ силахъ былъ произнести, хотя она и клокотала у него въ груди; но если бы Малышевъ позволилъ себѣ, въ присутствіи его друга, что-нибудь особенно дерзкое и злобное, онъ, быть-можетъ, пошелъ бы и на такой протестъ.

— Позвольте-съ, — заговорилъ онъ изъ своего угла, — позвольте-съ. Я не давалъ вамъ разрѣшенія вводить въ мой домъ господина Сохина.

— Онъ тоже вашъ товарищъ по университету, — возразилъ Малышевъ.

— Мало ли что-съ!.. Разные бываютъ товарищи. Университетъ, къ сожалѣнію, ни отъ чего не гарантируетъ. Напримѣръ, отъ ренегатства!..

— Позвольте! — почти повелительно перебилъ Малышевъ. — Я не могу допустить такихъ выраженій!..

— Я своихъ словъ назадъ не возьму! — съ дрожью въ голосъ проговорилъ Порфирій Николаевичъ. — Насчетъ господина Сохина я вамъ своего согласія не давалъ-съ!.. Не давалъ-съ!.. Вы изволили мнѣ его навязывать, не обращая вниманія на то, что это мнѣ было крайне непріятно... Какъ и многое другое... Какъ и многое другое...

Это былъ кульминаціонный пунктъ... Капли пота выступили на высокомъ, бѣломъ лбу Капцова. Голосъ его измѣнился, сталъ гораздо звончѣе, и выговаривалъ онъ слова безъ всякаго смягченія звуковъ.

Кустаревъ не могъ даже воздержаться отъ улыбки: до такой степени его товарищъ и другъ — „божья коровка“ Капцовъ — былъ неузнаваемъ.

— Вы это серьезно? — проскандировалъ Малышевъ свой вопросъ.

— Совершенно-съ! Совершенно-съ!..

— Стало, вы и мнѣ этимъ наносите... ничѣмъ, смѣю думать, незаслуженный ударъ... Я не могу допустить такого безцеремоннаго отношенія, любезнѣйшій Порфирій Николаевичъ. Мой другъ и пріятель, Сохинъ, имѣлъ основаніе не раздѣлять воззрѣній разныхъ лже-либераловъ и радикаловъ, промышляющихъ своимъ дешевымъ товаромъ...

Тутъ Кустаревъ сдѣлалъ шага два впередъ и обратился къ Капцову.

— Мнѣ лучше удалиться,—сказалъ онъ, тряхнувъ головой.—Что же тебѣ, Порфирій, въ чужомъ пиру да похмелье принимать. Только я попросилъ бы твоего гостя радикаловъ и ихъ дешевый товаръ оставить въ покоѣ. Товаръ этотъ, во всякомъ случаѣ, менѣе подмоченный и зловонный, чѣмъ тотъ, какимъ промышляютъ иные изъ его друзей и пріятелей.

Тирада вышла тяжеловата, но Кустаревъ вбивалъ точно гвоздемъ каждое слово, и оно разносилось по комнатѣ съ особенной отчетливостью.

Малышевъ весь позеленѣлъ и попятился назадъ.

— Извините, я въ такомъ тонѣ разговаривать не желаю, особливо въ присутствіи третьяго лица.

Онъ захлопнулъ дверь съ шумомъ.

— Какъ угодно-съ!—почти крикнулъ ему вслѣдъ Порфирій Николаевичъ.—Голубчикъ!—и онъ бросился къ Кустареву, взялъ его за руку, привлекъ на кушетку и усадилъ рядомъ съ собой.—Ты оцѣнилъ эту уксусную, искариотскую фигуру. Византіецъ, изволите видѣть, археологіей занимается, вмѣстѣ съ кляузными дѣлами и конкурсами по банкротствамъ, охранитель древне-русскихъ началъ и ренегата Сохина благопріятель!..

— Да зачѣмъ было, Порфирій? Точно все это изъ-за меня!..

Кустаревъ морщилъ лицо, но глаза его глядѣли на Капцова возбужденно и съ одобреніемъ.

— Ахъ, оставь! Ахъ, оставь! Я тебѣ въ ножки поклонюсь.

— За что, дружище?

— Ты мнѣ придалъ духу. Каюсь въ своемъ жалкомъ малодушіи,—Капцовъ понизилъ тонъ,—въ отсутствіи чувства достоинства.

— Съ какой стати?

— Нѣтъ, ты меня не выгораживай! Постыдно имѣть такой характеръ, какъ мой. Это совсѣмъ не доброта. Вотъ больше няти лѣтъ терплю этого византійца. Въ домѣ онъ такъ себя поставилъ, какъ въ католическихъ семьяхъ пaterъ какой, руководитель совѣсти. Жена преклоняется передъ нимъ.

Порфирій Николаевичъ точно спохватился, не сказалъ ли чего-нибудь лишняго. Но вслѣдъ затѣмъ махнулъ рукой и продолжалъ такъ же горячо, не понижая уже больше голоса:

— Я обязанъ былъ бы выяснить роль этого чичисбея на лампадномъ маслѣ,—онъ наклонился надъ ухомъ Кустарева, — какъ мужъ и отецъ... Или просто-напросто объявить, что я этой рожи не желаю видѣть въ моей квартирѣ.

— Такъ бы и сдѣлалъ!..

— Ты, конечно, не задумался бы поступить точно такъ... ты—Евменій Кустаревъ,—а не я!

Капцовъ вскочилъ съ мѣста и въ волненіи, которое получило новый оттѣнокъ, заходилъ по кабинету.

— Несчастье родиться съ натуришкой, какъ моя!.. Но что объ этомъ... Гадость!.. Вотъ ты поживешь здѣсь съ недѣлку... Помоги ты мнѣ выкурить господина Малышева! А Сохина, чтобы и духу не было! Это, наконецъ, паскудство!

Улыбка опять прошла по губамъ Кустарева. Не вѣрить онъ въ продолжительность такой отваги въ своемъ другѣ и товарищѣ. Но ему, кромѣ того, было и несовсѣмъ пріятно, что изъ-за него вышла такая сцена.

— Порфирій!—тихо началъ онъ.—Ты все равно не выдержишь!

— Какъ это не выдержи?

— Ну, быть-можетъ, съ недѣлку покрѣпишься, а тамъ опять осядешься. Чтò дѣлать, другъ! Выше своей „физики“ не прыгнешь. На твоёмъ бы мѣстѣ я себя такъ поставилъ: дѣлайте, молъ, чтò хотите, принимайте кого угодно—я умываю руки; но только условіе одно—на васъ я больше не работникъ.

— Именно!.. Сотни разъ я рѣшалъ это!

— Только выполнить не осмѣливался! Да и въ этотъ разъ не посмѣешь. И будешь тянуть свою лямку. Жаль мнѣ тебя до чрезвычайности. Вся-то ваша петербургская поганая жизнь выѣденнаго яйца не стоитъ. А ты—какъ каторжный.

— Не говори!

Другъ растравлялъ его душу. Онъ чувствовалъ злую правду въ словахъ Кустарева. Ничего не будетъ изъ его вспышки, и Малышевъ станетъ играть въ его домѣ ту же роль, а онъ самъ, послѣ нѣсколькихъ разносовъ, которыми угостить его Лидія Степановна, примется носить свое ярмо и работать на жуирство и транжирство семьи.

— Не красна моя доля,—говорилъ Кустаревъ,—особливо

теперь, съ болѣзнью Риты, а, ей-Богу, я ее не промѣняю на твою.

Оба замekli. Капцовъ, совсѣмъ разстроенный, присѣлъ въ свое кресло, опустилъ низко голову и повторялъ чуть слышно:

— Господи! Господи!.. Что за натуришка! Что за натуришка!

XIV.

Только что Порфирій Николаевичъ проводилъ Кустарева и вернулся въ кабинетъ, чтобы снять рабочій сюртукъ и натянуть вицмундиръ, къ нему вошла Лидія Степановна.

Онъ не успѣлъ приготовиться къ объясненію, да и провожая московскаго друга въ переднюю, уже чувствовалъ, что не удержитъ позиціи, какую принялъ передъ Малышевымъ.

Лидія Степановна имѣла съ нимъ неизмѣнную манеру. Она не возвышала голоса, не прибѣгала къ истерикамъ, не нападала на него, а говорила тономъ рѣшеннаго дѣла, противъ котораго возражать нечего. Но на этотъ разъ обстоятельство было особенное. Мужъ ея повелъ себя съ ея другомъ такъ, что, кромѣ Сохина, тутъ сказался и другой мотивъ. До объясненій на эту тему не слѣдовало допускать Порфирія Николаевича.

Она сѣла въ кресло, поглядѣла на мужа пристально и скороговоркой сказала:

— Порфирій Николаевичъ! Я, сколько могла, смягчила вашу выходку. Мы съ Несторомъ Евсеичемъ извинились передъ м-г Сохинымъ.

— Это ваше дѣло, — перебилъ Капцовъ и пошелъ къ шкапу, гдѣ у него висѣло платье.

— Вы теперь слишкомъ раздражены, и я не стану вамъ говорить о томъ, какъ вы оскорбили человѣка, ни въ чемъ противъ васъ не провинившагося. Я не за этимъ пришла. Черезъ пять дней у насъ—вечеръ... съ катаньемъ на тройкахъ. Я васъ предупреждала... сдѣланы приглашенія. И ваши московскіе будутъ. Жена этого молодого профессора... или какъ тамъ его... доцента—madame Куликова. Она—красивая бабочка. Я хочу сдѣлать это по-экономнѣе, но меньше четырехсотъ рублей это не можетъ обойтись.

— Четыреста!—вздохнулъ Капцовъ.

Но этотъ вздохъ былъ скорѣе вздохомъ облегченія. Онъ ожидалъ совсѣмъ не того. Его боязливая душа уже почувала возможность болѣе тихаго выхода. Денегъ онъ дастъ—заработаетъ. Къ чему тогда начинать исторію о Малышевѣ?! Только разбереживать рану! Развѣ жена пойдетъ на запоздалыя признанія?.. Да и зачѣмъ они ему самому? Лучше окончательно закрыть на все глаза... Можетъ-быть, это только его подозрительность. Выгнать изъ дома друга Лидіи Степановны онъ не посмѣетъ. Она преспокойно будетъ его принимать; а не кланяться ему—выйдетъ еще хуже.

— Да, это самая скромная цифра,—продолжала Лидія Степановна, какъ ни въ чемъ не бывало, точно она только объ этомъ и пришла перетолковать съ нимъ.—Соберутся у насъ... чай, фрукты, потомъ десять троекъ...

— Десять! — повторилъ опять со вздохомъ Порфирій Николаевичъ.

— Меньше никакъ нельзя. По семи рублей, по крайней мѣрѣ. Нельзя же заставлять платить гостей. Горы—въ „Аркадіи“. Тамъ мелкіе faux frais... Ужинъ... тапёръ. Маркъ Саввичъ...

— Кто это?

— Ахъ, Боже мой! Ты вѣчно забываешь фамиліи. Габзинъ!.. Человѣкъ интересуется серьезно его дочерью, а онъ спрашиваетъ: кто это? Маркъ Саввичъ предлагалъ устроить этотъ вечеръ отъ себя; но я не согласилась. Съ какой же стати на его счетъ! На этотъ пикникъ я сильно рассчитываю для Дины.

И тутъ онъ промолчалъ. Чтò ему говорить?.. Дочь давно ускользнула изъ-подъ его отеческаго надзора, такъ же какъ и сынъ. Выбрать ей мужа онъ не беретъ. Онъ многихъ и въ лицо-то не знаетъ изъ молодыхъ людей, посѣщающихъ гостиную Лидіи Степановны.

— Твоего московскаго товарища мы приглашать не будемъ. А у тебя въ этотъ вечеръ засѣданіе. И прекрасно.

Она встала.

— Передъ Несторомъ Евсеичемъ я за тебя уже извинилась. Кажется, онъ тебя своими посѣщеніями не беспокоитъ. Надо еще удивляться тому, что онъ такъ снисходителенъ... съ его гордостью. До сихъ поръ у насъ никакихъ такихъ сценъ не бывало. Прошу тебя, чтобы и впередъ ихъ не было. Деньги не сразу нужны. Много

по счетамъ позднѣе заплатимъ; но рублей полтораста надо приготовить непременно. Для дочери прекрасная партія— не грѣхъ раскошелиться.

Порфирій Николаевичъ на это ничего не сказалъ и торпливо началъ надѣвать вицмундиръ, когда жена его взялась за ручку двери.

Всею обиднѣе было для него то, что ему сказалъ Кустаревъ. Такимъ онъ и останется. Ну, просватаетъ Лидія Степановна Дину за инженера, найдетъ дочь выгодную партію, надо будетъ дѣлать приданое, потребуется сумма не въ одну тысячу рублей, придется искать экстраординарныхъ заработковъ.

Вотъ и эти четыреста рублей на какой-то нелѣпый пикникъ, съ тройками, катаньемъ на горахъ, ужиномъ, танцами. Какая это школа для молодой дѣвушки?! Поѣздка въ „кабакъ“, гдѣ въ зимнемъ саду шатаются пьяные купчики. И такъ каждый почти день. Безпробудный плясъ, заказы новыхъ туалетовъ, франтовство, дурные вкусы. И мать, и дочь, и сынъ въ вѣчной стачкѣ противъ него, и ему остается только смириться.

Выдадутъ Дину замужъ, но Лидія Степановна не закроетъ своей гостиной. Гриша поступитъ вольноопредѣляющимся въ кавалерію. Пойдутъ новые поборы съ отца. Лошадь, угощеніе товарищей, а потомъ—офицерское приданое, еще лошадь. И конца этому не будетъ.

Порфирій Николаевичъ все еще ходилъ по кабинету, хотя ему давно пора было ѣхать. Свѣтлыя пуговицы вицмундира мелькнули въ зеркалѣ. Ему этотъ чиновничій видъ показался особенно мизернымъ, и вся эта служебная дорога, съ расчетами на повышение, на усиленный окладъ, на награды, хапанье частныхъ мѣстъ—до отвращенія противной и гнусной. Онъ не могъ оторваться отъ мысли о Кустаревѣ. Тотъ не кичится своимъ гражданскимъ мужествомъ, а несетъ бремя жизни гордо и самоотверженно; не тужить о томъ, что самъ не захотѣлъ оставаться на государственныхъ харчахъ. Его тѣснятъ, дѣлаютъ ему каверзы, средствъ мало, жена больная, надо усиленно работать перомъ, чтобы содержать ее тамъ, на Ривьерѣ, куда ее шлютъ врачи, а онъ отъ всего сердца сказалъ, что не промѣнялъ бы своей прекрасной доли на лямку друга своего Капцова!

Правая рука Порфирія Николаевича нервно выхватила

часы изъ кармана. Онъ опоздалъ на засѣданіе какого-то общества и бросился въ переднюю.

Изъ залы вошли въ переднюю, въ одно время съ отцомъ, Дина и Гриша. Они отправлялись на катокъ въ Юсуповъ садъ. Гриша надѣлъ особое, короткое пальто и большіе сапоги. Дина была въ свѣтлой кофтѣ съ сѣрой мерлушчатой отдѣлкой, такой же шапочкѣ, пестрой вишневой юбкѣ, высоко приподнятой, открывавшей ея крупныя, подъемистыя ноги въ теплыхъ, очень высокихъ ботинкахъ. Коньки несъ братъ.

— Здравствуй, папа! — почти однимъ звукомъ выговорили они.

— Здравствуйте, здравствуйте! Вы на катокъ? — торопливо и какъ бы сконфуженно отвѣтилъ имъ отецъ и еще поспѣшнѣе началъ надѣвать свою короткую шубку, которую подавала ему горничная.

— Пикникъ рѣшенъ, папа? — спросила Дина, застегивая послѣднюю пуговицу перчатокъ.

— Да, да, будетъ.

— А ты не желаешь принять участіе въ немъ? — полунасмѣшливо спросилъ Гриша.

— Некогда мнѣ, некогда! — крикнулъ Порфирій Николаевичъ и бросился къ входной двери, которую горничная уже успѣла отпереть.

Дочь и сынъ оправились еще разъ передъ зеркаломъ передней и поглядѣли оба вслѣдъ ушедшаго отца.

— Кряхтитъ „фатеръ“, — сказалъ съ особеннымъ мычаньемъ Гриша.

— Мало ли что! — откликнулась Дина.

Она громко дышала. Корсетъ и сшитая очень узко ваточная кофточка душили ее.

— Ты готова? — спросилъ ее братъ у выходной двери.

— Готова.

Она спустила до половины лица вуалетку изъ красноватаго тюля и отсадила шапочку нѣсколько назадъ, что ей казалось гораздо оригинальнѣе, — въ родѣ того, какъ носятъ англичанки.

Сходя съ каменной лѣстницы, они оба звучно скрипѣли своей обувью и спускались медленно, напирая на каблукъ.

И Гриша, и Дина догадывались, что въ кабинетѣ вышелъ какой-то рѣзкій разговоръ между отцомъ и Малышевымъ. Отецъ не пожелалъ принять новаго гостя, ко-

торый и имъ обоимъ совсѣмъ не понравился и нimalo не подходилъ къ ихъ гостиной. Внутри, и онъ, и она, были довольны, что Малышеву оказана „осадка“, какъ выразился про себя Гриша. Они оба его плохо выносили. Сынъ кое-о-чемъ смекалъ, а дочь не желала думать объ этомъ, но инстинктивно не любила мужчину,—вдобавокъ, сухого и сующаго во все свой носъ,—въ которомъ чуялись какія-то особыя права на ея мать.

— Нѣтъ, каковъ фатеръ?—заговорилъ Гриша, когда они прошли шаговъ десять по тротуару.—Вѣдь онъ въ первый разъ характеръ выказалъ!

— Однако, такъ нельзя поступать съ гостями,—возразила Дина изъ чувства солидарности съ матерью и со всѣмъ тѣмъ, что относится къ ея гостиной.

— Да вѣдь фатеръ самъ по себѣ. Онъ многихъ гостей нашихъ и въ глаза не знаетъ.

— Этотъ господинъ... какъ, бишь, его?..

— Сохинъ.

— Ну, да, онъ московскій, кажется,—вмѣстѣ учились.

— Мало ли я съ кѣмъ учусь! Нѣтъ, пора было нашему Нестору-лѣтописцу — Гриша такъ называлъ Малышева — и сдачи дать. Если бы я былъ на мѣстѣ отца, я бы давно спустилъ его.

Дина ничего не отвѣтила. Гриша тихо засвисталъ. Они шли въ ногу. Дина все громче и громче дышала; коньки, болтаясь на ремешкахъ, въ рукѣ ея брата, издавали мѣрный звонъ.

Зимній спортъ издалека призывалъ ихъ. Духовая музыка была уже слышна. Въ ногахъ и Гриша, и Дина чувствовали особаго рода зудъ — призывъ къ усиленному движенію.

XV.

— Вы куда ѣдете?..

Анна Гавриловна спросила мужа изъ спальни, гдѣ она доканчивала туалетъ... Мужъ ея тоже прихорашивался передъ зеркаломъ. Онъ былъ во фракѣ.

Дверь во вторую комнату стояла приотворенной.

— Куда я ѣду?—переспросилъ Куликовъ.—Да прежде всего представиться по начальству... и въ два-три мѣста, къ генераламъ.

— А-а... — протянула Анна Гавриловна, и вслѣдъ за тѣмъ показала въ дверяхъ.

Шелковое платье свѣтло-шоколаднаго цвѣта съ шитьемъ и короткая мантилька съ отдѣлкой изъ чернаго *jaïs* придавали ей видъ несомнѣнной дамы. Она принесла съ собою запахъ духовъ, и отъ всей ея фигуры вѣяло свѣжестю молодого, роскошнаго существа. Еще стоя въ дверяхъ, Анна Гавриловна оглядѣла мужа. Его фигура была все та же мелкая, съ узкой, курчавой головой, красивенькимъ станомъ и отчетливыми, быстрыми движеніями. Лицу своему онъ началъ придавать степенность, запустилъ бороду и носилъ очень высокіе и тугіе воротнички. Фракъ сидѣлъ на немъ ловко, и крахмаленная рубашка своимъ яйцевиднымъ вырѣзомъ дѣлала грудь и плечи шире.

И все-таки въ усмѣшкѣ на губахъ его жены можно было прочесть не очень лестное для него сравненіе: „коммѣ отъ Луи Буиса, съ Кузнецкаго“.

Они говорили другъ другу „вы“. Эту манеру ввела Анна Гавриловна. Виталій Орестовичъ ей подчинился. Только изрѣдка она позволяла ему называть себя Аня и быть съ ней на „ты“.

— Такъ вы послѣ представленія начальству къ штатскимъ генераламъ?—спросила она слегка иронически.

— Къ цѣлымъ тремъ!

Ей доставляло нѣкоторое удовольствіе показывать своему мужу, что она прекрасно и давно распознала въ немъ „оппортюниста“, какъ она называла всѣхъ такихъ, какъ онъ, и, въ такую минуту, она не безъ внутренняго удовольствія видѣла себя, лѣтъ черезъ десять, важной университетской барыней, ректоршей, а потомъ и женой помощника попечителя, пожалуй, попечительшей. Сама она не будетъ ни передъ кѣмъ прыгать. Пускай ея мужъ устраиваетъ свою служебную дорогу. Она ему мѣшать въ этомъ не станетъ и сохранитъ полную независимость своихъ идей, симпатій, выбора знакомствъ и дружескихъ связей.

— Галстукъ у васъ сзади поднялся, — сказала она. — Поправьте его.

— Всего лучше будетъ придержать его пуговкой воротника.

— Нѣтъ!.. Этакъ только гезеля въ антекахъ дѣлаютъ. Она помолчала и спросила его:

— Вы знаете... здѣсь Кустаревы?

— Кажется, — уклончиво отвѣтилъ Куликовъ, отошелъ

отъ зеркала и началъ самъ чистить свою цилиндрическую шляпу.

— Я навѣрно знаю.

— Такъ что жъ?

Его глазки быстро и тревожно взглянули на Анну Гавриловну.

— Вы ихъ не навѣстите?

— Съ какой стати, дружокъ? Мы съ Кустаревымъ совсѣмъ не такъ близки.

— Да и не совсѣмъ теперь безопасно водить съ нимъ пріятельство!—замѣтила она уже съ явной ироніей.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ... Онъ проѣздомъ... везетъ жену...

— Вотъ я и хочу навѣстить ихъ.

— Хотите?..

Протестовать онъ не посмѣлъ, и Анна Гавриловна продолжала:

— Я ее, правда, мало знаю. Но все же мнѣ хочется... Самъ Кустаревъ—очень симпатичный человѣкъ.

— Запоздалый... народникъ, а можетъ-быть и того хуже.

— Какъ вы это докажете?

— Я ничего и не утверждаю.

— И прекрасно... Я къ нимъ заѣду. О васъ я ничего не буду говорить... Какъ его зовутъ?

— Евменій Филипповичъ. Что жъ, сдѣлайте визитъ его женѣ. Отчего же нѣтъ!..

— А кто знаетъ?.. Можетъ-быть, онъ еще получить кафедру?

Она хотѣла этими словами немножко подразнить его.

— Никогда! — звонко отвѣтилъ онъ и еще энергичнѣе началъ гладить свой цилиндръ. — При теперешнихъ порядкахъ—никогда!

— Да что же за нимъ такое значитъ? Какія вины?.. Вѣдь Кустаревъ самъ вышелъ изъ профессоровъ?

— Такъ, такъ, мой другъ. Но останься онъ подольше, его бы попросили удалиться.

— Насильно не могутъ заставить.

— И очень!

Куликовъ засмѣялся короткимъ, дробнымъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ былъ ей непріятенъ съ первыхъ дней ихъ знакомства. Въ немъ звучали настоящія свойства Виталія Орестовича — тѣ, которыя ему такъ пригодятся для служебной дороги.

— Ручку пожалуйста!..

Онъ нагнулся и взялъ ея руку, на которую она только что натянула перчатку.

— Чѣмъ же кончилась, — продолжала она въ томъ же тонѣ, — исторія... помните... на обѣдѣ Симбирцеву, когда Кустаревъ выгналъ какого-то антипатичнаго господина?

— Чрезвычайно это было неловко... мой другъ! — началъ Куликовъ полунаставительно. — Всѣхъ поставилъ Богъ знаетъ въ какое положеніе. И выходка была самая... можно сказать... мальчишеская!

— Однако, вы, Виталій Орестовичъ, тогда ее сильно, я помню, одобряли.

— Съ оговорками, мой другъ.

— Ужъ не могу теперь сказать, какія были тогда ваши оговорки. Вы, кажется, состояли на этомъ обѣдѣ въ распорядителяхъ при Кустаревѣ.

— Что жъ изъ этого?.. И зачѣмъ намъ поднимать весь этотъ соръ?.. Кустаревъ повредилъ себѣ чрезвычайно и во всѣхъ вызвалъ...

Онъ искалъ слова.

— Шкурное чувство!.. Кажется, это такъ называется на литературномъ жаргонѣ?..

Ротъ Анны Гавриловны усмѣхнулся вбокъ. Глаза проšli по лицу мужа съ такой же двойственной усмѣшкой.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! — зачастилъ Виталій Орестовичъ и еще разъ подѣловалъ у жены руку. — Я тороплюсь...

— Карета готова? — спросила Анна Гавриловна и, въ свою очередь, подошла къ зеркалу.

— Какъ же... Я самъ нанималъ... Въ Конюшенной!.. Очень хорошее купе.

— Погода, кажется, разгулялась. Лучше бы въ парныхъ саняхъ.

— Не скажите, мой другъ. Вѣтерокъ рѣзковатый. Въ каретѣ безопаснѣе.

Ей не нравились его заботливыя нотации. Въ нихъ проскальзывали намеки на то, не находится ли она въ извѣстномъ положеніи. Она совсѣмъ не была беременна, и ей еще не хотѣлось быть мамашей. И безъ того этотъ юркій господинъ, вступившій въ права ея мужа, представлялъ собою нѣчто уже безповоротное, добровольный союзъ, изъ котораго надо какъ-нибудь мастерить свое счастье...

— Ну, хорошо! Отправляйтесь же, отправляйтесь. Я поѣду послѣ васъ, мнѣ еще надо уладить вуалетку.

— Да она отлично сидитъ, Аня.

— Поѣзжайте! — съ мягкой настойчивостью сказала Анна Гавриловна и сдѣлала жестъ рукой, какъ бы выпроваживая его изъ номера.

Онъ затрусилъ своими мелкими шажками и скрылся въ передней, откуда слышался скрипъ его калошъ.

Оставшись одна, Анна Гавриловна постояла съ минуту передъ зеркаломъ, оправляя вуалетку и шляпу.

Ея мысль блуждала около двухъ мужскихъ лицъ и фигуръ — Ермилова и Кустарева.

„Милѣйшій Юрій Петровичъ!“ — выговорила она про себя и весело улыбнулась своими длинными глазами.

Въ этомъ возгласѣ было заключено многое и, прежде всего, сознание своей новой роли. Она замужемъ, она — сила. Каждый мужчина можетъ быть ея данникомъ. И теперь, вмѣсто трусливой уклончивости, явится нѣчто совершенно иное.

Но у всѣхъ ли?

И ей вспомнилось лицо Кустарева. Она только недавно встрѣтилась съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ, гдѣ собираются московскіе народники. Его рубашка съ косымъ воротомъ не показалась ей претензіей. Эти умные, печальные глаза смотрѣли такъ искренно и глубоко. О женѣ и ея болѣзни говорилъ онъ безъ фразы, съ внутреннею болью. Неужели онъ ее такъ сильно любить?

Эту маленькую женщину она уже встрѣчала раньше. Она просила его передать женѣ свой „душевный привѣтъ“.

Душевно ли она относится къ Кустаревой?

На этотъ вопросъ Анна Гавриловна не желала отвѣтить самой себѣ и позвонила два раза коридорной горничной.

Въ первый разъ чувствовала себя Анна Гавриловна столичной молодой дамой, когда извозчикья карета, довольно новая и франтоватая, повезла ее къ Невскому по одной изъ Морскихъ.

День былъ ясный и не особенно холодный. Она еще разъ пожалѣла о томъ, что мужъ не нанялъ ей парныхъ саней, съ синей сѣткой, какъ у той барыни, а можетъ быть и кокотки, что проѣхала мимо, ей навстрѣчу. Одно окно она опустила и подставила свои розовыя щеки подъ свѣжій воздухъ, проникавшій внутрь кареты.

Наканунѣ шелъ обильный снѣгъ, и улица не успѣла еще побурѣть отъ ѣзды. Съ обѣихъ сторонъ высились дома. Ощущеніе было для Анны Гавриловны совсѣмъ новое. Такъ нельзя себя чувствовать въ каретѣ, даже и въ изящномъ туалетѣ, у себя, въ Москвѣ. Здѣсь женщина можетъ въ сто разъ больше проявить свою личность, пользоваться молодостью, красотой, умомъ.

Она задумалась... Москва предстала ей въ видѣ ея родныхъ Патріаршихъ-Прудовъ, такая провинціальная, съ домишками, съ обиходомъ мелкаго обывательскаго житія. Но кто знаетъ? Маленькій человѣчекъ, какъ Виталій Орестовичъ, можетъ далеко пойти, да еще при такой женѣ, какъ она. Кто знаетъ, можетъ-быть, и у нихъ будетъ квартира въ двадцать комнатъ, въ одномъ изъ этихъ домовъ—дворцовъ казенныхъ вѣдомствъ.

А пока въ Москвѣ у нея почва подъ ногами. Тамъ она—„боярыня“ и домовладѣлица, тамъ все въ ея рукѣ, и на свободѣ „женщина“ будетъ развиваться въ ней привольнѣе и своеобразнѣе. Она не закиснетъ, нѣтъ!

И опять два мужскихъ лица всплыли передъ нею. Ермаиловъ!.. О! Этотъ стоить того, чтобы надѣть на него ярмо ухаживателя... безъ надежды на побѣду. Этого мало! Провести его черезъ рядъ униженій. Пускай онъ превратится въ собачонку! Это можетъ сдѣлаться безъ всякаго кокетства съ ея стороны.

Кустаревъ уѣзжаетъ за границу. Жаль! Впрочемъ, онъ тамъ не останется на всю зиму. У него есть хуторъ подъ Москвою. Онъ вернется къ своему хозяйству. Ему будетъ скучно, его надо приласкать и Виталія Орестовича заставить вести себя съ нимъ, какъ ей, Аннѣ Гавриловнѣ, угодно.

XVI.

Кустаревы остановились въ меблированныхъ комнатахъ, на Лиговкѣ, по сосѣдству съ вокзаломъ московской дороги.

Карета Анны Гавриловны взяла съ моста влѣво. Адресъ узнала она отъ мужа, который встрѣтилъ Кустарева, вѣроятно, пообѣщавъ завернуть къ нему, а теперь уклонился.

Извозчикъ былъ малограмотный и номеровъ на домахъ читать не умѣлъ. Пришлось самой дѣлать это. Анна Гавриловна, немного близорукая, съ трудомъ разобрала номеръ надъ воротами огромнаго дома, съ нѣсколькими подъ-

ѣздами. Не сразу попала она на тотъ подъѣздъ, который велъ въ меблированныя комнаты. Швейцара она не нашла. Какая-то кухарка показала ей, куда идти.

Въ темномъ и узкомъ коридорѣ Анна Гавриловна не сразу отыскала номеръ Кустаревыхъ. Первая комната номера стояла пустая. Коридорный, впустившій ее, сказалъ вполголоса:

— Онѣ тамъ, въ спальнѣ.

— Лежить?—спросила Анна Гавриловна.

— Не могу знать.

Изъ спальни раздался слабый кашель и женскій голосъ:

— Кто тамъ?

— Подайте мою карточку.

Прошло нѣсколько секундъ. Анна Гавриловна стояла посрединѣ комнаты въ нерѣшительной позѣ. Она готова была уйти; сердце защемило. Точно будто совѣстно стало за что-то передъ этой больной женщиной, которой было не до визитовъ.

— Просятъ минутку подождать,—доложилъ коридорный и вышелъ.

Она не сядила и даже затаила дыханіе, только осматривала комнату, довольно просторную, съ отдѣлкой дешеваго номера.

Въ дверяхъ спальни показалась Маргарита Сергѣевна Кустарева, укутанная платкомъ, въ шерстяномъ темномъ капотикѣ. Она подошла довольно твердымъ шагомъ къ гостьѣ. Личико ея стало еще меньше, кончикъ носа заострился,— „точно у покойника“, подумала Анна Гавриловна,—глаза смотрѣли воспаленно, лобъ обнажился отъ зачесанныхъ за уши волосъ.

— Здравствуйте, — сказала она Аннѣ Гавриловнѣ тихимъ голосомъ и протянула ей свою дѣтскую руку съ горячими ладонями.

Звукъ былъ привѣтливый, но Анна Гавриловна не почувствовала большой жалости къ этой маленькой женщинѣ, которая, быть-можетъ, и не вернется изъ-за границы.

— Извините меня, — начала она, пожимая лихорадочную руку въ своей красивой крупной рукѣ, туго затянутой въ перчатку обѣими пуговицахъ.—Извините, я васъ обезпокоила... Мнѣ хотѣлось...

— Ничего, ничего!—не дала ей докончить Кустарева.—Присядьте. Очень рада!.. Мени—мужа моего, — поправи-

лась она,—дома нѣтъ, но онъ долженъ скоро быть. Спасибо за память. Вы сюда надолго?

— Всего на десять дней. Мужъ начнетъ свои лекціи немного позднѣе. Онъ—приватъ-доцентъ. Слушателей у него еще не особенно много.

Анна Гавриловна продолжала оглядывать Кустареву и прислушиваться къ ея тону. „Нѣтъ, въ этой маленькой женщинѣ есть что-то сухенькое и недовѣрчивое. Она, быть-можетъ, прекраснѣйшая личность; но будь она здорова, тамъ, въ Москвѣ, это недовѣріе сказалось бы еще сильнѣе. Она вся ушла въ обожаніе своего „Мени“, вцѣпилась въ него. Такія карлицы, въ сущности, до гадости мужелюбивы,—думала гостя,—и до невозможности самолюбивы и тщеславны, если не за себя, то за своихъ мужей. Она, конечно, не по доброй волѣ ѣдетъ за границу, а по настоянію мужа. Въ этомъ нѣтъ никакого достоинства и добродѣтели“.

Кустаревой тоже сдѣлалось какъ-то не по себѣ отъ визита этой красивой, слишкомъ красивой дамы.

„Чего ей отъ насъ нужно?“—подумала она.

— Я слышала, — заговорила гостя тономъ свѣтскаго визита,—что вашему мужу начали дѣлать разныя непріятности... послѣ той исторіи... на обѣдѣ... Нечего сказать, хорошія времена настали... И всѣ такъ испугались...

Воспаленные глаза Маргариты Сергѣевны остановились на цвѣтной вуалеткѣ гостыи и какъ бы спросили ее безъ словъ:

„А твой муженекъ развѣ лучше другихъ? Вѣдь онъ помогалъ Менѣ по устройству обѣда Симбирцеву, а теперь, я думаю, весь съѣжился. И тебя-то прислалъ къ намъ, чтобы самому не являться“.

Гостя поняла взглядъ въ такомъ именно смыслѣ. За своего мужа ей не сдѣлалось непріятно. Отстаивать его не стѣитъ, если бы Кустарева даже и позволила себѣ явный намекъ.

— Да, — выговорила тихо Маргарита Сергѣевна, и отвела глаза. — Вотъ и насчетъ заграничнаго паспорта Менѣ предстоятъ хлопоты.

— Неужели не пустятъ?—съ живостью спросила Анна Гавриловна.

— Могутъ и не дать. Въ Москвѣ—отказали.

— Черезъ кого же вы здѣсь хлопочете?

— У него есть преданный ему человекъ, товарищъ по факультету, Капцовъ...

— Порфирій Николаевичъ?

— Вы его знаете?

— Я познакомилась съ этимъ домомъ черезъ мужа и получила приглашеніе на пикникъ. Чисто петербургское кутильное семейство!

— Не онъ!—возразила Кустарева.

— Онъ — божья коровка! Работаетъ на свою супругу и дѣтей.

„Зачѣмъ я все это говорю?“ — вдругъ мысленно перебила себя Анна Гавриловна.

Вѣдь она была очень довольна приглашеніемъ Капцовыхъ и надѣялась даже встрѣтить тамъ Кустарева. Будетъ ли онъ, она не спросила. Но фальшивость собственнаго ея тона немного удивляла ее. Неужели она такъ недобро относится къ этой женщинѣ, убитой и своими болѣзнями, и близкой разлукой съ страстно любимымъ мужемъ, который долженъ будетъ вернуться въ Москву?

Жалѣла она ее все меньше и меньше.

Про свою хворость сама Кустарева не заговаривала. Она никогда и никому не жаловалась на здоровье, начиная съ мужа. Можетъ-быть, и лѣченіе пошло бы иначе, если бы она посильнѣе заботилась о себѣ. За докторомъ она не позволяла посылать въ первые дни, дотягивала до послѣдней крайности.

— Вотъ и мужъ!..

Кустарева узнала въ коридорѣ шаги Евменія Филипповича.

— Это ты, Менья?—окликнула она, когда онъ, за перегородкой, снималъ шубу и калоши, и пришла вся въ волненіе.

— Рита! Ты не одна?.. Не очень ли ты раскутилась! Тебѣ бы отдохнуть!..

Голосъ Кустарева вызвалъ внезапную краску на щекахъ Анны Гавриловны. Такое смущеніе почти разсердило ее.

— А! Вотъ ты какимъ молодцомъ... У тебя гости!

Кустаревъ протягивалъ ей руку, широкую и съ волосами на суставахъ. Его вдумчивые глаза глядѣли на нее изъ глубокихъ впадинъ. Вся его плотная и немного сутулая фигура пахнула на нее чѣмъ-то новымъ, отъ чего она совсѣмъ отвыкла въ обществѣ своего мужа.

— Спасибо вамъ, барыня, что навѣстили больную. Только, Риточка, гостя извинить... Будетъ куда превосходнѣе, если ты пойдешь и ляжешь.

— Конечно!—вырвалось у Анны Гавриловны.

— Да я ничего...

— Не упорствуй!.. Отправляйся!..

Маргарита Сергѣевна подошла и протянула руку гостѣ.

— Благодарю васъ... Я бы посидѣла еще, да вотъ, видите, какой онъ строгій.

Но замѣтно было, что ей пора лечь. Мужъ взялъ ее подъ локоть и повелъ, поглядывая на гостью ласковыми и добрыми глазами.

„Какъ любить! — воскликнула мысленно Анна Гавриловна.—И что въ ней!“

Невольно увидала она себя въ узкомъ зеркалѣ, представленномъ къ простѣнку, между двумя окнами.

Развѣ эта Кустарева—женщина? Такъ, какая-то дохленькая дѣвчурочка. Ни ума она въ ней не видѣла особеннаго, ни граціи, ни душевной симпатичности. Кустарева и она—Анна Гавриловна Куликова!

Евменій Филипповичъ отвелъ жену въ спальню и вернулся тотчасъ же.

— Присядьте, гостей будете, — сказалъ онъ ей, сѣлъ рядомъ съ нею на диванъ, подогнулъ одну ногу подъ себя и закурилъ папиросу.

Эти простыя, не салонныя, студенческія манеры сейчасъ же настроили ее на другой ладъ. Она вспомнила свои московскіе кружки, гдѣ ей когда-то бывало если не очень весело, то гораздо теплѣе, свободнѣе, бодрѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ. Если бы она была поменьше „боярыней“ и домовладѣлицей, она бы осталась вѣрна этимъ кружкамъ, и, кто знаетъ, встрѣтила бы тамъ такого же Евменія Филипповича. Этакого, по крайней мѣрѣ, есть за что любить.

— Выдали вамъ паспортъ?—спросила она съ участіемъ, и сама осталась довольна звукомъ своего вопроса.

Она не сочла нужнымъ передавать Кустареву поклонъ отъ своего мужа. Зачѣмъ выносить и отъ него такой же взглядъ, какъ отъ его жены?

— Вы нешто слышали про мои мытарства? — выговорилъ онъ не спѣша.

Въ комъ-либо другомъ ей не понравился бы этотъ

простонародный или народнический жаргонъ, но къ нему онъ шелъ.

— Маргарита Сергѣевна мнѣ говорила.

— Кажется, уладимъ. Здѣсь вѣдь все получше, чѣмъ въ нашей „губерніи“, въ Москвѣ.

— И вы на-дняхъ ѣдете?

— Какъ скоро—такъ сейчасъ!

И эта прибаутка не была особенно изящна, но и она шла къ нему.

— А долго ли вы проживете тамъ, на югѣ,—всю зиму?

— Риточку шлютъ въ Ментону, коли въ Санъ-Ремо окажется посуровѣе... Устрою ее, поживу малую толику—и домой. Постомъ надо быть на хуторѣ.

— Меня не забывайте! — сказала Анна Гавриловна и улыбнулась ему, какъ она умѣла улыбаться.

Фраза эта была выговорена потише. Врядъ ли она могла дойти до спальни, куда дверь стояла полузаперенной.

— Да вѣдь я въ городѣ-то рѣдко... Что-нибудь спѣшное...

— Улучите минутку, когда захотите.

Онъ молча кивнулъ головой.

— Благодарствуйте.

— Вы позволите вопросъ... нескромный, но искренній?—сказала она въ томъ же тонѣ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— На мужа моего вы теперь не смѣтрите больше какъ на своего человѣка?

— То-есть какъ—на своего?—переспросилъ Кустаревъ и повелъ глазами.

— Вы меня понимаете. Но я во многомъ съ нимъ не солидарна. Я, повѣрьте мнѣ, умѣю цѣнить людей, которыхъ теперь держатъ въ черномъ тѣлѣ.

Раздался кашель больной и на этотъ разъ гораздо сильнѣе. Кустаревъ приподнялся. Встала и Анна Гавриловна.

Ея рукопожатіе было, быть-можетъ, противъ ея желанія, продолжительнѣе и крѣпче, чѣмъ бы слѣдовало.

— Ужъ вы извините, — сказалъ ей прямо Кустаревъ, отворяя ей дверь въ коридоръ.

— Такъ до свиданія?—спросила она.

— До свиданія.

XVII.

Въ отель, гдѣ жили Куликовы и Доротея Васильевна Карусъ, утромъ того же дня привезли съ николаевского вокзала господина, совсѣмъ закутаннаго. Въ отельной каретѣ онъ кашлялъ и, по прїѣздѣ, не поднимая воротника своего мѣхового пальто, спросилъ у швейцара, въ какомъ этажѣ и номерѣ стоитъ „госпожа Карусъ“. Когда тотъ сказалъ, что въ бельэтажѣ, номеръ двѣнадцатый, — онъ попросилъ дать ему номеръ въ верхнемъ этажѣ, и гдѣ-нибудь въ сторонѣ, въ углу, чтобы не было частаго шума отъ шаговъ по коридору.

Это былъ Гремушинъ.

Въ своемъ номерѣ — изъ двухъ небольшихъ комнатъ — онъ долго раскладывалъ туалетныя вещи и развѣшивалъ платье, какъ человѣкъ, прїѣхавшій на продолжительное житье, потомъ такъ же долго занимался умываньемъ. Не мало времени потратилъ онъ и на свой туалетъ.

Павелъ Павловичъ очень измѣнился за послѣднее время: носъ выдался и побѣлѣлъ, въ волосахъ показалась сѣдина; онъ ходилъ согнувшись, точно разбитый; взглядъ сталъ тревожнѣе и часто останавливался на одномъ какомъ-нибудь предметѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ схватилъ легкую простуду. Она и задержала его. Иначе онъ былъ бы уже въ Петербургѣ, въ этомъ отелѣ, подъ одной кровлей съ Доротеей Васильевной.

Она не звала его съ собою, даже не спросила, гдѣ онъ думаетъ провести лѣто. А сама она собралась надолго за границу — въ Парижъ, Вѣну, Миланъ; говорила, что въ Петербургѣ, можетъ-быть, приметъ участіе въ двухъ-трехъ концертахъ.

Какъ только она начала собираться, Гремушинъ рѣшилъ и свой отъѣздъ. Ему уже не въ первый разъ приводилось скрывать отъ жены то, что въ немъ происходитъ, а иногда такъ и просто лгать. Она до сихъ поръ ни о чемъ не догадывается.

— Я поѣду, по дѣлу, въ Петербургъ, — сказалъ онъ ей вчера, за обѣдомъ, при дѣтяхъ.

— Надолго? — спросила она его спокойно.

— Не знаю! Какъ управлюсь!

Онъ уже рѣшилъ въ Петербургѣ выправить паспортъ. Денегъ онъ собралъ достаточно. Въ домѣ тоже есть

деньги на расходъ мѣсяца на два. А тамъ онъ вышлетъ.

Откуда?

Онъ и самъ не знаетъ этого. Будетъ и онъ переѣзжать изъ Вѣны въ Миланъ, изъ Милана въ Парижъ.

Что станетъ онъ тамъ дѣлать? Слушать голосъ Доротеи Васильевны. Жить безъ нея сдѣлалось для него невысказаннымъ. Онъ уже больше не чернилъ себя, не подвергалъ психическому допросу. Онъ живетъ страстью, и внѣ ея ничего не можетъ ни начинать, ни допускать.

Но не можетъ же онъ быть въ безвѣстномъ отсутствіи! Это убьетъ его жену. Онъ знаетъ, какая и въ ней страстная натура подъ внѣшностью степенной и спокойной женщины.

Что жъ такое? Отсюда, изъ Петербурга, онъ напишетъ ей, что ему надо быстро пресѣчь его бронхитъ и какъ можно скорѣе очутиться на югѣ... гдѣ—онъ еще себѣ не опредѣлилъ. Гдѣ окажется лучше: въ Пизѣ, на итальянской Ривьерѣ, или въ Ниццѣ, Канѣ, По, Монпелье.

Ему только бы выиграть время. Да если бы его жена явилась сюда сейчасъ и потребовала, чтобъ онъ вернулся въ Москву, онъ наотрѣзъ отказалъ бы ей. Не изъ трусости не имѣлъ онъ съ нею рокового, безповоротнаго объясненія, а изъ жалости къ ней. Чѣмъ позднѣе узнаетъ она правду, тѣмъ будетъ лучше для нея.

Павелъ Павловичъ въ двѣнадцать часовъ былъ готовъ, старательно выбрить, — онъ брился самъ,—одѣтъ въ неизмѣнную черную пару, съ остатками пудры на помятомъ съ дороги и простуды лицѣ. Свою карточку послалъ онъ внизъ, къ Доротеѣ Васильевнѣ, съ вопросомъ: когда она позволить ему сдѣлать ей визитъ.

Она была дома; но посланецъ Гремущина получилъ отъ нея сухой отвѣтъ: — дома только „до половины перваго“.

Въ салонѣ столъ былъ накрытъ на два прибора, когда Гремущинъ, осторожно заглядывая въ дверь, проникъ туда.

— А!.. Павелъ Павловичъ!—встрѣтила она его довольно любезнымъ возгласомъ, выглянувъ изъ спальни.

Она была въ пенюарѣ изъ легкой шелковой ткани съ золотистымъ отливомъ. Волосы ея были схвачены на затылкѣ и пучкомъ лежали на спинѣ.

Гремущинъ закрылъ мгновенно глаза и остановился въ дверяхъ салончика, гдѣ былъ накрытъ столъ на два прибора.

— Входите, входите!..

Голосъ продолжалъ быть ласковымъ, и отъ его вибраціи все пришло въ сладостную тревогу въ душѣ Гремущина.

Этотъ внезапный прїѣздъ „милѣйшаго Павла Павловича“—какъ она звала его обыкновенно—сначала почти раздосадовалъ ее; но потомъ она сообразила, что онъ можетъ быть ей полезенъ въ Петербургѣ, и даже не дальше, какъ черезъ четверть часа, она его пошлетъ съ однимъ спѣшнымъ порученіемъ.

Въ Москвѣ, когда онъ провожалъ ее на желѣзную дорогу и хлопоталъ о томъ, чтобы ей отвели цѣлое отдѣленіе, она прощалась съ нимъ шутя.

— Хотите, увлеку васъ?—говорила она ему въ вагонѣ.

— Я—въ вашей волѣ,—шутливо, но съ дрожью въ голосѣ отвѣчалъ онъ.

— Вы скоро сами убѣдите,—сказала она.

Ей почему-то доставляло удовольствіе говорить съ нимъ въ такомъ тонѣ, чего она прежде себѣ не позволяла.

— Скоро,—промолвилъ Гремущинъ и такъ на нее посмотрѣлъ, что ей стало жаль его и немного смѣшно.

Онъ просилъ только объ одномъ—телеграфировать ему о „благополучномъ прибытіи“.

Только теперь она вспомнила, что никакой депеши ему не посылала. Она поняла также, что онъ изъ деликатности не беспокоилъ ее ни письмомъ, ни телеграммой, и самъ поспѣшилъ сюда.

— Сегодня прїѣхали?..—спрашивала она его, подавая ему руку. — Такъ скоропостижно? Отчего же не дали знать?

— Зачѣмъ же? — тихо отвѣтилъ Гремущинъ, замирая отъ ея рукопожатія.

— Какъ же вы узнали, что я въ этомъ отелѣ?

— Вы всегда въ немъ останавливаетесь.

— Ахъ, да!.. У меня такая разсѣянность. Простите, добрый Павелъ Павловичъ. Вы знаете... я невмѣняема! Получила, кажется, ударъ... *sur la route de Damas*.

Онъ не совсѣмъ еще понималъ намекъ.

— Садитесь сюда.

Они сѣли на диванъ. Одну треть комнаты занималъ кабинетный рояль и круглый столъ съ двумя приборами, помѣщенный на самой срединѣ.

Гремушинъ бросилъ косвенный взглядъ на приборы. Это замѣтила Доротея Васильевна и тихо разсмѣялась.

— Вы увидите сами, — начала она, откидывая голову на спинку дивана, — и услышите также.

— Кого?

Гремушинъ поднялъ на нее глаза вопросительно.

— Я вамъ сказала, что это для меня *route de Damas*! Понимаете... *un coup de foudre*! Нѣтъ, вы — я убѣждена въ томъ — не встрѣчали еще такого лица. И натура, и голосъ!

— Вѣрю, — прошепталъ Гремушинъ, стараясь улыбнуться.

— Я васъ не ждала. А то заказала бы завтракъ на троихъ. Но я не хочу хитрить, милый Павелъ Павловичъ, вы не способны испортить моего перваго *tête-à-tête*, тѣмъ болѣе, что я съ вами подѣлюсь моею находкой. А вы мнѣ окажете маленькую, но очень важную услугу. Мнѣ необходимы, сейчасъ же, вотъ теперь, не позднѣе второго часа, ноты. Въ музыкальномъ магазинѣ перепутали. Вы свезете, отдадите имъ мою записку и привезете другія. Вѣдь вы сдѣлаете это?

Она не освѣдомилась даже, завтракалъ ли онъ.

— И прикажете сейчасъ же удалиться? — спросилъ Гремушинъ.

— Нѣтъ... когда онъ придетъ.

— Кто такой?

— Порадуйтесь... Не знаю — надолго ли, но мой неисправимый пессимизмъ куда-то запрятался. И собственный успѣхъ, слава — все это тамъ, гдѣ-то, на самомъ заднемъ планѣ. Я вся поглощена этимъ самородкомъ, этой натурой. Какое лицо — вы увидите, какой тонъ, какая фамилія, какія слова, искренность... Это что-то небывалое. Я ужъ не говорю о громадномъ голосѣ.

Тутъ только онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Она увлечена кѣмъ-то, вѣроятно пѣвцомъ, иностранцемъ. Какимъ-нибудь итальянцемъ. Что жъ?... Развѣ это неожиданный для него фактъ? Онъ долженъ впередъ мириться со всѣми ея увлеченіями. Врядъ ли есть еще между ними что-нибудь серьезное. Она слишкомъ шумно изливается... А если тутъ — начало страсти?... И на это онъ обязанъ быть приготовленнымъ.

— Поздравляю васъ, — выговорилъ онъ просто и задумался.

— Съ такой находкой?

— Съ такимъ... *coup de foudre*!

— Принимаю, принимаю поздравленіе. Только я не умѣю еще говорить съ нимъ. Мнѣ какъ-то совѣстно дѣлается.

— Чего, Доротея Васильевна?

— Да всего, рѣшительно всего! И наружности своей, туалета, языка, манеръ. Я просто глупости говорю.

„Вотъ оно что!—говорилъ мысленно Гремушинъ,—признакъ вѣрный“.

Онъ не досказалъ и себѣ—чего.

— Вотъ вы увидите. Хорошо, что у насъ есть общее дѣло—искусство.

Изъ коридора постучали. Она быстро вскочила, поправила кружево на груди и крикнула возбужденно:

— Войдите!

Вошелъ коридорный и доложилъ:

— Къ вамъ господинъ...—онъ запнулся немного и выговорилъ:—Благомировъ.

— Просите!.. *C'est lui!*!..—шепнула она Гремушину.

XVIII.

Гость вошелъ не сразу. Онъ что-то долго возился съ калошами. Гремушинъ, весь собравшійся въ комочекъ, то опускалъ рѣсницы, то поднималъ ихъ.

— Это вы, *monsieur* Благомировъ?..—нетерпѣливо крикнула хозяйка.

— Я-съ, я-съ, Доротея Васильевна. Извините, позамѣшкался маленько.

Гремушину вдругъ почудилось, что онъ у кого-нибудь въ гостяхъ, въ Москвѣ, на праздникахъ, и пришли „священники“.

„Да это какой-то дьяконъ“,—говорилъ онъ про себя, все еще недоумѣвая, и даже подумалъ:—не пошутила ли съ нимъ Доротея Васильевна.

— Входите, входите!—крикнула она еще разъ и подбѣжала къ двери въ переднюю.

— Застрялъ одной ногой въ калошѣ, — доносился оттуда дьяконскій басъ — молодой, добродушный и смѣшливый.

„Дьяконъ, дьяконъ“,—повторялъ мысленно Гремушинъ и широко раскрылъ глаза.

Въ дверяхъ уже высилась фигура Благомирова, въ

черной парѣ, стройная и внушительная — совсѣмъ особенная.

Такого лица Гремущинъ не ожидалъ.

Онъ на мгновенье совсѣмъ закрылъ глаза.

Лицо и голова этого „дьякона“ поразили его. Да, это — семинаристъ, даже семинаристище, изъ митрополичьихъ пѣвчихъ или регентовъ богатаго прихода. Но развѣ это не все равно? Лицо — духовнаго оттѣнка, даже совсѣмъ точно съ иконы или большой картины съ евангельскимъ сюжетомъ; этотъ овалъ лица, цвѣтъ волосъ, очертанія бороды, глаза и ротъ, поступь...

„Не подсмѣивалась она надо мной? — думалъ стремительно Павелъ Павловичъ. — Вотъ кого она встрѣтила на своемъ пути въ Дамаскъ“...

— Извините великодушно, — говорилъ Благомировъ, подавая ей руку. — Первымъ дѣломъ, кажется, запоздалъ, а вторымъ дѣломъ, тутъ еще застрялъ въ калошѣ.

Онъ сдерживалъ могучій потокъ своихъ — даже и разговорныхъ — звуковъ.

Доротея Васильевна держала его руку въ своихъ и не спускала съ него глазъ, вся радостная.

„Вотъ оно и пришло!“ — думалъ Гремущинъ, — и съ этой минуты уже пересталъ разбирать семинариста съ евангельскимъ лицомъ, давать ему прозвища или сравнивать съ кѣмъ-нибудь, пересталъ и спрашивать себя: „что это такое — вспышка, капризъ, чувственное увлеченіе или признакъ хандры, или нѣчто такое, что ее самое втянетъ въ себя и сожжетъ?“

Развѣ не все равно?

Онъ машинально поднялся съ дивана и первый подошелъ къ Благомирову.

— Позвольте вамъ отрекомендоваться, — произнесъ онъ кротко и безстрастно, — Доротеи Васильевны землякъ и покорный слуга — Гремущинъ, Павелъ Павловъ.

И тотчасъ же, обернувшись къ ней, онъ добавилъ:

— Вамъ нужны ноты къ концу вашего завтрака?

— Да, милый Павелъ Павловичъ... Возьмите мою карету.

Она подала ему свертокъ.

— Зачѣмъ же?.. Это въ двухъ шагахъ, только до Невского... Черезъ полчаса будетъ исполнено, а раньше вы не кончите кушать.

Онъ еще разъ пожалъ руку Благомирову. Тотъ смотрѣлъ

на него своими смѣшливо-благодарными глазами и какъ будто спрашивалъ себя:

„А кто бы это такой могъ быть?“

Маленькими шажками, неслышно ступая по ковру, удалился Гремущинъ, оставивъ ихъ однихъ въ салонѣ.

— А это насчетъ какихъ ноть?—спросилъ Благомировъ, кладя свою шапку на рояль.

Онъ держался непринужденно, безъ малѣйшаго проблеска застѣнчивости, точно будто онъ говорилъ съ товарищемъ.

— Мнѣ прислали не тотъ дуэтъ, перепутали...

— Зачѣмъ же было почтеннаго человѣка беспокоить?—выговорилъ Благомировъ тономъ шутливаго упрека.—Я бы сбѣгалъ... А у него къ тому же совсѣмъ нездоровый видъ... И странная какая-то голова... Я бы сказалъ: польскій ксендзъ въ партикулярномъ платьѣ.

— Ха-ха-ха!—громко и раскатисто разсмѣялась Доротея Васильевна.—Это очень удачно! Даже на іезуита похожъ. Но онъ—олицетворенная преданность...

— Кому? Вамъ? — довольно смѣло спросилъ Благомировъ.

Съ этой красивой, богатой и даровитой „барынькой“—такъ онъ ее прозвалъ, хотя и зналъ, что она дѣвушка—онъ почти съ первыхъ словъ почувствовалъ себя необыкновенно свободно. Когда его привезъ къ ней Андреоли послушать его голосъ, и былъ тутъ Званцевъ, онъ не испытывалъ ни малѣйшаго стѣсненія... Голосъ ея ему не особенно понравился, и про себя онъ опредѣлилъ ея манеру пѣть почти такъ, какъ Ермиловъ, только другими выраженіями. Онъ и тогда былъ способенъ сказать ей, изъ-за чего она бѣется, когда у нея все есть: и деньги, и независимость? Ея славолюбіе, со смѣсью жизненной горечи, которую она носила въ родѣ извѣстнаго рода мундира, казалось ему „порядочною блажью“. Какъ женщина, она совсѣмъ еще на него не вліяла.

Своему учителю Андреоли, у котораго онъ все-таки сталъ брать уроки, Благомировъ, на первомъ же урокъ, когда тотъ началъ ему обѣщать поѣздку въ Италію, на деньги Званцева, замѣтилъ:

— Ежели у него мошна туга, я заимообразно возьму у него, пожалуй; но только чтобы тутъ всякое участіе женскаго пола было устранено.

Андреоли посмѣялся надъ его добродѣтелью и пере-

далъ это Доротеѣ Васильевнѣ. Ей хотѣлось задѣть сейчасъ же этотъ вопросъ, успокоить его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать ему, какъ она цѣнитъ его гордость.

— Вамъ кушать хочется?—спросила она, указывая ему на приборъ и позвонила.

— Да я, признаться сказать, закусилъ слегка.

— Не надѣялись быть сыты у меня?

— Нѣтъ, не это, а просто соблазнился, шелъ мимо пекарни Исакова и два пирожка съ леверомъ истребилъ...

— Съ чѣмъ? Съ чѣмъ?—переспросила она.

— Съ леверомъ... Это—рубленая... всякая всячина, легкія тамъ, что ли...

„Боже, какъ онъ милъ!—внутренно восклицала она.— Съ леверомъ! Кромѣ него, никто такъ не скажетъ!“

Они сидѣли другъ противъ друга за круглымъ небольшимъ столомъ, веселые и молодые, но она—сильно возбужденная, онъ—спокойный и равнодушный къ этой соблазнительной женщинѣ.

Когда человѣкъ поставилъ на столъ первое блюдо, она вдругъ вспомнила, что нѣтъ закуски.

— Простите меня! Я совсѣмъ и забыла. Вы пьете водку?

— Пристрастія не имѣю; но иногда невредительно бываетъ.

Лакей былъ усланъ за закуской, а Благомировъ, продолжая въ томъ же шутливомъ тонѣ, сказалъ:

— Анекдоты рассказывать—дурная привычка; да я и не имѣю ея, а только, по части крѣпкихъ напитковъ—въ данномъ случаѣ водки—пришелъ мнѣ на память одинъ разговоръ.

— Пожалуйста, расскажите!—стала она просить его звуками пятнадцатилѣтней дѣвочки.

— Видите, одинъ любитель архіерейскаго служенія съ провозглашеніемъ многолѣтія освѣдомлялся, какъ, дескать, насчетъ употребленія зелена вина у протодіаконовъ? Ему и отвѣчаютъ: для теноровыхъ голосовъ—не возбраняется, а для басовъ—такъ даже и поощряется.

Самъ онъ не разсмѣялся, зато она расхохоталась, откинувшись на спинку стула и нѣсколько разъ повторила: „даже и поощряется“.

Привесли закусокъ и нѣсколько сортовъ водки. Благомировъ выпилъ только очищенной, но отъ закусокъ ни отъ одной не отказался. Доротея Васильевна почти съ умиле-

ніемъ смотрѣла на его аппетитъ. Ее восхищала его простота. Она и не требовала отъ него никакихъ знаковъ вниманія, не обижалась и тѣмъ, что онъ сразу съ ней взялъ такой товарищескій тонъ.

Смотрѣть на него было для нея еще неиспытаннымъ наслажденіемъ. И она его не скрывала. Всякій, на мѣстѣ этого баса, изъ сельскихъ учителей, позналъ бы щекотанье своего мужского тщеславія. А въ немъ ничего подобнаго она не замѣчала. Благомировъ не признавалъ даже и того, что она съ нимъ совсѣмъ не такая, какъ съ другими.

Но въ его словахъ, сказанныхъ Андреоли насчетъ вліянія женскаго пола на его отправку за границу, была все-таки же щепетильность мужчины.

И вотъ это она должна была прежде всего устранить.

— Я знаю,—прямо заговорила она, когда они, въ антрактѣ двухъ появленій лакея, остались одни,—я знаю, что васъ смутило въ вашей поѣздкѣ въ Италію. Званцевъ предлагаетъ вамъ ее вовсе не потому, что я за васъ просила. Я не имѣла понятія о васъ. Голосъ вашъ онъ услышалъ въ одно время со мною. Повѣрьте,—щеки ея сильно разгорѣлись,—если бъ этотъ баринъ отнесся къ вамъ свысока, я сама бы стала васъ упрашивать не принимать его одолженія, хотя оно для него чистѣйшій вздоръ.

— Большой бѣды не было бы, — выговорилъ Благомировъ и нагнулъ низко голову.

— Такъ разсуждать я вамъ не позволю! О! я прекрасно понимаю, что производитъ въ васъ это раздвоеніе. Только въ искусствѣ, въ этомъ, если хотите, миражѣ, борьбѣ съ толпой, въ славѣ, назовите какъ хотите, и есть еще что-то, что влечетъ и придерживаетъ къ жизни.

Она говорила съ большимъ пыломъ, но въ глазахъ ея было нѣчто совсѣмъ иное. За полчаса передъ тѣмъ она не лгала Гремушину. Ея карьера отошла куда-то вдаль. Если она чувствовала въ себѣ артистку, то затѣмъ, чтобы имѣть прямую связь съ этимъ самородкомъ, что сидѣлъ передъ ней и такъ старательно доѣдалъ свою порцію „bœuf à la Stroganoff“, чтобы не дать ему уклоняться отъ прямого пути, чтобы имѣть поводъ толкать его, видѣть развитіе его таланта, создать ему всемірную извѣстность.

— Эхъ, Доротея Васильевна,—выговорилъ Благомировъ, вздохнувъ, какъ человѣкъ хорошо поѣвшій, — не Богъ

вѣсть какое счастье для человѣчества будетъ, что я добьюсь того, что буду называться гдѣ-нибудь въ Италіи Благомиріо, или въ такомъ вкусѣ. Если угодно знать всю подноготную, я все еще на распутьи. Что жъ? И то сказать... Сколько хорошихъ людей обо мнѣ стараются. Я и передъ ними, какъ бы сказать, обязанъ...

— Ни предъ кѣмъ вы не обязаны! — вскричала она и черезъ столъ протянула ему свою руку. — Съ вами товарищъ говорить, Благомировъ, а не женщина. И если бы, вмѣсто Званцева, я сказала вамъ: раздѣлите со мной мой годовой доходъ, вы мнѣ потомъ заплатите, неужели вы бы отказались только оттого, что я дѣвица, барышня, принадлежу къ женскому полу?.. Это мелко и не похоже на васъ... Вы должны презирать такіе жалкіе свѣтскіе предразсудки.

— Да вѣдь тотъ баринъ согласенъ меценатствовать?

— Согласенъ.

— Ну, что жъ!.. Иду въ наймиты... По доброй волѣ...

— За вашъ талантъ и вашу славу!

Они подняли стаканы. Благомировъ сказалъ задумчиво и вдумчиво:

— Лучше за то, Доротея Васильевна, чтобы не опозлѣть въ погонѣ за этой самой славой.

Они еще разъ чокнулись. Въ эту минуту Доротея Васильевна мучительно спросила себя:

„А будетъ ли онъ моимъ?“

XIX.

Гости прибывали. Лидія Степановна Капцова, очень возбужденная и затянутая въ новый корсетъ и въ свѣтлый жилетъ съ высокимъ воротникомъ, ходила по своимъ двумъ гостинымъ и столовой, гдѣ Дина разливала чай въ яркой шемизеткѣ и въ прическѣ, которая только что входила въ моду, съ косой, положенной книзу, а не на маковкѣ.

Около нея пилъ изъ стакана крѣпкій чай и немного причмокивалъ ея постоянный кавалеръ, Маркъ Саввичъ Габзинъ, инженеръ-подрядчикъ, рыжеватый, курчавый, съ веснушками и бородкой клинушкомъ, очень красный, не большого роста, широкій въ плечахъ, въ короткой визиткѣ и красномъ галстукѣ, заткнутомъ темной овальной жемчужиной. Онъ безпрестанно прерывалъ свое балагурство короткимъ брюшнымъ смѣхомъ и маленькими сѣрыми

глазками взглядывалъ на станъ Дины и ея новую прическу. Мать ея надѣялась, что послѣ этого пикника инженеръ сдѣлаетъ, наконецъ, предложеніе.

Дина разливала чай, стоя, поглядывала въ разныя стороны и продолжала шутливый разговоръ съ Габзинымъ. Она чувствовала себя въ своемъ элементѣ, такъ же какъ и мать ея. Для нихъ не было жизни внѣ пріемовъ, пляса, катаній, бенефисовъ.

Гриша, окруженный молодежью, рассказывалъ какой-то анекдотъ въ одной изъ гостиныхъ, недалеко отъ группы дамъ, гдѣ замѣтнѣе другихъ была вдова Мещерина, въ платьѣ сгѣте, издали точно облитая сливками, румяная и свѣжая, вся въ брильянтахъ. Собрались уже двѣ трети всѣхъ приглашенныхъ: человѣкъ больше двадцати. Лидія Степановна нѣсколько разъ отзывала сына и шепталась съ нимъ, кого съ кѣмъ посадить. Онъ записывалъ все на бумажку и повторялъ ей:

— Мамахень, не волнуйтесь... Всѣхъ усадимъ какъ слѣдуетъ.

Себѣ въ помощники, по распорядительной части, Гриша взялъ черненькаго, очень тонкаго лицеиста. Изъ товарищей по факультету былъ приглашенъ всего одинъ, явившійся въ мундирѣ, за что молодой Капцовъ сдѣлалъ ему легкій выговоръ. Было три-четыре офицера, но черные сюртуки преобладали. Лидія Степановна хлопотала о томъ, чтобы побольше было молодежи. Одна изъ дѣвицъ оказалась даже пятнадцатилѣтней дѣвочкой и въ первый разъ въ жизни ѣхала на тройкѣ кататься съ горъ. Но пришлось пригласить и нѣсколькихъ дамъ въ лѣтахъ самой хозяйки или около того, въ томъ числѣ одну, очень бойкую на разговоръ съ мужчинами, полковницу, сѣдѣющую, съ напудренными волосами.

Порфирій Николаевичъ сидѣлъ въ это время на вечернемъ засѣданіи какой-то комиссіи. Его семья надѣялась, что онъ не попадетъ и на ужинъ. Онъ привыкъ спать, когда у нихъ танцы, пѣніе, шумъ и гамъ до пѣтуховъ. Лидія Степановна не надѣялась и на то, что мягко обойдется съ нимъ Малышевъ, который обѣщалъ пріѣхать къ ужину. Къ счастью, о приглашеніи Кустарева и помину не было со стороны Порфирія Николаевича.

Десятый часъ на исходѣ. Въ столовую вошелъ Ермиловъ. Онъ рѣдко посѣщалъ ихъ, и дамы Капцовы находили его почти „ненужнымъ“ правда, блестящимъ и очень

воспитаннымъ, но съ оттѣнкомъ своего превосходства, отъ котораго ихъ коробило. Какъ женихъ, онъ былъ чело-вѣкъ „отпѣтый“, танцовать давно пересталъ, въ ужинахъ не любилъ принимать участія, считался ужаснымъ скрягой и чело-вѣкомъ безъ хорошихъ средствъ, въ сущности какимъ-то „управляющимъ“, который скрываетъ свою частную службу. Вдобавокъ, его репутація „ужаснаго женолюбца“ не подходила къ правамъ веселящагося Петербурга Капцовыхъ, гдѣ любили постоянство въ ухажи-ваніи и даже въ связяхъ.

Ермиловъ почти назвался на ихъ пикникъ и притомъ черезъ Порфирія Николаевича, чего обыкновенно не дѣлалъ никто изъ ихъ постоянныхъ посѣтителей. И мать, и дочь сейчасъ же догадались, что было причиной такой навязчивости. Онѣ пригласили Анну Гавриловну, и съ мужемъ. По этому поводу мать съ дочерью немного совѣщались. Московская приватъ-доцентша, какъ дама, была цѣнной гостьей, но могла оказаться и невыгодной, будь она здѣшняя.

— Ну, что жъ такое,—успокаивала Лидія Степановна,—она здѣсь всего на нѣсколько дней. Бабочка эффектная и держать себя премило. Молодежь будетъ увиваться — пускай! У тебя она твоего Габзина не отниметъ.

Отъ чая Ермиловъ отказался и пошелъ отыскивать молодого хозяина.

Гриша, засунувъ одну руку въ карманъ панталонъ, съ откинутой полрой на бѣлой подкладкѣ, только доканчивалъ рассказывать свой анекдотъ... Ермиловъ взялъ его подъ руку и шепнулъ:

— На одну минуту. Большая просьба къ вамъ, Григорій Порфирьевичъ.

— Что угодно?

Молодой Капцовъ поглядѣлъ на Ермилова съ усмѣшкой, въ которой тотъ прочелъ: „знаю, братъ, о чемъ ты хочешь меня просить“.

— Вы будете разсаживать на тройкахъ?

— Я.

— Позвольте мнѣ въ тѣ сани, гдѣ будетъ madame Куликова.

Говоря это, Егоръ Петровичъ нарочно надѣлъ свой *rinse-nez* и смотрѣлъ вбокъ, чтобы скрыть непріятное смущеніе, овладѣвавшее имъ.

— Тройка эта уже въ полномъ комплектѣ.

— Нельзя ли переменить?

Гриша взглянул на него съ гораздо болѣе безцеремонной усмѣшкой, вынул записку, повелъ губами и сталъ соображать.

— Извольте. Только еще дамъ не будетъ.

— Да и не надо!—вырвалось у Ермилова.

Онъ началъ краснѣть отъ удовольствія, что дѣло уладилось.

— Благодарю васъ!.. Вы очень любезны! — заговорилъ онъ, крѣпко пожимая руку Гриши.

— Не стòить! На здоровье!

Въ этой прибауточной фразѣ: „на здоровье“ было нѣчто въ родѣ покровительства. Въ другое время Ермиловъ безжалостно бы обрѣзалъ такого мальчишку, тутъ же онъ только разсмѣялся совсѣмъ не своимъ смѣхомъ и не отошелъ сразу, а потоптался на мѣстѣ.

„Однако, это Богъ знаетъ что такое!“ — устыдилъ онъ себя, проходя обратно въ столовую. Онъ чувствовалъ, что волненіе его растеть. Если бъ онъ хотѣлъ дать себѣ волю, его бы отнесло къ двери въ переднюю, и онъ сталъ бы ждать входа въ первую гостиную Анны Гавриловны. Для нея назвался онъ на этотъ пикникъ „средней руки“, и вотъ сейчасъ ходилъ просить фата-мальчишку, какъ о великомъ одолженіи, сѣсть съ ней въ одну тройку. А вдругъ какъ тотъ и мужа посадить? Даже этого онъ не выговорилъ себѣ, до такой степени не владѣлъ собою въ разговорѣ съ Гришей Капцовымъ.

У входа Ермиловъ довольно долго топтался. Онъ почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, да и это общество не считалъ своимъ. Онъ ѣздилъ—не часто—въ свѣтъ, но другого сорта, или въ полусвѣтъ, изрѣдка въ кружки любителей балета и Михайловскаго театра.

И добро бы еще видѣлъ онъ тутъ женщинъ, выкупающихъ лицомъ и турнюрами свою петербургскую прѣсноту, а то и того онъ не замѣчалъ. Двѣ-три безвкусныхъ дѣвицы и нѣсколько дамочекъ средней руки. Роскошная вдова Мещерина не привлекала его. Онъ догадывался, что она близка съ Гришей Капцовымъ, и не завидовалъ студенту. Такія полныя, яснолицыя чувственницы оставляли его холоднымъ. Очень ужъ онъ хорошо зналъ ихъ повадку, степень ихъ изящества, ихъ жаргонъ, ихъ наклонность къ самому избитому ресторанному кутежу, ихъ рыхлое мужелюбіе, лишенное жизни, блеска и нерва.

Какъ-то на-дняхъ попалъ онъ въ клубъ къ инженерамъ, на костюмированный вечеръ — былъ тотъ же слой общества, но тамъ хоть одна курносенькая бабенка, съ большими круглыми глазами, заняла его на полчаса своей фигурой и костюмомъ, правда, заѣзженнымъ, но бывшимъ ей къ лицу—*Madame l'Archiduc*.

Но все это только скользнуло въ головѣ Егора Петровича. Онъ изумлялся тому, что топчется около входной двери и ждетъ, какъ студентикъ или офицерикъ, появленія въ дверяхъ ея... Сколько разъ приводилось ему ждать, и въ маскарадахъ, и на улицѣ, и на прогулкахъ, и у себя дома, но никогда онъ еще не переживалъ такого ожиданія, какъ въ эту минуту.

Онъ опустилъ голову, прислонившись къ камину. Отъ этого мѣста до двери было не больше трехъ шаговъ. Чуть слышный шорохъ заставилъ его встrepенуться. Онъ поднялъ голову. Въ портьерѣ остановилась Анна Гавриловна, а за ней, вбокъ, видна была короткая фигура ея мужа.

Шею — эту прекрасную шею, шедшую могучимъ стволомъ, какъ на статуяхъ, — покрывалъ воротникъ изъ матовыхъ золотыхъ шнурковъ, переходившій въ такой же нагрудникъ. Платье драпировало своими волнистыми складками, въ видѣ драпри, вкось, ея изумительный станъ, никогда еще не выступавшій передъ нимъ въ такой красотѣ.

— Ахъ!.. Это вы! — вырвалось у него.

И вдругъ ему нестерпимо захотѣлось сказать ей, какъ въ Москвѣ, стихомъ Чацкаго:

„Конечно, не меня искали!“

Онъ почувствовалъ, что его цитата была бы принята совсѣмъ не такъ, какъ на Патріаршихъ-Прудахъ.

— Здравствуйте, Ермиловъ, — выговорила Анна Гавриловна и холодно-привѣтливо, съ необычайно красивымъ наклономъ головы, протянула ему руку.

— Вы позволите провести васъ къ хозяйкѣ?

Онъ было-хотѣлъ предложить ей руку, но Куликовъ выскочилъ изъ-за портьеры, поздоровался съ нимъ, съ короткимъ смѣхомъ, и свернулъ свою правую руку кренделемъ.

Анна Гавриловна не обратила на этотъ жестъ вниманія и взяла руку Ермилова. Она оглянула гостиную и спросила вполголоса:

— Кустаревъ здѣсь?

— Я не видѣлъ, — отвѣтилъ Ермиловъ и хотѣлъ прибавить что-то злобное, но опять испугался ея.

Подбѣжалъ Гриша Капцовъ, по-офицерски поклонился, указалъ рукой на Ермилова и объявилъ:

— Вашимъ кавалеромъ будетъ, въ тройкѣ, м-г Ермиловъ.

— Да? — спросила Анна Гавриловна и приняла руку студента, который повелъ ее прямо въ столовую.

Мужъ пошелъ съ Ермиловымъ за ней слѣдомъ.

XX.

Въ полутемнотѣ, на вышкѣ одной изъ деревянныхъ башенъ ледяной горы, скучилось общество пикника Капцовыхъ.

Морозило. Рѣзковатый вѣтерокъ ходилъ по вышкѣ и относилъ голоса. Только что спустились большія санки съ нѣсколькими дамами. Онѣ взвизгивали, и ихъ болтовня слышалась теперь уже въ самомъ низу. На краю Гриша Капцовъ усаживалъ вдову Мещерину, укутанную въ бѣлый пуховой платокъ и свѣтло-песочную ротонду съ тибетскимъ мѣхомъ—обширную и безформенную. Онъ самъ утвердился позади, уперся ногами и обхватилъ ее. На немъ молодецки сидѣла фуражка, и высокій стоячій мерлушковый воротникъ пальто подпиралъ ему затылокъ.

— Перегонимъ! — крикнула Мещерина.—Grégoire... Я, право, не боюсь.

— Увидимъ! — отвѣтилъ Гриша, и въ эту минуту ихъ высокія санки помчались внизъ, стремительно и по прямой линіи.

— А вы не боитесь такъ?—спросила Анна Гавриловна Ермилова, стоявшаго рядомъ съ нею, немного въ сторонѣ, у одной изъ колонокъ навѣса.

Она была также укутана въ бѣлый, но шелковый платокъ, и темная, крытая шелкомъ шубка выставляла контуры ея стана. Лицо уходило въ платокъ, повязанный по-крестьянски, и глядѣло оттуда возбужденными и недобрыми глазами.

— Я?—переспросилъ Ермиловъ.

— Вы такъ не сумѣете, молодцомъ, какъ этотъ студентъ?

Очень ему захотѣлось доказать ей, что можетъ, но онъ не рѣшился выказать молодечество, не надѣялся на свои ноги. Онѣ все сильнѣе стали, въ эту зиму, припадать.

— Нѣтъ, не сумѣю,—отшутился онъ со вздохомъ.

Говорить другимъ тономъ онъ пробовалъ, вотъ сейчасъ, но на всѣ его подходы Куликова отвѣчала короткими фразами, которыя онъ долженъ былъ глотать, точно кусочки льду.

Въ троечныхъ саняхъ онъ сѣлъ противъ нея, глядѣлъ на ея прекрасный профиль, хотѣлъ овладѣть разговоромъ, но она еще на Троицкомъ мосту объявила, что боится жабы, закрыла ротъ и половину лица муфтой. Рядомъ съ ней сидѣлъ какой-то мальчикъ-лицеистъ, а на переднемъ сидѣннѣ, около него, офицерикъ. Они все остряли, перекидывались прибаутками, бывшими въ ту зиму въ ходу въ ресторанѣ Кюба, съ прибавкою старенькихъ анекдотовъ, въ родѣ того, какъ одинъ правовѣдъ сказалъ другому, указывая на оберъ-полицеймейстера и перефразируя его слова:

— „Сережа, запиши!“

Ермилову хотѣлось крикнуть имъ: „Да когда же вы замолчите, мальчуганы!“ Его бѣсило то, что Анна Гавриловна, не принимая участія въ ихъ болтовнѣ, изрѣдка смѣялась этимъ пошлостямъ, и въ ея взглядѣ онъ могъ читать тогда:

„Они глупы, но молоды, и жизнь въ нихъ играетъ, а вы, мой другъ, все еще не хотите сойти съ вашего ампула любовнаго злодѣя“.

Онъ ясно читалъ это въ косвенныхъ взглядахъ этихъ узковатыхъ глазъ съ поволокой, и отъ сердечной боли кровь прилила ему къ головѣ.

Зябко ему въ груди подъ короткимъ пальто; морозный воздухъ пробирается подъ ваточную подкладку и ползетъ вдоль спины. И зачѣмъ онъ надѣлъ свою бекешъ, вмѣсто медвѣжьей шубы? Неужели все изъ желанія молодиться?.. И дорогой онъ уже начиналъ зябнуть; ноги ныли въ щиколкахъ и пониже колѣнъ.

Весь троечный пикникъ Капцовыхъ тяготилъ его чрезвычайно. Что-то грубое, нелѣпое и трактирно-разгульное было въ носъ отъ этой „Аркадіи“, отъ разговоровъ, отъ смѣха дамъ и дѣвицъ, отъ этихъ горъ, отъ зловѣщей синевы электрическаго свѣта.

Когда ихъ тройка подкатила къ подъѣзду и онъ высочилъ первый изъ саней, чтобы высадить Анну Гавриловну, у входныхъ дверей стояли два купчика — одинъ совсѣмъ пьяный, другой поддерживалъ его. Оба перего-

варивались съ лихачомъ-извозчикомъ. Дворникъ стоялъ тутъ же съ метлѣй и посмѣивался браннымъ возгласамъ захмелѣвшаго купчика.

Онъ подумалъ, что и въ Москвѣ, въ „Стрѣльнѣ“ или у „Яра“, куда онъ хотѣлъ везти кататься Анну Гавриловну на лихачѣ, они могли наткнуться на точно такую же сцену. Развѣ не хорошо поступилъ онъ, отказавшись отъ такого удовольствія? И теперь эта дѣвица, сдѣлавшись — *par dépit* — госпожой Куликовой, мститъ ему, а онъ не можетъ бросить запоздалое ухаживанье, не умѣетъ найти лазейки въ душу этой московской барыньки, начать играть на одной изъ податливыхъ струнъ всякой женской натуры, втягивается въ глупую и смѣшную роль.

— Холодъ дѣйствуетъ на васъ, какъ на иныхъ жара? — сказала она, поднявъ голову, и прищурилась.

— Въ какомъ смыслѣ? — спросилъ Ермиловъ.

— Выпускаетъ изъ васъ весь эрѣ-фиксъ.

И она засмѣялась суховато и почти дерзко.

„Подтянись, — ободрялъ себя онъ, — отпарируй ей такъ, чтобы она, наконецъ, познала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло“.

Но острота не являлась на языкъ. Онъ только юмористически крикнулъ, переступилъ съ ноги на ногу — ноги были въ высокихъ ботикахъ — и перевелъ плечами.

„Да вѣдь я просто тупѣю! — съ ужасомъ замѣтилъ онъ мысленно. — Еще два-три приѣма такой гипнотизаціи — и я превращусь въ маньяка, въ родѣ Гремушина“.

Съ Гремушинымъ онъ встрѣтился утромъ того же дня. Ему судьба съ нимъ встрѣчаться. Они поговорили, разумѣется, о Карусѣ. Московскій чудакъ на вопросъ Ермилова — ѣдетъ ли онъ вслѣдъ за Доротеей Васильевной? — отвѣтилъ голосомъ католическаго патера:

— Я своей воли уже не имѣю, — и глаза его получили выраженіе, вызвавшее въ Ермиловѣ почти гадливое чувство.

„Дойду, дойду до того же!“ — повторялъ онъ, и въ первый разъ въ жизни чувствовалъ, что и онъ начинаетъ лишаться воли въ выборѣ разговора, что ему не найти, на этой вышкѣ, ничего сколько-нибудь умнаго, напоминающаго о прежнемъ Юріи Петровичѣ.

Положеніе сдѣлалось бы нестерпимымъ, если бъ снизу не поднялась цѣлая группа дамъ и мужчинъ, среди нихъ и мужъ Анны Гавриловны, и вся вышка наполнилась говоромъ. Куликовъ руководилъ этой партіей, распорядился опять санями, усаживалъ дамъ.

— Юрій Петровичъ!.. Анна Гавриловна! — пригласилъ онъ ихъ.—Рѣшитесь хоть въ нашей лодкѣ!

Онъ намекалъ на форму широкихъ саней.

— Угодно? — спросилъ ее Ермиловъ и протянулъ ей руку.

Анна Гавриловна дала себя усадить. Ермиловъ помѣстился между двумя барышнями, которыя все взвизгивали, и не могъ освободиться отъ непріятнаго предвкусія пустоты и полета внизъ. Онъ никогда не катался, и все это удовольствіе находилъ „идіотскимъ“. Вбокъ смотрѣлъ онъ на юркую фигуру Куликова. Тотъ смахивалъ на провизора изъ нѣмцевъ, чувствующаго себя необычайно ловкимъ, милымъ и простымъ. Жена ни разу на него не взглянула, пока усаживалась. Ермиловъ не могъ ни минуты сомнѣваться въ томъ, что она совершенно равнодушна къ своему мужу, но это-то и явило его, и вызывало неиспытанное ощущеніе обиды, и тянуло куда-то внизъ головой, по какому-то льду, какъ эти сани, стоявшія уже наполовину надъ склономъ горы.

Вотъ сани вздрогнули, передокъ ухнулъ, полозья засвистѣли по ледяной корѣ; у Ермилова занялся духъ; онъ закрылъ глаза и взялся быстро за ободокъ.

— Бойтесь?—раздался женскій голосъ.

Это она его спросила.

— Боюсь!—отвѣтилъ онъ и не открывалъ глазъ.

Но онъ отдавался полету внизъ почти съ отраднымъ замираніемъ. Это катанье — не проста. Это — символъ! Такъ и онъ полетитъ внизъ, если вдругъ, какимъ-то чудомъ, страсть завладѣетъ имъ.

Все можетъ быть!.. Нужды нѣтъ, что онъ, до сихъ поръ, держался взгляда на неизмѣнность натуры и темперамента въ человѣкѣ... Но почему же не въ силахъ онъ разбудить въ себѣ прежняго Ермилова, дать ходъ своей скептической чувственности во вкусъ восемнадцатаго вѣка, настроить свое воображеніе на гривуазные образы?

Противъ него сидитъ „она“. И это слово „она“ совсѣмъ не такъ звучитъ у него внутри, какъ когда-либо, въ безчисленные его легкія увлеченія и такія же легкія побѣды.

Сани остановились. Всѣ торопливо повскочили съ мѣстъ. Онъ не сразу могъ придти въ себя. Точно сквозь дымку видѣлъ онъ, какъ Куликовъ повелъ жену свою подъ руку вверхъ, по крутой лѣсенкѣ. И онъ поплелся за ними.

Ноги у него все сильнѣе ныли. Подниматься ему было трудно. Ночью — онъ зналъ навѣрное — будутъ сильныя боли. Но что за нужда! Почему же для „нея“ не пострадать, когда изъ-за столькихъ дрянныхъ интригъ онъ не щадилъ здоровья?

И опять, при спускѣ, то же ощущеніе, погруженіе въ безволие, начало нежданной и тираннической силы женщины уже не надъ однимъ его потертымъ, старѣющимъ тѣломъ, а надъ всѣмъ существомъ.

Онъ уже не возмущался противъ этого вывода, а только претерпѣвалъ. Онъ не упускалъ „ее“ изъ виду, не подходилъ къ ней, не заговаривалъ. Все общество, послѣ катанья, побродило еще по зимнему саду, гдѣ пѣли арфынки, потомъ стало разсаживаться по тройкамъ. И того купчика, что входилъ, когда они подѣхали, выпроваживала прислуга, мертвецки пьянаго, и дворникъ застегивалъ полость. Все это мелькало мимо него, не вызывая никакой прежней „ермиловской“ игры ума. Онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ, что противъ него женщина, отъ которой онъ не отстанетъ, что ему жутко и сладко взглядывать на это лицо, ушедшее вглубь бѣлаго платка, откуда два длинныхъ глаза ожгутъ его своимъ красивымъ холодомъ.

„Воли у меня нѣтъ, воли у меня нѣтъ!“ — повторялъ онъ слова Гремущина, и въ этомъ человѣкѣ почуялъ своего собрата и товарища.

Извозчикъ вскрикивалъ, пристяжныя взбивали комья снѣга, фонари мелькали справа и слѣва.

XXI.

Въ обѣихъ комнаткахъ номера Кустаревыхъ все уложено. Посрединѣ первой — сундукъ, черный, деревянный, скованный желѣзными полосами, стоитъ увязанный веревкой. На подзеркальникѣ — ручной чемоданчикъ. Здѣсь и тамъ — разные свертки. По полу разбросаны газетные листы и много ненужныхъ, брошенныхъ нарочно, коробочекъ, обрывковъ оберточной бумаги, картонокъ.

У стола, гдѣ горитъ только одна свѣча, въ позѣ людей, отдыхающихъ отъ укладки, сидѣли другъ противъ друга мужъ и жена.

Маргарита Сергѣевна куталась въ платокъ. Прядь волосъ на ея лбу сползла и давала тѣнь. Лицо было очень блѣдно, но глаза горѣли. Мужъ ея облокотился одной

рукой о столъ, курилъ и низко опустилъ голову съ взъерошенными отъ укладки волосами. На немъ была блуза, подпоясанная кушакомъ.

— А знаешь что, Меня,—вдругъ заговорила она,—отпусти-ка ты меня одну!

Не сейчасъ пришла она къ этому предложенію—только не рѣшалась его раньше высказать, боролась съ собой.

— Что такое?—какъ бы не дослышалъ Кустаревъ.

— Отпусти меня одну! — повторила маленькая женщина.

Онъ поднялъ голову и откинулъ волосы.

— Это съ какой стати? Что ты, милая? Черезъ великую силу добылъ я паспортъ, и вдругъ ты что надумала!.. Вѣдь ты еле бродишь. Такой долгій путь, переѣзды съ одного вокзала на другой... Заболѣть можешь въ Варшавѣ, въ Вѣнѣ... и тамъ на первыхъ порахъ... Да и выбрать надо намъ сообща самое подходящее мѣсто. Отсюда ничего не видать. А наши врачи, и самые знаменитые, привыкли къ извѣстнымъ звукамъ; одинъ твердитъ: „Санъ-Ремо“, другой—„Ментона“, третій—„Каннъ“ или „Ницца“. Все надо оглядѣть, квартиру нанять. Слѣдственно, бѣгать, по этажамъ лазить, торговаться съ хозяйками... Гдѣ же тебѣ!

Все это онъ выговорилъ однимъ духомъ, очень убѣжденно.

— Знаю, Меня,—возразила Маргарита Сергѣевна.—Я передумывала и такъ, и этакъ. Отъ того, что ты будешь сидѣть со мною въ вагонѣ, я здоровѣе не буду.

— Однако, милая!

Онъ начиналъ волноваться и затушилъ папиросу тревожнымъ движеніемъ руки.

— Тебѣ туда—ни къ чему!.. Ни для здоровья, ни для удовольствія. Я тебѣ и безъ того буду большихъ денегъ стоить.

— Къ чему опять объ этомъ?

Кустаревъ махнулъ рукой: эту тему жена его уже нѣсколько разъ затрогивала въ Москвѣ, что ему было особенно непріятно.

— Ну, я не буду, — кротно, но твердо продолжала она.—Ты не любишь... Я нахожу только, что тебѣ ѣхать и жить тамъ, зря, неизвѣстно сколько времени, совершенное безуміе. Хуторъ забросить, весна не за горами. Газета также... Оттуда что ты будешь писать? Да ты и

не охотникъ до корреспонденцій. Не умѣешь пустячки болтать.

— Все это лишнее!—рѣзко выговорилъ онъ и заходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, Меня, я прошу тебя выслушать...

— Не утомляй ты себя, Бога ради! Видишь, задыхаться начала!

— Помолчи чуточку, не перебивай меня.—Она глубоко перевела духъ и вытянула ноги. — Ужъ если ты такъ боишься за меня, ну, пошли со мною кого-нибудь... За небольшую плату поѣдетъ... хорошая дѣвушка... въ родѣ бонны или грамотной горничной. Здѣсь много такихъ... это не Москва. Содержаніе полное и жалованья рублей пятнадцать. Съ радостью согласятся!

— Этого еще недоставало!

Но онъ смолкъ, пересталъ ходить и опять присѣлъ къ столу.

— Повѣрь, что такъ лучше будетъ, Меня. Когда съ близкимъ человѣкомъ ѣдешь больная, изъ всего выходитъ лишнее волненіе, разговоръ. Сама привыкаешь ныть и жаловаться.

— Ты этимъ не грѣшишь, кажется.

— Избалуюсь! Непремѣнно избалуюсь! Съ простой сидѣлкой лучше. Все равно, если я тамъ не поправлюсь, и тебѣ необходимо будетъ возвратиться, кончимъ же тѣмъ, что наймемъ кого-нибудь.

— Это десятое дѣло. Не теперь... Такая гадость въ этомъ Питерѣ: вѣтеръ, то лютый морозъ, то оттепель, а ты собираешься сидѣть еще, тратить время на подысканье компаньонки, или тамъ хоть и толковой горничной!..

— Какихъ-нибудь три-четыре дня!

— Нѣтъ!—вырвалось у него, и онъ началъ ерошить волосы.—Все это твоя черезчурная совѣстливость! Когда ты перестанешь считаться со мной? Ахъ, Гаря, Гаря!

Онъ взглянулъ на нее возбужденнымъ, но ласковымъ взглядомъ, и лицо маленькой женщины озарилось внутреннимъ свѣтомъ. Никогда еще мужъ не былъ ей такъ дорогъ, какъ въ эту минуту. И она, дѣлая надъ собою усиліе, продолжала настаивать на томъ, чтобы онъ отпустилъ ее одну.

— Будь ты другой человѣкъ,—начала она опять и подалась впередъ своимъ худенькимъ станомъ,—я бы даже

рада была... Ты бы отдохнулъ, расцвѣлъ бы тамъ, на солнцѣ, ушелъ бы въ привольную, растительную жизнь. Но я тебя знаю, Меня. Тебя гложетъ червякъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, я такъ и зналъ!..

— Я въ послѣдній разъ говорю объ этомъ, клянусь тебѣ!.. Но къ чему же скрывать отъ самого себя свою душевную боль, Меня?.. Какъ здѣсь ни плохо живется и тебѣ, и всѣмъ, кто съ тобою одного склада, все-таки ты дома, уйдешь хоть въ хуторскую жизнь, будешь писать, сознавать, что ты не инвалидъ, не выкинутый изъ общаго дѣла человѣкъ. А тамъ ты адски затоскуешь! Помяни мое слово!.. Я тебя знаю. Вся эта сытая и праздная Европа, что бродить по зимнимъ станціямъ, только возмущать тебя будетъ, и наши бары, и заграничные... И такъ—изо-дня-въ-день. Книжки читать—одурь возьметъ. Будутъ приходить газеты изъ Россіи—каждый день напоминать, что тамъ люди хоть какое-нибудь дѣло да дѣлаютъ, а ты—бездѣйствуй!.. И все это изъ-за меня!.. Я не могу этого допустить!..

Она замолкла и собралась вся въ комочекъ. Онъ не тотчасъ отвѣтилъ, а закурилъ сначала новую папиросу.

— И я, Гарюшка, не могу допустить, чтобы ты, изъ-за того, что я, видите ли, захандрю, рисковала.

— Чѣмъ?—слабымъ голосомъ спросила она.

— Да всѣмъ... Всѣмъ выздоровленіемъ.

По безцвѣтнымъ губамъ маленькой женщины прошлась улыбка, говорившая о малой надеждѣ когда-либо поправиться.

— Всѣмъ, всѣмъ выздоровленіемъ! — повторилъ Кустаревъ.—И ты жестоко ошибаешься насчетъ меня, по крайности въ данномъ случаѣ. Этакая сладость киснуть дома! Да еще при томъ заботливомъ соглядатайствѣ, подъ какое я попалъ... Здѣсь тоже не лучше. Превосходно ужъ и то, что я заграничный паспортъ добылъ. Надо хоть этимъ воспользоваться.

— Ты вернешься же!

— Вернусь, но по нѣкоторомъ времени. Прямой расчетъ, чтобы обо мнѣ позабыли немножко.

— А уйдешь—будутъ опять подозрѣвать тебя.

— Пускай!.. Будетъ прекрасно извѣстно, что я посижу съ тобой на этой самой Ривьерѣ и ни въ какихъ ком-

плотахъ, кромѣ заговора противъ твоего женскаго упорства, участвовать не буду.

Кустаревъ засмѣялся, всталъ, подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее въ голову.

— Упрямица ты моя! Ходячая ты совѣсть! Успокойся!.. Довезу тебя, устрою, самъ погуляю по благословенному побережью, въ рулетку, чѣмъ чортъ не шутить, выиграю тысячъ этакъ тридцать франковъ... а если ты наладишься — и назадъ. Вотъ мой супружескій приказъ, и вамъ, сударыня моя, остается повиноваться. Силкомъ вы меня, завтра, съ варшавскаго вокзала не вытолкаете. Такъ-то!..

Она подняла на него глаза, полные слезъ, и прошептала:

— Смотри, Меня, чтобы хуже не было!

— Басни!.. Теперь лягъ ты въ кроватку, а мнѣ пора проститься съ благопріятелями.

— Будешь у Куликовыхъ? — быстро спросила Маргарита Сергѣевна и чуть-чуть покраснѣла, но мужъ не могъ замѣтить этого.

— Съ какой стати?

— Она была тогда...

— Мужъ-ловкачъ прислалъ, чтобы самому не заѣзжать.

— Конечно, тебѣ нечего.

Маленькая женщина привстала, обняла мужа одной рукой за шею и прильнула къ нему.

— Такъ ѣдешь со мною, Меня?—проговорила она полушопотомъ.—Ну, спасибо!.. А какъ только захандришь, я тебя сейчасъ же прогоню!..

— Гони, гони!

Онъ взялъ ее подъ локоть и повелъ ко второй комнатѣ.

— Ложись, ложись!.. А то нервы расходятся. И сна не будетъ!

— Ты къ Капцовымъ?—все еще какъ будто съ нѣкоторой тревогой спросила Маргарита Сергѣевна.

— Къ Капцову — ко второму. Теперь шестой часъ. Ермиловъ просилъ пообѣдать съ нимъ. Оттуда я къ Порфирію, на минутку, да еще въ третье мѣсто. Къ одному тоже московскому знакомцу. Совсѣмъ у меня изъ головы вонъ. А я ему обѣщала. Обидится человѣкъ, если узнаетъ, что я здѣсь былъ, а къ нему не зашелъ. Ты меня не жди, слышишь?.. Я, быть-можетъ, попозднѣе отъявлюсь.

Она хотѣла-было спросить, къ какому это московскому знакомцу, но не спросила и добрела, съ его помощью, до кровати.

— Ну, иди, иди, Меня, не опоздай. Тебѣ еще переодѣться надо.

— Это зачѣмъ? И въ этомъ можно. Съ Егоромъ Петровичемъ мы въ кабачкѣ будемъ обѣдать, въ отдѣльномъ кабинетѣ. Онъ такъ говорилъ. У Порфирія я на дамскую половину ходить не буду, а въ третье мѣсто можно въ какомъ угодно костюмѣ, хоть въ полушубкѣ.

— Хорошо. Иди!.. Милый Меня!

Кустаревъ тихонько вышелъ и тотчасъ же сталъ надѣвать шубу.

— Какъ же дверь-то оставить?—спросилъ онъ, уходя.— Ты заснешь?

— Ничего! Не бойся! Я услышу, если кто войдетъ. До свиданія, Меня, спасибо!

Въ этомъ „спасибо“ зазвучало большое успокоеніе.

Не сразу заснула Маргарита Сергѣевна. Она лежала, съ закрытыми глазами, въ темнотѣ тѣсной комнаты и улыбалась. Ея Меня поѣдетъ съ нею, она не разстанется съ нимъ еще мѣсяць, можетъ-быть, и больше. Но зачѣмъ же она такъ уговаривала его пустить ее одну? Неужели хитрила?

Нѣтъ, она дѣлала это сознательно и чистосердечно, но вотъ уже нѣсколько дней, какъ она безпрестанно возвращалась мыслью къ той молодой и красивой женщинѣ, что была въ этомъ номерѣ. Меня, если бѣ согласился на ея доводы и вернулся бы въ Москву, теперь, черезъ нѣсколько дней, могъ бы встрѣтиться съ нею. Скука одиночества, сочувственный тонъ такой особы... Что-то говорило ей, что Куликова не проста явилась. Но Меня ѣдетъ за границу. Кто знаетъ? Быть-можетъ, ея выздоровленіе пойдетъ такъ быстро, что къ веснѣ они оба пустятся въ обратный путь.

Съ этой мыслью она заснула.

XXII.

Въ началѣ девятаго Кустаревъ пѣшкомъ пробирался изъ ресторана на Морской, гдѣ онъ обѣдалъ съ Ермиловымъ, къ квартирѣ Капцовыхъ.

Онъ двигался по узкому обледенѣлому тротуару набережной и не могъ стряхнуть съ себя чувства, съ какимъ онъ вышелъ на улицу, послѣ обѣда въ отдѣльномъ кабинетѣ. Вмѣсто веселой, игривой бесѣды, какъ это всегда

бывало у него съ Ермиловымъ, онъ пережилъ нѣчто другое, совершенно неожиданное и странное.

Ермиловъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ какимъ-то необычнымъ тономъ спрашивать: давно ли онъ знакомъ съ Анной Гавриловной Куликовой, дѣлать намеки, всѣмъ ему непонятные, говорить про народниковъ, которымъ выгоденъ бываетъ ихъ мундиръ, для возбужденія къ себѣ интереса.

Потомъ онъ рѣзко перемѣнилъ тонъ, сталъ допрашивать, уже болѣе искренно, испытывалъ ли Кустаревъ настоящую страсть? Онъ ему отвѣтилъ, что полюбилъ ту, кто теперь его жена, молодымъ человѣкомъ, до брака, связей съ замужними женщинами избѣгалъ по принципу, а про остальное, изъ студенческихъ временъ, и вспоминать не хочетъ.

Потомъ Ермиловъ какъ бы застыдился своего полупризнанья, сталъ настраиваться на игривый ладъ, пробовалъ острить и рассказывать петербургскія новости, но все у него выходило не весело и не остроумно.

Кончилъ онъ двумя-тремя почти злобными шутками, обращенными опять на Кустарева, и прощальными пожеланіями, гдѣ были снова намеки и лирическія полупризнанья, звучавшія не то рисовкой, не то настоящей горечью отъ сознанія, что года ушли, а налетѣла новая блажь, которая грозитъ полнымъ перерожденіемъ личности эпикурейца и неунывающего женолюбца.

Къ сенсуализму Ермилова онъ былъ всегда снисходителенъ, дѣлалъ для него исключеніе. И его огорчило, за этимъ обѣдомъ вдвоемъ, именно то, что Ермиловъ перестаетъ быть самимъ собою, впадаетъ въ какое-то добровольное рабство передъ женщиной.

Любящій и нѣжный съ своей Гарей, Кустаревъ находилъ, что любовное „нервничанье“ слишкомъ овладѣваетъ мужчинами. Куда ни посмотришь, вездѣ царить сентиментальная чувственность.

Женщина опять почувала свою демоническую власть и давно уже переходитъ отъ увлеченія наукой, идеями, общественными идеалами къ „ублаженію“ себя всѣмъ, что заставляетъ мужчину терять разумъ и становиться ея данникомъ.

Лицо и фигура Куликовой всплыли въ его памяти. Конечно, „бабенка“, а не кто-либо другой, подстрѣлила Ермилова на склонѣ его безпечнаго и наряднаго безпут-

ства. Вспомнились ему всѣ переливы ея голоса, когда она, на-дняхъ, говорила съ нимъ, игра фizioноміи, вся ея повадка... Ему стало неловко, почти скверно. Встрѣться она ему вотъ сейчасъ, на этомъ тротуарѣ, она услыхала бы отъ него нѣсколько непріятныхъ истинъ.

„За чтò?“—спросилъ онъ себя и не отвѣтилъ.

Въ такихъ думахъ дошелъ онъ до квартиры Капцовыхъ.

Его встрѣтила горничная и не особенно любезно спросила его съ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Вамъ, господинъ, кого?

— Да мнѣ бы Порфирія Николаевича,—отвѣтилъ смиренно Кустаревъ.

— Они заняты.

— Я знаю-съ... Только онъ меня поджидаетъ... Я проститься.

— Сейчасъ доложу.

Нѣмка не смягчалась и потребовала его имени, которое она не сразу выговорила. Кустаревъ началъ все-таки снимать свой тулупчикъ и развязывать шарфъ. Изъ передней раздавалось бречанье на фортепіано и разговоръ вполголоса, въ первой гостиной, вѣроятно, у рояля. На вѣшалкѣ висѣло нѣсколько мужскихъ шубъ.

„Должно-быть, гостей, — подумалъ онъ, — нетолченая труба, а бѣдный Капцовъ кряhti... отдувайся!“

— Пожалуйста!—строго позвала его горничная и отворила ему дверь жестомъ, который разсмѣшилъ его.

„Экая мамзель!“—проговорилъ онъ про себя.

— Голубчикъ!—встрѣтилъ его Порфирій Николаевичъ у дверей и тотчасъ поцѣловался съ нимъ. — Ужъ я думалъ, не придешь... Такъ завтра въ путь?

— Завтра.

— Ужъ ты извини меня, Бога ради! На вокзалъ я, пожалуй, опоздалъ бы. Не управлюсь.

Капцовъ почесалъ за ухомъ.

— Съ какой стати?—перебилъ его Кустаревъ.—Дальніе проводы... Спасибо тебѣ, еще разъ, что порадовалъ о товарищѣ, отстоялъ гдѣ слѣдуетъ.

— Ну, вотъ, пустяки. Я такъ, душа моя, радъ, что ты проводишь Маргариту Сергѣевну... и самъ отдохнешь отъ нашихъ прелестей...

Онъ не договорилъ. Ему, всякій разъ, какъ онъ при Кустаревѣ позволялъ себѣ такія фразы, дѣлалось немного

совѣстно своего либеральничанья. „Вѣдь я чинущъ, — уличалъ онъ себя, — мнѣ не пристало такія слова говорить“.

— А Гаря совсѣмъ-было собралась безъ меня ѣхать!

И Кустаревъ разсказалъ ему про свой сегодняшній разговоръ съ женой.

— Узнаю, узнаю я ее! — говорилъ Капцовъ, низко наклоняя голову надъ столомъ, гдѣ онъ опять сѣлъ. — Вотъ натура! Вотъ святая женщина! Истинное тебѣ счастье, Евменій Филипповичъ. Только здоровьемъ-то не вышла.

Капцовъ громко вздохнулъ, поднялъ голову и помолчалъ.

— А это она, пожалуй, и вѣрно говоритъ, другъ, что ты тамъ, среди пальмъ и магнолій, можешь адски затосковать и еще сильнѣе чувствовать себя не у дѣлъ.

— Ну, а ты у дѣлъ, Порфирій Николаевичъ? — съ тихимъ смѣхомъ спросилъ Кустаревъ. — Сладко тебѣ отъ этого?

— Обо мнѣ что и толковать, голубчикъ. Я — человѣкъ отпѣтый. — Онъ сталъ говорить тише. — Я давно продалъ все свое личное душевное добро за чечевичную кашу. Давно!

И онъ махнулъ рукой и продолжалъ еще тише, раза два даже оглядывался на дверь въ коридоръ.

— Уѣдешь ты, вернешься... и еще нѣсколько зимъ протянетъ — и все ты меня за той же каторжной сутолокой будешь заставлять.

Въ эту минуту изъ первой гостиной раздался женскій смѣхъ, и чей-то мужской голосъ началъ шансонетку подъ аккомпанементъ.

— Слышалъ? — Капцовъ говорилъ уже совсѣмъ тихо. — Это дочка моя со своимъ яко бы нареченнымъ изволить... по-нынѣшнему, какъ это по-аглицки называютъ?.. При-смотра за ними никакого не полагается. А этотъ яко бы женихъ...

— Кто? — спросилъ Кустаревъ.

— Инженеръ... подрядчикъ. И не думаетъ онъ на ней жениться. Никакого и намека не было на серьезный разговоръ или предложеніе. Онъ тамъ, — онъ указалъ рукой, — рѣшили, что слѣдуетъ его считать женихомъ. Моего, разумѣется, мнѣнія никакого и не спрашиваютъ. Да, по правдѣ сказать, и зачѣмъ оно?

Нота горечи задрожала въ голосѣ Каптова. Онъ еще ниже нагнулся къ пріятелю.

Въ кабинетѣ стояла полутьма отъ одной лампы подъ зеленымъ колпакомъ.

— Да,—протянулъ Капцовъ широкимъ вздохомъ,—вотъ тебѣ полная картина моего дома: дочка съ инженеромъ амуруется и готова осрамить себя, только бы была какая-нибудь надежда пойти въ законныя сожительницы къ хлыщу-подрядчику, завѣдомо развратному. Жена,—онъ на минуту остановился, точно перехватило въ горлѣ,—изволить теперь въ своемъ будуарѣ бесѣдовать съ другомъ дома.

Протянулось молчаніе.

— Что я тебѣ говорилъ,—началь такъ же тихо Кустаревъ.—Зачѣмъ было тогда и выступать противъ того Искариотова друга?

Но Кустареву стало слишкомъ жаль пріятеля, чтобы добивать его, когда онъ и самъ такъ безпощадно обличалъ и корилъ свое слабодушіе.

— Ахъ, голубчикъ!—Капцовъ схватилъ руку Кустарева, и слезы дрогнули въ голосъ.— Ахъ, милый Евменій! До кровавыхъ слезъ можно плакать... въ безсонныя ночи, а выше своей натуришки не прыгнешь. Мало вы всѣ, однокурсники, надо мной издѣвались. Доброта моя на подкладкѣ трусости и подхалимства была. Этакая гуманность презрѣннѣе самаго заскорузлаго эгоизма, хуже душегубства.

— Хватилъ!

— Хуже! Чему я служу? Безпутству, цѣлой группѣ хищниковъ. Обираю и казну, и частныя учрежденія, всячески, какъ только могу.

— Обираешь своимъ горбомъ!

— Это-то и постыдно! До того дошелъ, что сына не смѣю подтянуть, видя, какъ онъ на прямой дорогѣ долженъ быть если не валетомъ, то чѣмъ-нибудь еще хуже. Вотъ онъ теперь у своей вдовы сидитъ, она его шампанскимъ на ананасахъ угощаетъ. А можетъ, и деньги суесть за каждый его визитъ.

— Уѣзжай отъ нихъ!.. Возьми мѣсто въ провинціи, — сказалъ Кустаревъ и тотчасъ почувствовалъ, что это пустыя слова.

— Никуда я отъ нихъ не уѣду!.. Ни отъ дѣтей, ни отъ Лидіи Степановны.

Они оба замолчали. Капцовъ взялъ руку Кустарева и долго держалъ ее въ обѣихъ своихъ.

— Тяжело тебѣ, другъ,—заговорилъ онъ,—не на твоей

улицѣ теперь праздникъ. Нужды нѣтъ! Вырвешься за границу, поживешь тамъ, но я знаю тебя — ты скоро вернешься.

— Навѣрно! — откликнулся какъ бы про себя Кустаревъ.

— Какъ ни какъ, а маячить надо — у себя дома, — договорилъ онъ и всталъ.

Они обнялись.

— Не побрезгуй заглянуть на возвратномъ пути, Евменій Филипповичъ. Уважать тебѣ меня не за что. Хоть немножко люби! Спасибо, спасибо за то, что пришелъ проститься.

Кустареву стало стыдно этихъ словъ Порфирія Николаевича. Онъ быстро сжалъ его руку и такъ же быстро вышелъ изъ кабинета, повторяя:

— Сиди, работай, провожать меня не надо! И завтра не порывайся на машину. Будь здоровъ! Увидимся, быть-можетъ, скорѣе, чѣмъ думаемъ.

XXIII.

Въ квартирѣ портного Гусева, по Разъѣзжей, на второмъ дворѣ дома, полного мастеровыхъ, въ тѣсной комнатѣ, служившей и спальней, и столовой, за самоваромъ, сидѣли хозяинъ, старшій молодецъ и гость.

Гостемъ былъ Благомировъ. Онъ давно водилъ пріятельство съ Гусевымъ, котораго встрѣчалъ въ кружкахъ молодежи. Гусевъ, не старый еще человекъ, рыжій, широкоплечій, бородатый и веснучатый, чисто одѣтый, сидѣлъ за самоваромъ, степенно улыбался и пилъ чай съ блюдечка. Молодецъ поглядывалъ на хозяина вбокъ и также пилъ въ прикуску. Его трудно было принять за портного. Онъ смотрѣлъ скорѣе студентомъ, худощавый, съ бородкой, въ блузѣ. Гусевъ былъ вдовый, учился своему мастерству въ Москвѣ, у француза, переѣхалъ въ Петербургъ „хозяйствовать“ и привезъ съ собою оттуда репутацію совсѣмъ особеннаго хозяина, желающаго жить „побожески“, дѣлиться барышомъ со своими молодцами, хорошо кормить мальчиковъ, ѣсть вмѣстѣ со своими рабочими. И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ не сбивался съ этого пути, и при жизни жены, бывшей корсетницы, и послѣ ея смерти.

Благомировъ приходилъ къ нему совѣтоваться насчетъ своей новой судьбы, и на-дняхъ узналъ отъ него, что здѣсь проѣздомъ Кустаревъ, съ которымъ Гусевъ еще въ

Москвѣ сошелся, работалъ на него, бралъ у него книжки и ходилъ къ нему исповѣдываться, обсуждать вопросы честнаго житія и толковать о прочитанномъ.

— Вотъ кто направить васъ,—говорилъ Гусевъ Благомирову. — Даромъ, что Евменій Филипповичъ по другой части шель, онъ всякое дѣло разсудить съ надлежащей высоты.

Они поджидали Кустарева и пили чай въ тихихъ разговорахъ. Старшій молодецъ больше молчалъ, но по выраженію глазъ видно было, что ему многое понятно и близко изъ того, о чемъ заходила у нихъ рѣчь.

Кустаревъ нашелъ ихъ все за тѣмъ же питьемъ чая. Его уже предупредилъ портной насчетъ Благомирова. Но разговоръ не сразу пошелъ въ эту сторону. Гусеву надо было кое-что „развить“. На очереди у него была одна рукопись, дошедшая до него изъ Москвы, гдѣ извѣстный вѣроучитель излагалъ свое пониманіе праведной и разумной жизни. Гусева иное приводило въ смущеніе.

— Вы мнѣ, Евменій Филипповичъ, вотъ что скажите,— обратился онъ къ Кустареву, — какъ же это онъ вездѣ васъ, господъ ученыхъ, къ книжникамъ и фарисеямъ приравниваетъ? А между прочимъ самъ изъ себя начетчика изображаетъ и мнитъ спасти весь родъ человѣческій. Ну, теперь, хоть бы васъ взять? Нешто ученость мѣшала вамъ душевнымъ человѣкомъ сдѣлаться? И какъ будто вся сласть—чушкой жить, да подъ заборъ удаляться, вмѣсто того, чтобы чистоплотность соблюдать?

Широкое лицо Гусева повела усмѣшка. Всѣ разсмѣялись, въ томъ числѣ и старшій молодецъ, и ему хозяинъ читалъ изъ рукописи московскаго вѣроучителя.

— Бунтъ противъ науки,—тихо выговорилъ Кустаревъ и началъ прихлебывать чай изъ стакана.

— А хоть бы и бунтъ?—спросилъ вслухъ Благомировъ, поднялъ голову и вопросительно поглядѣлъ на Кустарева. — Наука только передъ сытыми рабствуетъ и плодитъ всякій вредный вздоръ, служить гнуснѣйшему насилию и эксплуатаціи.

Ему захотѣлось такой именно вылазки противъ науки. Она отвѣчала на поднявшуюся въ немъ, по поводу свиданія съ Кустаревымъ, новую работу совѣсти.

Гусевъ взглянулъ на него бокомъ и тотчасъ же повернулъ голову въ сторону Кустарева.

— Вы, Евменій Филипповичъ, и благопріятеля моего

на распутыи наставьте. У человѣка даръ Божій, голосъ на диво, и открывается возможность, никого не обижая, на средства людей, которые готовы поддержать его, на время обученія, за границей, усовершенствоваться. И все онъ себя гложетъ и такъ, и этакъ, даже ко мнѣ, мало-смысленному, совѣтоваться приходилъ. Я ему на васъ и указалъ.

— Зачѣмъ же вы меня-то въ начетчики производите, дружище? — спросилъ Кустаревъ и весело тряхнулъ головой.

— Такъ будетъ ладно, и Ефимъ Никанорычъ васъ послушаетъ.

— Благую часть изберете! — сказалъ Кустаревъ и откашлянулся.

Благомировъ поглядѣлъ на него вопросительно. Такого скорого рѣшенія онъ не ожидалъ отъ человѣка, какимъ понималъ Кустарева.

— Вы это въ сурьезъ? — тихо промолвилъ онъ.

— Зря Евменій Филипповичъ ничего не говоритъ, — замѣтилъ, будто про себя, Гусевъ.

— Да помилуйте, милый человѣкъ, единственная область, гдѣ можно, по теперешнему времени, развить въ себѣ искру Божію, это — искусство. Было время, мы всѣ значились въ отчаянныхъ утилитаристахъ. Умнѣе стали. Голосъ вамъ дала природа. Развивайте его, пока еще не возбраняется. Это лучше, чѣмъ поэтическій даръ, талантъ писателя. Тѣ виды искусства — предательскіе; а тутъ — пой, какъ птица небесная!

По лицу Кустарева, когда онъ это говорилъ, пробѣгали нервныя струйки: можно было принять его слова и за иронію.

— То-есть, — перебилъ его Благомировъ, — вы это берете въ видѣ крайности. Коли ничѣмъ порядочнымъ заниматься нельзя?

— Нѣтъ, я искренно говорю.

— Однако, вы бы, небось, не пошли въ лицедѣи, объявись у васъ талантъ?

— Пошелъ бы! Честный человѣкъ, пошелъ бы!

Хозяинъ и его молодецъ слушали напряженно и чуть слышно переводили дыханіе.

— Врядъ ли! — вырвалось у Благомирова.

— Видите ли, Евменій Филипповичъ, — осторожно вступилъ въ разговоръ Гусевъ, — благопріятель-то мой... учи-

телемъ сельскимъ, по доброй волѣ, состоялъ. Такъ вотъ это ему и кажется... какъ бы сказать... отъ своего кроваваго дѣла отступничество!

— Отчего же вы ушли изъ этого дѣла?—спросилъ Кустаревъ.—Навѣрно, не по доброй волѣ.

— Не было возможности безъ подхалимства оставаться на этомъ посту.

— Вотъ видите! Вездѣ бьютъ, вездѣ подставляй одну щеку за другой подъ удары. Такъ какъ же не уйти въ такое дѣло, гдѣ вы, кромѣ наслажденья, никакого зла творить не будете? И наслажденіе это не развращающее, а одно изъ высшихъ.

Тонъ у Кустарева зазвучалъ очень убѣжденно, но, быть-можетъ, въ глубинѣ его души и притаились другія чувства и мысли. Ему жаль стало этого благообразнаго малаго, съ его „искрой Божіей“. Онъ тотчасъ уразумѣлъ, подъ вліяніемъ какихъ идей и знакомствъ пошелъ такой „басъ“ въ сельскіе учителя, увидѣлъ впередъ, что за судьба ждетъ его на пути народника-интеллигента, исполняющаго, скрѣпя сердце, свой долгъ. Сколько ихъ прошло въ его памяти! Чѣмъ кончили? Или перебиваются, усталые, обозленные, или опустились въ захолустную тину.

— Слышите, Ефимъ Никанорычъ, — наставительно и почти нѣжно сказалъ Гусевъ.—Нечего, батюшка, отъ своего счастья отказываться. А ежели потомъ, вернувшись изъ Италіи, куши будете загребать, отъ васъ зависѣть будетъ: не забывать о собственной душѣ. Тогда, отъ большихъ недостатковъ, удѣляйте кому нужна подмога: студенту, мальчику на обученье, просто хорошему человѣку въ бѣдѣ.

— Правильно, — выговорилъ довольно громко старшій молодецъ и тряхнулъ волосами, послѣ чего уже не проронилъ ни слова.

И всѣ примолкли. Благомировъ хотѣлъ что-то возразить, но его удержала мысль, какъ бы это не показалось Кустареву однимъ „ломаньемъ“, рисовкой, чего онъ боялся пуще огня.

Обо многомъ еще поговорилъ бы онъ съ Кустаревымъ, да хозяину тоже хотѣлось завести опять разговоръ о разныхъ вопросахъ морали, какую онъ себѣ выработалъ и хотѣлъ практиковать до гробовой доски.

Успокоенный, Благомировъ оглянулъ ласковымъ взглядомъ весь столъ, закурилъ новую папиросу и почувство-

валъ, что больше ему уже нечего колебаться, а надо брать то, что судьба посылаетъ. Такой человекъ, какъ Кустаревъ, зря ничего не скажетъ!

XXIV.

Когда Благомировъ вышелъ изъ квартиры портного Гусева, было уже около одиннадцати часовъ. Онъ бы посидѣлъ тамъ еще и послушалъ разсказовъ Кустарева о его хуторскомъ житиѣ и разныхъ каверзахъ, какими начали его тамъ донимать, но его ждали. Онъ далъ слово быть непременно у Доротеи Васильевны. Получи разговоръ о немъ у Гусева другой оборотъ, онъ, быть-можетъ, прервалъ бы свои отношенія къ этой женщинѣ и отказался бы отъ поѣздки въ Италію.

Теперь все ему представлялось иначе.

„Не хорошо,—подумалъ онъ, когда вспомнилъ о томъ, кто и гдѣ его будетъ ждать,—неладно надуть ее. Хоть полчаса посижу. Попоемъ немножко“.

Она обѣдала въ гостяхъ и просила его зайти къ ней попозднѣе, къ одиннадцати. И, шагая по направленію къ Морской, онъ чувствовалъ большую легкость, подсмѣивался надъ своимъ недавнимъ самогрызеньемъ, сознавалъ въ себѣ свободную и самостоятельную личность. Вотъ онъ идетъ къ Доротеѣ Васильевнѣ, будетъ съ ней сидѣть съ-глазу-на-глазъ, въ полуночное время, и это его нисколько не смущаетъ. Все-таки она—женщина или дѣвица—какъ тамъ ни называй—и поддаваться онъ ей не намѣренъ. Сама она желаетъ быть съ нимъ на товарищеской ногѣ—и прекрасно; но глупо рыться въ своемъ нутрѣ, допытываться: вполне ли это допустимо для человека со строгими принципами принимать денежную поддержку богатыхъ меценатовъ черезъ посредство красивой барышни, выказывающей ему интересъ?

До сихъ поръ онъ уходилъ отъ соблазна и притягательной силы женской красоты, страсти или кокетства. Онъ не могъ не видѣть, какъ его наружность дѣйствуетъ на женщинъ; но это не мѣшало ему быть съ ними по-просто, какъ съ мужчинами. Въ Карусъ онъ впервые встрѣтилъ нѣчто „махровое“, какъ онъ выражался, сочетание блеска съ темпераментомъ.

„А все-таки она бабенка“, — повторялъ онъ, ускоряя шагъ по опустѣлой улицѣ, облитой сизымъ электрическимъ свѣтомъ. И онъ зналъ впередъ, что, войдя къ ней,

нисколько не поцеремонится, если она предложитъ ему что-нибудь закусить послѣ музицированія. У портного чай былъ безъ ѣды; а къ полуночи Благомирову всегда хотѣлось ѣсть.

Его ждали. Когда онъ вдвинулъ свою долгую фигуру въ темную переднюю, изъ салона вибрирующій, низковатый голосъ спросилъ:

— Это вы, Благомировъ?

Она уже звала его такъ, по фамиліи, и это ему нравилось.

— Я-съ, Доротея Васильевна, собственной персоной.

Съ нею онъ говорилъ своимъ обычнымъ языкомъ.

— Входите, входите! Спасибо, что сдержали слово.

Ея голосъ особенно звонко раздавался по засвѣжѣвшей комнатѣ. Голосъ этотъ не производилъ въ нервахъ Благомирова такого гипноза, какъ во всемъ существѣ Гремущина. Но и на него онъ начиналъ дѣйствовать въ родѣ веселящаго газа.

Въ дверяхъ онъ остановился и снималъ съ себя шарфъ, который началъ носить по совѣту Андреоли. Свѣтъ пяти свѣчей канделябра, у правой стѣны, падалъ на голову и бюстъ Доротеи Васильевны. Она стояла съ флакономъ душистой воды и пускала вокругъ себя водяную пыль. Руки ея были совсѣмъ обнажены, до плечъ, высвобождены изъ фланелеваго розоватаго пеньюара съ откинутыми назадъ рукавами и открытой шеей. Волосы она перехватила золотой брошкой на затылкѣ и пустила по спинѣ густою волной.

— Ухъ, какъ благовонно!

Онъ потянулъ въ себя воздухъ и зажмурилъ глаза.

— Какъ называется? — спросилъ онъ, кладя шапку съ шарфомъ на подзеркальникъ.

— Не знаю!.. Кажется... царская вода. Ну, здравствуйте. Вы со мной хорошенько и поздороваться не хотите.

Она поставила флаконъ на рояль и протянула ему обѣ руки, ей одной знакомымъ жестомъ, и подалась впередъ бюстомъ и головой.

Вся она была въ эту минуту такъ близка къ Благомирову, что онъ сдѣлалъ невольное движеніе назадъ.

— Вы какъ хотите, Благомировъ, сейчасъ проѣтъ эту новую вещь — мнѣ ее прислали вчера — или мы сначала поѣдимъ? Вы не голодны?

— Небось, знаете, что у меня всегда есть аппетитъ?—

добродушно спросилъ онъ и бросилъ взглядъ на круглый столикъ, гдѣ уже стояло серебряное блюдо съ холоднымъ мясомъ, вазочка съ зернистой икрой и какое-то питье изъ бѣлаго вина въ большомъ кувшинѣ.

— Такъ какъ же? Я тоже проголодалась.

— Не препятствую,—выговорилъ Благомировъ.

Ему не хотѣлось разбирать ноты. За ѣдой онъ будетъ чувствовать себя еще свободнѣе. Вина въ кувшинѣ онъ не боялся. Голоса онъ ни въ какомъ случаѣ не потеряетъ, если она и станетъ ему подливать.

Народникъ и семинаристъ живутъ еще въ немъ. Искусство онъ не отвергаетъ, находитъ такое отрицаніе глупымъ, но и на сценѣ онъ не загубитъ своей души. Много еще встрѣтитъ красивыхъ бабенокъ, у профессоровъ тамъ, въ Миланѣ, а потомъ въ труппахъ, за границей и въ Россіи.

За ужиномъ они говорили мало. Глаза Доротеи Васильевны мѣняли часто выраженіе. Будь Благомировъ опытнѣе, онъ замѣтилъ бы, что она сдерживаетъ себя, что по всему ея существу пробѣгаетъ нервная дрожь, а онъ, между тѣмъ, самъ не желая того, точно съ умысломъ, игралъ роль самаго опытнаго соблазнителя.

— Вы,—выговорила она,—все еще дичитесь?

— Я?—громко прогудѣлъ онъ и разсмѣялся.—Ни Боже мой! Чувствую себя совершенно въ своей тарелкѣ!

Она ничего не отвѣтила и подлила ему искристаго вина.

Часть третья.

I.

— Какъ хорошо!..

Восклицаніе, на русскомъ языкѣ, вылетѣло полнымъ звукомъ изъ груди рослой и стройной женщины, облокотившейся о баллюстраду нижней площадки, передъ казино, въ Монте-Карло.

Это была Анна Гавриловна Куликова. Она попала сюда въ первый разъ, изъ Ниццы, куда пріѣхала наканунѣ.

Глаза ея нѣжились на блистающей приморской картинѣ, на изсиня-зеленыхъ полосахъ воды и лазури неба, откуда нежаркое солнце слало свои лучи, — на очертаніяхъ продолговатой скалы, гдѣ пріютилось каменное гнѣздо Монако, съ его крѣпостями, башнями, дворцомъ и соборомъ.

Надъ нею, справа и слѣва, глядѣли на море купы пальмъ, и стволы кактусовъ затѣйливыми листьями нагибались надъ оградой. Внизу ярко-зеленый газонъ шелъ полукругомъ — передъ навѣсомъ голубиной охоты.

Молодая женщина въ шляпѣ съ длиннымъ щиткомъ, покрытымъ цѣлымъ букетомъ цвѣтовъ, и въ короткомъ пальто съ шелковыми отворотами, дышала полной грудью и осматривалась, широко раскрывая свои продолговатые глаза.

Восклицаніе, вылетѣвшее изъ ея груди, никого не удивило, вблизи было еще мало гуляющихъ. Шелъ второй часъ декабрьскаго дня, теплаго и сухого, съ чуть осязаемыми налетами морской свѣжести. Черезъ нѣсколько минутъ ожидался приходъ игрецкаго поѣзда изъ Ниццы. Тѣ,

кто обыкновенно ходилъ глядѣть на вереницу пассажировъ, поднимающуюся по крутой лѣстницѣ, отъ станціи къ казино, скучились въ концѣ террасы.

Анна Гавриловна стояла на другомъ концѣ, и около нея никто не сидѣлъ и на скамейкахъ. Она обернулась лицомъ къ фасаду наряднаго зданія съ его минаретами, медальонами, изразцами и позолотой, прошла въ взглядомъ дальше, вправо, къ саду, полному вѣчно зелеными букетами деревьевъ и кустовъ, къ кіоску и дальше, къ гребнямъ шоколадныхъ горъ, по дорогѣ къ Ментонѣ, и весь этотъ роскошный уголокъ земли наполнилъ ее неиспытанной еще жаждой жизни и всего, что деньги, молодость, чувственный и душевный порывъ могутъ дать женщинѣ...

Ей просто не вѣрилось, что десять дней передъ тѣмъ, въ Москвѣ, около половины декабря, она ѣхала на смоленскій вокзалъ вся закутанная, какъ мумія, въ тяжеломъ извозничьемъ рыдванѣ, съ замерзлыми окнами. На дворѣ стоялъ морозъ въ двадцать градусовъ. Отъ дыханія шелъ паръ и ложился ледяною пылью на вязаномъ оренбургскомъ платкѣ, которымъ она была увязана.

И это не сонъ! Она — Анна Гавриловна Куликова — стоитъ на террасѣ въ Монте-Карло, пьетъ живительный воздухъ, смотритъ на пальмовый садъ, чувствуетъ на себѣ ласку нежаркаго солнца и позади — отрадный рокотъ морского прибоя.

Была минута, когда она забыла, что потянуло ее на югъ неудержимо и почти безумно; но теперь стремленіе, приказавшее ей устроить, какъ можно скорѣе, поѣздку въ Италію, черезъ Парижъ и Ниццу, слилось съ захватывающимъ сострастіемъ всему, что ее окружало тутъ.

Да, она на французской Ривьерѣ. Она увидитъ любимаго человѣка. Онъ въ двухъ шагахъ, тамъ, вправо, вонъ за тѣмъ мысомъ, въ Ментонѣ, около своей умирающей жены. И онъ будетъ ей принадлежать не нынче, такъ черезъ мѣсяцъ, не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ годъ.

„Будетъ, будетъ, будетъ!“ — шептали ея извилистыя, выразительныя губы, и глаза хмуро и радостно искрились.

Она пополнѣла въ бюстѣ, но лицо стало менѣе румяно, удлинилось и приобрѣло большую тонкость въ очертаніяхъ рта, носа и подбородка. И голову держала она иначе. Парижскій туалетъ давалъ всей фигурѣ совсѣмъ

другой абрисъ. Анна Гавриловна носила его легко и съ своимъ особымъ оттѣнкомъ... И теперь, послѣ Парижа, одѣтая съ иголочки, во всемъ новомъ, она сохраняла въ себѣ прежнюю московскую „боярышню“ и домовладѣлицу.

Пришелъ поѣздъ. Локомотивъ выдвинулся изъ-за плоскаго зданія станціи, и длинный хвостъ вагоновъ чернѣлъ вдоль береговой линіи.

Анна Гавриловна сдѣлала нѣсколько шаговъ по направлению къ лѣстницѣ, ведущей къ станціи, облокотилась на перила и стала смотрѣть.

Омнибусы отелей заслоняли задній фасадъ станціи. Они выстроились въ одинъ рядъ съ лошадьми, обращенными къ горѣ.

Показались пассажиры. Очень немногіе садились въ омнибусы. Потянулась довольно густая вереница къ лѣстницѣ и начала нескоро подниматься по ступенькамъ.

Это была все игорная публика изъ Ниццы и Канна, въ которой на двоихъ мужчинъ приходилась непременно одна женщина,—пестрая, на особый ладъ нарядная. Французы преобладали въ ней.

Оттуда, сверху, ей удобно было разглядывать пассажировъ, по-одиночкѣ. Во многихъ женщинахъ она распознавала что-то, напоминавшее ей кокотокъ, какихъ она видѣла на бульварахъ и въ театрахъ Парижа.

Но не женщины и ихъ туалеты притягивали ея взгляды.

Ее пронизывала мысль—можетъ-быть, въ числѣ мужчинъ отыщетъ она его? Онъ живетъ въ Ментонѣ; но почему же не могъ онъ возвращаться изъ Ниццы и, на пути, заглянуть въ казино Монте-Карло? Играть онъ не станетъ. А кто знаетъ? У него теперь скверно на душѣ. Стало-быть, есть потребность забыться, во что-нибудь уйти. Черезъ полчаса будетъ денной концертъ въ театральной залѣ, куда она еще не заглянула. Онъ любитъ музыку...

Извилистымъ хвостомъ поднимались пассажиры курьерскаго поѣзда; глаза Анны Гавриловны быстро перескакивали съ одной мужской фигуры на другую, но все это были иностранцы, пестро одѣтые, или длинные и сухіе, или женоподобные, сухопарые. Она не различала худощаваго невысокаго стана, и длинноватыхъ волосъ, и сѣдѣющей бороды, и головы, наклоненной къ правому плечу.

Сегодня она справлялась въ списокъ пріѣзжихъ, прожи-

вающихъ на французской Ривьерѣ, и не нашла его фамиліи. Жена живетъ здѣсь уже около года, а прошлогодняго списка Анна Гавриловна не могла достать въ своемъ отелѣ. Онъ, до сихъ поръ, не прописанъ въ отеляхъ. Вѣроятно, они живутъ въ какой-нибудь дешевой квартиркѣ.

Послѣдній пассажиръ—старичокъ, съ бритымъ лицомъ актера, въ свѣтло-шоколадномъ сюртучкѣ и штиблетахъ, опираясь на палку, поднялся на нижнюю площадку, снялъ шляпу, отеръ голову фуляромъ, пошелъ дальше, къ проходу вправо, мимо кіоска, гдѣ продаютъ газеты, и скрылся.

Кругомъ Анны Гавриловны опустѣло, но на верхней террасѣ замелькали цвѣтные зонтики дамъ.

И ей пора въ казино, гдѣ она оставила мужа и Ермилова, и назначила имъ быть, въ половинѣ третьяго, въ „атріумѣ“—какъ называютъ первую залу съ колоннами, гдѣ прохаживаются и курятъ.

Они уговаривались поставить нѣсколько пятифранковыхъ монетъ и вчера изучали по книжкѣ, купленной въ кіоскѣ, разные системы выигрыша.

Безъ мужа ей неудобно было улетѣть, зимой, на Ривьеру. Не представлялось приличнаго предлога. Но она настроила его на поѣзду въ Италію, заблаговременно, такъ что онъ успѣлъ къ зимней вакаціи выхлопотать себѣ отпускъ на двадцать восемь дней, съ расчетомъ опоздать недѣли на двѣ, на три, и вернуться въ концѣ января.

Ермиловъ „увязался“ за ними, какъ непочтительно выразилась ея горничная. Вотъ уже около года, какъ этотъ грѣшникъ и сластолюбецъ сдѣлался ея рабомъ. Ничего между ними нѣтъ; нѣтъ даже и подобія интриги или интимной короткости, хотя бы въ формѣ ни къ чему не обязывающей ласки...

И чѣмъ она дѣлалась къ нему жестче, безпощаднѣе, презрительнѣе и подчасъ ядовитѣе, тѣмъ его запоздалая страсть разгоралась. Онъ не смѣлъ позволить себѣ ничего, кромѣ смѣшныхъ, для нея, выходокъ добровольнаго униженія, цѣловалъ складки ея платья, позволялъ обращаться съ собою какъ съ неодушевленнымъ предметомъ, и въ этомъ находить до сихъ поръ высшій „трепетъ“—его любимое выраженіе.

Но она не прогоняла его, а находила болѣзненное удовлетвореніе въ этой безнадежной страсти старѣющаго сенсуалиста, который былъ, всю свою жизнь, убѣжденъ

въ томъ, что онъ не „поймается“ ни на одной женщинѣ. Она знала, что Ермиловъ переѣхалъ на постоянное житье въ Москву только для того, чтобы быть около нея. И теперь она разрѣшила ему провожать ихъ за границу, изъ особаго расчета своей, такой же какъ и его, нераздѣленной еще страсти... Кто знаетъ?.. Женщинѣ всегда полезно показывать на живомъ существѣ свою силу — это дѣйствуетъ на самыхъ дѣльныхъ мужчинъ, не менѣе чистенькихъ, чѣмъ тотъ, кого она сейчасъ искала въ хвостѣ пассажировъ.

Къ мужу своему она заставила Ермилова относиться необычайно почтительно и этимъ еще жесточе принижала его; а сама показывала ему, что мужъ, въ ея глазахъ, стоитъ на той же высотѣ, какъ и „милѣйшій“ Юрій Петровичъ, котораго она звала просто „Егоромъ“ Петровичемъ.

II.

Тяжелая духота волнами ходила по тремъ игорнымъ заламъ. Сумерки сгущались въ углахъ, вдоль расписныхъ пестрыхъ стѣнъ и надъ зелеными столами, уже освѣщенными двойственнымъ свѣтомъ висячихъ масляныхъ лампъ подъ широкими металлическими колпаками.

Въ проходѣ, между двумя столами средней, самой большой залы, остановился Ермиловъ.

Онъ постарѣлъ, лобъ обнажился, бѣлокурая борода была подкрашена. Издали на немъ еще лежалъ налетъ молоджавости—на всей головѣ и на выборѣ цвѣтовъ его пиджака, галстука, панталонъ. Но вблизи, по лицу, пошлись новыя черты, грозившія перейти въ морщины: вдоль крыльевъ носа и на вискахъ, около глазъ, скрытыхъ подъ рінсе-пез съ темноватыми стеклами.

Долгимъ боковымъ взглядомъ обвелъ Ермиловъ залу, гдѣ игроки все прибывали.

Несмолкаемое звяканье серебряныхъ и золотыхъ монетъ и мельканіе женщинъ, кочующихъ отъ одного стола къ другому, вызвали на его губахъ усмѣшку, наполовину скрытую усами, растрепанными по модѣ, въ видѣ щетки.

Деньги и женщины, такія же, какъ и луидоры, переходящія изъ рукъ въ руки—двѣ недавнія приманки всей его жизни. И онъ для него точно не существуютъ теперь. Онъ сѣлъ играть вмѣстѣ съ мужемъ Анны Гавриловны. Тотъ ставилъ по пяти франковъ, глазки его горѣли жад-

ностью и желаніемъ удачи, а голова работала и сочиняла какія-то комбинаціи. Но у него, послѣ нѣсколькихъ ставокъ по золотому и по два, разломило поясницу, его начала разбирать зѣвота. Онъ почувствовалъ всю тоскливость и глупость игры, между тѣмъ какъ еще года два тому назадъ ему нравились ощущенія рулетки. И видъ золота, этихъ стопокъ передъ мѣстами крупье, пересталъ щекотать его пріобрѣтательскій инстинктъ.

Такими же равнодушными, затуманенными глазами смотрѣлъ онъ и на этихъ женщинъ, слетѣвшихъ сюда со всѣхъ сторонъ свѣта для добычи. Нѣкоторыя были красивы, въ парижскомъ и лондонскомъ стилѣ; не всѣ намазаны и съ крашеными волосами; попадались даже совсѣмъ молоденькія дѣвушки, въ сопровожденіи пожилыхъ дамъ-„тетенокъ“, подставныхъ или настоящихъ, но для него и онѣ уже не существовали больше.

Онъ почти отказывался понимать, что вотъ это все видитъ онъ въ дѣйствительности, а не во снѣ; любители легкой жизни, какимъ былъ и онъ, дежурятъ здѣсь съ утра до полуночи, ничего не знаютъ, кромѣ азартной игры и—въ антрактахъ—легкихъ женщинъ, по отелямъ и ресторанамъ Монте-Карло. Разыгрывать изъ себя моралиста Ермиловъ не хотѣлъ и не умѣлъ; но слова презрительнаго недоумѣнія просились наружу. И онъ ни на одну секунду не пожалѣлъ о томъ, что его инстинктъ замолкъ, что два могучихъ источника наслажденія—миражъ золота и скорое обладаніе женщиной—отошли, быть-можетъ, безвозвратно.

Лакей въ голубоватой ливреѣ, съ галунами, проносилъ мимо него подносъ со стаканомъ воды—единственное прохладительное игорныхъ залъ.

Ермиловъ окликнулъ его, взялъ стаканъ и медленно выпилъ воду, съ чувствомъ человѣка, которому хочется запить дурной вкусъ чего-то только-что проглоченнаго.

Онъ посмотрѣлъ потомъ на часы. До денного концерта оставалось всего десять минутъ. Ему надо было поторопить Куликова, игравшаго въ рулетку въ первой поперечной залѣ, у праваго стола отъ входа, гдѣ стояла двойная стѣна играющихъ надъ тѣми, кто захватилъ съ утра свободные стулья. Анна Гавриловна назначила имъ быть до начала концерта, а ждать она не любитъ.

Въ дверяхъ, широко раскрытыхъ изъ средней залы въ послѣднюю, съ нимъ повстрѣчался блѣднолицый, жид-

кій молодой человекъ въ пестромъ англійскомъ костюмѣ, почти безбородый и гнущійся на ходу.

— М-г Ермиловъ? — выговорилъ онъ вопросительно и поглядѣлъ на него веселыми глазами съ лихорадочнымъ блескомъ.

Ермиловъ вспомнилъ, что встрѣчалъ этого русскаго въ Петербургѣ, что это — поэтикъ новой школы, поклонникъ „перваго“ сонетиста Хозе-Маріа Эредіа, что фамилія его — графъ Загаринъ.

„Хозе-Маріа Эредіа, сонеты, проза и стихи декадентовъ — какъ все это отошло!..“ Онъ не смѣетъ и заикаться о нихъ, сидя около Анны Гавриловны, считающей все это литературное движеніе „неопрытнымъ, полубезумнымъ вздоромъ“.

— Графъ Загаринъ, — выговорилъ высокимъ фальцетомъ молодой человекъ.

— Какъ же, какъ же... Очень пріятно!..

Ермиловъ пожалъ ему руку, наклонившись къ нему туловищемъ и головой, по своей манерѣ.

Ладонь руки его была влажная, что Ермиловъ прежде выносилъ съ трудомъ. Но теперь его брезгливость ко всѣмъ подобнымъ ощущеніямъ притуплялась.

— Вы житель Монако? — спросилъ онъ Загарина, повернувшись вмѣстѣ съ нимъ къ выходной двери.

— Собственно я живу въ Ментонѣ, но часто ѣзжу сюда.

— Щекотать удачу?

Поэтикъ разсмѣялся и вслухъ перевелъ по-французски:

— *Taquinier la guigne!*

Черезъ лѣвую, выходную дверь они прошли въ атриумъ и присѣли на одинъ изъ кожаныхъ дивановъ въ нишѣ.

— Безъ казино, — говорилъ Ермилову поэтикъ, — я не узналъ бы особой, очень захватывающей эмоціи...

— Игрецкой?.. — подсказалъ Ермиловъ.

— Позвольте мнѣ иначе выразить: эмоціи — отъ борьбы съ фатумомъ... Тутъ случай, то-есть рокъ, судьба — въ своей самой быстрой и сгущенной формѣ — золота.

— Пожалуй! — согласился Ермиловъ.

Фраза Загарина отзывалась „декадентствомъ“. Въ прежнее время Ермиловъ сейчасъ же бы насторожилъ уши и сталъ бы пріятно направлять молодого человека въ духъ послѣдней книжки, какую прочелъ. Теперь онъ только слушалъ.

— Вѣдь согласитесь, — продолжалъ поэтикъ и нервно

повелъ узкими плечами,—вся наша жизнь сводится къ я, которое само себя созерцаетъ и стремится создавать себѣ самыя яркія эмоціи, предается культу энтузіазма, но такъ, что инстинкты только служатъ этому „я“, а не руководятъ имъ.

— На самомъ дѣлѣ, — съ тихой усмѣшкой возразилъ Ермиловъ,—это какъ разъ наоборотъ.

— Да, для массы, для всѣхъ, кого мы, избранное меньшинство, называемъ варварами, *les barbares*, какъ греки звали всѣхъ иностранцевъ. Нѣмецъ Шопенгауэръ кажется нашему поколѣнію уже брюзгой, филистеромъ, съ его теоріей рабскаго подчиненія инстинкту расы. Вовсе нѣтъ!.. Мое я есть отраженіе божества! Оно способно на безконечное совершенствованіе...

— Даже играя въ рулетку?..

Ермиловъ откинулся на спинку дивана и сталъ крутить вокругъ пальца свое *pinse-nez*.

— Конечно!.. Мы играемъ потому, что намъ нужны новыя эмоціи. Мы ихъ варьируемъ; но я не допускаю страсть овладѣть мною... Такъ и во всемъ!.. Да и какое намъ дѣло до нашей внѣшней жизни, до того, чрезъ какія паденія пройдетъ наша оболочка? Въ ея униженіи есть своего рода высшая услада. Мы чувствуемъ къ ней высшую жалость.

„Это ты выкралъ,—перебилъ его мысленно Ермиловъ.— Это отзывается какой-то новинкой... И она вышла въ Парижѣ, а сочинилъ ее одинъ изъ тамошнихъ „эготистовъ“.

Онъ не зналъ, однако, этой книжки. Вотъ уже болѣе полугода, какъ онъ не интересуется тамошнимъ крайнимъ движеніемъ, налагающимъ оттѣнокъ духовный, съ подражаніемъ аскетамъ христіанства и съ подниманіемъ до небесъ нѣкоторыхъ подвижниковъ и творцовъ воинствующей пропаганды — отъ Оомы Кемпійскаго до Игнатія Лойолы.

Онъ не осадилъ, однако, поэтика вопросомъ: „А гдѣ вы все это извоили вычитать?“

— И во сколько вамъ обошлась эмоція рулетки?—снисходительно спросилъ онъ Загарина.

— Это — деталь. Я не могу проводить цѣлые дни въ этой ужасной Ментонѣ. Природа для насъ мертва, когда она даетъ все одну и ту же ноту глупой и дерзкой радости, чего-то праздничнаго... Въ Ниццѣ мнѣ доктора не

разрѣшили жить... Тамъ все-таки настраииваешь себя разнообразнѣе...

— Зато въ тиши курорта можете творить.

— Еще такъ недавно я искалъ ощущеній, успѣха, сочувствія. Но вѣдь славы нѣтъ безъ общенія съ варварами.

— Какъ это?

— Съ варварами — съ публикой, даже съ кружками... Это все чужіе, иностранцы. Чтобы заставить ихъ вибрировать душою, надо свои собственные душевные вибраціи сдѣлать банальными.

— Или заставить ихъ подчиниться?

— Это все усилія воли... низменная подкладка человеческой машины. Высшій смыслъ жизни — воздѣлывать свое я, созерцать его метаморфозы, его безконечную способность къ экстазу. Воля должна служить одному: такъ изучить свое я, чтобы быть въ состояніи всегда, въ любой обстановкѣ, однимъ полетомъ духа вызывать въ себѣ экстазъ!

— Зачѣмъ же вы бѣгаете изъ Ментоны?

— Я еще не достигъ такой благодати.

— Ого!.. Это уже отзывается полетомъ на небо святой Терезы!..

— Она одна изъ нашихъ святыхъ!

Дверь въ концертную залу отворили.

Ермиловъ всталъ.

— Вы не ходите на музыку? — спросилъ онъ Загарина.

— Иногда! Когда чувствую потребность во внушеніи особыхъ состояній души! Сегодня не пойду!

— До свиданія!..

III.

Въ хвостѣ ждавшихъ у концертной залы Ермиловъ не замѣчалъ ни Куликова, ни Анны Гавриловны. Проникнувъ въ залу, онъ нарочно сѣлъ на поперечномъ проходѣ, чтобы видѣть всѣхъ входившихъ.

Задыхающаяся дикція чахоточнаго петербуржца, его фистула и гнилое дыханіе, фразы, которыя онъ точно прочитывалъ по книгѣ, переводя ихъ на русскій языкъ, произвели въ Ермиловѣ осадокъ раздраженія.

И въ то же время что-то въ этой вычитанной во французской книжкѣ религіи своего „я“, съ погоней за эмо-

ціями и экстазами, было отвѣчающее на его собственную душевную жизнь.

Развѣ онъ, порою, не испытывалъ уже особой жалости къ собственному „я“, когда оно унижается передъ женщиной, неспособной понять столькихъ усладъ его недавняго, высшаго эпикурейства?

Вѣдь и онъ раздваивается... Его страсть, поздняя и смѣшная, безнадежная и тягучая, владѣетъ его тѣломъ; а духъ то и дѣло созерцаетъ эту болѣзнь и въ созерцаніи какъ бы ищетъ горькой отрады.

Зала, вся облѣпленная матовой позолотой, съ рядами бархатныхъ креселъ, стояла еще прохладной. Роскошь ея отдѣлки не давила и не раздражала. Талантливый архитекторъ, построившій парижскую Оперу, захотѣлъ и сюда перенести тотъ же стиль и ту же расточительность однотонной орнаментаціи.

Не въ первый разъ попадалъ Ермиловъ въ эту залу. Не больше какъ два года назадъ онъ сидѣлъ тамъ, впереди, на проходѣ и переглядывался съ венгеркой, за которой началъ слѣдить еще у рулетки. Какъ тогда все здѣсь пріятно щекотало его слабость къ Европѣ, какъ все ему нравилось: орнаменты вотъ этой залы, ея полумракъ, оркестръ, самый запахъ пудры, какимъ онъ дышалъ здѣсь, туалеты, легкость жизни, сочетаніе всего, что только приносятъ деньги, всего, что воображеніе и вкусъ утомленной эпохи могутъ собрать въ одномъ уголкѣ.

Теперь казино казалось ему безвкусно отдѣланнымъ; золоченая лѣпка концертной залы оставляла его равнодушнымъ; публику находилъ онъ тусклой и нимало не занимательной. Какое-то русское брюзжаніе поднимало въ немъ особое чувство вѣчнаго протеста и недовольства. И онъ зналъ, откуда оно шло, около кого заразился онъ имъ...

Московская профессорша заразила его, хотя она, быть-можетъ, сама и восхищается теперь всѣмъ, что видитъ въ Монте-Карло. Страсть къ ней точно выѣла въ немъ его коренную способность смаковать всѣ блага и примаки старого, грѣшнаго Запада...

Оркестръ помѣщался на сценѣ. Ливрейные лакеи раздавали листки при входѣ. Ермиловъ разсѣянно просмотрѣлъ то, что значилось въ программѣ концерта. Второй пьесой стояла „Torreador et Andalouse“, Рубинштейна.

Русскій языкъ слышался влѣво отъ Ермилова, но зала была далеко не полна. Онъ съ безпокойствомъ оглянулся на входную дверь.

Вотъ и Куликовы. Анна Гавриловна впереди.

Каждый разъ, какъ онъ увидить ее, послѣ ожиданія или безпокойства, онъ чувствуетъ ударъ чего-то и легкое жженіе въ груди, ощущеніе, сходное съ дѣйствиємъ тока. И кровь непременно прильетъ ему къ лицу.

Анна Гавриловна плыла на ходу. Ея походка отзывалась Москвой, чѣмъ-то старо-дворянскимъ, немножко театральнымъ. Но и эта походка такъ была похожа на всю ея личность. Онъ уже не могъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ ней изящно и что нѣтъ.

Мужъ пробирался рядомъ съ ней, бочкомъ, своимъ юркимъ, подпрыгивающимъ шагомъ. Глазки его блестѣли, кудрявые волосы немного растрепались на лбу. Онъ о чемъ-то возбужденно шепталъ женѣ. Анна Гавриловна снисходительно улыбалась.

Ермиловъ тотчасъ поднялся и пошелъ навстрѣчу, чтобы вести ихъ къ тѣмъ свободнымъ кресламъ на проходѣ, которыя онъ намѣтилъ.

— Пожалуйте сюда,—пригласилъ онъ Анну Гавриловну и хотѣлъ ей предложить руку, отъ чего она уклонилась. Зато мужъ взялъ его подъ руку и шепнулъ:

— Моя комбинація удалась.

— Выиграли?

— По два золотыхъ пять разъ давали.

— На простые шансы?

— Иначе играть безуміе!

Они сѣли въ антрактѣ между первымъ и вторымъ номерами программы. Мужъ былъ отъ него по лѣвую руку, жена по правую. Куликовъ продолжалъ передавать ему подробности своей игры въ рулетку и въ его глазкахъ мелькалъ огонекъ удачника, вѣрующаго въ свой умъ, ловкость и находчивость. Ермилову онъ всегда былъ противенъ; но сегодня его близкое сосѣдство обдавало невыносимымъ самодовольствомъ и торжествующей жадностью мелкаго игрока.

Будь этотъ мужъ обманутъ женой, а любовникомъ будь онъ, Ермиловъ, тогда онъ испытывалъ бы, по крайней мѣрѣ, терпкое чувство тайнаго торжества. А кто же онъ?.. Вдыхатель, только носящій на себѣ личину возлюбленнаго... И его ревность къ законному обладателю Анны

Гавриловны доставляетъ ему двойной рядъ мученій. Она принадлежитъ, не любя его, мужу и преслѣдуетъ, какъ и онъ, химеру обладанія существомъ, которое одно вызываетъ въ ней душевный трепетъ.

О разгорающейся упорной и злобной страсти ея къ его пріятелю-„хуторянину“ Ермиловъ догадывался. До сихъ поръ она еще не дѣлала его своимъ наперсникомъ. Но это будетъ; онъ пройдетъ и черезъ такой видъ униженія. Можетъ-быть, это случится здѣсь... Она, конечно, прилетѣла сюда, чтобы видѣть *его*.

Боковой, робкій взглядъ, брошенный имъ на Анну Гавриловну, доложилъ ему, что она въ праздничномъ настроеніи. Музыка грянула знакомую плясовую мелодію. Въ оркестръ загремѣли кастаньеты, загудѣлъ бубень.

Она повернулась къ нему въ полъ-оборота, и въ ея заискрившемся взглядѣ онъ прочелъ чувственную мечту о томъ, для кого она притащила ихъ обоихъ сюда, на Ривьеру.

И ничего этого онъ измѣнить не можетъ... Она не будетъ ему принадлежать и не броситъ мужа, прежде чѣмъ Кустаревъ не овдовѣетъ. Здѣсь она воочію убѣдится въ томъ, какъ „маленькая женщина“ близка къ смерти. Отыскивать для нея Кустаревыхъ въ Ментонѣ придется ему же.

— Вы, кажется, не слушаете музыки?—шопотомъ спросила она, слегка нагнувъ голову въ его сторону.

— Виновать!—шутливо извинился онъ.

И больше ничего не сказалъ. Она бы не позволила ему разговаривать.

Ермиловъ не ошибся: Анна Гавриловна, подъ музыку Рубинштейна, отдалась все той же страстной думѣ о человѣкѣ, такъ не похожемъ ни на ея мужа, ни на этого, кающагося и приниженнаго ею сластолюбца, которому она можетъ навязать какую ей угодно роль.

Зачѣмъ толкуются они около нея?.. Зачѣмъ онъ женатъ прикованъ къ умирающей женѣ? А та, быть-можетъ, и не собирается вовсе умирать!..

Какъ было бы чудно здѣсь, въ этомъ райскомъ уголкѣ, найти его одного... и самой быть безъ провожатыхъ! Она знаетъ, что только побѣда надъ нимъ дастъ ей неизвѣданное сладостное чувство своей силы и только передъ нимъ возможно будетъ для нея полное преклоненіе.

Взрывъ повторенной андалузской мелодіи заставилъ ее вздрогнуть и далъ ей думамъ другой оборотъ.

Зачѣмъ торопить теченіе жизни?.. Все придетъ своимъ чередомъ... Она увѣрена въ этомъ... Чего же ей желать лучшаго въ настоящую минуту?.. Мужа она держитъ въ рукахъ, хотя онъ и думаетъ, что способенъ во всемъ руководить ею. Эта поѣздка на Ривьеру обошлась какъ нельзя быть лучше. На Ермилова мужъ смотритъ ее глазами. Онъ увѣренъ въ совершенной безопасности такого записного ухаживателя. Это даже льститъ ему. Въ такой безнадежной привязанности блестящаго стараго холостяка онъ видѣлъ дипломъ своей „жѣнкѣ“ на первоклассную репутацію покорительницы сердець.

И ей такъ, въ сущности, очень удобно, до поры до времени. А главное, обожаніе Ермилова, смѣшноватое только въ ее глазахъ, можетъ сослужить ей службу и въ ее борьбѣ съ натурой и темпераментомъ „цѣльнаго“ и „чистаго“ человѣка.

То, что полчаса назадъ смутно проходило по душѣ ее, когда стояла она на террасѣ, здѣсь, сливаясь съ подмывающей музыкой, приняло осязательныя формы.

Ей извѣстно, что Ермиловъ и Кустаревъ—товарищи; черезъ Ермилова она узнала множество интимныхъ чертъ хуторянина, заставляя его говорить о ихъ гимназическихъ и студенческихъ годахъ; убѣдилась въ томъ, что Ермиловъ, какая бы въ немъ ни зажглась ревность къ своему пріятелю, не посмѣетъ вредить ей въ его глазахъ; почувствовала и то, что у Кустарева есть запасъ слабости къ Ермилову, что онъ для него нѣчто особенное, порочное и легкое, но избранное, даровитое и нарядное.

Преклоненіе такого человѣка можетъ вызвать и въ добродѣтельномъ народникѣ сложный душевный процессъ, въ концѣ котораго должна настать желанная минута.

А мужъ думалъ подъ ту же музыку о своемъ выигрышѣ, о томъ, какая у него красивая и тонкая „жѣнка“, и какъ пріятно, обладая ею, сознавать, что она признаетъ ваше мужское превосходство и будетъ всегда вѣрной помощницей въ устройствѣ вашей судьбы.

Оркестръ смолкъ. Анна Гавриловна знакомъ пригласила мужа и Ермилова заплодировать.

IV.

Море тихо рокотало внизу у побережья. Языки пѣны взбѣгали и разсыпались тотчасъ же; новый медлительный валъ катился съ горизонта и настигалъ черту темнѣющаго, сырого гравія...

Крутой спускъ къ морю шелъ по разрушенной наполовину лѣсенкѣ изъ мшистыхъ и скважистыхъ осколковъ камня. Немного выше—родъ террасы, сжатой голыми, побурѣлыми отъ времени столбами, безъ рѣшетки въ промежуточныхъ пространствахъ, со сплошнымъ, низкимъ фундаментомъ и стертыми украшеніями, гдѣ прежде вились какія-нибудь ползучія растенія. Надъ этимъ рядомъ столбовъ шла площадка виллы съ двумя башенками, розоватаго цвѣта, кое-гдѣ побурѣвшими, въ два этажа, капризной и тревожной архитектуры. Лѣсенки и балкончики перерѣзали оба ея фаса, передній и задній.

Въ верхнемъ этажѣ никто не жилъ. Въ нижнемъ заняты были только три комнаты, выходившія на площадку, узкую, часто заставленную полусохшими пальмами и двумя-тремя апельсинными деревьями.

Позади виллы высился тѣнистый, чисто итальянскій садъ, тоже довольно запущенный. Аллея эвкалиптусовъ вела къ лужайкѣ; купы оливъ виднѣлись въ глубинѣ, ближе къ дорогѣ, шедшей у подножія горъ.

Надъ всѣмъ стояли голые гребни скалъ, такіе же, какъ и въ Монте-Карло, но болѣе суровые, мѣстами покрытые сизоватою зеленью оливъ, тянувшихся широкими полосами вправо и влево.

Внизу попадались мраморныя скамьи и вазы съ отбитыми краями, но не было ни одной статуи. Садъ притихъ въ теплый полуденный часъ, и только по листвѣ деревьевъ пробѣгала дрожь отъ морского прибоя.

На площадку, изъ балконной двери, часу въ третьемъ вывели въ креслахъ больную. Мужчина пододвинулъ кресло ближе къ краю, между двумя пальмами, гдѣ видъ былъ всего красивѣе. Справа огибалъ море длинный выступъ съ маякомъ вдали. На линіи, гдѣ темная, почти черная, вода переходила въ ярко-синее небо, бѣлѣлось нѣсколько парусовъ.

— Гара, до тебя въ спину не доходитъ вѣтерокъ? — спросилъ Кустаревъ жену, глубоко ушедшую въ кресло, съ головой, обвязанной платкомъ, и съ пледомъ на ногахъ.

Лица ея почти не было видно изъ-подъ зонтика. Все ея тѣло ссохлось, и всякій принялъ бы ее за дѣвочку двѣнадцати лѣтъ. Подъ тѣнью зонта выдавался впередъ заостренный носикъ и два глаза чернѣли и нервно озирались.

Евменій Филипповичъ не особенно измѣнился въ лицѣ; только борода посѣдѣла въ двухъ мѣстахъ, по бокамъ подбородка, и весь онъ сталъ плотнѣе, однако, безъ толщины. На немъ, по московскому обычаю, была пара изъ китайскаго сырца, захваченная съ собою на всякій случай. Въ ней онъ чувствовалъ себя какъ на хуторѣ въ юнѣ.

На его вопросъ, не беспокоить ли ее вѣтерокъ, Маргарита Сергѣевна сначала ничего не отвѣтила. Она подставила лицо подъ свѣжесть моря, и ей дышалось легче, чѣмъ въ душной и сѣрвовой спальнѣ, темной и узкой комнатѣ, загроможденной всякими ненужными вещами французской отдѣлки.

— Ты скажи,—выговорилъ Кустаревъ и сѣлъ рядомъ, на желѣзный стулъ, прислоненный къ одному изъ четырехугольныхъ столбовъ, — тебя, на воздухѣ, папироса моя не будетъ беспокоить?

— Нисколько,—глухо и отрывисто отвѣтила Маргарита Сергѣевна и положила зонтикъ на лѣвое плечо, такъ что лицо ея въ профиль стало ему виднѣе.

— И не свѣженько тебѣ?

— Мнѣ хорошо...

Она сдѣлала усиліе улыбнуться. На болѣзнь она вообще не жаловалась, даже въ его отсутствіе, въ тѣ долгіе мѣсяцы, которые она одна провела на морѣ, въ два періода, сначала предыдущей зимой съ марта по май и съ октября до половины декабря. На лѣто они съѣхались въ Швейцаріи, въ горной станціи, гдѣ ея легкія должны были окрѣпнуть. Вышло совсѣмъ не такъ. На высотахъ, слишкомъ суровыхъ для нея, открылось кровохарканіе. Она испугалась больше за мужа, чѣмъ за себя. Въ ней жило, съ самаго отъѣзда изъ Москвы, упорное предчувствіе, что домой она уже не вернется.

Стремительно уѣхали они изъ бернскаго Оберланда и конецъ лѣта провели около Монтрё, по дорогѣ въ Сень-Морисъ. Тамъ она страдала отъ влажной жары, но поправилась и стала усиленно гнать своего Меню въ Россію, на хуторъ, хотъ къ поздней уборкѣ хлѣба. Тогда

она еще ходила и даже позволяла себѣ гулять по небольшимъ подъемамъ.

Одна, безъ горничной или компаньонки, прожила она тамъ до начала октября и опять двинулась къ Ривьерѣ. Ментону, гдѣ протянулись первые мѣсяцы ея одиночества, послѣ перваго возвращенія мужа въ Россію, она не любила. Этотъ городъ больныхъ и толкущихся всюду англичанъ наводилъ на нее ужасную тоску, какой она не переживала никогда, въ самые тусклые дни хуторского житья, подъ Москвой, во время проливныхъ дождей и снѣжныхъ заносовъ.

Вообще Маргарита Сергѣевна страшно скучала за границей. Пока она могла сидѣть за табльд'отами, она выносила ихъ съ великимъ напряженіемъ. Кругомъ разговоры иностранцевъ были ей до-нельзя чужды, подавляли ее своей изменностью, если не раздражали постоянно чувствомъ того, что вотъ всѣ эти здоровенныя англичанки только и хлопчуть о томъ, какъ бы имъ, не поступаясь ни одной своей британской привычкой, прожить подольше на югѣ, гдѣ имъ тепло, свѣтло и дешево, гдѣ они постоянно среди земляковъ, замаринованныхъ въ своей респектабельности.

А въ ней догораетъ жизнь: она это сознавала отчетливо и безповоротно. Докторовъ она не звала иначе, какъ въ крайности, когда, по ночамъ, случалось что-нибудь чрезвычайное. Она считала своимъ долгомъ передъ Меней не умереть скоропостижно, отъ собственной небрежности, и отъ каждаго доктора, попадавшаго къ ней, требовала категорическаго отвѣта: сколько, по его мнѣнію, она проживетъ, и нѣтъ ли серьезной опасности, — не для себя, а затѣмъ, чтобы во-время приготовить мужа. Только за нимъ признавала она право на собственную жизнь, а не за собою; но съ каждымъ днемъ она считала себя все болѣе и болѣе виновной въ томъ, что навязываетъ Менѣ несносную обузу — умирающую жену, портитъ ему и безъ того не красную его долю. По ея расчетамъ, — она ихъ вела про себя, съ безстрастнымъ мужествомъ, — ей слѣдовало умереть весной, передъ переѣздомъ въ Швейцарію.

По дорогѣ на Ривьеру, изъ Швейцаріи, съ горничной-нѣмкой, нанятой за дешевую цѣну, остановились они въ Санъ-Ремо. Положеніе городка понравилось ей. Оно избавляло ее отъ Ментоны. Но Евменій Филипповичъ изъ Москвы, въ письмахъ своихъ, настаивалъ на томъ, чтобы

она къ концу ноябрю непременно перебралась въ Ментону. Ослушаться она не считала себя въ правѣ и опять очутилась въ Ментонѣ, но выносить отельную жизнь уже не могла, взяла меблированную квартирку, стала держать кухарку. Но даже и крошечное хозяйство не могло идти. По цѣлымъ суткамъ лежала она какъ пластъ, не могла говорить, не могла ничего приказать и находила, что проживаетъ непомерно дорого; это заставляло ее страдать больше всего.

Такою нашелъ ее Евменій Филипповичъ и, по совѣту доктора, перевезъ ее на побережье, между Вилла-Франка и Больё, въ самое мягкое и теплое мѣсто окрестностей Ниццы. Имъ посчастливилось найти за недорогою цѣну цѣлую квартирку, въ нижнемъ этажѣ заброшенной виллы, оставшейся безъ нанимателей на зиму.

Жена привратника вызвалась готовить; дочь ея, толковая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, исполняла обязанности горничной. Самъ привратникъ ходилъ на рынокъ, топилъ каминъ, бралъ на себя всякія порученія, когда бывало нужно послать его въ Ниццу.

Кустаревъ, когда пріѣхалъ въ Ментону, прочелъ на лицѣ своей Гари близкую кончину. Первые слова Маргариты Сергѣевны были:

— Прости, Менюшка, что я запоздала... Дальше марта не протяну и здѣсь...

Онъ посердился на нее за эти слова, не хотѣлъ самъ вѣрить близкому исходу, но докторъ подтвердилъ ему, что его жена врядъ ли доживетъ и до марта. Съ того дня онъ уже и въ шутку не пенялъ на нее за ея „кладбищенскія“ мысли.

Сегодня она проснулась безъ кашля и обычной изнурительной испарины, скушала котлетку и немного поговорила за ѣдой, спрашивала его про Москву, друзей, университетъ и городскія новости.

Освѣдомилась она и о Куликовыхъ, объ Аннѣ Гавриловнѣ, о томъ, есть ли у нея ребенокъ, бывалъ ли онъ у нихъ или только встрѣчаетъ ее гдѣ-нибудь у общихъ знакомыхъ.

Кустаревъ какъ-то нехотя отвѣчалъ ей... Ему показалось, и не въ первый разъ, что въ Маргариту Сергѣевну засѣли какія-то подозрѣнія. Если бъ онъ не боялся волновать ее, онъ долженъ былъ бы рассказать ей, что отъ болѣе частыхъ встрѣчъ съ Куликовой онъ не ушелъ, что

эта женщина сумѣла выбрать такую минуту, когда ему было до-нелзя тяжело, и на хуторѣ, и въ городѣ, что она начала бывать каждый вторникъ у Симбирцевыхъ одна, потому что ея мужъ боялся появляться въ этомъ кружкѣ, что она втягивала его въ долгія бесѣды, въ которыхъ не скрывала своего желанія—видѣть его въ числѣ своихъ друзей, выдавала мужа, живьемъ, называла свое супружество промахомъ дѣвушки, еще не сознавшей себя хорошенько.

Ничего этого онъ не хотѣлъ передавать женѣ и находилъ такую утайку обязательной.

V.

На лѣсенкѣ, ведущей кверху, въ садъ, показалась дѣвочка въ сандаліяхъ, на босу ногу, съ курчавыми рыжеватыми волосами.

Она сдѣлала Кустареву знакъ и крикнула сверху, съ мѣстнымъ акцентомъ:

— Il y a un monsieur qui demande à parler à monsieur.

Маргарита Сергѣевна спросила мужа:

— Кто бы это? Если докторъ, онъ очень ужъ зачастилъ... Все по десяти франковъ выдавай...

Курчавая дѣвочка переминалась съ ноги на ноги, и ея бѣлые зубы блестѣли на солнцѣ. Фартукъ ея немножко развѣвался.

Кустаревъ былъ бы скорѣе радъ приходу доктора. Ему хотѣлось вѣрить въ возможность, если не выздоровленія, то хоть нѣкотораго подъема силъ. Чахотки онъ не признавалъ, а только дурно залѣченное воспаление и общую неврастенію.

— Лучше принять, Гаря, — тихо выговорилъ онъ, наклонившись къ женѣ. — Если тебѣ непріятно, я къ нему пойду...

— Какъ тебѣ угодно,—кратко отвѣтила больная, и пожала ему руку.

Онъ взбѣжалъ по ступенькамъ.

— Le docteur?—спросилъ онъ у дѣвочки на ходу, отстранивъ ее рукой.

Но это былъ не докторъ. Она подала карточку, на которой стояло: „George Ermiloff. Moscou“.

Онъ хотѣлъ крикнуть женѣ, что пріѣхалъ Егоръ Петровичъ, и не крикнулъ, а подумалъ вслѣдъ за первымъ своимъ движеніемъ, что Гаря можетъ сильно заволно-

ваться. Почему-то у него явилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предположеніе, что Ермиловъ не одинъ на Ривьерѣ.

Но этотъ неожиданный прїѣздъ прїятеля, съ которымъ они видѣлись въ Москвѣ какъ-то урывками, подбодрилъ его. Онъ пошелъ быстрымъ шагомъ. Дѣвочка побѣжала впередъ просить гостя, дожидавшагося у рѣшетчатой входной двери на кремнистой мостовой узкаго прохода съ крутымъ подъемомъ.

Въ нѣсколько секундъ Евменій Филипповичъ, вернувшись мыслю къ Москвѣ, что-то еще сообразилъ насчетъ прїятеля. Всплыла тутъ же и роскошная фигура Анны Гавриловны, и ея длинные глаза поглядѣли на него. Вспомнилось и то чувство, съ какимъ онъ въ послѣдній разъ простился съ Ермиловымъ. И тогда уже онъ не видалъ въ немъ искренняго эпикурейца, удивился его намѣренію перебраться въ Москву на постоянное житіе.

— Егоръ Петровичъ!.. Родной... Вотъ одолжилъ!..

Онъ уже обнималъ Ермилова и оглядывалъ его.

— Вотъ это отлично!.. Какъ всегда, экспромтомъ, и сейчасъ отыскали насъ... Даже удивленія достойно!..

— Отыскалъ, отыскалъ!.. На днѣ морскомъ нашелъ бы!

Голосъ Ермилова звучалъ такъ же, но въ его лицѣ Кустаревъ сразу отмѣтилъ нѣчто новое, да и во всей его повадкѣ. Стоялъ онъ передъ нимъ франтовато и пестро одѣтый, въ башмакахъ, подъ парусиннымъ зонтомъ, въ шляпѣ съ синимъ вуалемъ.

— Вы подъ прикрытіемъ, дружище, а я простоволосъ! Пойдемте, присядемъ на минуту, вонъ подъ ту магнолію... И античная скамейка насъ тамъ ждетъ.

Магнолія была такъ же запущена, какъ и весь садъ; много мертвыхъ листьевъ валялось вокругъ нея, и на деревѣ не мало выглядывало пожелтѣлыхъ, среди болѣе сочной листвы, лоснившейся тамъ и сямъ.

— Ну, еще здравствуйте, родной!—продолжалъ Кустаревъ все въ томъ же возбужденномъ московскомъ тонѣ.—Почеломкаемся!

И онъ еще разъ его обнялъ.

Ему показалось, что Ермиловъ суше обыкновеннаго принимаетъ это прїятельское объятіе.

— Тепленько!—выговорилъ онъ и снялъ шляпу, оглянулся и прибавилъ: — Да у васъ тутъ настоящее *bien-être*.

— Это, кажется, по-гишпански?—шутливо осведомился Кустаревъ.

— По-гишпански...

Юморъ скользнулъ по крупному рту Егора Петровича, но лицо его тотчасъ перемѣнило выраженіе.

Онъ наморщилъ слегка переносицу и спросилъ условнымъ звукомъ барскаго воспитанія людей, когда они попадаютъ въ домъ, гдѣ есть опасно больные.

— А какъ здоровье Маргариты Сергѣевны?

Этотъ звукъ сразу охолодилъ Кустарева. Отъ него пахло тѣмъ, что жена его никогда не любила въ Ермиловѣ, но къ чему онъ самъ былъ нечувствителенъ.

— Какое ужъ здоровье!..

Кустаревъ махнулъ рукой и тяжело опустилъ голову.

— Неужели плохо?

Вопросъ зазвучалъ иначе, какъ будто даже съ дрожью въ голосѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, Ермиловъ, произнося эти два слова, почувствовалъ, что смерть заноситъ ударъ надъ этимъ домомъ и дѣйствуетъ въ угоду ей, женщинѣ, которая приказала ему развѣдать, какъ можно скорѣе, гдѣ живутъ Кустаревы,—ихъ въ Ментонѣ не оказалось,—узнать, дѣйствительно ли Маргарита Сергѣевна при-смерти, а потомъ пожалуетъ сюда сама убѣдиться въ этомъ и закинетъ новую сѣть на его пріятеля и соперника.

Соперникъ—вотъ онъ, добрѣйшій и честнѣйшій Кустаревъ... Успѣла ли она заронить въ него капельку любовнаго яда—Ермиловъ не зналъ. Врядъ ли; да и зачѣмъ онъ будетъ заподозрѣвать это?.. Къ чему, прежде времени, растравлять свою рану?

Видъ Кустарева не вызвалъ въ немъ спазма злобы или зависти, никакого тайнаго сарказма, язвительной остроты... Онъ, должно-быть, уже неспособенъ и на такія мужественныя чувства самца и хищника. Иначе, развѣ онъ взялъ бы на себя роль сообщника Анны Гавриловны, сталъ ли бы онъ проникать сюда съ намѣреніемъ: вывѣдать то, что ей угодно и пріятно знать?..

Онъ сталъ спрашивать обстоятельно, ободрялъ пріятеля, сказалъ нѣсколько общихъ мѣстъ насчетъ благодатности климата Ривьеры и, говоря все это, продолжалъ испытывать гадливость къ себѣ и недовѣріе къ горю Кустарева. Ему какъ бы хотѣлось, чтобы этотъ пуританинъ лицемѣрилъ, чтобы онъ, про себя, желалъ смерти

жены, чтобы и онъ былъ уже уколоть той же иглой съ дурманомъ.

Дѣвочка, въ началѣ ихъ разговора, пробѣжала внизъ, на террасу. Она подумала, что оставить больную одну нельзя, а мать ея ушла къ сосѣдкѣ жарить кофе—Маргарита Сергѣевна не могла выносить этотъ запахъ.

Они сидѣли на скамейкѣ все въ тѣхъ же грустныхъ позахъ.

Кустаревъ первый почувствовалъ потребность встряхнуться.

— Что жъ тутъ подѣлаешь, дружище? — громче заговорилъ онъ и положилъ широкую ладонь на пухлое плечо Ермилова.— Вѣра у меня есть въ равновѣсіе въ природѣ. Должны же мы получить что-нибудь въ награду за всѣ гадости, посылаемыя намъ случаемъ? Близкую кончину Гари,—онъ покачалъ головой,—я не хочу допускать: ужасныя передраги въ нервной системѣ—такъ; но въ легкихъ нѣтъ ни кавернъ, ни гангрены. Единственный сносный врачъ въ Ментонѣ, изъ австріяковъ, который способенъ былъ произвести микроскопическій анализъ, находилъ, не такъ давно, что коховскихъ столбиковъ нѣтъ въ отдѣленіяхъ.

— Когда?—спросилъ Ермиловъ безстрастно, чѣмъ считалъ себя на то способнымъ.

— Когда?.. Да еще въ началѣ осени.

— А если это—*phthisie galopante*?..

И французскій терминъ выговорилъ онъ необыкновенно отчетливо, точно самый звукъ его нравился ему.

Въ этомъ бездушіи онъ распозналъ свое теперешнее отношеніе къ Кустареву. Тотъ товарищъ, къ которому онъ явился на хуторъ просить о своей незаконной дочери, умеръ для него...

И о дочери онъ совсѣмъ забылъ. Около года онъ не знаетъ, жива она или нѣтъ; съ той дамой—ея матерью—у него нѣтъ никакой переписки.

— Можно видѣть Маргариту Сергѣевну?—опять съ наморщенной переносицей спросилъ Ермиловъ.

— Вотъ я сейчасъ пойду. Быть-можетъ, она уснула. Да и вообще я боюсь, чтобы она не взволновалась.

Кустаревъ поднялся, тревожно поглядѣлъ въ сторону спуска на площадку и сталъ прислушиваться.

Голосовъ на площадкѣ не раздавалось.

— Простите, дружище. Если можно, я кликну.

Поспѣшно скрылся Кустаревъ за деревомъ и началъ спускаться по лѣсенкѣ.

„Хитришь,—говорилъ про себя Ермиловъ.—Тебѣ пріѣлась хворость маленькой женщины; это вышибло тебя изъ твоего сѣдла. Дай срокъ, и ты будешь, какъ я, сидѣть за той же рулеткой и ждать, что выскочить твой номеръ“.

Эти недобрыя мысли не могли забраться въ голову годъ тому назадъ; тогда онъ вѣрилъ Кустареву гораздо больше, чѣмъ себѣ.

— Ну что? — громкимъ шопотомъ пустилъ онъ, когда Кустаревъ показался съ другой стороны; онъ вышелъ изъ дома заднимъ ходомъ.

— Видите что, родной! Она захотѣла васъ видѣть, очень оживилась. Только ей надо полежать—я настоялъ. А мы вотъ что сдѣлаемъ. Вы не торопитесь?

— Я могу взять поѣздъ въ пять съ чѣмъ-то.

— И распрекрасно! Тутъ на полугорѣ, подъ шоссе, есть курьезнѣйшій кабачокъ. Напоминаетъ декорацію изъ „Риголетто“. Тамъ мы разопьемъ бутылочку *Asti Spumante* и по душѣ все перетряхнемъ. Въ десяти минутахъ ходьбы.

Голову Кустарева уже покрывалъ изъ бурога войлока берѣтъ, нахлобученный напередъ, придававшій его головѣ живописность.

„Да онъ сталъ красивѣе!“—подумалъ Ермиловъ и тотчасъ же сдержанно крикнулъ:

— Andiamo!

VI.

На дворикѣ, приткнутомъ къ скалѣ, гдѣ жерди лежали на узкихъ каменныхъ столбикахъ, перевитыя голыми отпрысками виноградной лозы, за некрашенымъ столикомъ сидѣли два москвича.

Хозяйка, улыбающаяся, плотная женщина, похожая на русскую нестарую няньку, принесла имъ бутылку мутнаго, но вкуснаго асти, нѣсколько ломтиковъ салами, отъ котораго пошелъ чесночный запахъ, полубѣлаго хлѣба и ломоть стараго сыра Горгондзола...

Кабачокъ не совсѣмъ походилъ на притонъ изъ „Риголетто“, но годился въ любой итальянскій жанръ. Къ нему надо было спускаться съ шоссе, по узенькой тропинкѣ, между мшистыхъ камней и запущенныхъ оградъ.

Съ дворика видна была полоска моря, а слѣва обли-

вались яркимъ свѣтомъ отвѣсныя скалы, надвинувшись на дорогу—мѣсто Ривьеры, прозванное „маленькой Африкой“.

Тутъ было прохладно, почти свѣжо. Изъ открытыхъ дверей лачуги, гдѣ помѣщалась стойка, шелъ запахъ вина и сушеныхъ травъ.

Оба москвича чувствовали то особое нервное возбужденіе, какое даетъ воздухъ Ривьеры.

Сначала разговоръ перескакивалъ съ предмета на предметъ, и обоимъ пріятелямъ, отъ перваго же стакана пѣнистаго асти, захотѣлось сбросить съ себя то, съ чего они начали—тамъ, въ саду виллы; забыть хоть на нѣсколько минутъ тоску жизни.

Это имъ не удалось. Кустарева не веселила бесѣда съ Ермиловымъ, и здѣсь онъ не находилъ въ немъ прежняго Егора Петровича. Онъ не могъ выяснить—что между ними точно встало, какъ тонкая, но непроницаемая стѣнка?

Между ними встала женщина.

Не та, что дожидалась своего конца на старой виллѣ; а та, что ждала въ Ниццѣ возвращенія Ермилова и вѣрныхъ вѣстей о Кустаревыхъ.

Первый заявилъ объ этомъ Евменій Филипповичъ.

— Слушайте, дружище,—онъ положилъ локоть на столъ и наклонилъ къ нему голову,—что это какъ ровно я васъ не совсѣмъ чую?.. Какъ будто мнѣ моего эпикурействующаго россиянина Егора Петровича кто-то подмѣнилъ.

Ермиловъ всось усмѣхнулся.

— Можетъ-быть, — вымолвилъ онъ совсѣмъ не своимъ голосомъ.

— Съ какой же стати, родной?

Что было отвѣтить на это? Сиди передъ нимъ не Кустаревъ, не тотъ „объектъ“, на который женщина, владѣвшая имъ какъ вещью, навела свои продолговатые глаза, съ цѣлью обладать имъ и отдаться ему, онъ не устыдился бы своего теперешняго паденія, рассказалъ бы чистосердечно, какъ подкрался къ нему этотъ недугъ, быть-можетъ, въ видѣ возмездія за двадцать пять лѣтъ игры съ любовью и женщиной...

Кустареву онъ не могъ изливаться... Не могъ его и вывѣдывать, надѣвъ на себя личину: какъ тотъ теперь смотреть на профессоршу, послѣ осени, проведенной на хуторѣ, съ частыми поѣздками въ городъ? — забраться потихоньку къ нему въ душу и опредѣлить, какъ быстро,

послѣ неминуемой смерти „маленькой женщины“, ея Меня сдѣлается возлюбленнымъ Анны Гавриловны, а то такъ и ея законнымъ супругомъ, если она найдетъ болѣе удобнымъ добиться развода отъ своего ловкача-мужа...

На такіе подходы у него не доставало ни двоедушія, ни мужества.

На Кустарева онъ привыкъ смотрѣть какъ на родного брата. Сухость, признанная имъ въ себѣ, полчаса передъ тѣмъ, не пропадала въ немъ и теперь. Асти не помогало что-то. Но въ немъ все-таки оставалось прежнее почтительное чувство къ личности Кустарева, хотя онъ и не преклонялся передъ народниками и ихъ полумистическимъ идеализмомъ.

Онъ сдѣлалъ бы надъ собою усиліе и заговорилъ бы про Монте-Карло, про женщинъ, про какія-нибудь эстетическія ощущенія, испытанныя имъ въ этомъ благодатномъ краю, но ему становилось неловко отъ опасной болѣзни Маргариты Сергѣевны, отъ ея кончины.

Невольно онъ выговорилъ съ протянутымъ стаканомъ:
— За выздоровленіе жены вашей!

И ему искренно, до болѣзненнаго порыва, захотѣлось этого выздоровленія... Она не уступитъ своего Меню, и Меня не такой человѣкъ, чтобы тайно блудить...

Развѣ ужъ и онъ подпадетъ тому же недугу, что гложетъ теперь его недавняго друга, „эпикурействующаго россиянина“?... Да, пусть живетъ „маленькая женщина“, и много, много лѣтъ, пускай переживетъ ихъ обоихъ, вмѣстѣ съ разлучницей...

— Полноте! — остановилъ его движеніемъ руки Кустаревъ, ожидая вѣрно цѣлаго заздравнаго спича.— Во мнѣ живетъ еще вѣра... родъ упрямства; но въ ней самой ея нѣтъ... Вотъ это меня всего сильнѣе и сокрушаетъ, другъ Егоръ Петровичъ...

Опять, откуда-то, изъ самой скептической складки души, въ Ермиловѣ, какъ острая струйка, поднялось сомнѣніе... Онъ глядѣлъ вбокъ на лицо Кустарева и не распознавалъ на немъ несомнѣнныхъ признаковъ глубокой печали... Что-то уже забралось, разѣдающее, въ сердце прямолинейнаго хуторянина.

— Климатъ восторжествуетъ! — попробовалъ еще Ермиловъ, и звукъ фразы вышелъ у него двойственный.

— Сосудъ скудельный, друже! — вотъ что такое женщина... Онѣ воображаютъ себѣ, что духъ—все, что онѣ—

бездѣлесныя и несутся на всѣхъ парахъ, зря, безумно, расточаютъ свою нервную силу на ежесекундное нравственное возбужденіе, а тамъ, глядь,—и рассыпалась машинка!..

— Маргарита Сергѣевна вела такую строго-правильную жизнь,—замѣтилъ, какъ бы про себя, Ермиловъ.

— Заблужденіе, другъ, великое заблужденіе!.. — почти гнѣвно крикнулъ Кустаревъ и началъ ковырять въ ломтъ сыра, ища исхода овладѣвшей имъ нервности. — Не могутъ и не умѣютъ наши интеллигентныя женщины нормально переносить ни ударовъ жизни, всегда возможныхъ, ни прѣсныоты ея... Маргарита Сергѣевна, съ первыхъ дней нашего сожителства, начала исходить въ чересчурную впечатлительность, въ заботу обо мнѣ, въ всякой мѣры, потомъ въ дѣтей... Со смертью ихъ она не умѣла помириться; за меня продолжала глодать себя, почти выдумывала мнѣ душевныя страданія, скорбѣла часто вслухъ о томъ, что дѣло мое не задалось, и какъ разъ, когда я почиталъ себя счастливымъ, что убѣждалъ изъ того ученаго клоповника, гдѣ безъ толку исходилъ въ мелкомъ раздраженіи. Въ предпоследнюю минуту, она начала сдерживаться, и это стало еще хуже. Потомъ схватила она болѣзнь уже на почвѣ полной развинченности всей нервной системы...

Кустаревъ не договорилъ и допилъ остатокъ вина, мутнѣвшагося на днѣ стакана.

„Да, да, — думалъ Ермиловъ, — такъ и есть... Ты, не сознавая того, тяготишься... Эта умирающая жена лишаетъ тебя всякой личной жизни; ты ни публицистъ, ни хозяинъ, ни товарищъ своихъ сверстниковъ, людей одного кружка... А встрѣчи съ Анной Гавриловной могли додѣлать остальное“.

— Право, — продолжалъ сдавленнымъ звукомъ Кустаревъ, — женщины новой генерации здоровѣе натурой. Онѣ, быть-можетъ, болѣе себѣ на умѣ, идеалы ихъ помельче сортомъ. Да, зато, цѣну себѣ знаютъ и сумѣютъ къ зрѣлымъ лѣтамъ приберечь здоровье и нервную гибкость.

„Онъ объ ней думаетъ!“ — мысленно воскликнулъ Ермиловъ и слегка покраснѣлъ, чего собесѣдникъ его не замѣтилъ.

— Какія такія женщины? — тихо вымолвилъ онъ, отводя голову въ сторону.

— А хоть бы ваша знакомая, Анна Гавриловна.

„Такъ и есть!“—чуть не вырвалось вслухъ у Ермилова.

— Вы находите?—спросилъ онъ, чувствуя, какъ его забираетъ желаніе заставить Кустарева говорить, и въ то же время какъ бы совѣстясь за него.

— Всенепремѣнно! Не хорошо, что за этого конториста отъ Юнкера пошла, за Лису-Патрикѣевну, которую она не можетъ не видѣть насквозь. Ну, да тутъ одинъ человѣчекъ кругомъ виновать.

— Кто это?

Вопросъ Ермилова заставилъ Кустарева поднять голову.

— Да вы, дружище, собственной особой. Она вамъ нравилась. Вотъ бы тогда конецъ сдѣлать всѣмъ экспериментамъ. Лучше не найдете, и какъ эстетикъ, и какъ умница. И она пошла бы, ничто же сумняся! А вы, сдается мнѣ, страха ради, не іудейска, а холостяка закорузлаго—на попятный. Она и очутилась приватъ-доцентшей, а теперь профессоршей Куликовой. Такъ-то!

Онъ налилъ себѣ и Ермилову и поднялъ свой стаканъ.

— За здоровье Анны Гавриловны!..

Этотъ тостъ показался Ермилову почти циническимъ. Онъ чокнулся молча и сидѣлъ съ опущенной головой.

— Вы мнѣ ничего не рассказали про нее, Егоръ Петровичъ. А я, грѣшный человѣкъ, когда дѣвочка подала мнѣ вашу карточку, подумалъ, что вы сюда не одни на Ривьеру пожаловали.

— И вы не ошиблись. Я съ Куликовыми.

— Быть не можетъ!

Кустаревъ всталъ и заходилъ вокругъ стола.

— Анна Гавриловна здѣсь! И со своимъ карьеристомъ?

— Они въ Ниццѣ и желали бы васъ видѣть.

Не сказать этого—было бы глупо.

Лобъ Кустарева немножко нахмурился.

— Къ намъ-то что же беспокоиться... Они надолго-ли?

— По дорогѣ въ Италію. Побудутъ съ недѣлю.

— И вы за ними туда же?

Глаза Кустарева шутливо заиграли, когда онъ это спросилъ, глядя на Ермилова.

— И я туда же.

— Вотъ видите, дружище, до сихъ поръ въ васъ влеченіе не улеглось, а мясоѣдъ-то пропустили.

Тонъ этихъ словъ показывалъ, что Кустаревъ подозрѣвалъ пріятеля въ вѣчномъ селадонствѣ, но былъ далекъ, за тысячу верстъ, отъ настоящей правды.

— Что жъ прикажете передать?—спросилъ Ермиловъ.

— Да я къ нимъ заверну, какъ только Гарѣ будетъ получше. А къ намъ ей зачѣмъ же беспокоиться... Завтра, послѣзавтра...

Порученіе Анны Гавриловны Ермиловъ исполнилъ блистательно.

VII.

Громкіе голоса раздались сверху, со стороны шоссе, гдѣ только что остановился экипажъ.

Разговоръ былъ прерванъ.

Кустаревъ прислушался и сказалъ первый:

— Это, никакъ, соотечественники?

— Да,—подтвердилъ Ермиловъ,—только компатріоты могутъ такъ кричать.

Онъ внутренно обрадовался, что имъ помѣшаютъ. Дольше—сдѣлалось бы для него жутко.

По каменистой тропинкѣ спускались гуськомъ нѣсколько человѣкъ. Ермилову, съ его мѣста, было удобнѣе разглядѣть ихъ.

Впереди шелъ, переваливаясь, мужчина лѣтъ за пятьдесятъ въ русской „крылаткѣ“ изъ свѣтлаго шевіота и въ мягкой пуховой шляпѣ съ широкими полями. Ермиловъ сейчасъ же спросилъ себя: „какъ будто я его гдѣ-то видалъ?“

Господинъ въ крылаткѣ кричалъ тѣмъ, что начали только сходить внизъ:

— Да ужъ, дѣти мои, коль я вамъ говорю, что тутъ найдется рафрешисментъ перваго сорта... Даромъ, что это кабачокъ! Мнѣ еще не знать?.. Слава Богу!.. Пятнадцать лѣтъ по здѣшнимъ мѣстамъ путаюсь!..

Онъ повернулъ лицо, и солнце заиграло на его уже морщинистыхъ щекахъ, съ красными жилками, и на толстоватомъ, чисто-русскомъ носѣ помѣщикаго типа. Борода, изжелта-сѣдая, моложавила его.

И голосъ былъ знакомъ Ермилову, но онъ еще не могъ ни назвать этого русскаго, ни сказать, гдѣ именно встрѣчалъ его.

Вторую показала дама, рослая, полная, почти толстая, въ бруснично-красномъ *cache roussièrs*, съ длинными рукавами и сборчатой шеей, и въ низкой шелковой шляпкѣ, безъ полей, формой въ родѣ купеческой „головки“, нѣжно-абрикосоваго цвѣта.

И ее Ермиловъ узналъ, но тоже не могъ сразу сказать, кто это и какъ ея фамилія.

Но когда всмотрѣлся въ того; кто шелъ за нею, то сейчасъ же вспомнилъ, что толстая и бѣлолицая дама—вдова Мещерина, которую онъ видѣлъ у Капцовыхъ постоянно со студентомъ, по всей вѣроятности, ея фаворитомъ. Григорій Порфирьевичъ сильно возмужалъ, запустилъ густые кавалерійскіе усы, былъ въ высокой шляпѣ и свѣтломъ длинномъ пальто англійскаго покроя.

Онъ успѣлъ загорѣть и держался съ прежней офицерской осанкой.

Позади, развихленной походкой, какъ-то подпрыгивая, двигался тщедушный, блѣднолицый молодой человѣкъ съ усиками и удлиненнымъ профилемъ, въ шоколадномъ сыютѣ, такого же цвѣта котелкѣ и башмакахъ съ гетрами.

Все это общество возвращалось изъ Ниццы въ Монте-Карло. Экипажъ ихъ — четырехмѣстное ландо — видно было снизу.

Баринъ въ крылаткѣ, войдя во дворикъ, воззрился въ Ермилова и даже заслонилъ себя отъ свѣта ладонью.

— Позвольте!—крикнулъ онъ дворянскимъ звукомъ, — кажется, не ошибаюсь?... Имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами!.. Знаете, гора съ горой...

Онъ уже пожалъ руку Ермилова.

— Кажется,—проговорилъ еще недовѣрчиво Ермиловъ.

— Сипуновъ моя фамилія... Мы и въ Питерѣ, и въ Москвѣ хлѣбъ-соль ѣдали. У Варсановьевыхъ и у Чибисовыхъ, кажется?..

— Скорѣй, у Чибисовыхъ,—поправилъ Ермиловъ.

Сипуновъ оглянулся на Кустарева.

— Вашей компаніи?—спросилъ онъ тихо, указывая на Кустарева глазами.—Навѣрно, землячокъ, а?..

— Мой пріятель...

— Какъ по фамиліи?

— Кустаревъ, бывший профессоръ.

— Слыхалъ, слыхалъ!.. Вотъ это чудесно!.. Дѣти! — крикнулъ онъ остальному обществу.—Землячковъ нашли. Мы вонъ туда за столикъ. Позвольте вамъ отрекомендовать... Мадамъ Мещерина изъ Петербурга... человѣкъ-душа... Капцовъ, кончилъ петербургскій университетъ...

Но Григорій Порфирьевичъ остановилъ Сипунова и, поклонившись Ермилову и Кустареву двумя наклоненіями головы, сказалъ:

— Меня эти господа знаютъ.

Тутъ только Кустаревъ приподнялся, протянулъ ему руку и спросилъ:

— Давно изъ Питера?.. Батюшка какъ поживаетъ?..

Онъ не видалъ Порфирія Николаевича съ конца лѣта. На Ривьеру проѣхалъ онъ въ этотъ разъ прямо изъ Москвы, на Вѣну и Миланъ.

— Благодарю васъ, — отчеканилъ Григорій Порфирьевичъ, — старикъ поскрипываетъ.

— Куда опредѣлились? — спросилъ, въ свою очередь, Ермиловъ.

— Да пока еще никуда. Какъ вернусь, поступлю въ одинъ изъ полковъ кирасирской дивизіи.

Мещерина, въ своемъ красно-брусничномъ салопѣ, похожа была на огромное выкрашенное яйцо. Она весело озиралась и находила въ эту минуту, что ея Гриша, подъ горячимъ солнцемъ, еще краше.

— Что же мы здѣсь получимъ? — спросила она и подала руку Ермилову, прибавивъ: — Можетъ-быть, и меня помнитъ м-г Ермиловъ?

— Что получимъ? — подхватилъ Сипуновъ. — Вотъ сейчасъ... Боттѣга! — крикнулъ онъ къ двери, — Локандьера! Madame l'aubergiste!.. Или кто тамъ? Пограмотнѣе? Вино — асти, формаджіо, стакани, макарони, сѹбито!..

И онъ застучалъ своей тростью по столу.

Тщедушный молодой человѣкъ засмѣялся фистулой и тоже застучалъ по столу толстой палкой изъ апельсиннаго дерева.

Общество разсѣлось у другого стола.

Кустаревъ, нагнувшись къ Ермилову, шепнулъ ему:

— Расплатимся, да и маршъ...

Составъ этой компаніи былъ ему очень не понутру.

— Позвольте, я пойду, расплачусь...

— Расходы общіе, — возразилъ Кустаревъ.

Они пошли расплачиваться вмѣстѣ. Но хозяйкой овладѣлъ Сипуновъ, и они должны были подождать.

— Да вы что же это, дорогіе земляки, — обратился тотъ къ нимъ послѣ того, какъ протурилъ хозяйку за виномъ и закуской, взявши ее за плечи, — нешто мы васъ гонимъ?

— Нисколько, — отвѣтилъ Ермиловъ, — но намъ пора...

— За компанію бы!.. Вы въ Ниццѣ проживаете или въ Монако?

— Я только что пріѣхалъ.

— И господинъ ученый... тоже?..

Не дожидаясь отвѣта, Сипуновъ продолжалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Дѣти мои, лучше на свѣтѣ мѣста нѣтъ, какъ владѣнія князя Монакскаго... Былъ свѣтъ и будетъ свѣтъ, а такого другого царства не найдете...

— Это вѣрно!—откликнулась Мещерина.

— Ну, барынька, вы особъ-статья!.. Дѣло женское—дѣло слабое... Вашей сестрѣ вездѣ хорошо, гдѣ чувствамъ своимъ находите пріятность. Играть и ваша сестра охотница, но больше наскокомъ... Прилетѣла изъ Парижа, изъ Лондона, или изъ орловской вотчины, спустила—и опять тѣмъ же аллюромъ обратно. Но смаковать, какъ должно, все благородство учрежденія, вонъ тамъ, на террасѣ Монте-Карло, вы не можете...

— Объясните вашу мысль, — сказалъ Капцовъ и насмѣшливо поглядѣлъ на Сипунова.

— Да, объясните!—повторилъ молодой человѣкъ.

— А то какъ же? Гдѣ это, въ какомъ это другомъ мѣстѣ вамъ дадутъ сорвать банкъ и чинно-благородно поднесутъ на подносикѣ двѣсти слишкомъ тысячекъ? Извольте, получайте и насъ лихомъ не поминайте!

— Только Геннадій Евграфовичъ,—пояснилъ Капцовъ въ сторону Ермилова и Кустарева,—вотъ пятнадцать лѣтъ дожидается этого момента... А сколько вы спустили?

— Не считалъ хорошенько, потому что это дѣло бесполезное. Мнѣ хватаетъ! Чего же больше? Дѣло не въ томъ, сколько проиграть и сколько ставить. Пятакъ или золотушка—все едино. Одолѣть вертѣлку... Номеръ отгадать—вотъ что обжигаетъ васъ.

— Вы поэтъ игры!—вскрикнула Мещерина.

Имъ подали вино.

— Господа! пригубьте, откушайте за компанію!

Сипуновъ загородилъ путь двумъ пріятелямъ, и рукава его крылатки широко развѣвались.

— Да мы только что пили это самое,—сказалъ Кустаревъ, дѣлая жестъ отказа.

Ермиловъ также отказался. Обоимъ хотѣлось поскорѣе уйти. Компанія пахнула на обоихъ кутильнымъ петербургскимъ и подмосковнымъ помѣщичьимъ тономъ въ лицѣ этого Сипунова; а Ермиловъ уже пересталъ бояться

возобновленія разговора съ Кустаревымъ на щекотливыя темы.

— Да вы здѣсь поблизости?—приставалъ Сипуновъ.— Не хотите ли взять наше ландо? Мы еще здѣсь покалякаемъ. У меня возница — Виктòромъ его зовутъ—куръезная обезьяна. Ростомъ съ карпыша... и рожа вся смуглая... Родомъ изъ Авиньона. И гоноръ какой! Бичомъ хлопаетъ—точно священнодѣйствуетъ.

— Намъ пора... Благодарю васъ,—прервалъ Ермиловъ одной изъ своихъ барскихъ интонацій, за которую Кустаревъ сказалъ ему тайное спасибо.

Капцовъ и молодой человѣкъ съ фальцетомъ поклонились имъ издали. Дама все такъ же весело кивнула головой.

Сипуновъ проводилъ ихъ до поворота въ закоулокъ и предлагалъ свое гостепріимство въ Монте-Карло.

— Ежели вы, паче чаянія, ночлега и внизу, въ Кондаминѣ, не найдете, заигравшись грѣшнымъ дѣломъ, прошу покорно ко мнѣ, въ Grand-Hôtel... Кровать прикажемъ вамъ въ салонѣ. И во всякое время, коли около рулетки меня нѣтъ, и не поѣхалъ въ Ниццу, — въ кафешку — Café-de-Paris загляните, на площади-то, гдѣ женскому полу самая главная биржа. Хе-хе!.. И по этой части добрый совѣтъ могу дать. Потому, на такую невинность, при маменькѣ, наскочите... Для меня ужъ это не опасно. Да и жалость къ нимъ я чувствую. Дѣло женское — слабое дѣло. Тоже и имъ, сердешнымъ, не легко достается рулеточная служба. Себѣ я скромненькихъ лектрисъ только беру. Глаза плохи... газетъ не могу читать... До пріятнаго свиданія...

Рукава крылатки заколыхались вверхъ по спуску.

VIII.

До самой почти виллы они промолчали.

— Цвѣтистый россіянинъ!—выговорилъ первый Кустаревъ. — Вы его подлинно знаете, Егоръ Петровичъ, или это онъ самъ назвался вамъ въ знакомцы?

— Я его встрѣчалъ, — отвѣтилъ съ унылой усмѣшкой Ермиловъ.

— Да кто же онъ, какого званія?

— Кажется, бывшій концессіонеръ какой-то дороги, а можетъ, и коннозаводчикъ.

— Коли не то и не другое вмѣстѣ.

На нихъ обоихъ пахнула струя русской дѣйствительности. Кустаревъ точно ждалъ этого нашествія соотечественниковъ, чтобы перейти къ нѣкоторымъ итогамъ.

— Видѣли, — спросилъ онъ Ермилова и взялъ его за руку, — какимъ хватомъ смотритъ нашего бѣднаго Порфирія сынокъ?.. Вѣдь онъ на счетъ той вдовы совершаетъ первую поѣздку въ Монте-Карло. И нимало ему не стѣснительно, ни васъ, ни меня. Въ послѣдній разъ, какъ я видѣлъ Порфирія, по осени, плакалъ онъ, — вотъ у меня, на груди.

— Плакалъ? — переспросилъ Ермиловъ, сознавая въ то же время какое-то равнодушіе къ невзгодамъ и радостямъ Капцова, своего однокурсника.

— Горючими слезами заливался! Такъ, какъ былъ въ мундирѣ и съ крестомъ на шеѣ, прямо изъ своего министерства пришелъ. „Евменій, — говоритъ, — я самъ себѣ жалокъ и презираю себя до послѣдней возможности“.

— За что же? — болѣе искренней нотой спросилъ Ермиловъ.

— „Мое постыдное, — говоритъ, — слабоуміе довело всю семью Богъ знаетъ до чего“...

— И онъ узналъ, наконецъ, про связь жены?.. Вѣдь мужа всегда подъ самый конецъ...

Ермиловъ не закончилъ. Ему показалось слишкомъ уже бездушнымъ прохаживаться въ такомъ духѣ надъ бѣднымъ мужемъ.

— Недостало у него мужества прямо про жену сказать, да и хорошо, что оно такъ вышло: мнѣ за него было бы черезчуръ прискорбно. А о дѣтяхъ онъ на чистоту говорилъ. Григорій если теперь не форменный Альфонсъ — на линіи его; Диночку мать загубила...

— Что такое? — любопытствовалъ Ермиловъ.

— Да выходитъ, что инженеръ-подрядчикъ... Вы его тамъ видали, рыжеватый изъ себя... былъ на правахъ жениха, а между прочимъ о женитьбѣ онъ и не помышлялъ. И, кажется, преспокойно пользуется всѣми правами. Отецъ это видитъ. Сорять деньгами, и мать, и дочь. Карету держать. Откуда же все это? Хоть онъ и работаетъ, что твой каторжный, однако, сейчасъ сложеніе, вычитаніе подскажетъ, что заработокъ у него не такой! И это всего пуще въ собственныхъ глазахъ срамитъ его и сосетъ день и ночь. А онъ, поганки, мало, что отъ того,

яко бы жениха, принимаютъ субсидіи, и съ Порфирія-то продолжаютъ драть три шкуры.

Щеки Кустарева разгорѣлись. Онъ ускорилъ шагъ и Ермилова подталкивалъ, держа его подъ руку.

Спускаться стало очень круто. Ноги Ермилова служили ему гораздо плоше, чѣмъ годъ назадъ. При спускѣ съ лѣстницы или по такимъ каменистымъ дорожкамъ съ крутыми ступеньками, изъ покосившихся камней, онъ долженъ былъ съ трудомъ приспособляться, и на щекахъ его то и дѣло вздрагивали нервныя струйки боли и усилія.

Онъ остановился и придержалъ Кустарева за руку, на которую тотъ упирался.

— Однако,—подавляя боль, выговорилъ онъ,—можетъ же онъ положить этому предѣлъ? Онъ глава, наконецъ! Съ какой же стати опускаться, по доброй волѣ, въ тину самопрезрѣнія?

Онъ это выговорилъ торопливо, точно боялся не докончить, и ему тотчасъ же пришлось отвѣтить на собственный вопросъ:

„А ты? Развѣ ты себя не презираешь въ иныя минуты? Ну, попробуй, положи предѣлъ твоему рабству передъ той бабенкой, что послала тебя сюда, въ качествѣ соглядатая?“

— Эхъ, батюшка, Егоръ Петровичъ,—слышалъ онъ въ отвѣтъ тихій говоръ Кустарева. — Хорошо такъ вчужѣ рѣшать; а коли духъ немощенъ?.. Порфирій и всегда-то былъ такой. Вотъ она, крайняя деликатность, и сослужила ему предательскую службу. Да и кто можетъ за себя поручиться?.. Бабье, по нынѣшнему времени, взяло великую силу. Одна умная переводчица, въ Москвѣ, мнѣ не такъ давно сказала: „Никто,—говорить,—Евменій Филипповичъ, изъ васъ не застрахованъ отъ революціи своего сорокъ восьмого года“.

— Какъ, какъ?—крикнулъ Ермиловъ и опять приостановилъ Кустарева на ходу.

— Революція сорокъ восьмого года—это вотъ въ нашъ съ вами возрастъ, или около того. Одинъ мнитъ себя легкимъ эпикурейцемъ, другой — суровымъ ригористомъ, а глядь... врагъ-то и одолѣетъ. Баба возьметъ верхъ и правъ передѣляетъ, и правила, и мозгъ, и темпераментъ. Эстетикъ очутится въ притонѣ, и тамъ въ послѣднюю потаскушку будетъ класть весь остатокъ своихъ душевныхъ силъ! Такъ-то-съ!..

Съ полузакрытыми отъ горячаго солнца глазами слушалъ Ермиловъ эту тираду, и ему вспомнился цѣлый рядъ мыслей, въ прошлую осень, когда онъ подѣзжалъ къ хутору Кустарева и думалъ:—какой вздоръ всѣ толки о томъ, что сложившійся человѣкъ мѣняется. Тогда онъ былъ убѣжденъ, что онъ и Кустаревъ до могилы останутся въ своихъ основныхъ чертахъ тѣми, чѣмъ были еще въ гимназическіе годы.

А развѣ онъ—тотъ же Ермиловъ, который ѣхалъ на хуторъ въ телѣжкѣ, подъ плѣдомъ, въ жидковатомъ заграничномъ эльстерѣ, и перебиралъ въ головѣ пріятныя свои встрѣчи съ женщинами въ Біаррицѣ и Парижѣ?..

Да и Кустаревъ... И онъ какъ будто наканунѣ какого-то перелома.

— Февральская революція, — промолвилъ онъ медленно.—Очень удачный терминъ.

— Да, батюшка, революція сорокъ восьмого года. Намъ съ вами до этой годовщины не то чтобы много осталось.

— Не очень чтобы много,—повторилъ Ермиловъ и началъ спускаться скорѣе.

Онъ вспомнилъ, что время у него уже въ обрѣзъ, и что онъ долженъ привезти Аннѣ Гавриловнѣ описаніе того, въ какомъ видѣ онъ самъ засталъ „маленькую женщину“.

Еще разъ у него зашевелилось внутри что-то похожее на желаніе перейти къ самому себѣ и крикнуть Кустареву: „Да посмотрите на меня! Развѣ я все тотъ же?.. И какую я роль играю вотъ сейчасъ, притворяясь вашимъ пріателемъ?.. Капцовъ—жертва своей слабости къ женѣ и дѣтямъ, а я?!..“

Но ничего такого онъ не сказалъ, и даже испугался своего внутренняго движенія.

Они подходили къ рѣшетчатой входной двери.

Кустаревъ оставилъ его руку и хотѣлъ-было позвонить. Но дверь стояла незапертой.

— Что за притча! — вслухъ сказалъ онъ. — Они этого обыкновенно не дѣлаютъ. Нешто забыли?..

Тихо вошли они на виллу. Къ задней площадкѣ вела узкая аллея съ плющемъ.

Онъ окликнулъ въ сторону оконца кухни, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ.

Ему никто не отвѣтилъ.

— Притча! — повторилъ Кустаревъ съ безпокойствомъ въ голосѣ.—Что-нибудь неладно.

При поворотѣ къ спуску на террасу, гдѣ часъ передъ тѣмъ сидѣла въ креслѣ Маргарита Сергѣевна, на нихъ налетѣла дѣвочка, дочь привратницы.

— Madame!..

Больше она ничего не могла выговорить и потащила Кустарева внизъ.

„Неужели умерла?“

Вопросъ пронзилъ Ермилова, и ему захотѣлось крикнуть:

„Не бывать этому! Она должна жить!..“

Кустаревъ побѣжалъ за дѣвочкой. Оба сейчасъ же скрылись въ двери балкона.

„Пойти и мнѣ туда?“—спросилъ себя Ермиловъ и сдѣлалъ два-три шага въ томъ же направленіи.

Но его что-то удержало—родъ стыда.

Въ другое время онъ самъ бы устремился вслѣдъ за ними.

Не больше, какъ черезъ минуту, показался Кустаревъ, блѣдный, но не растерянный.

— Что такое? — противъ воли искренно спросилъ Ермиловъ.

— Да припадокъ страшной слабости. Однако, пульсъ я нащупалъ.

— Доктора?.. Я могу сейчасъ же!..

И эти слова вылетѣли у Ермилова сами собою: прежній порядочный человѣкъ еще не совсѣмъ умеръ.

— Двое побѣжали за докторомъ.

— Куда?

— Въ Вилла - Франку. Не знаю, найдутъ ли еще!.. Эхъ!..—Кустаревъ махнулъ рукой.—Напрасно я согласился перебраться сюда. Вотъ такой вотъ припадокъ...

Онъ не договорилъ, стиснулъ руку Ермилова и на ходу кинулъ ему:

— Вамъ пора, дружище!.. Ступайте!.. Я и самъ справлюсь!.. Ступайте, опоздаете...

Оставшись одинъ на площадкѣ запущенной виллы, Ермиловъ почувалъ, что теперь только охватило его со всѣхъ сторонъ чѣмъ-то, предвѣщающимъ неизбѣжную кончину „маленькой женщины“. Совсѣмъ разбитый, еле волоча больныя ноги, грузно и съ поникшей головой, поднялся онъ къ той скамьѣ, гдѣ они сидѣли съ Кустаревымъ, и опустился на нее.

Никто не возвращался, ни привратникъ, ни его жена. Ни одного звука не доносилось отъ дома. Только проснув-

шаяся къ часу прибой волна заговорила внизу по мелкимъ камешкамъ береговой линіи.

Чего же ему еще ждять? Жена Кустарева очень плоха. Онъ не врывался въ ея спальню, но можетъ передать своей повелительницѣ, что „маленькая женщина“ была слишкомъ слаба, чтобы принять его, а потомъ съ ней сдѣлался припадокъ „мертвенной слабости“.

Онъ такъ же грузно поднялся и на цыпочкахъ, точно тайкомъ, пошелъ къ плющевой аллеѣ. Сухіе, желтые листья магнолій хрустѣли подъ подошвами его башмаковъ. Дверь все еще стояла незапертой; онъ ее такъ и оставилъ; выйдя въ переулокъ, вынулъ часы и сообразилъ, какъ ему идти къ станціи: вправо или влѣво.

IX.

По плоскому пригорку раскинуты развалины древнеримскаго цирка. Часть наружныхъ стѣнъ уцѣлѣла, обглоданная временемъ, изъ мелкаго камня со щебнемъ; сохранились очертанія сводовъ, впадины и отверстія.

Солнце давало тѣнь на одну сторону руинъ. Другая купалась въ волнахъ мягкаго и незнойнаго свѣта. Вправо и влѣво, по склонамъ холмовъ, шли сизыя купы оливъ, бѣлѣли и розовѣли виллы, роскошныя и простыя; туда, книзу, — Ницца, скученная полукругомъ, въ своемъ заливѣ, съ высокимъ выступомъ налѣво, гдѣ ютится полуразрушенная твердыня „старога замка“.

Извозчикій фаэтонъ виднѣлся внутри развалинъ цирка. Кучеръ спалъ; сѣрая старая лошадь тоже дремала, и ноги ея вздрагивали отъ укусовъ насѣкомыхъ.

Вокругъ стояла большая тишина.

Мужчина и дама шли по полотну каменистой дороги, вверхъ. Они направлялись мимо бѣлой обширной виллы греческаго стиля, съ террасами и колоннадой — она смотрѣла совсѣмъ пустой — къ церкви, позади которой помѣщается кладбище.

Оба шли подъ зонтиками: у дамы былъ кружевной, очень модный, въ формѣ звѣзды, у мужчины — изъ сѣраго шолка. На ходу мужчина казался болѣе чѣмъ на голову выше дамы. Онъ двигался съ легкой раскачкой, немного гнулся, и лѣвая рука, длинная, въ рукавѣ просторнаго темнаго пальто, качалась ритмически.

Плотная фигура дамы съ узко-затянутой таліей въ шерстяномъ свѣтло-песочномъ платьѣ какъ-то вздрагивала на

ходу; маленькія подъемистыя ноги, въ открытыхъ башмакахъ, мелькали изъ-подъ короткой юбки.

Они шли медленно — мужчина лѣнливой походкой, его спутница короткими шажками — и молчали, почти до того мѣста, гдѣ дорога сворачиваетъ къ церкви и кладбищу.

— Вамъ что же это захотѣлось на погостъ?—спросилъ по-русски высокій мужчина.

Въ воздухѣ задрожали басовые звуки.

— Что такое?.. Какъ вы сказали?..

— Погостъ!

— По-каковски это?

— По-русски... небось!

Она тихо разсмѣялась.

— Кто же этакъ говорить?

— Да, почитай, полъ-Россіи такъ выражается, въ деревняхъ, а я, какъ вамъ не безызвѣстно, на сельскомъ погостѣ и родился.

Она ничего не сказала и только повела плечами.

Подходя къ площадкѣ, гдѣ паперть церкви въ видѣ портика стояла въ тѣни и изъ-за каменной ограды глядѣли деревья просторнаго сада, который велъ къ задамъ „семейнаго пансіона“, дама окликнула довольно громко:

— Благомировъ!

— Чего угодно, Доротея Васильевна?

— Я не понимаю, какъ вы такъ мало интересуетесь тѣмъ, что вы здѣсь видите... Вотъ ужъ русскій-то, en chair et en os!

— Чѣмъ же интересоваться?—возразилъ онъ. — Насмотрѣлся я достаточно и на такіе виды. Мнѣ, признаться вамъ, Неаполь-то хуже горькой полыни пріѣлся. А онъ не чета этой самой Ниццѣ. Ну, вонъ, та груда мусора... Циркъ былъ во времена римской Галліи... И пускай его!.. Послѣ Колизея, или, бишь, этихъ, ну, какъ ихъ, банъ Каракаллы, на что жъ тутъ смотрѣть?.. Дорога плоская, съ пылью... А кладбище окажется какъ кладбище!..

Они стояли другъ противъ друга подъ своими зонтиками, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви. Два фіакра примостились въ тѣни, подальше, и кучера отъ скуки стали смотрѣть на этихъ иностранцевъ.

— Отъ посѣщенія церкви я васъ, пожалуй, избавлю, а по кладбищу пройдемтесь.

— Не суть важно! — отвѣтилъ Благомировъ, и въ его

словахъ зазвучала нота не то ироніи, не то своего превосходства.

Кладбище, обнесенное со всѣхъ сторонъ высокой стѣной, итальянской постройки, все переполненное монументами и фамильными склепами, смотрѣло празднично. Бюсты, статуи, горшки съ цвѣтами, гирлянды, даже портреты и фотографіи на самыхъ надгробныхъ памятникахъ запестрѣли передъ русскими посѣтителями.

Въ ту минуту никого больше не было. На ступеньку одной изъ нишъ спутница Благомирова присѣла и опустила свой зонтикъ.

На ней живописно сидѣла шляпка, вся покрытая фіалками, съ круглою вуалью, спускавшеюся до половины лица. Она загорѣла. Глаза были чуть-чуть подведены. На верхней губѣ пушокъ обозначался уже очень явственно. Въ общемъ, ея красота стала эффе́кѣтнѣе, но грубѣе. Съ перваго взгляда всякій призналъ бы въ ней пѣвицу или актрису. На губахъ лежала черта условной усмѣшки, которая всегда моложавить на сценѣ и на эстрадѣ концертной залы.

И наружность Благомирова получила другой оттѣнокъ. Въ лицѣ онъ не похудѣлъ, но черты стали тоньше; кожа, слегка загорѣлая, лежала на щекахъ плотнѣе; бороду онъ подстригалъ, по-заграничному; волосы носилъ короче.

Жизнь въ Италіи прошла по всему существу даровитаго семинариста; жесты рукъ съ длинными бѣлыми пальцами получили значительность и красоту.

Его спутница остановила на немъ взглядъ изъ-подъ вуалетки, но тотчасъ же отвела его. Въ этомъ взглядѣ промелькнуло какъ бы признанье, что онъ сталъ еще красивѣе, но въ ней не было уже того обожанія, которое охватило ее годъ назадъ въ Петербургѣ. Въ ея минахъ чувствовалась только женщина, имѣющая счеты съ мужчиной.

И все это онъ прекрасно понималъ; предчувствовалъ и то, что прогулку на это кладбище предложила она не с проста, что будетъ объясненіе.

Когда они медленно двигались по плитамъ, вдоль наружной стѣны, даже въ склепахъ, гдѣ бѣлѣлись мраморныя фигуры, все смотрѣло нарядно и весело.

„Хоть бы кладбищенскій сюжетецъ начать развивать“, — подумалъ Благомировъ, но ему никакихъ меланхолическихъ мыслей не приходило.

— Пойдемте туда, въ садъ... напротивъ,—сказала Карусь.

— Какъ угодно,—выговорилъ онъ и помогъ ей оправить складки платья.

Они перешли площадку, гдѣ прибавилось экипажей, и попали въ фруктовый садъ, довольно тѣнистый и разбитый на дорожки, обсаженный деревьями, по своему общему характеру напоминающій наши помѣщичьи сады.

Влѣво, въ навильонѣ, журчалъ ключъ. Вдали было развѣшено бѣлье.

На Благомирова нашло настроеніе, еще менѣе отвѣчавшее желанію его спутницы начать „бабій“ разговоръ. Ему вспомнились деревня, огородъ, куда онъ ходилъ рвать огурцы, вытягивать изъ грядъ красную морковь и полоскать ее тутъ же въ кадучкѣ, въ дождевой водѣ. Только тамъ пахло русскими овощами. Какъ бы ему отрадно было задремать на землѣ, подъ оливой, дающей своей сизою листвою полупрозрачную тѣнь!

— Вы, кажется, совсѣмъ не хотите двигаться, Благомировъ?—вдругъ спросила Доротея Васильевна, круто повернувшись къ нему лицомъ.

— Почему?

— Такъ присядемте... вонъ тамъ скамья... въ тѣни...

Онъ наклонилъ голову покорнымъ жестомъ, но въ его умныхъ семинарскихъ глазахъ, въ ту минуту особенно красивыхъ, сидѣла невольная усмѣшка.

Гдѣ-то позади полаяла собака и перестала. Въ воздухѣ проносились струи южныхъ запаховъ листвы, фіалокъ, цвѣта апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Свѣтъ уже опускавшагося солнца больше не беспокоилъ. День доживалъ свои послѣдніе два часа тепла и солнца, передъ быстрымъ наступленіемъ свѣжести и сумерекъ.

Въ такую пору съ пріятелемъ Благомировъ поговорилъ бы всласть. Онъ попрежнему любилъ русскія душевные бесѣды, но не такія, какой онъ хотѣлъ — и все-таки не могъ—избѣжать въ ту минуту.

— Вы чѣмъ же кончили съ агентомъ?—спросила она послѣ довольно длинной паузы.

„Вотъ куда махнула!“—подумалъ Благомировъ и сталъ закуривать папиросу.

Она не могла этого знать. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ какъ они не видались. Сюда она пріѣхала изъ Парижа, кажется, съ намѣреніемъ выступить въ концер-

тахъ казино, въ Монте-Карло, а можетъ-быть, пропѣть двѣ-три роли въ муниципальномъ театрѣ въ Ниццѣ.

Въ Парижѣ она не нашла своей „тарелки“, „assiette“, какъ она выражалась по-французски. Въ Большой Оперѣ ей дали audition, но на первыя роли не приняли. У нея не было подъ рукой ни музыкальнаго критика, ни пѣвца съ вліяніемъ въ труппѣ. Была возможность, но не безъ подарковъ и обѣдовъ, выступить въ Комической Оперѣ... Она сама понервничала, находила, что этотъ театръ, послѣ пожара, совершенно тусклый, что туда не ѣздить тотъ Парижъ, который устанавливаетъ репутацію.

А года шли. Она все такъ же стремилась къ успѣху, къ тому, что она называла „frapper le grand coup“. Слава ускользала, и это ее глодало, именно теперь пуще, чѣмъ когда-либо.

Красавецъ-семинаристъ также ускользалъ отъ нея. Онъ пойдетъ быстро. Онъ наканунѣ блистательной карьеры. Это она почувствовала вполне ясно здѣсь, въ Ниццѣ.

— Чѣмъ покончилъ?—переспросилъ Благомировъ, когда раскурилъ папиросу и раза два затянулся.—Жду отъ него депеши...

— Съ ангажементомъ?

— Извѣстное дѣло.

Онъ мотнулъ головой и пустилъ длинную струю дыма.

— Вы ему довѣряете?

— Они всѣ разбойники,—медленно и спокойно выговорилъ Благомировъ,—но вѣдь и я не малый младенецъ. Дѣло пошло на перебой, у двоихъ агентовъ, въ Миланѣ и Лондонѣ.

— Отъ какого же вы теперь ждете отвѣта?

— Отъ миланскаго. Лондонъ у насъ въ карманѣ...

— Вотъ какъ!

Она густо покраснѣла. Это была зависть.

— Въ карманѣ,—повторилъ онъ, не глядя на нее; но онъ почувствовалъ, еще разъ, въ ея разспросахъ, не влюбленную въ него женщину, а товарку по профессіи.

— Берите! Чего же ломаться?..

Это выраженіе „ломаться“ вылетѣло у нея противъ воли, и она разсердилась на самое себя.

— Кто жъ ломается?

Онъ повернулся къ ней въ полъ-оборота.

— Въ Ковенъ-Гарденъ?

— Извѣстно... Только я еще не рѣшилъ.

„Да къ чему я ей обо всемъ этомъ болтаю?“ — вдругъ подумалъ онъ.

Но отпѣкиваться онъ тоже не хотѣлъ.

— Есть, стало, еще лучшая комбинація?..

— Есть.

Косая, недобрая усмѣшка повела ея пунцовый, все такой же сочный ротъ.

— Я вѣдь васъ не допрашиваю, Благомировъ...

Въ этихъ словахъ не было упрека, однако, его пронизала мысль:

„Пожалуй, она меня считаетъ неблагодарнымъ эгоистомъ... Я, дескать, тебя въ люди вывела, добыла тебѣ субсидію, дала возможность провести годъ въ Италіи и такъ быстро „сдѣлать первоклассныя сцены“, — онъ употребилъ про себя терминъ миланскаго жаргона русскихъ: „сдѣлать“, — а ты хоронишься отъ меня.

— Либо Лондонъ, либо Америка...

— Вотъ какъ!..

Она имѣла бы поводъ упрекнуть его за то, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ не писалъ ей, ни разу не справился о томъ, что она дѣлаетъ въ Парижѣ, какъ идутъ ея дѣла... Если онъ хотѣлъ совсѣмъ уйти отъ нея, можно было показать это менѣе сухо и безцеремонно.

Въ Ниццѣ они встрѣтились случайно, на „Promenade des Anglais“. Конечно, не ее пріѣхалъ онъ искать сюда. Онъ и не могъ знать, что она здѣсь. И она его не искала, была увѣрена, что онъ въ Миланѣ, и давно должна была сознаться, что разлука съ нимъ не грызетъ ее. Будущій артистъ привлекалъ ее, изумительно благообразный мужчина снова дѣйствовалъ на ея нервы, но человекъ уже не трогалъ ея сердца, не вызывалъ слезъ на ея слегка подведенные глаза.

— Послушайте, Благомировъ, — измѣнившейся интонаціей заговорила Доротея Васильевна, — я васъ до сихъ поръ не спросила, зачѣмъ вы собственно въ Ниццу пріѣхали, — конечно, не выступать здѣсь?..

— Боже избави!

Въ этомъ возгласѣ слышалось уже сознаніе того, какая ему теперь цѣна.

— И не играть же въ рулетку?

— Влеченія не имѣю... да и капиталовъ не припасъ...

Онъ не договорилъ и опять поглядѣлъ на нее вбокъ и съ чуть замѣтной усмѣшкой.

— Съ однимъ мусьякомъ повидаться. А я оповѣстился, что онъ поблизости, на своей виллѣ, проживаетъ.

— Званцевъ?—вскричала она.

— Хотя бы и онъ.

И оба опять примолкли.

— А! я понимаю,—протянула она и начала нервно тыкать кончикомъ своего роскошнаго зонтика въ рыхлый дернъ, сбоку отъ скамьи.

Благомировъ ничего не отвѣтилъ и только затянулся.

— Я понимаю,—повторила Доротея Васильевна. — Вы хотите съ нимъ расквитаться.

И на это онъ не сразу отвѣтилъ.

— Ежели вамъ мое поведеніе понятно, то ни изумляться, ни возмущаться тутъ, кажется, нечего, Доротея Васильевна.

Слова были не мягкія, но выговорилъ онъ ихъ искренно, своимъ прежнимъ тономъ простого малаго, который когда-то приводилъ ее въ такой восторгъ.

— Стало, вы должны получить большой задатокъ?

Вопросъ вылетѣлъ у нея стремительно, но она готова была бы взять его тотчасъ же назадъ. Это отзывалось уже выпрашиваніемъ.

„Что за каботинство!“—выбрала она себя.

— Извѣстное дѣло,—такъ же просто сказалъ Благомировъ.—Я тоже выученъ достаточно, не даромъ два сезона *сдѣлалъ* въ Миланѣ,—повторилъ онъ жаргонное выраженіе тамошнихъ русскихъ.

— И, можетъ-быть, вы попадете въ Америку?..

„Пусть онъ уйдетъ отъ меня окончательно!“—вскричала она про себя.

И у нея не забилося сердце, кровь не отлила отъ него. Она должна была признаться тутъ же, что страсть въ ней замолкла, даже отъ увлеченія ничего почти не оставалось, но все-таки заняло въ груди. Она не хотѣла упустить его. Быть-можетъ, теперь, въ эту минуту, рѣшалась ея артистическая судьба. Да, если онъ попадетъ въ руки ловкаго Барнума, онъ прогремитъ за океаномъ, а потомъ въ Лондонѣ, въ Мадридѣ, гдѣ угодно. Она съ нимъ выплыветъ непременно. Связи, актерскаго „collage“ онъ боится. Бракъ болѣе въ его правилахъ... Можно вызвать въ немъ чувство признательности широкимъ порывомъ.

У нея слегка начала кружиться голова. Она хотѣла бы снять шляпу, хотя воздухъ уже свѣжѣлъ.

— Да, я васъ понимаю,—начала она совсѣмъ тихимъ

звукѣмъ, — и меня всегда привлекала ваша суровость въ извѣстныхъ правилахъ. Enfin, — вскричала она, — vous êtes d'un bloc, et cela me plaît!

Благомировъ сидѣлъ съ низко опущенной головой. На его губахъ появилась чуть замѣтная усмѣшка.

По его позѣ она ничего не могла распознать. Тщеславіе красивой женщины съ дарованіемъ и умственнымъ блескомъ не позволяло ей спросить себя: да полно, этотъ семинаристъ не раскусилъ ли ее давно, не видитъ ли онъ насквозь всю ея душу?..

Х.

— Вы даже не понимаете, что такое страсть, Благомировъ!

Эти слова были произнесены полчася позднѣе, все въ томъ же фруктовомъ саду, но ближе къ пансіону, на широкой аллеѣ, служившей границей двухъ владѣній.

— Ой-ли?..

Окликъ Благомирова зазвучалъ добродушнымъ юморомъ и показывалъ, какъ онъ спокоенъ въ ея присутствіи, когда другой бы чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

— Вотъ Гремущинъ!.. Это—страсть!..

— Вы нешто его и сюда съ собой приволокли?..

— Выражайтесь по деликатнѣе! — не выдержала она и встала со скамьи.

Онъ продолжалъ сидѣть.

— Простите великодушно! — заговорилъ онъ и поднималъ на нее свои умные глаза. — Мнѣ этого старичка...

— Онъ совсѣмъ уже не такъ старъ!

— Ну, положимъ! Во всякомъ разѣ, мнѣ его вчужѣ жаль. Совсѣмъ рехнулся! Бросилъ, никакъ, семейство и теперь вашъ рабъ. И такую партію распѣваетъ, что одинъ срамъ-стыдобушка!

— Срамъ, говорите вы? — тщеславіе взяло въ ней верхъ, и она закусила удила. — А онъ счастливъ, онъ блаженствуетъ, онъ ушелъ совсѣмъ въ свою безпредѣльную любовь, въ свое идиотское, на вашъ вкусъ, обожаніе. Только такія безумства и значать что-нибудь въ глазахъ тѣхъ, кто понимаетъ мужчинъ! Молодость и красота — случайность! У васъ евангельскій ликъ, васъ прославили писаннымъ красавцемъ...

— Помилосердуйте! — рванулъ густой нотой Благомировъ.

— Нечего лицемѣрить! Вамъ это очень хорошо известно! А можетъ случиться, что вы врѣжетесь въ какую-нибудь дрянную бабенку — *qui ne vous gobega pas* — вы понимаете... которой вы не по вкусу, и вы будете играть такую же идіотскую роль, какъ Гремушинъ...

— Слѣдственно, — остановилъ онъ ее, — я тогда въ глазахъ понимающихъ женщинъ и поднимусь, какъ вы сейчасъ изволили излагать. Логика того требуетъ, Доротея Васильевна.

„Ахъ, кутейникъ!“ — выбранилась она внутренне сейчасъ же.

Но она сдержала себя, сѣла поближе къ нему и заговорила мягко, тономъ сестры.

— Послушайте, Благомировъ, я не хотѣла бы навсегда разстаться съ вами, — къ этому вѣдь идетъ, — унося черствый и обидный для васъ итогъ.

— Какъ это? — осторожно спросилъ онъ.

— Въ васъ меня прельщала высокая наивность души и таланта. И, кажется, вы не можете сказать, что я васъ хитро завлекала. Моя вина состояла, напротивъ, въ томъ, что я сразу была съ вами душа параспашку.

Онъ сжалъ губы съ видомъ человѣка, слѣдящаго за ходомъ противника въ шахматной игрѣ.

— Вѣдь такъ? — переспросила она.

— Извольте кончать, я слушаю, — откликнулся онъ.

— И мнѣ обидно за васъ, а не за себя: видѣть въ вашей личности — я не говорю: расчетъ, хищное „себѣ на умѣ“, — но непониманіе, что-то отзывающееся уклончивостью, недовѣріемъ, за которымъ кроются коренныя свойства русскаго мужчины: „всякая бабенка — я буду выражаться языкомъ нашихъ первыхъ сюжетовъ — норовить нашего брата объегорить“. Вотъ это обидно и горько! И безъ того жизнь — печальная исторія, а русскіе мужчины — великіе мастера всякій проблескъ поэзіи, всякій порывъ, — все это свести Богъ знаетъ къ чему?!

Она опять разгорѣлась, и тонъ послѣднихъ словъ былъ уже совсѣмъ не грустно-задушевный.

Благомировъ молчалъ.

— Можетъ-быть, — продолжала она, — я грубо ошибаюсь, и виновата какая-то стѣнка между нами, безсиліе людей очень близкихъ проникнуть взаимно въ душу. Это безсиліе прекрасно выразилъ въ одномъ мѣстѣ мой поэтъ — Бодлэръ... Говорите, не церемоньтесь. Я вамъ позволю

всякую смѣлость, и въ чувствѣ, и въ оцѣнкѣ, и въ вашихъ выраженіяхъ...

— Увольте!—вымолвилъ онъ и тряхнулъ головой прежнимъ своимъ жестомъ церковнаго регента.

— Почему же?

— По какому праву стану я разбирать вашу личность и ваши чувства?

— Вамъ принадлежитъ право защиты. Я васъ обвиняю.

— Увольте!—повторилъ онъ.

— Это рисовка, Благомировъ, или полное отсутствіе искренности.

Она поднялась со скамьи.

Благомировъ оставался все въ той же позѣ, только повелъ правымъ плечомъ и сильно на нее покосился.

— Вы такъ полагаете, Доротея Васильевна?—спросилъ онъ, и голосъ его, сдѣлавшись глуше, въ первый разъ дрогнулъ.—Я уклоняюсь не страха ради іудейска, а потому—ежели на чистоту говорить—что надо вторгаться, такъ сказать, въ чужую душевную область.

— Вторгайтесь! Прошу васъ!.. Вы мнѣ самой окажете большую услугу. Можетъ-быть, я не понимаю себя, нахожусь въ самообольщеніи?

— Можетъ-быть, — искренно выговорилъ онъ.—Между нами, Доротея Васильевна, вотъ какая есть разница...

Онъ остановился.

— Говорите, говорите!

— Я вотъ теперь на дорогѣ. Видите, могу даже выбирать между Лондономъ и Америкой. И это меня не ахти какъ радуетъ.

— Конечно! Все обличительные взгляды!

— Такая ужъ у насъ, у настоящихъ русаковъ, повадка! Не можемъ мы служить мамонѣ такъ, чтобы самихъ себя улаживать, вотъ какъ въ старой Европѣ дѣлается...

— Въ этомъ нѣтъ ничего относящагося ко мнѣ,—прервала она.

— Я и не говорю! У васъ жажда настоящая, игрецкая! Пріемы, слава, чтобы прогремѣть всюду. Безъ этого вы не справитесь съ вашимъ пессимизмомъ — это точно. Это для васъ какъ дурманъ! Выше всего.

Она слушала его, стоя съ опущенной головой, и грудь ея тихо колыбалась.

— Остальное — тамъ увлеченье, что ли, игра чувствъ, темпераментъ, всему этому вы отдали дань и будете еще

отдавать; но превыше всего—актерство! Я такъ называю это свойство и достаточно его изучилъ теперь.

— Актерство? — повторила она вслухъ и подняла голову.—Вы хотите сказать, что я каботинка?

— Какъ-съ?—переспросилъ онъ и тоже поднялъ свою голову.

— Une sabotine! Это парижское слово. Въ родѣ того, что вы хотите опредѣлить вашимъ словомъ: „актерство“.

— Только оно, кажется, пообиднѣе будетъ?—спросилъ онъ, съ тихой и веселой игрой въ глазахъ.

— Да, обиднѣе...

— Слово — звукъ пустой. Своя же братія выдумала обидный терминъ для обозначенія общаго душевнаго свойства. Мнѣ это актерство не по душѣ—вотъ и все. И теперь, если ужъ совсѣмъ на чистоту говорить, положи на такую женщину, какъ вы, всего себя,—я ли бѣ это былъ, или кто другой,—вы не можете отвѣчать тѣмъ же, хотя, по-своему, и будете любить его. Вы обязательно вдадитесь въ самообманъ...

„Неужели ты меня раскусилъ?“—думала она, дѣлая по аллеѣ маленькіе шаги впередъ и назадъ. Она почувствовала еще и то, чего онъ не досказалъ. „Ты считаешь меня каботинкой и рассуждаешь такъ: ко мнѣ, какъ къ мужчинѣ, ты, милая моя, уже охладѣла, но моя актерская звѣзда влечетъ тебя ко мнѣ. Ты суевѣрна, ты желаешь добиваться успѣховъ, рука въ руку со мною. Пожалуй, и бракъ мнѣ предложишь... Но это не любовь, а жажда славы“.

Она не стала ему возражать. Помолчавъ, она сказала, собираясь идти:

— Благодарю... Вы говорили по-товарищески.

— Не взывайте! — отвѣтилъ онъ весело и выпрямился во весь свой ростъ, точно хотѣлъ вытянуть руки и сладко зѣвнуть. — Жаль, что мусьякъ, который ваши вериги носитъ, московскій-то чудачина, старенецъ. Вамъ такіе рабы необходимы, какъ воздухъ, Доротея Васильевна. Безъ нихъ и не можетъ быть успѣха. А хотите и себѣ, и ближнимъ вашимъ мужского пола доброе дѣло оказать, оставайтесь весь свой вѣкъ холостой женщиной, на полной волѣ. Идолъ-то этотъ, котораго актерской славой зовутъ, сгрызетъ васъ рано или поздно. Такъ благороднѣе ужъ одной ему въ пасть попадать, чѣмъ еще человѣческую душу на закланіе вести.

Тихій смѣхъ закончилъ эту тираду.

— Пойдемте!—сказала она и пошла впередъ, медленно и все еще держа низко голову.

Ихъ фаэтонъ стоялъ около церкви. Благомировъ посадилъ свою даму шутливымъ жестомъ. Съ него соскочила сдержанность. Она это почувяла, но не сумѣла настроить себя на пріятельскій, развязный тонъ.

На спускъ къ городу, въ сторону „Boulevard-Carabace!“, ее вывелъ изъ раздумья басъ ея спутника. Онъ вдругъ запѣлъ что-то церковное.

— Что это?—спросила она его.—Дѣтство вспомнилось?..

На языкѣ у нея было другое, болѣе безцеремонное, слово.

— Ха-ха-ха! Не узнали. Это я, грѣшнымъ дѣломъ, кощунствовалъ разъ въ Миланѣ, прошлой весной. Рассказать вамъ?..

Веселыми дѣтскими глазами посмотрѣлъ онъ на нее,— глазами „русака“, подумала она, вспомнивъ его слово.

— Расскажите.

Пускай его болтаетъ,—ей легче будетъ. Она выслушала свой приговоръ и старалась утѣшиться. Съ тѣмъ, кто проникъ такъ легко ея личность, безуміе было бы связывать свою судьбу!..

— Видите ли, Доротея Васильевна,—рассказывалъ онъ, покачиваясь въ экипажѣ,—нашелъ я, по пріѣздѣ въ Миланъ, около *Альберто-дель-Поццо*,—выговоръ у него остался чисто русскій,—такой пансіонъ, гдѣ наша братія ученички водятся, у бывшаго хориста, синьора Корбари, за четыре лиры въ день, съ комнатою, ну, и харчи ничего себѣ: вина, сыру и хлѣба до отвалу!.. Однако, въ общемъ, скудно вато для моего желудка. Вотъ только когда первый мой профессоръ началъ меня сильно одобрять, я и рѣшилъ, что можно же мнѣ хоть одну порцію въ *кафе-Кова* затребовать. А наслышанъ я былъ объ этомъ кафе—первая, молъ, ѣда въ Миланѣ. Городъ я зналъ еще плоховато. Говорили мнѣ: противъ театра *Скала*. Пошелъ—вижу маленько наискосокъ отъ Скалы, читаю „*Caffe dell'Academia*“. Это, молъ, самое и есть. Вхожу. Народу много. Часъ обѣденный. Какъ будто, для первостатейнаго заведенія, съ гряздой. Подаютъ карту. Вижу—все пятьдесятъ да семьдесятъ чентезимовъ за порцію. Я семь порцій и уплелъ!.. Даже гарсонъ въ изумленіе пришелъ!.. Какъ выкатилъ я на площадь, на радостяхъ-то и пустилъ,

по старой памяти, какъ въ свѣтлый праздникъ пѣвалъ: „Снизшелъ еси въ преисподняя земли и сокрушилъ еси верей вѣчныя“...

Новый взрывъ здороваго, беззаботнаго смѣха покатился за нимъ внизъ.

„Кутейникъ, кутейникъ!“ — беззвучно шептали поблѣднѣвшія сочныя губы его спутницы.

Экипажъ спустился къ бульвару.

XI.

На „Promenade des Anglais“ въ утренній часъ, передъ завтракомъ, обычная публика дѣлала моціонъ въ обѣ стороны. Мужчины въ желтыхъ башмакахъ и фланелевыхъ панталонахъ и женщины въ пестрыхъ утреннихъ туалетахъ—все были подъ зонтиками.

Лучи солнца безпощадно слѣпили глаза, играли на морской чешуѣ и отражались отъ стѣнъ виллъ и отелей, большею частью бѣлыхъ или желтоватыхъ, на цѣлую версту, вдоль плоскаго заворота бухты. Пожелтѣлая, низменные пальмы, не дающія никакой тѣни, жарились на солнцѣ и смотрѣли ненарядно, точно вѣники, концомъ вверхъ.

Экипажей почти не проѣзжало. Около половины двѣнадцатаго отъ моста, черезъ безводную рѣку Raillon, перешелъ къ тротуару Ермиловъ, посмотрѣлъ вправо, въ сторону садика, гдѣ ротонда стояла пустая, а кругомъ копошились дѣти и няни возили телѣжки, и сѣлъ на одну изъ скамеекъ съ подвижными спинками, откинувъ ее лицомъ къ фасадамъ строеній.

И на немъ былъ только что принесенный ему отъ портного, изъ-подъ аркадъ площади Массенà, синій шевіотовый пиджакъ съ такимъ же жилетомъ и бѣлыми фланелевыми широкими панталонами, въ тонкихъ розоватыхъ полоскахъ. Галстукъ онъ надѣлъ ярко-красный, также по англійской модѣ. Сѣрая мягкая шляпа, сдавленная съ боковъ, сидѣла немного на-бокъ. Ботинки его приближались больше къ красноватому, чѣмъ къ желтому колеру. Шелковый зонтикъ набрасывалъ на него мягкую тѣнь. Отъ блеска стѣнъ онъ защищался дымчатыми стеклами своего рінсе-пез.

Онъ долженъ былъ тутъ дежурить.

Наканунъ Анна Гавриловна, выслушавъ отъ него все подробности его визита къ Кустаревымъ, послала туда

депешу съ оплаченнымъ отвѣтомъ, подписавъ ее: „Анна Куликова“, гдѣ спрашивала о здоровьѣ Маргариты Сергѣевны. Кустаревъ отвѣтилъ, въ тотъ же день, что его женѣ лучше, и благодарилъ за искреннее участіе.

Это заставило Ермилова спросить ее:

— Неужели онъ вѣритъ въ ваше участіе?

На что она только поглядѣла на него стальнымъ взглядомъ и приподняла уголь рта. Дальше онъ не пошелъ въ своихъ комментаріяхъ.

Она же приказала пригласить Кустарева, если тому случится надобность пріѣхать въ Ниццу, позавтракать, и на это Кустаревъ далъ очень скорый отвѣтъ. И она снова послала ему депешу, гдѣ предложила сойтись на „Promenade des Anglais“, противъ сада, на что Кустаревъ опять-таки согласился и назначилъ сегодня, ровно въ двѣнадцать.

Онъ же долженъ былъ вести его завтракать въ „London House“, гдѣ будутъ ждать Куликовы, мужъ съ женою. Послѣ завтрака поѣдутъ, конечно, кататься, наверхъ, въ „Старый Замокъ“, и тамъ Анна Гавриловна вывѣдаетъ все, что ей нужно, распознаетъ чутьемъ женщины, закинувшей сѣть на мужчину, опасна ей будетъ или нѣтъ любовь его къ умирающей женѣ.

Мимо Ермилова проходили гуляющіе. Пожилой баринъ съ брюшкомъ подъ ярко-краснымъ зонтикомъ, раскачиваясь на ходу, оглядѣлъ его. Онъ узналъ одного петербургскаго генерала, изъ ученыхъ. Черезъ шоссе двигался, опираясь на палку и зонтикъ, худой молодой мужчина, съ вытянутымъ и синеватымъ лицомъ челоуѣка, страдающаго атаксіей. И его узналъ Ермиловъ. Они вмѣстѣ кучивали не такъ давно. Года два тотъ пропадалъ: говорили, что онъ въ Парижѣ, лѣчится отъ паралича ногъ.

Слѣдовало бы встать, догнать его, расспросить о здоровьѣ.

Но ему ни до кого дѣла нѣтъ. Не хочется говорить, ни по-русски, ни по-французски.

Вотъ приближается на фонѣ пестраго заведенія морскихъ купаленъ тучная, очень рослая мужская фигура въ свѣтло-сѣромъ сьютѣ. Ермиловъ смотритъ на него и долго не узнаетъ.

„Да это Званцевъ!“ — наконецъ-то выговорилъ онъ, но не сдѣлавъ ему издали поклона.

— Ермиловъ! Bonjour!.. Давно здѣсь?

Званцевъ стоялъ передъ нимъ безъ зонтика, вынося съ видимымъ удовольствіемъ удары солнечныхъ лучей по своему свѣтло-шоколадному пальто.

— Какъ видите!

Ермиловъ подалъ ему руку, но не поднялся.

Въ его головѣ смутно замелькали петербургскія лица: квартира Богучарова, баса Благомировъ, кабинетъ Званцева, проба баса въ отелѣ у Карусъ; но все это казалось ему такъ давно и далеко, точно двадцать лѣтъ назадъ.

— На всю зиму?—спросилъ Званцевъ съ менѣе скучающимъ видомъ, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Нѣтъ, проѣздомъ.

— А я, какъ видите, беру ванны, *des bains de soleil*. Да въ Ниццѣ еще не то солнце, какъ у меня, въ Болѣе.

— Вы тамъ поселились?

— Давно есть у меня тамъ *pied-à-terre*. Но въ прошломъ году я какъ-то совсѣмъ закисъ въ Петербургѣ. Абулія напала или, пожалуй, та форма, которую называютъ агорафобіей: просто черезъ улицу боялся перейти и даже переѣхать. Ужъ если переносить плѣсень жизни, такъ, конечно, на Ривьерѣ. Милости прошу ко мнѣ. *Villa Ruthenia*... Не забудьте. Я каждый день до обѣда дома. Нынче случилось дѣло, да и то, видите, тороплюсь на поѣздъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Ермиловъ, и звукъ его голоса показался ему самому до-нельзя вялымъ и деревяннымъ.

Такимъ же вялымъ взглядомъ проводилъ онъ тучную фигуру Званцева и тотчасъ же посмотрѣлъ на часы. До двѣнадцати оставалось еще четырнадцать минутъ.

Къ саду, со стороны набережной, не приближался никто, похожій на Кустарева.

„И въ ресторанѣ „*London-House*“ черезъ нѣсколько минутъ начнутъ ждать“,—подумалъ онъ.

Ему точно хотѣлось разбередить себя, но сердце его не ныло. Что-то тупое и сонливое овладѣвало имъ, какъ комиссіонеромъ, которому велѣно дежурить и отдать записку господину съ знакомыми примѣтами. Вѣки его слипались... Можетъ-быть, онъ вздремнулъ одну-двѣ минуты.

— Мое почтеніе!..

Русское привѣтствіе, произнесенное высокимъ и деревяннымъ звукомъ, заставило его немного вздрогнуть.

Къ нему присаживался господинъ съ бритымъ лицомъ

и сѣдыми висками, въ черной суконной парѣ и черной же шляпѣ съ широкими полями, нѣчто въ родѣ пастора.

Ермилову понадобилось усиліе, чтобы сказать себѣ мысленно:

„Это—Гремушинъ“.

И вслѣдъ затѣмъ онъ, неожиданно для самого себя, почувствовалъ, что если у него будетъ наперсникъ, человѣкъ, съ которымъ онъ захочетъ перебирать свое теперешнее душевное состояніе, то именно этотъ московскій чудакъ. Онъ отчетливо и быстро припомнилъ ихъ маленькій, но характерный разговоръ на Чистыхъ-Прудахъ, годъ тому назадъ, на святкахъ.

Да, такой человѣкъ только и можетъ быть его повѣреннымъ. Вѣдь онъ, навѣрно, подверженъ тому же психическому внушенію.

— Не изволили узнать меня? — спросилъ Гремушинъ невозмутимо мягкимъ тономъ.

— Помилуйте!.. И очень!

Ермиловъ крѣпко пожалъ ему руку и даже потрясъ ее.

Ему захотѣлось-было спросить сейчасъ о Карусѣ, но онъ нашелъ это слишкомъ безцеремоннымъ.

— Одинъ здѣсь?.. Уѣхали отъ московской стужи?—косвенно освѣдомился онъ.

— Я совсѣмъ покончилъ съ Москвой,—выговорилъ Гремушинъ, и такъ на него взглянулъ, что Ермиловъ распозналъ, въ этомъ взглядѣ товарища, человѣка съ одинаковой судьбой.

— Какъ совсѣмъ?

— И съ Москвой, и со всѣмъ, что тамъ осталось, — выговорилъ Гремушинъ безстрастно и немного торжественно.

— Вотъ какъ!

„Да, мы побратимы,—думалъ Ермиловъ,—намъ нужно вступить въ дружбу“.

Глаза Гремушина быстро обратились влѣво; за его взглядомъ потянулъ голову и Ермиловъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ увидалъ даму въ синемъ женскомъ smoking съ шелковымъ отворотомъ, подъ кружевнымъ зонтикомъ, совсѣмъ скрывавшимъ голову. Рядомъ шелъ плотный мужчина, по походкѣ и туалету французъ.

— Не узнаете? — спросилъ Гремушинъ и печально усмѣхнулся.

— Не сразу.

— Это—Карусь... Доротея Васильевна... Она въ переговорахъ съ директоромъ здѣшной оперы. Какъ ваше мнѣніе? Стòитъ здѣсь выступить?

— Право, не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ Ермиловъ, и ему стало досадно, что онъ дѣйствительно не взялся бы рѣшить: стòитъ или не стòитъ.

— Она съѣздитъ въ Миланъ, и если тамъ не состоится одна комбинація, то опять сюда вернется. Можетъ, и въ Монте-Карло будетъ пѣть.

Глаза Гремущина нервозно замигали.

Пара повернула въ переулокъ.

— Стало, по набережной не пойдутъ назадъ,—думалъ онъ вслухъ. — Мое почтенье! Черезъ недѣлю можемъ повидаться. Адресъ мой Boulevard Dubouchage, номеръ двадцать третій.

Онъ высоко приподнялъ шляпу и торопливо пошелъ мелкими шажками.

„Одинъ барбось побѣжалъ за своей барыней, другой сейчасъ побѣжитъ“, — выговорилъ про себя Ермиловъ, разглядѣвъ невдалекѣ широкую фигуру и тяжеловатую походку Кустарева. Тотъ озирался въ это время, похаживая около ротонды, и съ его бородой, посадкой головы и походкой съ развальцемъ смотрѣлъ ужасно русскимъ.

„Дежурство, значить, кончилось, „барыня“ будетъ довольна“, — промелькнуло въ мысляхъ Ермилова: онъ явится къ ней не одинъ, а съ желаннымъ гостемъ...

XII.

На самой верхней площадкѣ „Стараго Замка“, надъ каскадомъ, откуда вся Ницца, старая и новая, видна съ довольно большой высоты, пріютилась лавочка итальянца, торгующаго вещами изъ оливковаго дерева.

Около него, поодаль, стояла группа дѣтей и съ ними солдатъ, съ зелеными эполетами стрѣлка — маленькаго, почти дѣтскаго роста.

У самага прилавка перебирали ящички и портмонэ Ермиловъ и Куликовъ, передавали другъ другу вещи и, переговариваясь по-русски, находили многое совсѣмъ не дешевымъ.

У самага парапета, въ полъ-оборота къ морю и желтой лентѣ двухъ набережныхъ — Quai du Midi и Promenade

des Anglais—Анна Гавриловна, прикрывая себя зонтикомъ отъ лучей солнца, отраженныхъ въ морѣ, тихо говорила съ Кустаревымъ.

На ней былъ свѣтлый суконный туалетъ съ высокимъ воротникомъ, узкими рукавами и вырѣзомъ спереди, въ родѣ халата въ обтяжку, въ мелкую клѣтку. Ея бюстъ вырѣзывался на фонѣ неба, свободная рука красиво падала вдоль бедра. Голову она немного нагнула къ своему собесѣднику.

Онъ накинулъ пальто по-русски на плечи, морщился отъ солнца и курилъ.

— Вы не боитесь одиночества, если васъ постигнетъ этотъ ударъ?

Передъ тѣмъ у него вырвалась фраза:

„Пересталь вѣрить въ то, что Гаря моя встанетъ“.

Щеки Анны Гавриловны поблѣднѣли отъ свѣжаго вѣтерка, ходившаго по этой вышкѣ; нижнюю губу она прижала верхними зубами и смотрѣла на Кустарева изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

Этотъ приговоръ, услышанный ею внезапно, не заставилъ ее покраснѣть, а напротивъ, кровь у нея отхлынула отъ сердца, даже ощущеніе холода въ груди явственно заявило о себѣ.

Ея вопросъ о предстоящемъ одиночествѣ сдѣланъ былъ тихо, голосомъ, упавшимъ сразу. Въ этомъ и сказался сильный наплывъ душевныхъ волненій.

— Одиночества! — выговорилъ Кустаревъ и махнулъ рукой, которою онъ до того касался каменнаго парапета. — Эхъ, Анна Гавриловна, можно ли уйти отъ одиночества?

— Даже и тогда, когда есть привязанность, долгая и единственная?

— Какъ бы ни жили мужъ и жена душа въ душу, все-таки всегда человѣкъ самъ съ собою, — отвѣчалъ Кустаревъ.

— Это очень вѣрно!..

— Какъ же не вѣрно? Подкрадется разлука... навѣки... Что жъ! Надо было готовиться къ этому... усиленному одиночеству, все равно, какъ къ смерти. Каждый день засыпаешь — та же смерть, на треть сутокъ!..

— Знаете чтò, Евменій Филипповичъ, — начала она очень сдержанно, прислушиваясь къ своимъ словамъ. Она точно процѣживала ихъ; за собой она слѣдила съ напря-

женіемъ всего своего существа.—Вы ждете большого удара... смерти вашей подруги... Когда онъ придетъ—около васъ никого не будетъ?

— Здѣсь... Кто же?

— Да и тамъ, на вашемъ хуторѣ... Да я и не знаю, если вы мнѣ позволите говорить совсѣмъ откровенно...

— Какой же толкъ во всякой другой бесѣдѣ, Анна Гавриловна?

Его возгласъ раздался звонко по площадкѣ. Онъ пріѣхалъ сюда возбужденный, послѣ прянаго завтрака и двухъ-трехъ стакановъ стараго St.-Georges.

— Въ добрый часъ! — приласкала она его. — У васъ, между людьми вашей генераціи, нѣтъ теперь друга...

Анна Гавриловна бросила взглядъ туда, гдѣ стоялъ Ермиловъ съ ея мужемъ.

— Недостаточно считаться товарищемъ, — продолжала она.—И Ермиловъ вашъ товарищъ, но онъ не вашъ человѣкъ.

Кустаревъ усмѣхнулся и ничего на это не сказалъ.

— Въ Москвѣ... въ редакціи... Я не знаю. Есть ли у васъ человѣкъ, какой нужно... въ первые дни послѣ удара?

Онъ слушалъ, и въ головѣ его почему-то не складывался вопросъ:

„Да вѣдь она меня готовить къ смерти Гари и предлагаетъ себя въ утѣшительницы?“

— По правдѣ сказать, такого, знаете, какъ народъ говорить, брательника у меня нѣтъ.

— И вы давно должны страдать оттого, что около васъ все такъ опустилось прежде времени, ослабло, сжалось... Въ недавнихъ людяхъ смѣлыхъ идей — апатія... и — сказать прямо—трусость!

Ему показалось удивительнымъ, что она это понимала. Онъ совсѣмъ забылъ, что въ Москвѣ не одинъ разъ самъ онъ велъ съ ней разговоры въ томъ же духѣ.

— Еще бы!

Его возгласъ заставилъ ее широко раскрыть глаза, и румянецъ сталъ понемногу подползать къ ея щекамъ и давать имъ янтарный оттѣнокъ. Она дѣлалась очень красивой.

— Вы не имѣете права,—начала она горячѣе, но тихимъ звукомъ, — вы не имѣете права оставаться въ полчомъ одиночествѣ.

Слѣдовало бы ему закричать:

„Да къ чему же мы хоронимъ Гарю, когда она жива? Вѣдь это бездушно!“

Но въ душѣ его ничего подобнаго не встрепенулось.

Имъ начала овладѣвать тихая жалость къ самому себѣ, больше чѣмъ къ „маленькой женщинѣ“, которая сегодня сама упрашивала его поѣхать завтракать въ веселой компаніи. Онъ видѣлъ себя на хуторѣ, подъ сугробами снѣга, въ осиротѣлыхъ комнатахъ хуторского домика. Идти нигде нельзя, воетъ вьюга. До изнеможенія шагаетъ онъ въ высокихъ валенкахъ по своему кабинетцу. Лампочка даетъ унылый свѣтъ. Нестерпимо жутко. Долго ли прибѣгнуть къ забвенію... Въ столовой шкапчикъ съ водкой... Рюмка за рюмкой. Примѣры на глазахъ! И можетъ ли онъ считать себя тверже характеромъ? Выпить съ пріятелемъ онъ никогда не прочь. Привычка къ возбужденію, какую даетъ алкоголь, уже есть въ немъ... Долго ли?

— Дѣтей вы лишились! — выговорила Анна Гавриловна, — голосъ ея сталъ еще тише, темнѣе рѣчи еще медленнѣе.

— Это еще къ лучшему, — вслухъ подумалъ онъ.

— Кто знаетъ!

Она покачала головой. Со своимъ волненіемъ она успѣла уже справиться. Ее начало согрѣвать чувство высшаго довольства собой, — ей удалось попасть въ тонъ, въ настоящій тонъ, какимъ ей слѣдуетъ отнынѣ говорить съ нимъ. Онъ уже спокойнѣе готовится къ удару, къ уходу изъ жизни „маленькой женщины“, но одиночество пугаетъ его, онъ боится за себя, ему не съ кѣмъ, изъ своихъ ближайшихъ сверстниковъ, идти рука въ руку.

— Евменій Филипповичъ, — заговорила она быстрѣе, но все такими же низкими звуками, — вы мнѣ пошлете депешу во Флоренцію... Мы ѣдемъ завтра. Нашу поѣздку можно сократить! Попадемъ и въ другой разъ въ Италію. Но я хочу быть около васъ... когда нужно будетъ. И мы вернемся домой вмѣстѣ съ вами. А лучше всего, — закончила она, спохватившись невольно, — не терять вѣры... въ выздоровленіе Маргариты Сергѣевны...

Конецъ былъ лживъ и баналенъ, но онъ почему-то не показался такимъ Кустареву. Эти слова принялъ онъ за естественное желаніе женщины обратиться сердцемъ къ проблеску надежды.

И такая недальновидность тронула ее и заставила мысленно стать передъ нимъ на колѣни.

„Чистая душа!“ — шептали безъ звука ея выразительныя губы.

Она считала его неизмѣримо выше себя, по ясности и чистотѣ натуры, но смотрѣла на себя, въ эту минуту, какъ на единственную женщину, какую судьба поставила на его пути. Гаря любила его, любить и теперь, въ двухъ шагахъ отъ могилы, но любовь ея не дала бы ему ничего, кромѣ заботъ нервной влюбленности, безсильной устроить для него заново жизнь, гдѣ онъ найдетъ прежнюю вѣру въ свои силы, займетъ кафедру, или создастъ новый органъ, или будетъ виднымъ земскимъ человѣкомъ. Она знаетъ и видитъ, что все это будетъ, и будетъ скоро — какъ только сердце забьется въ немъ сильнѣе... любовью къ ней.

— Аня! Аня!.. Поди сюда, пожалуйста! — раздался зовъ Куликова.

Анна Гавриловна услыхала голосъ мужа, но прежде чѣмъ двинуться, протянула руку Кустареву.

— Вы не оставите меня, Евменій Филипповичъ, безъ депеши?

— Спасибо! — вымолвилъ онъ, тронутый, и очень сильно пожалъ ея руку.

Въ этомъ пожатіи она уже почувяла свою силу и, откинувъ зонтикъ на другое плечо, плавно пошла къ лавочкѣ итальянца.

— Вотъ видишь, Аня: Егоръ Петровичъ стоитъ за этотъ ящичекъ. А мнѣ нравится больше маленькій сакъ. Какъ ты находишь?

На той и другой вещи были инкрустаціи; на одной — ласточки съ надписью: „Vieux château“, на другой — итальянецъ съ итальянкой плясали тарантеллу.

Прищуривъ глаза, Анна Гавриловна оглядѣла вещи съ усмѣшкой.

— Что это? Подарокъ? — спросила она и взглянула вбокъ на Ермилова.

— Рѣшите, — сказалъ онъ, и въ его глазахъ она прочла все то же выраженіе, которое она находила до смѣшного слащавымъ.

— Отъ тебя я приму, — отвѣтила она, и указала мужу на сакъ. — Это удобнѣе и въ Москвѣ новость.

— А ящикъ? Отъ меня?

Ермиловъ глазами упрашивалъ ее.

— Онъ неудобенъ, великъ. Да и надо же васъ, Ермиловъ, отучить отъ подношенія сувенировъ.

Мужчины разсмѣялись. Куликовъ отдалъ деньги итальянцу и бережно положилъ вещь въ карманъ пальто.

— Идите, господа, впередъ!—распорядилась Анна Гавриловна. — Коляска ждетъ насъ съ той стороны. У подшвы, гдѣ скала... въ концѣ набережной.

Куликовъ взялъ Ермилова подъ руку, и они пошли впередъ, какъ послушные мальчики.

Въ аллеѣ кипарисовъ, когда передняя пара была за поворотомъ книзу, Анна Гавриловна пріостановилась и спросила:

— Вы исполните мою просьбу?

— Насчетъ чего?

— Пришлете депешу?

— Обязательно!..

Возгласъ Кустарева пронесся по всей аллеѣ.

ХІІІ.

Въ садикъ одного изъ недорогихъ пансіоновъ, между Boulevard Victor Hugo и слѣдующей параллельной улицей, вошелъ Гремущинъ, одѣтый все такъ же, съ тѣмъ же видомъ пастора или доктора, какіе являются въ мелодрамахъ.

Аллея акацій, не теряющихъ своей зелени, вела къ террасѣ. Правѣ выходило крыльцо съ полуотворенною дверью. Жильцы разошлись. Прислуга завтракала въ подвальномъ этажѣ.

Гремущинъ заглянулъ въ сѣни. Тамъ никого не было. Стояла вѣшалка, по стѣнамъ—расписанія поѣздовъ и отельныя рекламы. Онъ рѣшился позвонить снаружи.

Въ открытое окно кухни вылетѣлъ высокій женскій голосъ:

— Fritz, on sonne! Il y a quelqu'un.

Къ нему вышелъ снизу, изъ кухни, швейцаръ въ ливреѣ и безъ картуза, малый съ туповатымъ лицомъ нѣмецкаго типа.

— Mon ami! — обратился къ нему Гремущинъ тихо и ласково, отойдя съ нимъ въ сторонку, подъ акаціи.

Обстоятельно разспросилъ онъ его,—живетъ ли у нихъ господинъ очень высокаго роста, пріѣхавшій изъ Милана, по фамиліи „Blagó“; такъ Благомировъ, для краткости, прозвалъ себя за границей.

Фритцъ отвѣтилъ ему съ акцентомъ, но толково, что „monsieur le russe“ — онъ зналъ уже, что Благомировъ русскій — живетъ въ номерѣ двѣнадцатомъ, но что его нѣтъ дома.

Это вызвало на лицѣ Павла Павловича унылое выраженіе. Фритцъ поспѣшилъ успокоить его, сообщивъ, что господинъ Благò заказалъ фіакръ къ двумъ часамъ, и скоро вернется. За экипажемъ онъ сейчасъ побѣжитъ.

И со словами:

— Si monsieur voulait attendre, — Фритцъ пошелъ дождать баранье рагу.

— Très bien, — кротко отвѣтилъ ему Гремушинъ, — j'attendrai.

Передъ аллеей акацій онъ сѣлъ на проволочный стулъ, приютившійся сбоку, въ углубленіи, передъ желѣзнымъ столомъ съ мраморной доской. Изъ бокового кармана сюртука онъ вынулъ записную книжку и сталъ просматривать цѣлый рядъ только ему понятныхъ значковъ. Одинъ изъ этихъ значковъ онъ зачеркнулъ и поставилъ слѣва продолговатый крестъ.

Это означало, что порученіе Доротей Васильевны Карусъ, пославшей его къ Благомирову, наполовину исполнено; послѣ того, какъ онъ повидается и поговорить съ „басомъ“, къ продолговатому кресту прибавитъ онъ снизу нуликъ.

Порученій, на каждый день, приходится не мало. Только ими онъ и живетъ; своихъ интересовъ у него нѣтъ: сытъ, одѣтъ, здоровъ, какъ давно не бывалъ; передъ сномъ записываетъ въ особую тетрадь все, что перечувствовалъ за день.

Онъ похожъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ, на человѣка, выкинутаго на берегъ послѣ крушенія судна. Съ прежней жизнью все порвано. О возвращеніи безумно и мечтать. Если онъ и очутится опять въ Москвѣ, слѣдуя за Доротеей Васильевной, какъ тѣнь, — все равно въ свой бывший домъ онъ не заглянетъ. Тамъ это знаютъ.

Сейчасъ придетъ этотъ „пѣвчій“ — онъ такъ зоветъ Благомирова, когда думаетъ о немъ, — и ему надо будетъ, по порученію Доротей Васильевны, узнать, на чемъ онъ окончилъ съ опернымъ агентомъ: отправляется ли онъ въ Лондонъ или въ Америку?

Чѣмъ дальше — тѣмъ лучше! Такъ слѣдовало бы чувство-

вать человѣку, котораго гложетъ страсть къ женщинѣ. Но онъ въ иныхъ чувствахъ...

Даже въ самый напряженный періодъ влеченія Доротеи Васильевны къ басу онъ не долго страдалъ... Ему легко сдѣлалось совсѣмъ не думать, что это влеченіе можетъ повести къ связи. Онъ и до сихъ поръ не знаетъ, доходило ли у нихъ до чего-нибудь больше поцѣлуевъ... Злоба безсильнаго соперничества не рисовала, въ его распаленномъ мозгу, картины, какъ она отдаетъ себя этому регенту съ феноменальнымъ басомъ и иконописнымъ ликомъ.

И онъ началъ жаждать для нея успѣховъ, быстрыхъ, шумныхъ, европейскихъ. Его глодало то, что она, не взирая на ея талантъ, красоту, большую музыкальность и состояніе, позволяющее облегчать себѣ карьеру, особенно за границей, гдѣ все такъ продажно, не можетъ побѣдно выступить, подготовить себѣ эффектнаго появленія, какъ восходящая артистическая звѣзда.

Чутьемъ страдающаго за нее сердца понялъ онъ, безъ ея изліяній, чего она теперь ищетъ въ этомъ „пѣвчѣмъ“. Она уже не увлечена имъ. Если онъ ей и нравится, то не настолько, чтобы забыть для него все. Но она пошла бы за него замужъ или прильнула бы къ нему, какъ постоянная подруга, чтобы рука объ руку идти отъ успѣха къ успѣху. На это она пойдетъ сейчасъ же. Наврядъ ли пойдетъ онъ...

Да если бы и пошелъ... Что жъ! Она кинется за нимъ въ Лондонъ или въ Нью-Йоркъ. Онъ поможетъ ей получить ангажементъ, который создастъ ей имя въ одинъ сезонъ. Изъ Лондона прямая дорога въ Мадридъ, въ Рио-Жанейро и, наконецъ, въ Парижъ, вѣнчающій репутацію, гдѣ бы она не создалась.

Павель Павловичъ за этотъ годъ вошелъ во всѣ тайные изгибы женской славолубивой души; онъ жилъ лихорадкой ѣдкихъ ожиданій и расчетовъ, съ замираніемъ сердца отъ приближающейся рѣшительной минуты, которая все ускользаетъ.

Благомировъ—„удачникъ“. Она въ него вѣритъ больше, чѣмъ въ себя. Но развѣ во власти этого удачника отнять у него то, что онъ, Гремущинъ, испытываетъ въ ея присутствіи? Гдѣ же ему, съ его грубыми органами душевнаго воспріятія, погружаться въ такіе восторги?.. Для него Доротея Васильевна пѣвичка какъ пѣвичка, какихъ

встрѣчаютъ не мало у профессоровъ пѣнія и на оперныхъ сценахъ Старого и Нового Свѣта. Пѣвчій ему же будетъ служить, его безконечнымъ наслажденіямъ, сдѣлавъ изъ Доротеи Васильевны свою спутницу.

Только состоится ли это? Врядъ ли!..

И такой исходъ не смущалъ Павла Павловича. Она не убѣжитъ отъ него и его не прогнать. Онъ ей нуженъ,— это онъ различаетъ все явственнѣе.

Наружная дверка сада звякнула.

Гремушинъ неторопливо всталъ и повернулъ вправо. Онъ узналъ раскатистый голосъ Благомирова.

Они давно не видались. Въ Благомировѣ онъ съ одного взгляда разглядѣлъ все то новое, что ему дала его заграничная выучка, и нашелъ, что въ красотѣ его было больше тонкости и какого-то „себѣ на умѣ“, которое дѣлало его интереснѣе для женщинъ.

— Павелъ Павловичъ! здравствуйте! — окликнулъ Благомировъ его на ходу.

На Гремушина онъ смотрѣлъ теперь какъ на фактума, очень полезнаго Доротеѣ Васильевнѣ, и сейчасъ догадался о поводѣ его визита.

— Я васъ не задержу? — вкрадчиво спросилъ Гремушинъ, пожавъ ему руку и все съ приподнятой шляпой. — Вы собираетесь ѣхать?..

— Да не знаю, пріѣхалъ ли извозчикъ.

Благомировъ окликнулъ Фритца въ окно кухни.

— Фиакръ—вьендра?

Его французскій выговоръ вызвалъ-было невольную усмѣшку на тонкія губы Гремушина, которую онъ сдержалъ.

— A deux heures précises, — отвѣтилъ ему чей-то женскій голосъ.

— Время еще есть... Хотите ко мнѣ пожаловать?.. или тутъ побесѣдуемъ?

— Я предпочелъ бы на воздухѣ.

— И распрекрасно!.. Папироску не желаете?

— Я не курю.

Онъ сѣлъ на ту же скамью.

— Я къ вамъ...—началъ Гремушинъ.

— Отъ Доротеи Васильевны?—досказалъ Благомировъ.

— Совершенно вѣрно.

— Я знаю и зачѣмъ.

Благомировъ громко разсмѣялся и съ аппетитомъ сталъ закуривать папиросу.

— Вы передайте, пожалуйста, Доротеѣ Васильевнѣ,— говорилъ онъ весело, поглядывая на бритое лицо Гремущина съ опущенными рѣсницами и сжатымъ ртомъ,—что агентъ—онъ ударялъ на букву *a*—меня не надулъ... задатокъ получилъ, и даже значительнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Ей, быть-можетъ, будетъ не безынтересно узнать, что я сегодня же расквитаюсь съ господиномъ Званцевымъ. Вы помните, тотъ богатый, изъ скучающихъ баръ, интеллигентъ, который пожелалъ оказать мнѣ поддержку?

— Какъ же, какъ же.

— Ну, такъ я—именно къ нему... въ Больё... Чугунка надоѣла... и въ вагонахъ все игрецкія мерзопакостныя рожи. Разориться хочу на фіакръ... Не угодно ли васъ куда подвезти?

— Благодарю васъ,—скромно и брезгливо откликнулся Гремущинъ и, чуть слышно откашлянувъ, спросилъ:—Вы получаете ангажементъ... собственно куда же?

— Ахъ, я и забылъ... Въ Лондонъ: это рѣшеное дѣло, и такой пунктъ введенъ въ условіе, что ежели я до іюля мѣсяца наступающаго года не откажусь отъ Америки, то въ обширную рундъ-рейзе. Она возьметъ цѣлыхъ полгода.

— И, разумѣется, за большой гонораръ?

— Здоровый!—пустилъ Благомировъ высокой нотой.—Деньги у нашихъ заатлантическихъ братьевъ шальныя. И импрессаріи же у нихъ—теплый народъ. Прогораютъ и они, но зато для нихъ нѣтъ слишкомъ дорогого куша.

— Желаю вамъ дойти до вечеровой платы маркизы де-Ко.

— Это какой же?

— Патти!

— Да, бишь, она маркиза... Нѣтъ, для нашего брата, баса, такихъ кушей не полагается.

Фіакръ пріѣхалъ ровно въ два часа.

Порученіе Павла Павловича состояло еще и въ томъ, чтобы узнать отъ Благомирова: гдѣ онъ думаетъ провести время до начала англійскаго сезона.

— Вы сейчасъ и отправляетесь?—спросилъ онъ, когда они уже были у дверки на улицу.

— Ни Боже мой!.. Надо здорово подготовиться. Я, почитай, ни одной партіи какъ слѣдуетъ не знаю.

— Въ Миланѣ?

— Еще не рѣшилъ.

„Не хочетъ сказать, ускользаетъ“, — подумалъ Гремущинъ и спросилъ:

— Что же передать Доротеѣ Васильевнѣ? Она еще поживетъ здѣсь...

— Проститься я приду. Только это она напрасно думаетъ здѣсь брать дебютъ. Не слѣдуетъ этого, ни подъ какимъ видомъ, ни здѣсь, ни въ томъ вертепѣ, въ Монте-Карло.

Онъ это сказалъ голосомъ человѣка, которому нечего искать дебютовъ, и сѣлъ въ фаэтонъ.

Гремущинъ на тротуарѣ раскланялся съ нимъ.

XIV.

Около желѣзной дороги, на углу Avenue de la Gare и проѣзда, поднимавшагося къ площади, Гремущинъ остановился у торговки журналами и сталъ, не торопясь, выбирать то, что ему нужно было.

Онъ никогда не любилъ чтенія газетъ, считалъ ихъ вредными для „мозговой экономіи мыслящаго человѣка“; теперь онъ покупалъ веселые листки, карикатуры, послѣдній нумеръ „Journal Amusant“ съ игривыми сценами.

Ему оставалось около получаса до прихода поѣзда, который долженъ былъ привезти изъ Монте-Карло Доротею Васильевну. Онъ подождетъ поѣзда здѣсь, встрѣтитъ ее и проводить, а дорогой доложить о томъ, что узналъ отъ Благомирова.

Только что отошелъ поѣздъ въ Италію; омнибусы, привозившіе пассажировъ, нѣкоторые возвращались домой, другіе оставались и становились въ рядъ.

На длинномъ поѣздѣ толпились носильщики и отельные швейцары въ своихъ картузахъ американскаго покроя. Вдоль аллеи эвкалиптусовъ, издававшихъ свой пряный запахъ, тянулись вереницею фіакры. Съ поѣздомъ изъ Канна пріѣхало немного народу.

Въ воздухѣ похолодѣло, и съ сѣверо-запада вѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ. Три пальмы, стояція прямо противъ средняго портала станціи, зашелестили своими пернатыми листьями.

Входить въ кафѣ Гремущинъ не хотѣлъ. Онъ съ трудомъ выносилъ обычный воздухъ кафѣ и пивныхъ, смѣсь крѣпкаго табаку съ испареніями напитковъ; свѣжесть была ему скорѣе пріятна.

Подъ навѣсомъ отеля „Terminus“ помѣщалось нѣсколько столиковъ. Онъ сѣлъ около одного изъ нихъ, позвалъ гарсона и приказалъ принести себѣ рюмку вермута; потомъ началъ просматривать свои журналы съ картинками.

— Судьба какъ сводить! — раздался надъ нимъ знакомый русскій голосъ.

Ермиловъ, въ свѣтло-шоколадномъ пальто съ пелеринкой, протягивалъ къ нему руки и переминался на мѣстѣ, глядя на него ласковыми глазами.

— Душевно радъ! — отвѣтилъ Павелъ Павловичъ и подался къ нему туловищемъ. — Не угодно ли присѣсть и откусать чего-нибудь?

Его церемонный, немного старомодный тонъ не стѣснялъ и не смѣшилъ Ермилова. Онъ искренно обрадовался этой встрѣчѣ. Опять ему захотѣлось сблизиться съ этимъ „собратомъ“, какъ онъ уже прозвалъ его про себя. Сдавалось ему, что и Гремущинъ охотно пойдетъ на такое сближеніе.

— Консомацію? — шутливо спросилъ Ермиловъ.

— Да, консомацію, — съ тихой усмѣшкой повторилъ Павелъ Павловичъ.

— Спрошу.

— Позвольте уже мнѣ угостить васъ. Вамъ чего угодно?

— Да хоть кассису.

— Вотъ гарсонъ, прикажите ему. Это что же такое кассисъ?

— А это черносмородинная водка... гораздо хуже нашей наливки. Un cassis-à-l'eau! — приказалъ Ермиловъ привычнымъ парижскимъ звукомъ.

Они сѣли по обѣимъ сторонамъ узкаго мраморнаго столика, приткнутаго къ простѣнку зеркальных оконъ отельнаго кафѣ. Имъ было уютно; вѣтеръ не продувалъ ихъ. Гарсонъ быстро подалъ имъ консомацію.

— Пріѣхали изъ Канны? — тихо спросилъ Гремущинъ, склоняя имя города въ женскомъ родѣ, что Ермилову понравилось.

— Нѣтъ, я провожалъ своихъ знакомыхъ въ Италію.

— Русскихъ?

Въ обыкновенномъ настроеніи Павелъ Павловичъ не сдѣлалъ бы такого вопроса, считалъ бы это неумѣстнымъ.

Въ эту минуту онъ смотрѣлъ на своего собесѣдника кроткими глазами, гдѣ было явственное желаніе менѣе сдержаннаго разговора.

— Уѣзжали Куликовы... Анна Гавриловна... съ мужемъ.

Гремушинъ отъ Доротеи Васильевны слыхалъ, что Ермиловъ „погибаетъ“ около профессорши; зналъ, что Карусъ его не долюбливаетъ за равнодушіе къ ея туалетамъ, уму и красотѣ. Онъ способенъ былъ и теперь позондировать его и побудить его сдѣлать ей визитъ.

— А я поджидаю Доротею Васильевну. Вамъ не извѣстно, что она здѣсь, въ Ниццѣ?

— Мы, стало, съ вами въ однѣхъ должностяхъ, — сказалъ Ермиловъ и началъ размѣшивать ложечкой свой кассисъ.

Гремушинъ поглядѣлъ на него вбокъ и громко перевелъ дыханіе. Это было что-то въ родѣ вздоха.

— Кажется...

„Надо мнѣ первому начать“, — подумалъ Ермиловъ, ощущая настойчивый позывъ къ взаимной исповѣди.

— Вѣдь васъ Павелъ Павловичъ зовутъ?

— Ваше имя и отчество мнѣ извѣстны.

— Намъ, Павелъ Павловичъ, судьба послала одно и то же испытаніе, въ такой возрастъ, когда иллюзіи почти немыслимы...

— Совершенно немыслимы, — выговорилъ Гремушинъ и отхлебнулъ изъ рюмки.

— А между тѣмъ это такъ. Я васъ давно понялъ... еще въ Москвѣ... Помните, когда мы вышли вмѣстѣ отъ Карусъ и прошлись немного къ Чистымъ-Прудамъ?

— Прекрасно помню!..

— Въ насъ обоихъ „влеченье—родъ недуга“.

И онъ остановился, немного покраснѣлъ, недовольный тѣмъ, что и тутъ не могъ воздержаться отъ литературной цитаты.

Но Гремушинъ повторилъ ее искренно и почти торжественно.

— Да, влеченье—родъ недуга!

— И вы не надѣетесь на то, что оно пройдетъ?

— Я и не желаю этого, — сказалъ Гремушинъ, и лицо его точно освѣтилось.

Въ другое время Ермилову онъ показался бы до-нельзя

смѣшонъ; но теперь—это экстатическое выраженіе на старѣющемъ, бритомъ лицѣ помогло только ему настроить себя, какъ нужно было для такой бесѣды.

— Не желаете?—переспросилъ онъ, положилъ оба локтя на мраморный столикъ и низко наклонилъ къ Гремущину свою голову.

— Я разорвалъ со своимъ прошлымъ,—заговорилъ Павелъ Павловичъ медленно и отчетливо, точно онъ давалъ на судѣ показаніе подѣ присягою.—У меня была семья... Я былъ или считался образцовымъ отцомъ и мужемъ... Женился я цѣломудреннымъ...

— Однако!—вырвалось у Ермилова.

— Цѣломудреннымъ... Я много думалъ о человѣчествѣ, о причинахъ неурядицы, страданій, пороковъ и преступленій. Неразумно направленные инстинкты, страсти и свойства темперамента, — вотъ что представлялось мнѣ главной, всепоглощающей причиной того, что человѣкъ не знаетъ на землѣ благополучія, какое на ней достижимо.

— Это теорія Фурье,—какъ бы про себя замѣтилъ Ермиловъ.

— Да, потому-то Фурье и гений! Надо было проштудировать многоразличныя отправленія соціальной и личной жизни и указать для нихъ норму во всѣхъ деталяхъ. На это пошло у меня пятнадцать лѣтъ. Я писалъ книгу, передѣлывалъ ее до восьми разъ.

— По рецепту Гоголя,—опять замѣтилъ какъ бы про себя Ермиловъ.

— Да, по рецепту Гоголя,—повторилъ Гремущинъ, не мѣняя своего тона.—Себя я считалъ застрахованнымъ отъ всякихъ душевныхъ переворотовъ и въ меня проникала особаго рода гордыня добродѣтели, руководимой торжествующимъ разумнымъ сознаніемъ.

— Но какъ же вы это согласовали съ вашей теоріей страстей?

— Въ себѣ я признавалъ только консервативные инстинкты: исполненіе долга, какъ основную черту натуры, привязанность безъ чувственнаго увлеченія. Всякія разновидности возможны въ природѣ, и я видѣлъ въ себѣ именно такой типъ.

— И вдругъ встрѣча съ женщиной!

— Не съ женщиной, а съ особой vibraціей?

Ермиловъ откинулъ быстро голову и вскричалъ:

— Съ vibraціей?

— Что такое звукъ? По формулѣ тѣхъ учебниковъ, по которымъ мы проходили физику академика Ленца въ гимназій, свѣтъ есть „нѣкоторая vibraція эѳира“, а звукъ— „воздуха“. Меня захватили звуки, въ которыхъ извѣстная женская натура вложила всю свою эссенцію. И съ тѣхъ поръ я ей принадлежу, какъ говорятъ малодумающіе люди, душой и тѣломъ. Борьба съ прежнимъ Павломъ Гремущинымъ была сильная, но быстрая. Сойти съ ума мнѣ не пришлось, и самоубійствомъ я не кончилъ, что было бы великой бессмыслицей, потому что я нашелъ только теперь отвѣтъ на инстинктъ, дремавшій въ глубинѣ моей организаціи... И я отрѣзалъ, ушелъ изъ моего прошедшаго...

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

Гремущинъ помолчалъ.

— Это называется бездушнымъ поступкомъ. Жена полагала всю себя въ любовь ко мнѣ и къ дѣтямъ, я былъ постояннымъ объектомъ ея женской воли. Вѣроятно, знакомые находили, что она подавляла меня своей личностью. Можетъ-быть. Но я не испугался и стряхнулъ съ себя супружеское иго, какъ пылинку, когда насталъ моментъ... Я пересталъ быть и отцомъ... Я имъ отдалъ все, что только могъ, и скрылся... выразивъ формальное запрещеніе дѣлать попытки къ разыскиванію меня. Ни на какія письма я не отвѣчалъ и не желаю отвѣчать.

— Даже если...

— Даже если они будутъ при смерти. Я теперь не мужъ и не отецъ. Это была бы недостойная насъ комедія.

Въ исповѣди звучали ноты, дѣлавшія Ермилова все ближе и ближе къ чудаку, который, еще такъ недавно, былъ для него совсѣмъ чужой.

— Я васъ понимаю!—воскликнулъ онъ.—Вы мнѣ оказали большую честь этимъ безстрастнымъ анализомъ своей души.

Гремущинъ посмотрѣлъ на часы и сейчасъ же постучалъ своей рюмкой о пустой стаканъ, чтобы позвать гарсона.

— Вамъ пора?—спросилъ Ермиловъ.

— Не согласитесь ли вы перейти туда, на станцію? Мы бы вмѣстѣ подождали прихода поѣзда. И Доротей Васильевна была бы рада видѣть васъ.

Ермиловъ тотчасъ же согласился. Онъ жаждалъ про-

долженія этой странной бесѣды. Онъ еще ничего не сказалъ о себѣ. На платформѣ обширной станціи имъ будетъ еще удобнѣе.

Расплатился Гремущинъ, и онъ же купилъ, для жданья, два входныхъ билета. Платформа стояла еще пустая. Только около лавочки съ журналами виднѣлось двое англичанъ. Оставалось больше десяти минутъ. Ермиловъ взялъ Гремущина подъ руку ласковымъ жестомъ, знакомымъ его пріятелямъ, и повелъ его въ дальній конецъ, къ выходу изъ-подъ стекляннаго свода. Въ засвѣжѣвшемъ воздухѣ имъ обоимъ было легко двигаться. Одинъ, раскачиваясь, широко разставлялъ ноги; другой сѣменилъ маленькими шажками.

XV.

— Вы какъ будто стыдитесь настоящей стадіи поглощенія вашей личности женщиной?—спросилъ Гремущинъ послѣ того, какъ Ермиловъ, не называя, однако, по имени той, кто овладѣлъ его душой, сдѣлалъ приступъ къ своей исповѣди.

И на посторонній взглядъ ихъ бесѣда, вполголоса, похожа была на исповѣдь: Гремущинъ болѣе обыкновеннаго напоминалъ патера. Онъ ходилъ съ сильнымъ наклономъ головы къ собесѣднику. Тотъ говорилъ ему почти на ухо.

— Нѣтъ, — живо возразилъ Ермиловъ. — Я вовсе не стыжусь. У меня назрѣла потребность въ изліяніи. Но поглощеніе, какъ вы называете, моей личности держать меня въ душевномъ состояніи, чуждомъ мнѣ, смѣшномъ, унижительномъ именно для меня. Я впадаю въ припадки самоуничтоженія передъ этой женщиной. На меня минутахъ находить чуть не экстазъ, когда она обращается со мною грубо, какъ съ вещью. Я бросаюсь цѣловать складки ея платья, рискуя, что она оттолкнетъ меня, какъ докучливую собачонку...

— Разумѣется!—вздохнулъ Гремущинъ, не мѣняя положенія головы.

— Если бъ еще меня влекла чувственная страсть! Но и этого я не сознаю... Во мнѣ нѣтъ ревности... настоящей, фізіологической... даже того, что должны испытывать мы, люди подъ пятьдесятъ, когда надвигающаяся старость заставляетъ адски страдать отъ того, что нѣтъ больше въ тебѣ прежняго мужчины, нѣтъ правъ на успѣхъ,

на обладаніе, на вызовъ взаимности... Даже приступовъ безсильной ярости я не испытываю!..

— Такъ, такъ,—говорилъ чуть слышно Гремущинъ.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ,—Ермиловъ началъ поднимать голосъ,—во мнѣ живетъ надежда... на то, что я чего-то достигну. Предо мною — обладаніе этой женщиной... ис-крытъ тамъ, вдали, какъ сказочная жаръ-птица. И я чувствую каждымъ концомъ нерва, какую чудовищную власть можетъ взять надъ душой нашей сочетаніе линій...

— Или вибрація голоса,—прибавилъ отъ себя Гремущинъ.

— Да, сочетаніе линій лица, всего больше лица. Но также и стана, руки, плеча, головы. Не тѣла! Боже мой!.. Нѣтъ, это сочетаніе линій, только линій... До пустыхъ деталей, до разрѣза глазъ, до оскала зубовъ!

Ермиловъ на минуту смолкъ. Онъ какъ бы изумлялся звукамъ своего голоса и языку, какимъ говорилъ.

— Въ этомъ собственно и сидитъ душа женщины,—замѣтилъ его наперсникъ.

— Душа! душа!.. Вы это сказали не какъ спиритуалистъ, надѣюсь?..

— Я самостоятельнаго духа не признаю,—вымолвилъ Гремущинъ съ ясностью твердаго догмата.

— Никакого единенія души, даже въ смыслѣ простого умственного лада, нѣтъ и не можетъ быть между женщиной и мужчиной.

— Безусловно вѣрно!

— Еще менѣе, когда женщина такъ овладѣетъ вами!. Это все равно, какъ тѣ патриархальныя чувства мужика, про какія любятъ говорить наши старички, воспитанные въ привычкахъ рабовладѣльчества!.. И я сознаю съ каждымъ днемъ, какъ моя прежняя личность линяетъ, стирается, какъ я отрѣшаюсь отъ всѣхъ моихъ вкусовъ, мозговыхъ запросовъ, чисто интеллектуальныхъ привычекъ!.. Это ужасно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наполняетъ меня какой-то благодатью; по цѣлымъ часамъ я ухожу во внутреннее созерцаніе моего гипноза.

— Именно, именно!

У Павла Павловича вышелъ даже звонкій возгласъ.

— Если оно такъ пойдетъ, моя личность совсѣмъ исчезнетъ.

— И это васъ еще возмущаетъ? — остановилъ Гремущинъ и придержалъ Ермилова рукой.

— Я не знаю!..

— А позвольте васъ спросить: вы были или только считались большимъ любителемъ женщинъ?

— И считался, и былъ.

— И на васъ не находила боязнь сдѣлаться печальною жертвой своей чувственности, превратиться въ того старца, который, у Бальзака, бросивъ все, семью и положеніе въ обществѣ, разорвавъ со всѣмъ, очутился въ темномъ кварталѣ возлюбленнымъ гризетки и публичнымъ писцомъ, въ лачугѣ, на перекресткѣ?..

— Le général Hulot, — назвалъ Ермиловъ, еще помнившій все, что онъ только читалъ изъ „Comédie humaine“.

— Именно!

— Но развѣ мы съ вами, дорогой Павелъ Павловичъ, не такіе же бальзаковскіе маньяки на взглядъ массы нашихъ сверстниковъ?

— Нѣтъ-съ!.. — протянулъ нотою брезгливаго отрицанія Гремущинъ и откинулъ голову назадъ. — Мы совсѣмъ не такъ кончаемъ, какъ тотъ генералъ. Вы первый ушли отъ его судьбы и должны, по-моему, благословлять женщину безусловно овладѣвшую вами, именно за это.

— Благословлять?

— Да, благословлять. Привычка легкаго женолюбія не давала бы вамъ покоя и довела бы васъ или до быстрого и унижительнаго паденія умственныхъ силъ, или до порабощенія передъ однимъ тѣломъ, уже безъ всякаго сочетанія линій.

Гремущинъ тихо разсмѣялся.

— И выходитъ, — продолжалъ онъ тотчасъ же, обращаясь больше къ самому себѣ, чѣмъ къ своему собесѣднику, — что мы были рождены „однолюбами“.

— Тургеневское слово, — подсказалъ Ермиловъ.

— Я его и не выдаю за свое. Одинъ считалъ себя хранителемъ долга и добродѣтели, другой — эпикурейцемъ, во вкусъ прошлаго вѣка, а оба оказались предназначенными на служеніе силѣ прекраснаго, которая исходитъ отъ женщины въ какихъ-то линіяхъ и звукахъ.

Они поглядѣли другъ на друга съ улыбкой. Но она смѣнилась выраженіемъ менѣе примиреннымъ.

— Павелъ Павлычъ! — окликнулъ послѣ паузы Ермиловъ.

— Что угодно?

— Не слѣдуетъ ли видѣть въ повсемѣстной тираніи

женщины доказательство того, что конецъ вѣка изжилъ свои задачи или не въ силахъ справиться съ ними?

— Можетъ-быть!

Но глаза Гремушина были уже устремлены вдаль. Онъ услышалъ, какъ пробило пять желѣзнодорожныхъ сигналовъ. Поѣздъ подходилъ.

Вслѣдъ за нимъ сталъ смотрѣть и Ермиловъ.

Слѣва невысокія горы покрыты были голубовато-сѣрымъ налетомъ отъ оливковыхъ рощъ, усыпанныхъ вилами, вплоть до самыхъ верхушекъ; а на второмъ планѣ извивалась линія болѣе высокихъ черныхъ гребней съ полосами свѣжаго, на-дняхъ выпавшаго снѣга.

Жидко протрубилъ въ свой рожокъ ближайшій стрѣлочникъ.

Оба русскіе круто повернули назадъ, чтобы вѣ-время очутиться противъ поѣзда, подъ навѣсомъ дебаркадера.

На изгибѣ одного изъ путей зажглась точка; облицованная мѣдными полосами грудь паровоза вся выяснилась и стала медленнѣе приближаться.

Менѣе часа назадъ, Ермиловъ стоялъ на противоположной платформѣ и глядѣлъ вслѣдъ уходившему поѣзду. Онъ выслушалъ второе по счету приказаніе своей „госпожи“ оставаться въ Ниццѣ, каждый день узнавать о здоровьѣ „маленькой женщины“, и если на виллѣ произойдетъ то, чего тамъ ждутъ съ минуты на минуту, телеграфировать во Флоренцію.

И онъ долженъ теперь совершать путешествіе ежедневно въ Вилла-Франка и обратно, строить унылое лицо, допрашивать Кустарева, хитрить съ нимъ и видѣть въ лицѣ его личность, которую Анна Гаврилова избрала предметомъ своихъ сердечныхъ и всякихъ другихъ стремленій; почти въ такомъ же родѣ думалъ и Гремушинъ. Локомотивъ, обшитый блестящей на солнцѣ мѣдью, везетъ тотъ вагонъ перваго класса, откуда выйдетъ и его повелительница, и онъ долженъ будетъ обстоятельно передать ей весь свой разговоръ съ Благомировымъ, еще нѣсколько разъ побывать у семинариста и присутствовать при возможномъ возвратѣ Доротеи Васильевны къ подогрѣтому увлеченію басомъ.

— Егоръ Петровичъ, — поспѣшно заговорилъ Гремушинъ, когда паровозъ уже подходилъ къ своду станціи, — вы засвидѣтельствуете свое почтеніе Доротеѣ Васильевнѣ?

— Непремѣнно!

— Вамъ бы ее попросить попѣть. Она это любитъ.

— Прекрасно!

— Видите, я узналъ, что здѣсь проживаетъ, вотъ по дорогѣ въ Монте-Карло... господинъ Званцевъ.

— Я его видѣлъ на-дняхъ.

— Онъ всегда интересовался талантомъ Доротей Васильевны. Вотъ бы было кстати у него, на виллѣ, устроить маленькое утро. Вы здѣсь не знаете никого изъ мѣстной прессы, репортеровъ, рецензентовъ?

— Никого!

— Ахъ, какъ жаль! Ну, да это не уйдетъ. Быть-можетъ, и ваша...—онъ искалъ слова.

— Госпожа?

— Да, и ваша госпожа вернется въ скоромъ времени.

Ермиловъ хотѣлъ сказать: „сейчасъ вернется, какъ только запахнетъ трупомъ ея умирающей соперницы“, но онъ испугался этого движенія и сжалъ зубы.

— Я разыщу Званцева и устрою это.

— Вѣдь и тотъ феноменальный басъ, вы помните... семинаристъ, по фамилии Благомировъ, и онъ здѣсь получилъ блестящій ангажементъ, и его могъ бы пригласить господинъ Званцевъ.

— Разумѣется. Всѣ собрались сюда. *Au rendez-vous des bourgeois joyeux!*

Разсмѣяться Ермилову не удалось. Гулъ локомотива заглушилъ разговоръ. Оба смолкли, и Гремущинъ затоптался на мѣстѣ, переходя глазами отъ одного вагона къ другому, по мѣрѣ того, какъ онъ двигался къ другому пролету дебаркадера.

Почти противъ него выскочила на платформу Доротея Васильевна въ свѣтломъ суконномъ „смокингѣ“ и такой же низкой „головкѣ“, какую Ермиловъ видѣлъ на вдовѣ Мещериной.

Взглядъ на эту женщину доложилъ ему тотчасъ же, что она не вызываетъ въ немъ даже его прежнихъ замѣчаній насчетъ рисовки пессимизмомъ и тайнаго „каботинства“, и онъ смогъ только подумать: „но будь у нея другія линіи лица, или будь я способенъ на гипнозъ посредствомъ голоса, и она превратилась бы для меня въ Анну Гавриловну“.

Съ улыбающимся, по заказу, лицомъ подалъ Ермиловъ ей руку, сказалъ ей про свое желаніе слышать ея го-

лось и попросилъ позволенія быть у нея. Онъ это сдѣлалъ для Гремущина. Тотъ кинулъ на него тронутый взглядъ и шелъ сбоку, когда они спускались пѣшкомъ до бульвара, повторяя:

— Вотъ это прекрасно, вотъ это прекрасно!

У церкви „Notre Dame“ Ермиловъ съ ними раскланялся.

XVI.

Скорый поѣздъ, вышедшій въ полдень изъ Генуи, только что взялъ пассажировъ въ Монте-Карло.

Въ отдѣленіи, въ полусумракѣ, смягченномъ свѣтлогороховымъ сукномъ и басономъ обивки, сидѣло шестеро пассажировъ.

Одинъ уголъ, со стороны моря, занимали Куликовы, Анна Гавриловна съ мужемъ, и цѣлую половину отдѣленія—двѣ француженки и двое мужчинъ: одинъ полный брюнетъ въ черномъ, другой съ русой сѣдѣющей бородой, въ сѣромъ вѣстонѣ.

Всѣ молчали.

Анна Гавриловна сидѣла лицомъ къ поѣзду, мужъ ея—напротивъ. Она, всего разъ, изъ-подъ вуалетки, взглянула на двѣ пары, потомъ закрыла глаза и какъ будто заснула.

Но она даже не дремала.

Ее переполнило тихое возбужденіе, чувство, сходное съ тѣмъ, когда вдругъ откроется передъ вами даль, полная желанныхъ встрѣчъ, и въ концѣ что-то крупное, безусловно хорошее, въ родѣ выигрыша въ двѣсти тысячъ. И вы сознаете, что минуты, которыя вы теперь переживаете, уже — начало, предвкушеніе этого выигрыша. Онѣ могутъ проходить среди какой имъ угодно обстановки, скучно, весело, удобно или неудобно, все равно.

То же испытываютъ упорные и самолюбивые студенты, когда экзамены уже сданы и отмѣтки извѣстны: выходить средній кандидатскій баллъ, и черезъ мѣсяць по представленіи диссертациі, вамъ выдадутъ дипломъ, стоящій, и на пергаментѣ, всего нѣсколько рублей.

Три дня назадъ, во Флоренціи, Куликовы вернулись въ свой отельчикъ, недалеко отъ сада degli-Orivoli, изъ театра, гдѣ слушали, почти ничего не понимая, итальянскую комедію. Дорогой, въ каретѣ—время стояло холодное — они говорили, что слѣдовало бы поторопиться въ

Римъ, на который меньше недѣли положить нельзя. Въ головѣ своей Анна Гавриловна держала постоянно свой расчетъ вернуться какъ можно скорѣе на Ривьеру и побыть тамъ подольше. Опоздать на недѣлю допустимо и безъ продленія отпуска. Ее тянуло назадъ. Каждый день, возвращаясь домой, она искала глазами, въ плоскомъ ящикѣ, куда клались письма и депеши, желанной вѣсти изъ Ниццы.

Ермилову она оставила даже текстъ телеграммы. Въ ней должны были стоять всего два слова: „*Décédée aujourd'hui*“.

Когда они вышли изъ кареты и дожидались передъ запертой уже наружной дверью, Анна Гавриловна вернулась опять къ той же мысли и въ первый разъ во Флоренціи стала оправдываться передъ самой собой.

Боже мой! Развѣ она жаждала смерти женщины, которая не сдѣлала ей въ жизни ни малѣйшаго зла?.. Она вѣдь не лэди Макбетъ, не бездушная развратница или хищная интригантка. Но къ чему лишнія страданія? Агонія по капелькамъ только измучить въ концѣ Евменія Филипповича.

Измучить, но въ то же время усилить въ его душѣ потребность въ отдыхѣ, въ обществѣ той, кто его такъ тонко понимаетъ, отъ кого пахнѣтъ на него вѣрой въ жизнь, въ новые горизонты труда, борьбы, вліянія на молодежь, болѣе широкаго полета для его любви къ народу, для служенія завѣтнымъ идеямъ.

Старичокъ-привратникъ, къ ночи часто пьяненькій, отперъ имъ и шопотомъ сказалъ по-французски:

— *Une dépêche pour madame.*

Она такъ поблѣднѣла, что быстро отвернулась, чтобы мужъ не замѣтилъ, какъ она перемѣнилась въ лицѣ.

Съ дрожью въ пальцахъ вынула она депешу, неловко разорвала ее и болѣе отгадала, чѣмъ прочла, слова: „*décédée aujourd'hui*“. Она разобрала только имя „*Ermiloff*“. Ничего другого не могло стоять въ текстѣ.

Объ этой депешѣ она вскользь уже говорила мужу, когда они ѣхали въ Италію. Онъ похвалилъ ее „порядочность“ передъ семействомъ Кустаревыхъ, которая избавляла его отъ личныхъ сношеній съ Евменіемъ Филипповичемъ. Въ его головѣ побывала уже мысль, что если они вернутся на Ривьеру, на чемъ Анна Гавриловна настаивала, какъ разъ къ похоронамъ Кустаревой, то онъ

могъ бы даже произнести на могилѣ ея приличный случаю спичъ. Это не опасно—она женщина, и дастъ ему репутацію человѣка съ сердцемъ.

— Что такое?—спросилъ онъ въ номерѣ, безъ особенной поспѣшности.

Жена его ревниво ограждала неприкосновенность своей корреспонденціи.

— Кустарева скончалась.

Она употребила почтительное слово: „скончалась“, а не „умерла“, подчиняясь внезапному чувству страха передъ покойникомъ.

— Ну, царство ей небесное! — звонко и банально откликнулся Куликовъ, ушелъ въ свою комнату рядомъ и сталъ раздѣваться.

Одна, въ очень большой спальнѣ, освѣщенной унылой свѣчой, гдѣ большой пологъ кровати глядѣлъ саваномъ, Анна Гавриловна быстро, но отчетливо перекрестилась. Первая ея мысль была, нѣтъ ли во Флоренціи русской церкви? Кажется, есть; завтра она узнаетъ и пойдетъ, закажетъ панихиду.

Московская бытовая женщина, домовладѣлица съ Патриаршихъ - Прудовъ, всплыла точно отъ прикосновенія руки искуснаго врача, который заставляетъ своего субъекта видѣть воображеніемъ предметы, испытывать мнимыя чувства.

Губы ея, эти красивыя, извилистыя губы, произносили скоро и отчетливо слова какой-то короткой молитвы.

Она медлила раздѣваться.

Думы ея повернули въ другую сторону.

Ѣхать сейчасъ, завтра утромъ... Нѣтъ, не надо!.. Можно попасть на похороны, а она этого ни подъ какимъ видомъ не желала.

Это принесетъ съ собою бѣду! Богъ ее накажетъ, есл она будетъ стоять около гроба съ заплаканными глазами, а плакать она непременно будетъ.

Нѣтъ, надо Ѣхать черезъ два дня. Мужъ станетъ протестовать... Ему хотѣлось въ Римъ... Какъ же онъ вернется въ Москву, не побывавъ на форумѣ и въ Колизеѣ? Онъ заранѣе уже приготовляетъ цѣлыя тирады о чудесахъ античнаго искусства, на ихъ вечерахъ.

Но она такъ хочетъ и такъ будетъ.

Не нужно даже ничего придумывать. Завтра утромъ

она сумѣетъ легко и увѣренно устроить ихъ возвращеніе на Ривьеру.

Чувство большого отдыха, точно послѣ тяжелой работы, разлилось по ея тѣлу.

— Ты легъ?—спросила она мужа ласково.

— Легъ, Annette! Завтра надо укладываться.

„Только ты поѣдешь не туда, куда мечтаешь ѣхать“,— сказала она про себя тономъ мягкой гувернантки.

Вслѣдъ затѣмъ ее взялъ опять суевѣрный страхъ. Вѣдь это кощунство надъ покойникомъ. Она поскорѣ легла и лежа стала креститься, прочла цѣлыхъ двѣ молитвы, перекрестила подушку-„думку“, которую взяла съ собой въ дорогу, и задула свѣчу.

Въ темнотѣ она ощутила тихую истому и быстро заснула.

И все вышло такъ, какъ она желала: она тихонько отслужила панихиду, убѣдила мужа, что ѣхать въ Римъ, да еще въ холодъ, на одну недѣлю, не стоить, и что будетъ „въ высокой степени порядочно“ выказать Евменію Филипповичу Кустареву участіе, какъ собрату по наукѣ и земляку.

И вотъ она возвращается, на третій день, послѣ сутокъ, проведенныхъ въ Болоньѣ.

Въ вагонѣ раздался разговоръ полушопотомъ. Двѣ французенки, по всѣмъ статьямъ парижскія кокетки, еще не старыя, одинаково одѣтыя, заговорили о своей игрецкой неудачѣ. Онѣ возвращались, проигравъ все, что у нихъ было.

— Надо ихъ утѣшить,—сказалъ брюнетъ по-русски.

Анна Гавриловна, не раскрывая глазъ, прислушалась.

— Ты бойчѣе меня говоришь по-французски, — замѣтилъ бородатый,—дай имъ совѣтъ играть по нашей системѣ. Пускай онѣ завтра насъ подождутъ, мы и за нихъ поставимъ.

Брюнетъ перевелъ это французенкамъ. Онѣ оживились. Раздались взрывы сдержаннаго хохота, когда поѣздъ уходилъ въ довольно длинный туннель.

Куликова сидѣла въ полутемнотѣ съ тихой усмѣшкой на извилистыхъ, покраснѣвшихъ отъ зимняго воздуха, губахъ. Эта жанровая картинка легкихъ нравовъ не была ей непріятна. Пускай всѣ живутъ и находятъ наслажденіе по своему карману и своимъ вкусамъ.

Она перестала осуждать себя и ѣхала съ возрастаю-

щимъ въ душѣ убѣжденіемъ, что она отдается самому нравственному влеченію — привязанности, достойной обоихъ, и того, кто бросилъ вчера горсть земли въ могилу „маленькой женщины“, и ея—жертвы случая, вызвавшего въ ней вспышку оскорбленнаго женскаго чувства.

Зато виновникъ ея выхода замужъ, онъ теперь дрожить на дебаркадерѣ и несетъ свои вериги, и долго будетъ носить ихъ; а мужъ...

Она широко раскрыла глаза и поглядѣла на мужа. Онъ считалъ своими юркими глазами, „сколько мѣстъ“ съ ними, въ мелкихъ вещахъ.

Отъ мужа она сумѣетъ освободиться, когда нужно будетъ. Она сдѣлаетъ это смѣло, какъ честная женщина.

— Nice! Nice!—раздался голосъ кондуктора, машинистъ рѣзко затормозилъ поѣздъ.

XVII.

Подъ ними тянулись плотные ряды апельсиновыхъ плантацій, усыпанныхъ красно-золотистыми шарами, такъ часто, что можно было принять это обиліе плодовъ за что-то нарочно устроенное, точно обвѣшанныя на Рождество елки.

Обширный садъ шелъ вверхъ, террасами, и на самой вышинѣ упирался въ стѣну другой виллы. Тамъ, на проталинѣ, нѣсколько древнихъ оливъ кидали полупрозрачную тѣнь на дернъ, покрытый сухими листьями.

Правѣе, среди зелени, снизу выплывалъ византійскій куполъ и укутанная въ свѣтлую дымку панорама города, сначала тонущаго въ садахъ, потомъ все болѣе и болѣе каменнаго, разноцвѣтнаго, отъ ярко-бѣлыхъ стѣнъ и бѣльведеровъ до сплошной массы потемнѣвшихъ узкихъ улицъ старыхъ кварталовъ, итальянской постройки.

— Видите! — говорила Анна Гавриловна, и ея рука, охваченная длинной перчаткой, выразительнымъ жестомъ указывала на куполъ русской часовни. — Тамъ какъ хорошо, внутри... Смерть пришла и увела съ собой юношу съ самой высокой будущностью. А вѣдь мы ушли оттуда съ ощущеніемъ чего-то красиваго и, какъ это сказать, прочнаго...

Кустаревъ слушалъ ее, прислонившись къ мшистому стволу оливковаго дерева. Они стояли подъ нимъ, и ихъ обоихъ эта запустѣлая вышка держала въ настроеніи душевной ясности.

Она глядѣла на него все изъ-подъ полуопущенныхъ

рѣсницъ своихъ длинныхъ глазъ и отдавалась радостному чувству: то, что ее глодало, какъ трудный и долгій искусь, становится возможнымъ, и скорѣе, чѣмъ она мечтала.

Давно ли были похороны „маленькой женщины“? Четыре дня тому назадъ. Она пріѣхала съ мужемъ на другой день, и вотъ Кустаревъ гуляетъ съ нею цѣлыми днями, благодарить ее по нѣскольку разъ на дню за ея теплое отношеніе къ его потерѣ, водить ее на кладбище.

Она подмѣтила у него потребность поплакать надъ могилой „Гари“ при ней. Ему пріятенъ дѣлался ея голосъ, ея слова, тонъ, съ которымъ она ему говорила.

И теперь онъ не возражалъ ей.

Его боль перешла въ тихую грусть. Ему только жаль, жаль Гари, не собственной только утраты жаль ему, а обидно за нее, за эту покойницу, которая такъ скоро ушла изъ жизни и такъ много настрадалась и за дѣтей, и за него; всего больше за него, и когда онъ былъ на профессорской службѣ, и когда они сидѣли на хуторѣ, — послѣ исторіи съ Сохинымъ еще болѣзненнѣе, хотя она и силилась подавлять въ себѣ свою скорбь за него.

За два часа до смерти, она, чуть дыша, сказала нѣсколько словъ, изъ которыхъ онъ понялъ, что она умираетъ съ той же думой о немъ, хочетъ, чтобы онъ нашелъ себѣ опять живое дѣло, достойное того „Мени“, какого она боготворила.

И что могъ онъ ей отвѣтить? Увѣрять, что онъ найдетъ это дѣло, что онъ будетъ самъ просить, какъ милости, дать ему хоть что-нибудь?..

Онъ не хотѣлъ лгать. Въ немъ, въ послѣдній именно годъ, накинѣла брезгливая горечь ко всему, что отзывается усиліемъ создать себѣ какое-нибудь положеніе, пасть въ сутолоку „дѣльной“ русской жизни. Малѣйшій компромиссъ былъ бы ему противенъ, просто физически невозможенъ, какъ пріемъ рвотнаго, которое нельзя даже поднести ко рту, не то что уже проглотить. Такіе, какъ онъ, проиграли свою партію, жили миражами, дождались повсемѣстной опалы и должны ждать смерти въ тѣни, укутавшись въ саванъ, какъ схимники, охраняя свою совѣсть и свое человѣческое достоинство.

Да и это удастся ли?..

Вотъ что роилось въ его душѣ, когда Гаря лепетала, безъ звука, свои предсмертныя пожеланія.

— Евменій Филипповичъ, — вдругъ спросила его новая

пріятельница, съ которой ему всего легче теперь проводить время,—развѣ Маргарита Сергѣевна не страдала за васъ оттого, что вы не у дѣлъ?

Кустаревъ вздрогнулъ отъ этихъ трехъ словъ: „не у дѣлъ“.

Сколько разъ слыхалъ онъ ихъ! Они сдѣлались лозунгомъ его судьбы—и для покойницы, и для друзей его. И онъ самъ хоть и не любилъ такихъ разговоровъ, однако, считалъ себя обреченнымъ на это особое званіе всѣхъ русскихъ людей его склада—быть не у дѣлъ.

— Отъ этого, быть-можетъ, и скончалась преждевременно...—выговорилъ онъ съ нервнымъ движеніемъ губъ.

Голосъ у него оборвался.

— Зачѣмъ же вы позволили зачислять себя въ „заштатные“? И помирились съ этимъ...

Онъ поднялъ на нее голову.

Въ мягкой тѣни съ просвѣтами,—тонкій листъ оливковаго дерева трепетно переливался отъ чуть замѣтнаго вѣтерка,—она вся выдѣлялась—стройная и сильная, въ позѣ, возбуждающей раздумье, драпированная короткой визиткой съ тремя воротниками, придававшими ей что-то чрезвычайно своеобразное. Лицо въ профиль, съ его нѣжнымъ румянцемъ, родимыми пятнами и извилистымъ ртомъ, впервые привлекло его своей величавой красой.

— Зачѣмъ?—переспросилъ онъ, краснѣя.—Какъ будто это моя вина?

— Знаете что, другъ мой,—такъ она еще не звала его,—и вы, и тѣ, кто на васъ похожи, не хотите понять, что надо теперь выказать настоящую мудрость...

— Змѣвиную?—подсказалъ онъ.

— Во что вы вѣрите?.. Въ народъ?.. Въ его силы?.. Ему хотите служить?.. Васъ не даромъ же считаютъ народникомъ... Для него все и дѣлается теперь...

— Для него?—спросилъ Кустаревъ, и глаза его сверкнули.

— А то для кого же?.. Если время его не настало, то къ этому идетъ. Поднятіе дворянства, купцы... все это такъ, между прочимъ, но подо всѣмъ онъ сидитъ...

Щеки ея розовѣли. Кустаревъ не отрывалъ отъ нея глазъ.

— Какъ Илья Муромецъ!—вымолвилъ онъ полунутя.

— Послушайте, Евменій Филипповичъ! — Она подошла къ нему, взяла его руку и оперлась на нее, продолжая

глядѣть туда, гдѣ куполъ русской часовни освѣтился внезапно полосой заката. — Я не мѣчу ни въ умницы, ни въ политическія женщины, но я бы съ радостью положила всѣ свои силы на то, чтобы убѣдить человѣка, какъ вы, и помочь ему развязаться со своимъ предразсудкомъ.

— Это какъ?..

— Да, съ предразсудкомъ!.. Вы считаете унизительною сдѣлкой то, чего требуетъ служеніе вашему же идеалу... Господи!.. Какой-нибудь отважный путешественникъ, Ливингстонъ, Стэнлэй, развѣ они для достиженія своей безкорыстной цѣли не будутъ ладить даже съ каннибалами, только бы имъ уйти дальше, открыть то, чего никто до нихъ не видалъ?.. Вамъ не нравится этотъ примѣръ? Ну, вотъ, возьмите вы Францію. Вчера, за табль-д'отомъ, одинъ французикъ, изъ мѣстныхъ дворянъ, маркизъ, говоритъ: „я не признаю той дряни — онъ сказалъ „capaille“, — которая править моею страной, поэтому для меня остается одно средство служить родинѣ — быть солдатомъ, что я и дѣлаю“.

— Я и буду пахать землю, — перебилъ ее Кустаревъ. — Хозяйствовать мнѣ противно... пойду въ простые батраки...

Эти слова звучали наполовину сарказмомъ, наполовину искренней исповѣдью.

— И что же вы этимъ измѣните въ положеніи народа?.. Полноте, Евменій Филипповичъ! Такимъ, какъ вы, надо служить народу сверху, а не снизу. Возьмите, да и скажите себѣ: не хочу состоять въ добровольной опалѣ, сдѣлаю такъ, что во мнѣ почувствуютъ надобность тѣ, кто власть имѣетъ...

— А потомъ и очутишься въ Сохиныхъ.

— Значить, въ васъ также сидѣлъ Сохинъ и не представлялось только случая. По-моему, лучше познать себя, чѣмъ жить въ самообманѣ и въ безсильной тоскѣ по живому дѣлу.

Рѣсницы ея поднялись, и два глаза, ласковыхъ и съ поволокой, вызванной внутреннимъ волненіемъ, остановились на немъ.

Его начало точно что согрѣвать въ груди. Онъ не хотѣлъ спорить и почувствовалъ въ ея словахъ откликъ и на вопросы, приходившіе ему раньше, когда онъ сталъ опять сильно тосковать по каедрѣ, съ годъ тому назадъ.

— На каедре, — продолжала она, — вамъ теперь нѣтъ

пути, или отъ васъ потребуютъ доказательствъ отреченія отъ всего вашего прошлаго. Надо проникнуть туда... выше...

Фраза ея прозвучала не громкимъ, но яснымъ серебристымъ звукомъ. Кустаревъ прервалъ ее:

— Не пора ли и внизъ?

Она не отнимала своей руки, и они, держась плотно одинъ къ другому, начали спускаться по тропинкѣ, по пали въ лабиринтъ узкихъ и длинныхъ дорожекъ, обсаженныхъ апельсинными деревьями, постояли на площадкѣ передъ мраморнымъ столомъ, гдѣ хозяинъ виллы вырѣзалъ число и годъ, когда тутъ кушали какія-то высокія особы, прошли черезъ гущу нижняго сада и молча, ускоривъ шагъ, направились къ выходу.

Справа крестъ византійскаго купола зажегся отъ послѣдняго луча зари.

Анна Гавриловна долго глядѣла туда благодарнымъ взглядомъ: часовня помогла ей много, очень много.

Подъ своей рукой она ощущала руку человѣка, уже прильнувшаго къ ней душою.

Будь Кустаревъ французъ, онъ подумалъ бы съ испугомъ:

„Tu es très forte! Tu vas me rouler“.

Но онъ былъ русскій хорошій человѣкъ, съ наружностью суроваго практика и съ сердцемъ младенца, жившаго по книжкамъ, которыя вдругъ оказались не ко двору.

XVIII.

На виллѣ Званцева, въ Больё, съ утра замѣтно было гораздо больше движенія, чѣмъ обыкновенно. Лакей Батистъ, кухарка Франсина и маленькій грумъ Пьеръ, нанятый всего нѣсколько недѣль назадъ, готовились къ приему и угощенію гостей между завтракомъ и обѣдомъ.

Построенный въ генуэзскомъ стилѣ, домъ былъ не обширенъ, въ два этажа, съ розовой окраской стѣнъ, покрытыхъ темными фресками, съ мраморной террасой и лѣстницей, спускавшейся въ садъ—тоже довольно тѣсный, по-русски сказать, почти палисадникъ, весь полный фруктовыхъ деревьевъ, уже старыхъ пальмъ и оливъ, кактусовъ съ плодами, магнолій и тропическихъ папоротниковъ. Цвѣты, гіацинты и левкои, росли кое-гдѣ вдоль куртинъ, но ими хозяинъ не занимался и особаго садовника не держалъ.

Званцевъ купилъ виллу прошлой зимой, случайно, пожилъ на ней всего нѣсколько недѣль, заскучалъ на Ривьерѣ, никому не отдавалъ ее внаймы и въ эту зиму попалъ сюда,—опять случайно,—изъ Парижа, откуда его выгнала пренепріятная зима и гдѣ онъ страшно тосковалъ на разныхъ засѣданіяхъ, куда его звали, какъ члена-корреспондента одного изъ отдѣленій института, чѣмъ онъ совсѣмъ не кичился.

Въ началѣ третьяго часа, онъ лежалъ на широкомъ диванѣ, обитомъ богатой восточной матеріей, и читалъ „Figaro“. Это было въ самой большой комнатѣ нижняго этажа, служившей ему и кабинетомъ, и гостиной. Со стѣнъ смотрѣли два цѣнныхъ гобелена, въ нишѣ стояло рѣзное бюро чернаго дерева, но отдѣлка не выдавала богача, получавшаго до милліона дохода.

Рядомъ—столовая, гдѣ трудно было помѣстить больше десяти человѣкъ, съ дубовой мебелью. Въ эту минуту дверь туда стояла затворенной, и звонъ посуды докладывалъ о томъ, что Батистъ и грумъ готовятъ все къ чаю,—съ холодной ѣдой и шампанскимъ въ кувшинахъ,—который подадутъ около пяти часовъ.

Наверху было три спальни и уборная. Вездѣ попадались книги. Нѣсколько книжныхъ шкаповъ стояли и на площадкахъ обоихъ этажей. Ящики съ книгами лежали и въ подвальномъ этажѣ, отведенномъ подъ прекрасный погребокъ съ металлическимъ переборомъ для бутылокъ.

Дверь изъ столовой пріотворилась. Батистъ, не старый еще малый, съ бритымъ, смѣшнымъ лицомъ кучера, доложилъ:

— Voilà du monde, qui nous arrive, monsieur!

Онъ состоялъ третій годъ при дачѣ, въ должности привратника, а когда Званцевъ жилъ тутъ, то превращался въ камердинера и надѣвалъ коричневую жакетку.

Лѣнливо поднялся съ дивана Званцевъ, оправилъ жилетъ на своемъ все растущемъ вширь животѣ и покачивающейся поступью слишкомъ высокаго мужчины вышелъ на террасу.

Желѣзная рѣшетка воротъ была сквозная, красиваго рисунка, сдвленная двумя столбами, такими же розовыми, какъ и стѣны дома.

Съ террасы открывались, оставляя одинъ изъ отелей влѣво, кусокъ моря и дальній уголъ прибрежныхъ скалъ. Для этого Званцевъ приказалъ отрубить верхушки двухъ

оливъ, къ немалому огорченію Батиста, получавшаго доходъ со всѣхъ фруктовыхъ деревьевъ сада.

У воротъ остановилась двуконная викторія, откуда только что сошли Ермиловъ и графъ Загаринъ.

Чахоточнаго поэтака хозяинъ виллы не зналъ даже и въ лицо, но вспомнилъ, что Ермиловъ просилъ у него позволенія привезти одного русскаго „декадента“, какъ онъ выразился. Точно такъ же случайно попадетъ къ нему и другое русское общество черезъ Сипунова, того любителя рулетки, что столкнулся съ Ермиловымъ и Кустаревымъ въ кабачкѣ, около Вилла-Франки.

Онъ былъ очень радъ: нужна же аудиторія для Карусъ и Благомирова, которые будутъ у него пѣть. Ермиловъ познакомилъ его съ Куликовыми, а Куликовы привезутъ Кустарева.

— Какая у васъ прелесть!

Возгласъ входящаго Ермилова звучалъ первой попавшейся любезностью. Къ природѣ и даже къ колориту моря онъ дѣлался равнодушенъ съ возрастающей быстротой; да найдись у Званцева и рѣдкостныя „objets d'art“, онъ врядъ ли бы сталъ ихъ обнюхивать и потрогивать, какъ это бывало съ нимъ не больше года назадъ.

По дорогѣ къ террасѣ Ермиловъ поднялъ мандаринъ, валявшійся подъ деревомъ, и крикнулъ хозяину:

— Вы позволите помародировать?

У него еще оставалась прежняя дѣтская слабость къ лакомствамъ, къ фруктамъ. Онъ тутъ же началъ очищать мандаринъ и раздѣлять его на красивыя розоватыя дольки.

Графъ Загаринъ, въ ваточномъ пальто петербургскаго покроя и въ калошахъ, шелъ за нимъ, весь согнувшись, и жмурился отъ солнца.

Званцевъ принялъ его съ лаской скучающаго богача, который привыкъ смотрѣть на свой домъ какъ на трактиръ, хотя и терпѣть не могъ пріемовъ. Но „декадентъ“ немного интересовалъ его со словъ Ермилова.

— Хотите въ комнаты? — заботливо спросилъ онъ графа. — Вамъ, быть-можетъ, свѣжо здѣсь?

— Въ пальто мнѣ хорошо, — отвѣтилъ Загаринъ, съ усмѣшкой челоуѣка, тоскующаго по убійственному для него климату сѣверныхъ столицъ.

— За нами, — объяснилъ Ермиловъ, оглядывая садъ и фасадъ виллы, — ѣдетъ компанія господина Сипунова и пріятель графа, Гриша Капцовъ, на велосипедѣ.

— Изъ Ниццы?—спросилъ съ любопытствомъ Званцевъ.

— Изъ Ниццы! И одно время перегонялъ насъ. Онъ и графъ — два полюса изъ нынѣшней генераціи молодыхъ людей—культъ своего психическаго „я“ и спортъ во всѣхъ его формахъ!..

— Это сводится къ тому же, — сиплымъ фальцетомъ откликнулся Загаринъ. — И такіе атлеты, какъ мой пріятель Григорій Капцовъ, живутъ также для возбужденія въ себѣ извѣстныхъ чувственныхъ эмоцій, потому что мышцы его требуютъ этого, но наслаждается опять-таки мозгъ, хоть и не развитой.

Званцевъ медленно улыбнулся и не безъ любопытства оглядѣлъ поэта.

— Вы, я слышалъ, послѣдователь парижскихъ декадентовъ?—спросилъ онъ благодушно и прищурилъ на Загарина свои круглые, скептическіе глаза.

— Декадентовъ?.. Нѣтъ-съ, я отъ нихъ отошелъ. Они слишкомъ пропахли литературничаньемъ. И во мнѣ еще недавно сидѣлъ индивидъ, воображавшій себя непризнаннымъ новаторомъ русскаго сонета!

Онъ засмѣялся и закашлялся.

— Измѣнили, измѣнили!—вставилъ Ермиловъ.

— Кому?

— Да хоть тому же Хозе-Маріа Эредіа?

— Мнѣ сдается, что и вы—въ другой фазѣ вашей психіи. Прежняго дилетантства, если вы позволите мнѣ такое опредѣленіе, я въ васъ не вижу. Вы, вѣроятно, живете другими эманациями своего „я“?

„Ахъ, ты, щенокъ! — выбранился про себя Ермиловъ, чувствуя, какъ на него устремлены блестящіе каріе глаза чахоточнаго, пытливые и какъ будто насмѣшливые. — И ты знаешь, чѣмъ я теперь живу?“

Но онъ не отвѣтилъ ни остротой, ни рѣзкостью. Ему было все равно. Черезъ четверть часа должна пріѣхать съ поѣздомъ Анна Гавриловна. Въ рамкѣ этой виллы онъ будетъ наслаждаться ея присутствіемъ, какъ бы жестоко ни вела она себя съ нимъ, какъ бы явственно ни выказывала своего чувства къ Кустареву.

Трескъ колесъ по плохо убитой дорогѣ оповѣстилъ о слѣдующей партіи гостей.

— Вонъ! Смотрите, Викторъ Сергѣичъ,—указывалъ рукой Ермиловъ.—Велосипедистъ обогналъ ихъ и здѣсь!

Гриша Капцовъ уже слѣзалъ съ двухколеснаго велоси-

педа, когда пара тяжелого ландо еще не поравнялась съ воротами.

— Да еще онъ одѣтъ не профессионально, — замѣтилъ Званцевъ, — въ сапогахъ, а не въ башмакахъ и чулкахъ.

Велосипедистъ успѣлъ отворить дверцу коляски и высадить Мещерину.

За ней вышли Сипуновъ и тотъ фатоватый русскій, фамилію котораго Ермиловъ твердо не зналъ, а хозяинъ виллы еще менѣе.

Пріѣхавшіе заговорили разомъ и очень громко. Чѣмъ-то до-нелзя отечественнымъ пахнуло отъ всей этой компаніи, гдѣ Капцовъ былъ сдержаннѣе и приличнѣе всѣхъ.

Званцевъ глядѣлъ на нихъ, и улыбка его говорила:

„Что-жъ, это будетъ настоящая русская публика“.

Но кромѣ дамы и троихъ мужчинъ изъ ландо вылѣзла еще мужская фигура, высокая, въ бараньей папахѣ и бешметѣ верблюжьяго сукна.

— Что это такое? — тихо спросилъ хозяинъ Ермилова.

— Я не знаю!

— Этотъ черкесь, — пояснилъ Загаринъ, — какой-то купеческій сынъ, ходившій на границу Индіи со своими караванами. Онъ сильно проигрался на-дняхъ въ Монте-Карло и, кажется, просилъ у администраціи на проѣздъ отходную — *le viatique*, какъ здѣсь называютъ. Я его больше не вижу въ игорныхъ залахъ.

„Полный комплект“, — думалъ Званцевъ, и ему становилось даже пріятно видѣть у себя такое характерное сборище русскихъ. Мещерина, укутанная опять въ свою брусничную накидку, ему нравилась: онъ любилъ пышныхъ женщинъ и самъ говорилъ про себя: „у меня вкусы грубые“.

У подножія лѣстницы Сипуновъ отрекомендовалъ хозяину все свое общество. Взявши черкеса за рукавъ его бешмета, онъ подвинулъ его впередъ:

— Кулагинъ, Артемій Ивановичъ! Ходилъ два раза въ Индію. Англичанамъ готовить пріятные сюрпризы. Именно въ здѣшнихъ краяхъ. Прошу любить да жаловать.

Ходившій въ Индію врагъ англичанъ, съ посадкой копвойнаго казака и съ лицомъ московскаго артельщика, показалъ бѣлые большіе зубы, приподнялъ свою папаху и не безъ достоинства сказалъ, все еще стоя у лѣстницы:

— Съ Викторомъ Сергѣичемъ Званцевымъ считаю за особую честь познакомиться.

И всѣ пятеро стали подниматься по мраморнымъ ступенькамъ.

XIX.

Къ четыремъ часамъ пѣніе кончилось. Дамы размѣстились въ саду у круглаго стола. Ихъ угощаль Капцовъ и русскій франтикъ, который такъ и оставался безъ фамиліи.

На террасѣ сидѣли Ермиловъ и Гремущинъ со стаканами чего-то въ рукахъ и глядѣли издали каждый на свою повелительницу. Изъ столовой раздавались мужскіе голоса. Тамъ Званцевъ предложилъ „пройтись“ по устрицамъ, и Сипуновъ съ патріотомъ въ бешметѣ схватились горячо за такую идею. Съ ними же были остальные мужчины—Кустаревъ и Куликовъ; голосъ Благомирова началъ доходить оттуда все могучѣе. Онъ вступалъ съ кѣмъ-то въ споръ.

— Силища,—вполголоса замѣтилъ Ермиловъ и кивнулъ головой въ сторону столовой.

Гремущинъ согласился съ нимъ молчаливымъ жестомъ, и по лицу его прошла дрожь подавленной горечи.

Онъ страдалъ за Доротею Васильевну.

Внизу, между толстухой изъ Петербурга и женой профессора, сидѣла она, разодѣтая, въ прозрачныхъ рукавахъ, съ цвѣткомъ въ прическѣ, съ подведенными слишкомъ явственно глазами, съ возбужденной кожей щекъ, и улыбалась.

Но она и здѣсь, полчаса тому назадъ, была побита „семинаристомъ“, хотя онъ пропѣлъ всего два маленькихъ романса. Онъ аккомпанировать себѣ не выучился и удовольствовался тѣмъ, что зналъ на память Капцовъ.

Теперь она вся преисполнена одного: уцѣпиться за баса, въ восходящую звѣзду его успѣха. Она чувствуетъ еще сильнѣе, что одной, безъ поддержки такого мужчины, ей не добиться извѣстности. Изъ „октавы“, на пѣвческій ладъ, онъ въ одинъ годъ превратился въ „basso cantante“, необычайнаго тембра съ бархатнымъ колоритомъ звука и силой лирическаго выраженія.

О ней совсѣмъ забыли, когда онъ кончилъ свой первый романсъ. Все было ясно для Павла Павловича. Не ревность глодала его, а обида за нее. Онъ предвидѣлъ, что Благомировымъ ей не овладѣть, ни въ какомъ видѣ. Не будетъ онъ ни ея мужемъ, ни пріятелемъ. И пойдетъ

рысканье изъ одной столицы въ другую, ловля этой высокодаровитой „дубины“. Ея талантъ заглохнетъ въ безплодныхъ попыткахъ, нервы и выдержка уйдутъ на суетный капризъ, вызванный славолубіемъ.

Слово „каботинство“ Гремущинъ не употреблялъ мысленно.

Другое думалъ его новый сообщникъ и другъ Ермиловъ.

Тотъ оглядывалъ вбокъ станъ и голову Анны Гавриловны, сидѣвшей ближе къ краю, и—въ который разъ!—испытывалъ ту тираническую власть „сочетанія чертъ“, о которой на-дняхъ впервые изливался Павлу Павловичу,—ея профиль, вырѣзь ноздрей, приподнятую бровь, уголъ рта, оскалъ зубовъ,—все собралось на одномъ лицѣ, чтобы производить на него неотразимое дѣйствіе. И станъ ея выдѣлялся между бюстами тѣхъ двухъ женщинъ, крупный и величавый, говорящій художнику и сластолюбцу. На всѣхъ мужчинъ она производила хоть частицу того же дѣйствія. Званцевъ началъ сладко поглядывать на нее и, навѣрное, сейчасъ спустится къ дамамъ и что-нибудь скажетъ ей, гораздо болѣе лестное, чѣмъ пѣвицѣ, которая изъ кожи лѣзла, чтобы всѣхъ мужчинъ настроить на восторги.

Онъ ждалъ, не повернетъ ли она голову, чтобы во взглядѣ своемъ обо всемъ этомъ доложить ей.

И Анна Гавриловна, разсѣянно слушая болтовню Мещериной о Петербургѣ, находила въ себѣ новую вѣру въ свое обаяніе. Тамъ, въ Москвѣ, она часто считала себя неумѣлой, почти совсѣмъ лишенной этого дара. „Старческая“ привязанность Ермилова была для нея не въ счетъ. Но здѣсь, на Ривьерѣ, съ каждымъ часомъ росла ея сила, всеокрушающая сила красоты, направленной такимъ мозгомъ, какимъ надѣлила ее родная Москва.

— Павелъ Павловичъ!—тихо окликнулъ Ермиловъ.

— Что угодно?

— Вѣдь такъ еще долго будетъ на Руси, что овладѣвать стоящими женщинами будутъ „направленцы“.

— Какъ вы назвали?

— Направленцы... Это не мое слово. Я его взялъ въ какой-то газетѣ. Смотрите—одинъ намъ ровесникъ...

Гремущинъ понялъ, что онъ намекаетъ на своего товарища, Кустарева.

— Другой — на двадцать лѣтъ моложе. Обрубокъ съ евангельскимъ обликомъ и бацищемъ. Но не въ одномъ

голосъ тутъ сила и не въ его иконописномъ благообразіи. А въ томъ, что онъ съ подоплёкой... Нужды нѣтъ, что онъ будетъ куши зарабатывать въ Лондонѣ и Америкѣ, все-таки онъ „направленецъ“, говоритъ жалкія слова и самъ считаетъ себя великимъ грѣшникомъ за то, что не пострадалъ хоть за что-нибудь. Вотъ посмотрите, обѣ наши дамы — онъ хотѣлъ сказать: госпожи — то и дѣло оглядываются на окно въ столовую. Онъ ждутъ сюда обоихъ направленцевъ.

— Разумѣется!—вырвалось у Гремушина.

— Тѣ два ферта, — Ермиловъ протянулъ руку въ воздухъ, — даромъ, что молоды, только въ альфонсы къ такимъ вонъ вдовамъ и въ лизоблюды и годятся. Имъ глупо было бы завидовать.

— Господа!—прервалъ его возгласъ Анны Гавриловны. Она привстала съ желѣзнаго стула и крикнула въ широкое окно столовой.

Оттуда показалась голова Званцева.

— Mesdames! — вопросительно откликнулся онъ. — Что прикажете подать?..

— Мы васъ ждемъ сюда... Здѣсь такъ хорошо, а мужчины забились въ столовой и все ѣдятъ...

— Здѣсь сильный споръ завязался между двумя молодыми людьми, графомъ и Благомировымъ.

— Пускай они при насъ продолжаютъ его.

— Исполню ваше приказаніе.

Голова Званцева исчезла.

Но черезъ минуту онъ первый вышелъ на террасу, а за нимъ, продолжая громкій разговоръ, Загаринъ и Благомировъ. Позднѣе показались Кустаревъ и Куликовъ, со стаканами въ рукахъ.

У Загарина на щекахъ горѣли два пятна, глаза ярко блестѣли, худая шея съ крутымъ адамовымъ яблокомъ вздрагивала отъ нервной пульсациі. Благомировъ, напротивъ, поблѣднѣлъ отъ выпитаго вина и внезапнаго настроенія, овладѣвшаго имъ отъ потребности показать передъ всѣмъ этимъ обществомъ, о чемъ способна была скорбѣть его душа, даже и теперь, когда передъ нимъ открывалась дорога къ славѣ и большимъ деньгамъ.

Споромъ съ поэтикомъ онъ воспользовался только какъ предлогомъ. Въ лицѣ его передъ нимъ суесловила какая-то „паршивая“ теорія самоуслажденія, что-то ему до отвращенія чуждое и наикостное, закутанное въ хитроспле-

тенную діалектику, понадерганную изъ такихъ же пакостныхъ заграничныхъ книжекъ.

Онъ радъ былъ случаю показать и меценату Званцеву, что его одолженію, его денежной поддержкѣ, тотъ, настоящій Благомировъ, не очень-то признателенъ. То же почти самое онъ уже сказалъ ему на-дняхъ, на этой же виллѣ, когда привозилъ ему деньги, а Званцевъ сталъ отказываться отъ пріема ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ бросилъ деньги на письменное бюро, проговоривъ:

— Можете, коли не угодно назадъ брать, послать въ Россію,—я укажу кому.

На что Званцевъ отвѣтилъ:

— Коли это такимъ, которые воображаютъ, что они спасутъ міръ послѣ того, какъ не оставятъ камня на камнѣ, то лучше пожертвую на устройство колодца, вонъ тамъ на шоссе, гдѣ всегда ужасная въ полдень жара отъ раскаленныхъ утесовъ.

Такъ деньги и остались на бюро.

— Если вы артистъ,—задыхаясь, жидкой фистулой, говорилъ теперь Загаринъ, забѣгая впередъ,—вы живете только для мозговыхъ эмоцій...

— Точно нарочно выбралъ сюжетецъ!—шепнулъ Ермиловъ Гремущину.

— Вамъ угодно,—обратился Званцевъ къ дамамъ,—чтобы пренія продолжались при васъ?

— Угодно... угодно!..—отвѣтила за всѣхъ Анна Гавриловна.

— Въ такомъ случаѣ надо учредить какой-нибудь порядокъ... Господа диспутанты, извольте сѣсть вотъ сюда, противъ дамъ... Кто-нибудь,—Званцевъ указалъ на Куликова,—вотъ хоть профессоръ будетъ спикеромъ, и давать, и отнимать слово.

Онъ оживился этимъ импровизованнымъ диспутомъ, хотя впередъ зналъ, что почти всякій русскій споръ старыхъ или молодыхъ людей остается всегда безпорядочнымъ и стихійнымъ.

Всѣ только что разсѣлись полукругомъ, какъ изъ окна столовой выглянули двѣ головы — Сипунова и москвича въ бешметѣ съ красными лицами и съ салфетками за галстукомъ.

— Господа!.. Милостивые государи!—крикнулъ Сипуновъ.—А позвольте васъ спросить, какое нынче число?

Ему никто сразу не отвѣтилъ.

— По-русски, сегодня тридцать первое декабря! Такъ позвольте провозгласить тостъ и пожелать всѣмъ счастья и благоденствіи!.. Тамъ у насъ теперь уже давно вечеръ!.. Такъ оно въ самый разъ и выйдетъ!

Предложеніе успѣха не имѣло. Только петербургская барыня вслухъ подумала:

— И въ самомъ дѣлѣ! Завтра нашъ новый годъ!

— Ваше здоровье! — крикнулъ Сипуновъ, поднимая стаканъ.

Москвичъ въ бешметѣ чокнулся съ нимъ.

— А потомъ добрымъ порядкомъ на матушку-рулеточку, повертѣть грѣшнымъ дѣломъ въ Васильевъ вечеръ! Во здравіе князя Монако, Карла—счетомъ не знаю какого!

XX.

— Нѣтъ, ваше сіятельство!—Благомировъ всталъ и началъ расхаживать около самой высокой пальмы сада и обрывать листочки папоротника.—Вы изволите разводить антимонію на водѣ, потому что бѣжали отъ жизни, да и теперь полагаете свое благополучіе въ какихъ-то тамъ высшихъ міровыхъ экстазахъ!.. А мнѣ отъ жизни-то, отъ того, что меня за душу хватаетъ, уйти никуда нельзя... Да, вотъ, не дальше, какъ вчерашняго числа...

Онъ остановился, бросилъ ощипанную вѣтку папоротника и поглядѣлъ вверхъ затуманеннымъ взглядомъ, являвшимся у него въ такихъ настроеніяхъ.

Всѣ три женщины смотрѣли на него съ возбужденными лицами. Званцевъ грузно сидѣлъ на соломенномъ качающемся стулѣ и неопредѣленно улыбался. Кустаревъ стоялъ позади пальмы; два молодыхъ человѣка, особенно Капцовъ, попивали изъ своихъ стаканчиковъ съ гримасой, говорившей, что всякія такія пренія они считают смертельной тоской. Сипуновъ съ москвичомъ въ бешметѣ скрылись и продолжали доѣдать устрицы. Гремущинъ переглянулся съ Ермиловымъ. Куликовъ стоялъ за женой.

Графъ Загаринъ весь сгорбился на складномъ стулѣ и пощипывалъ плохо растущую бородку.

— Такъ вотъ-съ,—голосъ Благомирова все крѣпчалъ,—прохожу я по тротуару... на углу... забылъ, какъ эта улица называется... Но все одно... Лавочка подъ сводомъ, газеты продаютъ, разныя иллюстраціи, карикатуры, глянулъ я на торговца, вижу, нашъ братъ русакъ,—навѣрно утѣкъ.

безъ паспорта, одѣтъ плохо, волосы запущены. Во всѣхъ статьяхъ—горюнь. Я прямо ему: „Вы, молъ, россіянинъ?“ Разговорились. Нашлись у насъ пріатели, мои недавніе закадыки, которые изъ меня другого человѣка сдѣлать хотѣли. Узналъ отъ него, гдѣ они теперь. Да какъ представилъ себѣ, знаете, въ живыхъ картинахъ, каково имъ... Не съ кѣмъ слова сказать, утѣшайся сивухой, настоянной на махоркѣ... И все это за идею! А ты тутъ, Ефимъ Благомировъ, въ самомъ центрѣ западной культуры, хапай куши, поѣзжай услаждать заатлантическихъ друзей... Тебя достаточно вышколили твои профессора. И какъ подведешь баланецъ всей мерзости, какая засѣла хоть бы въ одномъ Миланѣ—душу воротить! Нешто не такъ, Доротея Васильевна? Вы-таки муштру-то проходили у итальянскихъ дебютныхъ дѣлъ мастеровъ?

Вопросъ заставилъ ее густо покраснѣть. Она его не ожидала, хотя съ первыхъ словъ Благомирова уже почувяла, куда онъ клонить.

Она знала не меньше его, въ какіе нравы попадаетъ всякій пріѣзжій ученикъ или ученица въ Миланѣ, гдѣ фабрикують дебютантовъ и дебютантокъ, сама не разъ возмущалась продажностью учителей, оперныхъ агентовъ, директоровъ и театральныхъ критиковъ. Но въ эту минуту въ ней заговорило профессиональное чувство. Выходка Благомирова показалась ей черезчуръ безтактной и фальшивой. Вѣдь онъ, небось, не отказался отъ ангажементъ въ Лондонъ и Америку, куши будетъ забирать, и въ то же время рисуется въ свои чувства, хочетъ выказать себя чуть не заговорщикомъ, человѣкомъ, солидарнымъ Богъ знаетъ съ кѣмъ...

Почти то же подумалъ и Званцевъ, кутившій сигару, съ полуопущенными рѣсницами.

— Шельма кутейникъ!—шепнулъ Ермиловъ Гремушину. — Это называется: именинникъ и на Анто́на, и на Онуфрі́я, какъ гоголевскій городничій.

— Быть-можетъ, и самъ этого не сознавая,—шопотомъ же отвѣтилъ Гремушинъ, встрепенувшійся отъ вопроса, обращеннаго къ Доротеѣ Васильевнѣ.

Какая должна въ ней подняться борьба чувствъ и побужденій! Лучше бы ужъ она поручила ему отвѣтить за себя.

Кустаревъ выступилъ изъ-за дерева и оживленно поглядывалъ на Благомирова.

Анна Гавриловна подалась грудью и немного откинула голову назадъ. Она уже чувствовала, что Евменія Филипповича задѣли слова Благомирова. Ему должна была поправиться выходка недавняго семинариста и учителя народной школы. Какъ красавецъ иконописнаго стиля, Благомировъ не вызывалъ въ ней никакого волненія. Но она была къ нему гораздо ближе, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ молодымъ людямъ. Онъ и Кустаревъ—люди одного покроя, только между ними разстояніе въ двадцать лѣтъ. Имъ принадлежитъ будущность родины, а не Загаринымъ, не Капцовымъ, не Ермиловымъ и не Куликовымъ,—всего менѣе (и она этому искренно радовалась) такимъ, какъ ея мужъ.

— Вы преувеличиваете,—сдержанно и съ двойственной улыбкой выговорила Доротея Васильевна.

— Я преувеличиваю? Царица Небесная! Отъ васъ ли я это слышу, Доротея Васильевна?

Онъ подошелъ къ столу, положилъ на него обѣ ладони, оперся на нихъ и сталъ ей приводить факты, называя имена, припоминать скандалы и кончилъ тѣмъ, что спросилъ ее въ упоръ:

— А корреспонденція, — помните, въ прошломъ году, когда я только что началъ свою учёбу, — которою такъ разъярились всѣ почти русскіе, — вы развѣ не знаете, кто ее написалъ?

И при этомъ словѣ онъ такъ на нее посмотрѣлъ, что всѣ догадались, кто былъ авторъ корреспонденціи. Гремущинъ выправлялъ ее, а составляла сама Доротея Васильевна. И онъ весь съёжился.

Ермиловъ пожалъ тихонько его руку и шепнулъ:

— Вашихъ рукъ дѣло, коллега?

Тотъ только вздохнулъ.

Щеки Доротеи Васильевны, подъ слоемъ желтой пудры, пошли пятнами. Она разсердилась по-актерски и готова была кинуть Благомирову нѣсколько рѣзкихъ выраженій, на которыя была очень скоро, когда въ ней просыпалась профессиональная женщина.

Но она тутъ же испугалась. Безъ этого „верзилы“, безъ этого лукаваго семинариста, ей не видать удачи; суевѣрное убѣжденіе укрѣпилось въ ней сегодня окончательно.

— Я не знаю, кто написалъ эту корреспонденцію, — глухо выговорила она. — Тамъ много правды. Дѣло не въ

томъ, Благомировъ. Итальянцы—взяточники и эксплоаторы. Но они же въ одинъ годъ могутъ поставить голосъ такъ, какъ поставили его вамъ. Викторъ Сергѣичъ слышалъ васъ всего годъ назадъ, въ Петербургѣ, у меня, и онъ одинъ можетъ судить, что изъ васъ сдѣлалось въ Миланѣ... А въ этомъ вся сила.

— Еще бы!

Возгласъ Званцева показывалъ, что онъ доволенъ былъ отпоромъ, какой давала басу его товарка по профессіи. Противъ этого народника-самородка у него осталось смутное раздраженіе, послѣ сцены на виллѣ, съ тѣмъ пакетомъ, который Благомировъ привезъ ему, какъ бы давая почувствовать, что меценатства онъ вообще не признаетъ и одолжаться никому не намѣренъ.

— Вы еще не кончили?—спросилъ Куликовъ дѣловымъ звукомъ спикера, наклоняясь къ Карусъ.

Его жена повела незамѣтно плечомъ, и въ ея глазахъ мелькнуло все пренебреженіе къ личности Виталія Орестовича, только и годной, по ея мнѣнію, распоряжаться на обѣдахъ, говорить слащавые и фальшивые речи и наблюдать за порядкомъ преній на скучнѣйшихъ засѣданіяхъ.

— Сію минуту, — откликнулась Доротея Васильевна и отпила глотокъ изъ своего стакана съ сельтерской водой.—Зачѣмъ, спрошу я васъ, Благомировъ, поддерживаете вы въ себѣ это раздвоеніе? Точно будто вы теперь отдались какому-нибудь постыдному дѣлу! Съ вашимъ громаднымъ талантомъ—она, скрѣпя сердце, льстила ему,—съ такой силой и стыдиться—чего? Искусства! Самого высокаго, что только есть въ мірѣ? Это надо бросить, другъ мой. Это не европейская черта. Это все въ васъ старья, русскія...

Она искала словъ.

— Дрожди! — подсказалъ Званцевъ, и многіе разсмѣялись.

Опять чувство боязни схватило за сердце Доротею Васильевну. Кажется, она перепустила мѣру. Онъ могъ страшно обидѣться смѣхомъ, вызваннымъ удачнымъ сравненіемъ Званцева.

— Искусство, искусство! — точно изъ металлическаго рога выналилъ Благомировъ и всталъ во весь ростъ, раскинувъ руки опернымъ жестомъ, усвоеннымъ въ Ита-

ли. — Одно дѣло искусство, а другое—актерство, афера, хапанье кушей, безпробудное хищничество!

— Такъ пойте даромъ, — уже гораздо рѣзче прервалъ его Званцевъ и барскимъ жестомъ сбросилъ пепель съ сигары.

„Tu m'embêtes, animal!“ — выбранился онъ про себя и по-французски.

— Мнѣ этого теперь ужъ потому нельзя, добрыйшій Викторъ Сергѣичъ, что я долженъ заработать тѣ деньги, которыя вы мнѣ изволили, чрезъ посредство Доротеи Васильевны, ссудить на мою учёбу!

Званцевъ явственно повелъ плечами, и жестъ этотъ говорилъ, что онъ начинаетъ находить поведеніе пѣвца безтактнымъ. То же почувствовали Ермиловъ и Гремущинъ. Куликовъ подумалъ, какъ бы не вышло непріятныхъ пререканій; оба молодыхъ человека около дамъ ровно ничего не подумали. Загаринъ брезгливо усмѣхнулся.

— Но вы, — все блѣднѣя, продолжалъ Благомировъ и опять заходилъ, — не хотите, господа, понять, что во мнѣ проснулось. Нешто я для рисовки? Вѣдь вы здѣсь русскіе люди! Можетъ-быть, что у насъ тамъ, на Руси, дѣлается сноснаго — и держится вотъ за это самое раздвоеніе, какъ Доротея Васильевна выразилась!.. Я плохо говорю, и нарушилъ ваше благодушество... Но ужли никто здѣсь меня не понимаетъ какъ слѣдуетъ?

Вышло молчаніе. Хозяину уже не хотѣлось ни спорить, ни читать нотаціи Благомирову. Глаза Анны Гавриловны вдругъ загорѣлись особеннымъ блескомъ.

Къ столу подошелъ Кустаревъ съ видимымъ желаніемъ говорить.

XXI.

Ему вспомнилось питье чая у портного Гусева, тогдашній Благомировъ, его колебаніе и укоры совѣсти. И онъ почувствовалъ себя близко къ благообразному басу. Одинъ онъ, во всемъ этомъ обществѣ, понималъ его, да, быть-можетъ, еще Анна Гавриловна, его новая пріятельница.

Ихъ взгляды встрѣтились. Кустарева точно кто дернулъ внутри за какую-то пружинку, и онъ молодымъ, задухшевымъ звукомъ откликнулся:

— Я васъ очень и очень разумѣю и сочувствую вамъ. Совершенная правда: одно дѣло — искусство, другое — хищничество.

Званцева эти слова заставили заворочаться на его качающемся креслѣ.

Онъ вытянулъ ноги и, прищуривъ глаза, остановилъ ихъ на Кустаревѣ.

— Мнѣ кажется, — заговорилъ Званцевъ брезгливо и медленно, — что къ искусству-то не слѣдовало бы примѣшивать нашей злосчастной народнической подоплеки... Во-первыхъ, во всемъ этомъ есть безсознательная фальшь, а во-вторыхъ, какъ мы ни носимся съ нашими русскими теоріями морали и цивизма, у насъ не умѣютъ даже поставить голоса какъ слѣдуетъ, на что сейчасъ указала m-lle Карусъ.

— Разсужденія Павла Кирсанова и резонера изъ тургеневскаго „Дыма“, — отрѣзалъ Кустаревъ, и брови его сразу нахмурились.

Званцевъ сжалъ ноги подъ ободокъ сидѣнья и выпрямился.

— Что жъ! Это не преступленіе, — возразилъ онъ съ явственной ироніей въ тонѣ. — Умныя рѣчи всегда лестно повторять!

Въ воздухѣ запахло вдругъ накопившимся электричествомъ. Старая рознь готова была, по поводу миланскихъ профессоровъ пѣнія, перейти въ принципиальный, чисто русскій споръ.

Куликовъ нагнулся къ женѣ и съ веселыми глазами шепнулъ ей:

— Преніе можетъ быть очень интереснымъ. Кустареву достанется на орѣхи.

Она даже не взглянула на него и про себя выговорила слово, не особенно лестное для Виталія Орестовича.

Она вѣрила въ то, что Евменій Филипповичъ, если тотъ баринъ-меценатъ схватится съ нимъ, выйдетъ побѣдителемъ. Такъ же чувствовала и Доротей Васильевна. Она кляла себя внутренно за свою безтактность и должна теперь быть на сторонѣ тѣхъ, кто готовъ поднять чуть не на смѣхъ Благомирова и затѣваетъ препирательство съ его защитникомъ.

Вдова Мещерина, подъ шумъ начинающагося спора, сказала, наклоняясь къ Капцову:

— Гриша, подлей-ка мнѣ немножко.

Капцовъ остановилъ ее взглядомъ. Она вспыхнула и попросила извиненія глазами на выкатѣ.

— Начнуть теперь канитель, — пожаловалась она потомъ.

— Мы удеремъ къ обѣду въ Монте-Карло.

— На велосипедѣ?

Она избѣгала мѣстоименій.

— Обязательно!.. Вы обѣдайте въ Hôtel de Paris. Мнѣ ѣсть не хочется.

Онъ щелкнулъ языкомъ и засунулъ руку въ карманъ, какъ онъ это привыкъ дѣлать, когда отворачивалъ бѣлую подкладку своего студенческаго сюртука.

Черезъ пять минутъ оставлены были позади, за тысячу верстъ: искусство, миланскіе профессора, хищничество и хапанье кушей. Благомировъ только слушалъ, отойдя къ пальмѣ, и пилъ слова Кустарева, очутившагося на краю стола, въ полуаршинѣ отъ Званцева, который пересталъ качаться на стулѣ и, подавшись всѣмъ своимъ большимъ туловищемъ впередъ, говорилъ громко и увѣренно, не щадилъ ни сарказма, ни искренней горечи.

— Да скажите, пожалуйста, господа народники, — раздался его возгласъ, — кто же, какъ не вы, уже больше десяти лѣтъ назадъ, началъ травить интеллигенцію, кто развелъ повсюду эту постыдную крамолу, и противъ чего? Противъ науки, противъ знанія, противъ законовъ природы. Вы носите ученые степени, и въ каждомъ изъ васъ, господа, сидитъ врагъ положительнаго знанія! мистикъ! отрицатель цивилизаціи и культуры!

— Пошлой цивилизаціи, — да!

— Вотъ видите, у васъ все такъ... Пошлая цивилизація!.. Эксплоататорская наука! Гербертъ Спенсеръ — пошлякъ! Такъ зачѣмъ же вы въ оппозицію играете? Позвольте васъ спросить! Почему многіе изъ васъ состоятъ, по доброй волѣ, не у дѣлъ, считаютъ себя не ко двору?.. Мы, презрѣнные либералы, мы дѣйствительно не у дѣлъ и не ко двору!.. А вы? Allons donc! — грудной потой воскликнулъ Званцевъ и поднялся со стула. — Да! вы самые настоящіе патріоты своего отечества. — Онъ быстро взглянулъ на окно виллы и потомъ выговорилъ: — Вотъ ваши союзники, въ родѣ того чаепродавца, желающаго пустить подметныя грамоты народамъ Индіи!..

— Позвольте-съ! — угрюмо остановилъ Кустаревъ.

— Нѣтъ, баринъ, не позволю-съ! — на этотъ разъ съ полной безцеремонностью кинулъ Званцевъ и грузно задвигался на одномъ мѣстѣ. — Ни подъ какимъ видомъ не

позволю, хотя я и ушелъ теперь окончательно отъ всякихъ россійскихъ дѣлъ, вѣяній, теченій и мистическихъ благоглупостей! Не позволю-съ! Логика нужна, государи мои, или простая честность. Ни другихъ не морочить, ни себя. Вотъ недавно покался одинъ заграничный разрушитель и *avec armes et bagages* перешелъ въ станъ столповъ отечества. Не вижу причинъ, почему каждому изъ васъ не сдѣлать того же?

— Отступникомъ быть!—грянулъ басъ Благомирова.

Онъ даже рванулся отъ своей пальмы.

— Вы это серьезно изволите? — блѣдный и съ дрожащей нижней губой спросилъ Званцева Кустаревъ.

У Анны Гавриловны точно мотылекъ затрепеталъ въ груди. Она закрыла глаза, но не отъ страха, а отъ полноты душевнаго волненія.

Вотъ онъ и насталъ моментъ, когда на Кустарева найдеть наитіе, о какомъ она такъ страстно мечтала за него, и онъ очутится „у дѣла“ и добьется высшаго вліянія на дѣла своей родины.

— Вы не видите разницы между этимъ... индивидомъ... и нами? — спросилъ Кустаревъ съ тѣмъ же дрожаніемъ нижней губы.

— Тотъ куда погуще васъ забиралъ — это правда, но ему только казалось, будто онъ непримиримый врагъ извѣстнаго порядка вещей. Углубился въ себя теперь — и почувствовалъ, что тутъ было простое *mal-entendu*, и что его мѣсто тамъ, гдѣ онъ теперь благополучно и обрѣтается... Не первый и не послѣдній!..

Званцевъ отошелъ къ террасѣ и взглядомъ пригласилъ Ермилова и Гремущина согласиться съ нимъ.

Ни тотъ, ни другой ничего не сказали, но отвѣтили наклоненіемъ головы.

— Все это забавная мистификація!—раздалась фистула Загарина.

— А! вотъ оно что!..

Голосъ у Кустарева перехватило, и онъ хотѣлъ разразиться однимъ изъ своихъ взрывовъ, знакомыхъ его московскимъ пріятелямъ, но сдѣлалъ шагъ къ столу, налилъ себѣ изъ кувшина розоватаго искристаго питья изъ шампанскаго съ ананасомъ, отхлебнулъ и заговорилъ короткими фразами, тономъ, въ которомъ чувство своего превосходства и своей правоты было сильнѣе желанія отплатить за обидныя слова.

Все съ полуопущенными рѣсницами слушала Анна Гавриловна... Нѣтъ! Онъ не станетъ мальчишески горячиться!.. Тонъ хорошъ, очень хорошъ. Оружіе противника онъ обращаетъ противъ него же.

Она чуть не захлопала.

— Что жъ, — слышался ей глухой голосъ Кустарева, слегка вибрирующій. — Нашему брату и придется разойтись окончательно съ тѣми, кто не полагаетъ разницы между нами и гасильниками. Надо умѣть приносить жертвы, когда живешь не для огражденія своего либеральнаго обличья, а для чего-то поважнѣе... Кто бы ни дѣлалъ то, что нужно для страны, какъ воздухъ, — это все равно! И мы были слишкомъ брезгливы—это вѣрно. Нужно играть роль не для роли, а для дѣла. И тѣ изъ насъ, кто много потерялъ времени зря, ограждая свое обличье, искренно каются и готовы взяться за умъ.

Да вѣдь это ея мысль, ея проповѣдь, тамъ, на вышкѣ, когда она стояла съ нимъ подъ оливами и глядѣла на русскую часовню!

— Вѣрно, вѣрно!—крикнула Анна Гавриловна, и ихъ взгляды опять встрѣтились.

Благомировъ тряхнулъ волосами.

— Что и требовалось доказать, — вдругъ упавшимъ и небрежнымъ тономъ выговорилъ Званцевъ и прибавилъ:— Резюме принадлежитъ господину спикеру.

— Каждый по-своему правъ,—рѣшилъ Куликовъ.

И опять его жена произнесла мысленно слово, еще менѣе лестное для Виталія Орестовича.

— Знакомый мнѣ староста, — обратился къ террасѣ Званцевъ,—повторялъ часто: „ничего, батюшка, изъ эстото не выйдетъ“. Такъ и изъ русскихъ диспутовъ.

Въ окнѣ столовой лоснились красныя лица Сипунова и его москвича.

— Милостивые государи! Позвольте и мнѣ вставить свое слово!—дурачливо началъ Сипуновъ.—Отечество любить надо, безъ этого нельзя!

— Покоряйтесь языцы, яко съ нами Богъ! — гаркнулъ его пріятель.

— Несомнѣнно! — иронически подтвердилъ Званцевъ и поглядѣлъ на двоихъ, сидѣвшихъ на террасѣ.

— Но время летитъ, — продолжалъ балагурить Сипуновъ.—А рулетка вертится! Пора и на поѣздъ! Дорогому

хозяину мы достаточно намозолили глаза и уши, надо и честь знать!

— Гайдà!—гаркнулъ человѣкъ въ бешметѣ.

„Повертѣть“ захотѣлось всѣмъ, кромѣ Ермилова и Гремущина.

— Вы съ нами?—спросила Анна Гавриловна шопотомъ Кустарева, крѣпко пожала ему руку и прибавила: — Благодарю!.. Въ добрый часъ!..

Онъ такъ же крѣпко отвѣтилъ на это рукопожатіе.

Всѣ столпились у рѣшѣтки, торопливо прощаясь съ хозяиномъ. Онъ изъ вѣжливости предложилъ кому угодно остаться у него обѣдать. На это предложеніе отвѣтили Гремущинъ и Ермиловъ. Имъ обоимъ почему-то захотѣлось побыть у Званцева до обратнаго вечерняго поѣзда.

— И вы на рулетку?—спросилъ съ усмѣшкой Загаринъ человѣка въ бешметѣ.

— Чѣмъ я хуже другихъ?

— А я слышалъ, вы получили отходную!

— Экая важность!—вмѣшался Сипуновъ. — Землякъ у меня штафиркой переодѣнется. Пропустятъ архангелы, не узнаютъ! Быть-можетъ, сегодня фортуны заполучить, и тогда трепещи, британецъ!

Кто-то засмѣялся. Всѣ двинулись гурьбой къ станціи.

XXII.

Комната съ гобленами стояла въ полутемнотѣ. Въ нее проникалъ сквозь прозрачныя шторы сизый лунный свѣтъ и боковая желтая полоса отъ лампы, стоявшей въ столовой, на буфетѣ, чрезъ полуотворенную дверь.

Хозяинъ виллы „Рутенія“ лежалъ на оттоманѣ. Его два гостя тоже полужакали въ мягкихъ креслахъ, одинъ въ нишѣ, гдѣ стояло бюро, другой около двери на террасу. Огонь сигары въ рукѣ Званцева краснѣлъ маленькимъ ободкомъ.

Они давно уже отобѣдали. Лампу, съ согласія своихъ гостей, хозяинъ крикнулъ Батисту вынести. Ихъ кейфъ затянулся, но за обѣдомъ они много говорили, возбужденные во-время прерваннымъ споромъ, грозившимъ перейти въ перебранку.

Званцеву — онъ это самъ сказалъ имъ — было досадно, что онъ вступилъ въ такое препирательство съ „господиномъ народникомъ“, — онъ такъ звалъ Кустарева.

Безъ рисовки сталъ онъ говорить, до какой степени

ему все ganz Schnurre,—его любимая нѣмецкая поговорка. Ермиловъ сталъ, не возражая ему, подводить итоги ихъ генераціи защитниковъ Европы, науки, творчества, красоты и приманокъ культуры, и, противъ воли, впалъ въ тонъ глумленія надъ такими, какъ они трое. Онъ все чаще выставлялъ впередъ самого Званцева: его богатство, связи, ученую степень, имя за границей, его долгія порыванія къ земской и общегосударственной пользѣ. И что онъ теперь?.. Скучающій баринъ, даже не маньякъ какой-нибудь страсти или привычки. Онъ не выразился такими точно словами, но ничего не смягчилъ, желая вызвать въ самомъ Званцевѣ подтвержденіе его оцѣнки.

Тотъ только качалъ одобрительно головой; подъ конецъ, за десертомъ и ликерами, назвалъ имя одного изъ членовъ только что состряпаннаго министерства въ Парижѣ.

— А знаете ли вы, кѣмъ я его помню?

И онъ сталъ имъ рассказывать, съ брезгливой улыбкой богача, у кого столькіе состояли въ званіи кліентовъ,—какъ этотъ министръ былъ бѣдняга-репортеръ и составитель дешевыхъ книжекъ, являлся къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ, для исполненія всякихъ порученій, кропалъ въ мелкихъ листкахъ обличительныя статейки, произносилъ на скандальныхъ сходкахъ полушутовскіе спичи.

— И онъ сегодня excellence! — выговорилъ брезгливо Званцевъ, — и въ его рукахъ одна изъ самыхъ важныхъ отраслей государственнаго хозяйства Франціи. И повѣрьте, окажется еще дѣльнѣе остальныхъ своихъ товарищей по министерству.

На этомъ они встали изъ-за стола, и имъ не хотѣлось уже продолжать въ томъ же духѣ, когда они перешли въ серебристую прохладу полутемнаго салона.

Нѣсколько вопросовъ, заданныхъ Званцевымъ о трехъ дамахъ, бывшихъ у него на утрѣ, не вызвали игриваго разговора о женщинахъ, какъ бывало между нимъ и Ермиловымъ. Оба его гостя выказали странную уклончивость, особенно странную въ Ермиловѣ.

Нѣсколько минутъ они пробыли въ полномъ молчаніи.

— Господа, — заговорилъ Званцевъ, приподнимаясь на диванѣ, — у меня есть здѣсь барзакъ семьдесятъ четвертаго года. Въ бутылкахъ больше двѣнадцати лѣтъ; на дорогу посошокъ? Ваша компанія вернется вѣдь съ позднимъ поѣздомъ.

Оба гостя промолчали.

Званцевъ прикоснулся къ пуговкѣ электрическаго звонка. Батистъ въ это время ужиналъ съ кухаркой и грумомъ.

Грумъ подчищалъ ножикомъ все, что осталось недоѣдено отъ устрицъ и рыбы. У него была плотно остриженная голова татарчонка, съ большими торчащими ушами. Его побаловывала Франсина, чувственная фламандка изъ Брюсселя. Она была въ раздумьи, когда прогремѣлъ звонокъ. Только сегодня узнала она отъ Батиста, какой „monsieur“ архимилліонщикъ, и ей стало жалко тѣхъ денегъ, которыя она могла бы еще украсть на провизію. Счетовъ ея никто не просматривалъ.

Батистъ обтеръ ротъ, выпилъ хорошій глотокъ краснаго вина и пошелъ въ салонъ все той же скорой, исполнительной походкой.

Сегодняшнимъ пріемомъ гостей онъ не былъ доволенъ. Каждой дамѣ онъ поднесъ по букету изъ цвѣтовъ сада, и ни одна, уходя, ничего ему не дала, думая, что это отъ хозяина. И отъ гостей, уѣхавшихъ въ Монте-Карло играть—это онъ понялъ,—не перепало ему ни одного сантимата.

„Ce sont des russes de pacotille“,—опредѣлилъ онъ про себя, но, какъ хитрый и осторожный туземецъ, не сказалъ этого вслухъ, за ужиномъ.

Приказъ о барзакѣ тысяча восемьсотъ семьдесятъ четвертаго года исполнилъ онъ охотно и подумалъ, что эти двое господъ, послѣ такого угощенія, навѣрно дадутъ ему хорошій „rougeboire“.

Вино было розлито имъ въ столовой и подано въ большихъ плоскихъ рюмкахъ.

Они попивали его все такъ же въ полутемнотѣ. Даже Гремущинъ похвалилъ букетъ вина.

И всѣ трое, по мѣрѣ того, какъ благородная влага разливалась по ихъ жиламъ, стали испытывать приступъ жалости къ самимъ себѣ. Жизнь повернула на склонъ книзу, и каждый изъ нихъ въ полнѣйшей мѣрѣ—„не ко двору“. Жалость переходила понемногу во враждебно-пренебрежительное чувство къ этимъ самобытникамъ, въ родѣ Благомирова и даже Кустарева, который кончитъ тѣмъ, что очутится „у дѣлъ“, во имя народа.

Первый заговорилъ хозяинъ виллы, когда поставилъ пустую рюмку на низенькій восточный табуретъ съ инкрустаціями.

— Нѣтъ, господа, посмотрите вы на нашихъ барынь. Вотъ вамъ два образчика. Та, толстуха, нашла себѣ какого-то велосипедиста; больше ей и не полагается! А другія двѣ... Кто ими будетъ владѣть, мы что ли, если бы мы и погибали по нимъ? Какъ бы не такъ! Вонъ такой семинаристище-народникъ! И отставной профессоръ — нужды нѣтъ, что онъ совсѣмъ сѣдъ—опять-таки народникъ!..

Онъ завозился на диванѣ и легъ на бокъ, лицомъ къ нимъ обоимъ. Ни Гремущинъ, ни Ермиловъ не могли заподозрить его въ желаніи сдѣлать намекъ на ихъ отношенія къ двумъ „интеллигентнымъ“ барынямъ. Но Званцевъ вслухъ выговорилъ то, съ чѣмъ каждый изъ нихъ мирился, какъ безправный рабъ страсти, — конечно, неизвѣстной хозяину виллы.

Оба молчали, прихлебывая вино, и сливались съ нимъ въ чувствѣ къ „самобытникамъ“.

— И этотъ эксъ-профессоръ, — продолжалъ Званцевъ, все еще лежа на боку, лицомъ къ нимъ, — по-моему, только въ другомъ костюмѣ, тотъ же купеческій братъ, ходившій въ Индію мутить народъ противъ англичанъ.

Товарищеское чувство проснулось въ Ермиловѣ.

— Ну, это вы слишкомъ, Викторъ Сергѣевичъ!

— Нѣтъ, не слишкомъ, Ермиловъ. Вамъ слѣпнуть глаза мундиръ, ученая степень, вся повадка русскаго народника. Подъ всѣмъ этимъ сидитъ тотъ же купеческій сынъ въ бешметѣ, воображающій себя Ермакомъ Тимоѣевичемъ. Видѣли, какая у него разбойничья рожа? У бешмета? Онъ, если бы могъ, съ шайкой нагрязнулъ бы на Монте-Карло и потомъ, послѣ воровскаго разгрома, билъ бы челомъ княжествомъ Монако.

Оба гостя тихо разсмѣялись.

— Холопство! Атавизмъ холопства! Передъ кѣмъ-нибудь да падать ницъ и стучать лбомъ. Прежде писалось въ челобитныхъ: „холопъ твой Ивашка“, а теперь изъ народа сдѣлали идола—и ему холопствуютъ тѣ же Ивашки.

И на это ничѣмъ не откликнулись гости: они, вѣроятно, въ послѣдній разъ переживали душой горечь всѣхъ такихъ итоговъ. Все это было позади. Вѣдь они, и до ихъ послѣдней душевной фазы, стояли въ сторонѣ отъ русской жизни: одинъ писалъ свою книгу о возможности счастья на землѣ; другой не зналъ ничего кромѣ женщинъ, моды, литературнаго дилетантства. И все это слетѣло съ обоихъ, и позади у нихъ ничего.

Въ одно время точно кто ихъ дернулъ за руку. Каждый изъ нихъ приподнялся съ желаніемъ посмотрѣть на стѣнные часы въ столовой.

Званцевъ угадалъ и сказалъ имъ:

— Вы успѣете, господа! Поѣздъ пройдетъ около двѣнадцати, да еще опоздаетъ минутъ на десять.

Но имъ обоимъ больше уже не сидѣлось.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ виллы проводилъ ихъ до воротъ сада. Сзади шелъ Батистъ.

Всѣ деревья и кусты, пальмы, магноліи, мандарины, оливы, кактусы, подъ тихими и холодящими лучами полуночнаго мѣсяца, стояли недвижно, синевато-зеленые, бросали отъ стволовъ рѣзкую тѣнь на влажный дернъ и на хрящеватый песокъ дорожекъ. За домами, черезъ дорогу, искрилось чешуей взморье, а справа вспыхивалъ и пропадалъ огонь маяка.

Ночь должна была вызвать въ обоихъ товарищахъ по судьбѣ если не восклицаніе восторга, то хоть двѣ-три похвалы; но они шли съ опущенными головами, молча, очень медленно. Гремушинъ слегка поддерживалъ Ермилова, замѣтивъ, что въ темнотѣ тотъ не увѣренъ въ своей поступи.

Батистъ слѣдовалъ за ними на нѣкоторомъ разстояніи. Передъ заднимъ фасадомъ станціи, какъ только они спустились мимо отеля, оставшагося влѣво, онъ пожелалъ имъ доброй ночи и спросилъ: не нуженъ ли онъ имъ еще на что-нибудь?

Оба встрепенулись, точно кто-нибудь ихъ разбудилъ.

Ермиловъ по лицу Батиста, освѣщенному луной, догадался, что надо ему дать франкъ, долго копался въ портмонѣ, доставая монету, которою Батистъ остался доволенъ, и еще разъ пожелалъ имъ доброй ночи.

Они взяли билеты перваго класса у соннаго кассира, перешли черезъ полотно къ каменному навѣсу, гдѣ имъ надо было дожидаться поѣзда. Служитель съ фонаремъ, въ темной суконной блузѣ, щелкнулъ щипцами по ихъ билетамъ и сказалъ имъ вѣжливо и тихо:

— Il y a un retard, messieurs...

Они пошли вдоль полотна, по дорожкѣ, и продолжали молчать. Имъ не хотѣлось изливаться; но они знали, что думаютъ одно и то же. Имъ было жаль того русскаго نابоба, что сейчасъ угощалъ ихъ барзакомъ 1874 года, гораздо больше, чѣмъ себя самихъ. У него ничего нѣтъ въ

жизни, никакой даже рабской, но прочной цѣни. И въ Европу, за которую онъ ратовалъ сегодня, онъ извѣрился. Ему все „ganz Schnurre“—это выраженіе Званцева пришло имъ обоимъ.

И вдругъ оба вздрогнули: раздался гулъ паровоза. А черезъ минуту и снопъ искръ протянулся полосой на фонѣ придорожныхъ садовъ.

Приближались ихъ повелительницы.

„У другихъ и этого нѣтъ“, — подумали они разомъ и поспѣшили къ навѣсу.

XXIII.

Кустаревъ вернулся въ отель съ утренней прогулки. Онъ побывалъ на кладбищѣ, положилъ новый вѣнокъ на могилу жены и долго стоялъ около рѣшетки, за которой на небольшой надгробной плитѣ были только что вырѣзаны имя и фамилія маленькой женщины.

Ему не было тяжело. Онъ не плакалъ. Но что-то забродило въ его головѣ, когда онъ медленнымъ шагомъ возвращался домой; щеки блѣднѣли не отъ свѣжаго морского вѣтерка, доносившагося съ набережной, а отъ хорошаго, внутренняго волненія, отъ сильной и бодрящей думы. Во взглядѣ раза два блеснула рѣшимость.

Сегодня онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву и наканунѣ уложился. Анна Гавриловна выбрала день общаго отъѣзда, и о немъ Кустаревъ еще вчера думалъ съ удовольствіемъ, мечталъ, какъ онъ поселится въ Москвѣ и какъ они часто будутъ видаться.

Придя въ отель, онъ позвонилъ гарсона и сказалъ ему, что остается еще на одинъ день, и счетъ, который онъ съ утра спрашивалъ, ему пока не нуженъ.

Гарсонъ отвѣтилъ:

— Très bien, monsieur!

И съ веселымъ лицомъ удалился. На столѣ лежалъ еще неуложенный дорожный бюваръ. Кустаревъ присѣлъ къ столу, досталъ листъ почтовой бумаги, обмакнулъ перо и вывелъ первую строчку:

„Многоуважаемая Анна Гавриловна!“

Но тотчасъ же послѣ того онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. Рука ерошила сильно посѣдѣвшіе волосы. Лобъ онъ хмурилъ.

— Нѣтъ, это трусость!—громко выговорилъ онъ, вернулся къ столу, взялъ начатое письмо и разорвалъ его.

Опять заходилъ онъ изъ угла въ уголъ, по своей неизмѣнной привычкѣ, сталъ усиленно курить и слегка жестикулировать правой рукой. Что-то онъ обдумывалъ въ подробностяхъ, какіе-то планы; а рѣшеніе было уже принято, и онъ больше не колебался.

Въ дверь постучали и, не дожидаясь его отвѣта,—онъ не разслыхалъ сразу стука,—отворили ее.

На порогѣ стоялъ Благомировъ.

— Евменій Филипповичъ! Ау!.. Пришелъ проститься. И вы никакъ собрались?

Кустаревъ ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, пересталъ курить, бросилъ окурокъ папирсы въ каминъ и протянулъ гостю руку.

— Ёдете сегодня?—спросилъ онъ.

— Да вотъ, Евменій Филипповичъ, я послѣ того словеснаго состязанія, на виллѣ „Рутенія“, вдругъ опять очутился на перепутьи!.. Ни дать, ни взять, какъ тогда въ Питерѣ, помните, у портного Гусева?

— Словесное состязаніе,—выговорилъ съ усмѣшкой Кустаревъ.—Всѣ-то мы—словесники, батюшка мой! И такъ, и этакъ! Надо эту двойственность бросить. Вы въ чемъ же опять колеблетесь? Въ Америку ѣхать доллары наживать или вернуться въ захоластную деревню и грамотѣ ребятишекъ учить? Такъ это вы оставьте! Отправляйтесь прямо въ Гавръ или Ливерпуль, садитесь на пароходъ и начинайте свои гастроли. Искусъ будетъ первосортный. Коли васъ мамона не заберетъ, тогда и узнаете себѣ цѣну.

Тонъ Кустарева былъ вовсе не шутливый. Благомировъ сѣлъ на диванъ, встряхнулъ головой и выговорилъ медленно:

— Это вы въ осужденіе мнѣ?

— Не одному вамъ, а, быть-можетъ, и себѣ также. Очень мы съ своей подоплекой носимся, батюшка мой, а чуть приманка... деньги ли, слава или женская прелесть—и пошелъ и такъ, и этакъ.

Онъ не договорилъ, поглядѣлъ на часы и взялся за шляпу, лежавшую на ободкѣ камина.

— Прощайте, дружище! Мнѣ пора. А вы когда?

— Съ вечернимъ поѣздомъ, на Парижъ.

— Всего прекраснаго!

Благомировъ всталъ и близко подошелъ къ Кустареву.

— Евменій Филипповичъ, вы никакъ отъ меня отшатнулись? За что же?

Онъ положилъ руку на плечо Кустарева.

— Нешто вы меня, и въ самомъ дѣлѣ, въ гнуснецы записали? Не такого напутствія ждалъ я отъ васъ. Чаялъ я, что вы и оттуда, изъ-за моря, позволите къ вамъ обращаться, чтобы душевное-то свое обличіе сохранять...

— Эхъ, Благомировъ!—перебилъ его Кустаревъ,—прямолинейность вещь хорошая, только не всѣмъ она дается. Я и самъ чуть-чуть одну ногу не завязилъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Про это я знаю. Ну, добраго пути! Еще разъ повторю: коли отъ янки вернетесь вы человѣкомъ, а не поющей машиной, зашибающей доллары и фунты стерлинговъ,—благо вамъ будетъ. Тогда и потолкуемъ!

Они обнялись.

— Куда же вамъ писать?—спросилъ Благомировъ.—Въ Москву?

И на этотъ вопросъ Кустаревъ не сразу отвѣтилъ.

— Въ редакцію... оттуда перешлютъ.

Они вышли вмѣстѣ. Благомировъ еще разъ пожалъ ему руку и съ поникшей головой зашагалъ по направленію къ набережной, а Кустаревъ узкимъ переулкомъ поднялся къ вокзалу желѣзной дороги.

Съ ближайшимъ поѣздомъ на Геную онъ долженъ былъ ѣхать съ Куликовыми. Анна Гавриловна сказала ему вчера:

— Заверните къ намъ, выпьемъ посошокъ. Вещи ваши отправьте. Ихъ сдадутъ. И мы сдѣлаемъ точно то же. Мой мужъ объ этомъ позаботится.

И она такъ посмотрѣла на него, что онъ понялъ недосказанное ею:

„Вы, молъ, меня застанете одну“.

Куликовы жили на „Avenue de la Gare“, недалеко отъ заворота на желѣзнодорожную площадку. Въ сѣни ихъ отеля Кустаревъ вошелъ торопливой походкой и даже не спросилъ у швейцара, дома ли они. До поѣзда оставалось не больше сорока минутъ, и они могли не дожидаться его.

Въ первой комнатѣ ихъ номера, откуда вынесли весь багажъ, у окна стояла Анна Гавриловна и глядѣла на бульваръ.

Она поджидала его и быстро обернулась, заслышавъ его шаги.

— Евменій Филипповичъ! Наконецъ-то! — звонко и радостно воскликнула она.—Я думала, вы заболѣли. Мужа я уже отправила съ вещами. А ваши тамъ?

Вопросы свои она сыпала быстро, и обѣ ея руки протягивались къ нему ласковымъ и красивымъ движеніемъ.

На ней уже было дорожное пальто и шляпка съ большимъ щитомъ, бросавшая тѣнь на ея заалѣвшія щеки. Глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ также ласкали его.

— Анна Гавриловна, — заговорилъ Кустаревъ сначала съ наклоненной головой, — я въ Москву не ѣду.

— Почему?

Она тотчасъ же измѣнилась въ лицѣ.

— Почему? — повторилъ онъ. — Я могъ бы привести претекстъ.

— Если нельзя сегодня... мы подождемъ. Можетъ, — она немного запнулась, — деньги вамъ нужны? — спросила она тише.

— Не ѣду, — продолжалъ Кустаревъ, — потому что мнѣ этого не слѣдуетъ дѣлать.

— Я не понимаю, Евменій Филипповичъ! — голосъ ея дрогнулъ. — Присядьте, объясните.

Они сѣли у двери, въ позѣ людей, застигнутыхъ чѣмъ-нибудь внезапнымъ, требующимъ рѣшительнаго разговора.

— Отъ обширныхъ объясненій вы меня избавьте, Анна Гавриловна, — сказалъ Кустаревъ серьезно, почти сурово, — да вамъ и некогда. Билеты мужъ вашъ навѣрно уже взялъ. Пора и на станцію. И дипломатничать съ вами не стану. Мнѣ не слѣдъ въ Москву ѣхать, гдѣ мы съ вами будемъ встрѣчаться ежедневно.

— Такъ что жъ изъ этого?

— Я вѣ-ремя спохватился, Анна Гавриловна. Что-то моею волей овладѣвать начало. Это пошло съ той прогулки, надъ русской часовней. Сладкій ядъ вливали въ меня...

— Кто же это? Не я ли, Евменій Филипповичъ? — громче спросила она, и щеки ея совсѣмъ загорѣлись.

Она не сумѣла сдержать своего волненія.

— Я никого не виню. Но на сдѣлки съ тѣмъ, что теперь въ силѣ и почетѣ, — а я поддавался этому, — мнѣ не слѣдъ идти, Анна Гавриловна! Надо себя встряхнуть. Хочу опять студентомъ пожить, годокъ-другой, заново поучиться у нѣмцевъ, уйти отъ нашего суесловія. Довольно глодать себя тѣмъ, что „не у дѣлъ“. Надо оставаться самимъ собою, и быть всегда наготовѣ, и дѣлать то, что можно, въ данную минуту.

— Но кто же мѣшаетъ вамъ исполнить все это дома, гдѣ всякая честная работа такъ нужна?

— Послѣ, Анна Гавриловна, а не теперь, не на той наклонной плоскости, на какую я ступилъ.

Онъ всталъ.

— Это безповоротно?—спросила она, не глядя на него.

— Такъ точно.

— И кризисъ,—голосъ ея дѣлался глуше,—произошелъ въ васъ такъ, ни съ того, ни съ сего, въ одинъ день?

— Совсѣмъ уложился—еще вчера съ ночи. А нынче... у Гари побывалъ, сходилъ съ ней попрощаться...

— Тамъ васъ и озарило?

Вопросъ звучалъ почти злобно.

— Тамъ меня и озарило,—отвѣтилъ онъ просто и значительно.—Она бы порадовалась, если бъ могла чують, съ чѣмъ я пришелъ домой...

Больше онъ ничего не сказалъ. Съ души его спала тяжесть. Онъ медленно перевелъ дыханіе.

— Но вы вернетесь?—вызывающе спросила она.

— Вернусь, когда нужно будетъ. А теперь добраго пути! Вамъ пора.

Она молча пожала ему руку и не удерживала его. Кустаревъ въ дверяхъ обернулся и прибавилъ:

— Мужу вашему мое почтеніе и Ермилову.

— Вы не хотите съ ними проститься?

— Имъ не до меня будетъ.

Дверь затворилась за Кустаревымъ. Анна Гавриловна больше минуты стояла посреди комнаты и одергивала вуалетку своей шляпы. Нервные вздрагиванія замѣтны были въ углахъ рта.

„Ушелъ!—мысленно говорила она.—Ушелъ—и навсегда! Гоняться за нимъ—безполезно. Ему дороже всего голубиная чистота его души. Прямолинейность“...

— Прямолинейность!—уже громко сказала она, подбѣжала къ электрическому звонку около двери и позвонила.

Поклонъ Кустарева мужу и Ермилову звучалъ въ ея головѣ. Вотъ съ кѣмъ ей предоставилъ онъ быть счастливой, на комъ испытывать свою власть и свое обаяніе, и съ каждымъ годомъ все глубже и глубже уходить въ тѣ сдѣлки съ жизнью, куда она такъ незамѣтно и сладко тянула его...

— И не надо!—вскрикнула Анна Гавриловна, подошла къ зеркалу надъ каминомъ, поправила вуалетку и долго-долго глядѣла на себя...

Оглавленіе V тома.

	СТР.
НА УЩЕРБѢ. Романъ въ трехъ частяхъ.	
Часть первая.	5
Часть вторая.	141
Часть третья.	253

Boborykin, Petr Dmitrievič,

Sobranie romanov, pověstěj i razkazov P. D. Boborykina v 12 tomach priloženiek žurnalu 'Niva' na 1897 g

Bd.: 5

1897

Bamberg, Staatsbibliothek -- Eph.misc.o.93(Beibd.1897,1#5
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11833900-4